

Николай Глубоковский,

ординарный профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи.

~~~~~

ПО ВОПРОСАМЪ
ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ
(СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ)
и
ОБЪ УЧЕБНОМЪ КОМИТЕТѦ
ПРИ СВЯТЪЙШЕМЪ СИНОДѦ.

In necessariis unitas,
in dubiis libertas,
in omnibus autem caritas.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Синодальная типография.
1907.

102475

МОЕМУ УЧИТЕЛЮ
ПРОФЕССОРУ
Алексѣю Петровичу
ЛЕБЕДЕВУ

съ почтенiemъ и призна-
тельностю.

ОТЪ АВТОРА.

Въ существенномъ, все содержаніе предлагаемаго сборника относится къ моимъ работамъ, такъ или иначе связаннымъ съ дѣятельностю Предсоборнаго Присутствія. Я вовсе не думалъ издавать особо своихъ случайныхъ и фрагментарныхъ сообщеній, но настойчивыя внушенія авторитетныхъ и компетентныхъ лицъ (даже изъ тѣхъ, которыя далеко не раздѣляютъ всѣхъ моихъ воззрѣній) нравственно склонили измѣнить свое рѣшеніе. Въ самое неудобное для меня время миѣ приходится выпускать свои рефераты, доклады и замѣтки во всей ихъ первоначальной неупорядоченности и повышенной порывистости. Питаю единственную надежду, что мой выстраданный и искренній трудъ будетъ небезполезенъ хоть для возбужденія важнѣйшихъ духовно-учебныхъ вопросовъ, какъ плодъ опыта и наблюденій со стороны человѣка, жизнь котораго во всякомъ случаѣ принадлежитъ духовной школѣ и богословской науки всенчѣло, неизмѣнно и безраздѣльно...

Н. Г.

Спб., 1907, VI, 10 (воскресенье)—
день Св. Троицы.

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

	Страницы:
Посвящение	III
Отъ автора	V
Объ основахъ духовно-учебной реформы и о желательныхъ типахъ духовно-богословскихъ школъ	1—11
Къ вопросу о постановкѣ высшаго богословскаго изученія въ Россіи...	11—13
О типѣ средней духовной школы и о наилучшей постановкѣ пастырскаго приготовленія: 1—3	14—21
 Духовныя Академіи:	
1. О существѣ, характерѣ и системѣ богословскаго научно-академического преподаванія.	22—46
2. О планѣ академического преподаванія.	47—53
3. Объ организаціи студенческихъ занятій при изученіи академическихъ наукъ и объ устроеніи студенческой жизни.	53—60
4. Объ отношеніи епархиального архіерея къ Духовнымъ Академіямъ...	60—61
5. О приготовленіи академическихъ преподавателей и объ ученыхъ академическихъ званіяхъ.	61—72
6. Вопросъ о присужденіи Духовными Академіями ученыхъ степеней по философскимъ наукамъ.	72—79
Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ и состояніе духовной школы — въ исторической перспективѣ.	80—148

Объ основахъ духовно-учебной реформы и о желательныхъ типахъ духовно-богословскихъ школъ¹).

Жалобы на неудовлетворительное состояніе духовной школы издавна раздавались со всѣхъ сторонъ и съ каждымъ годомъ усиливаются въ своемъ тонѣ, достигая рѣзкаго напряженія. Для устраненія разумѣемыхъ недостатковъ уже съ половины прошлаго столѣтія принимались разнообразныя мѣры—и въ видѣ широкихъ реформъ, и путемъ отдѣльныхъ исправленій и улучшеній. Однако надлежащаго успѣха не достигалось, и дѣло шло вовсе не къ лучшему, если и не прямо къ худшему. Посему мы должны допустить, что причина кроется не въ частныхъ несовершенствахъ, коль скоро совсѣмъ не устраивается частичными преобразованіями. Настало, кажется, время взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности и—не съ осужденіемъ духовной школы, а съ благодарностью ей за выполненную миссію—констатировать, что корень зла лежитъ въ самомъ ея существѣ, откуда возникаетъ принципіальный вопросъ: не отжили ли свой вѣкъ наличныя духовно-учебныя формы? По своимъ задачамъ духовная школа имѣеть цѣллю постепенному подготовлять духовно зрѣлыхъ людей, чтобы они потомъ могли посвящать себя духовному служенію въ Церкви²). Второе, предполагая свободное избрание, не вмѣняется всѣмъ духовнымъ воспитанникамъ въ непремѣнную общую обязанность,—и тѣмъ не менѣе именно оно является важнейшимъ для потребностей Церкви: послѣдняя въ своихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ готовить не просто образованныхъ религіозно-богословски членовъ, но собственно такихъ, которые были бы пригодны, способны и расположены исполнять специально-церковную благовѣстническую миссію. Эта сторона духовной школы безспорна по своему значенію и вполнѣ достойна того, чтобы стать исключительнымъ предметомъ духовно-педагогическихъ институтовъ. Но фактически этого пѣть, и теперешняя духовная школа—по преданію отъ временъ древнихъ—

¹) Этотъ предварительный эскизъ въ видѣ специальной «записки» былъ представленъ въ епархиальную комиссию, учрежденной при митрополитѣ С.-Петербургскому въ концѣ 1905 года для разсмотрѣнія вопросовъ о церковной реформѣ. Авторъ былъ тамъ членомъ по избранию совета С.-Петербургской Духовной Академіи. Въ первоначальной редакціи данный рефератъ напечатанъ въ невыпущенномъ для продажи сборнике: «Отзывы епархиальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ», часть III (Спб. 1906), стр. 151—157. Текущий докладъ расширенъ внесеніемъ дополнительныхъ примѣчаній.

²) Такъ, по словамъ митрополита Московскаго Филарета (въ «Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» № 39 за 24-е сентября 1905 г., стр. 1659 а, пунктъ III), «Семинарія... представляетъ организмъ, въ которомъ одна жизнь развивается и возышается, и наѣтъ вѣтвями и листьями общаго образования восходитъ духовный плодъ».

продолжаетъ нести широкую функцію воспитанія образованныхъ юношъ вообще. Тутъ нѣтъ внутренняго непримиримаго противорѣчія, и пастырское приготовленіе необходимо предполагаетъ общеобразовательное, опираясь на немъ. Однако здѣсь-то и усматривается со всему принципіальною несомнѣнностю, что два столь важные элемента не могутъ получить свойственаго развитія при такой совмѣстности, гдѣ они будутъ взаимно стѣснять и мѣшать другъ другу въ раскрытии своего достоинства. Естественно, что тогда оба эти элемента должны пострадать, хотя бы и не въ равной степени. Какъ разъ это и случилось съ нашою духовною школой. Она является двухстороннею и отъ этого бываетъ ослабленною въ самыхъ основахъ своего строя. Не буду особо касаться школы низшей¹⁾, потому что она, не сообщая своимъ питомцамъ никакой законченности, опредѣляется по своему характеру и содержанию школою средней. Семинаріе же, заботясь и объ общемъ образованіи питомцевъ, по необходимости отводятъ много мѣста свѣтскимъ предметамъ, которые въ первыхъ классахъ безусловно преобладаютъ надъ богословскими. Само собою понятно, что въ это время свѣтское преподаваніе стремится къ усовершенствованію питомца только въ своей области и безъ прямого ущерба для себя не можетъ приспособляться къ потребностямъ богословско-церковнымъ, въ немъ самому фактически ничуть не данимъ. Тогда неизбѣжно, что этотъ общеобразовательный элементъ не подходитъ непосредственно къ конечнымъ семинарскимъ цѣлямъ, и вѣнчшее объединеніе должно было вести къ тому, что послѣднія заслонялись и воспитанники къ нимъ вовсе не приспособляются. При всемъ томъ эта конечная задача воздѣйствовала на свѣтское образованіе, стѣсняя его объемъ, а потому пошло и дальше, когда предметы свѣтскіе перемѣшили съ богословскими. По добруму замыслу,—имѣлось въ виду устранить неблагопріятныя слѣдствія разобщенности, получилось же то, что свѣтскіе предметы оказались совсѣмъ угнетенными, чѣмъ воспитывалось опасное настроеніе, что богословіе давить образованіе и враждебно ему. Факты свидѣтельствуютъ, что эти чувства разгорались съ значительною силой у обѣихъ сторонъ и передавались въ общество, гдѣ иногда приобрѣтало остroe развитіе и вообще получали устойчивость привычного настроенія. Нѣть надобности упоминать, что это пепротивно и гибельно, а явилось потому, что и въ области духовнаго воспитанія непреложенъ грозный принципій: «кто не со Мною, тотъ противъ Меня»... Но, если общее образованіе въ Семинаріяхъ не получаетъ полнаго раскрытия и не соотвѣтствуетъ прямо конечнымъ задачамъ, то не менѣе страдаютъ и высшія религіозно-пастырскія потребности. Для подготовленія къ ихъ удовлетворенію нужно не одно предметное образованіе, пбо здѣсь еще болѣе необходимо воспитаніе цѣлостной настроенности, которая съ возможною точностю отражается на всемъ жизненномъ поведеніи. Само собою ясно, что совсѣмъ не воз-

¹⁾ О школѣ же начальной и совсѣмъ не говорю, такъ какъ съ нею связаны свои особые вопросы, не соприкасающіеся непосредственно съ потребностями и задачами церковно-пастырского приготовленія.

можно ввести и удержать подобный режимъ въ теперепіихъ Семинаріяхъ, разъ чуть не большая часть питомцевъ вовсе не желаетъ нести пастырскаго служенія.

Ближайшій итогъ всего,—что совмѣщеніе въ нашихъ Семинаріяхъ задачъ общаго образованія и реллгіознаго воспитанія вредно для обоихъ,—этотъ итогъ какъ будто подтверждается и нашими Духовными Академіями. Не видно сразу, чѣмъ собственно и специальнно способствуютъ наши Академіи осуществленію высшихъ потребностей церковнаго служенія. Конечно, богословіе разрабатывается въ Академіяхъ достаточно; но было бы большимъ заблужденіемъ думать, что ученый богословъ тѣмъ самымъ есть уже достойный и готовый учитель и служитель для Церкви и въ Церкви. Это—совершенно протестантская мысль; однако и въ протестантской Германії званіе «Doctor theologiae» присуждается собственно не путемъ сописанія за диссертацию, а дается свободнымъ провозглашеніемъ извѣстнаго лица тѣмъ или другимъ богословскимъ факультетомъ, какъ выразителемъ общечерковнаго сужденія; въ Англіи же D. D. (Doctor of Divinity) по закону долженъ обычно имѣть духовный санъ въ англиканской Церкви¹⁾. Очевидно, что даже богословская наука не служить сама по себѣ и непосредственно высшимъ церковнымъ потребностямъ, которыя не могутъ быть удовлетворены ею сполна. Въ нашихъ Академіяхъ это еще болѣе осложняется обилиемъ свѣтскихъ наукъ, которыя остались тамъ, какъ пережитокъ старыхъ временъ, когда всякое образование сосредоточивалось преимущественно въ духовныхъ школахъ. Не даромъ же ни одинъ въ мірѣ богословскій факультетъ не имѣеть подобнаго предметнаго конгломерата! Теперь свѣтскія дисциплины не находять себѣ достойнаго мѣста въ Академіяхъ, гдѣ онѣ не могутъ получить должнаго расцвѣта и не служатъ прямо церковнымъ богословскимъ потребностямъ. Засимъ не менѣе очевидно, что изъ двухъ послѣднихъ первыя, т.-е. задачи высшаго церковнаго служенія, не исчезаютъ и не достигаются научнымъ развитіемъ богословскаго знанія, какъ науки. Неизбѣжно, что вторая должна страдать отъ приспособленія къ такимъ цѣлямъ, которая выхо-

¹⁾ Дѣло по этой части фактически обстоитъ такъ. По статутамъ Оксфордскаго Университета, никто не допускается къ сописанію степени кандидата богословія, если не представитъ священическихъ грамотъ или формальнаго удостовѣрения изъ своего діоцеза въ ихъ законномъ получении. Для баккалавровъ (B. A.) и докторовъ богословія (D. D.) требуется еще, чтобы аспиранты выразили письменное согласіе съ «XXXIX членами» и «Книгою общихъ молитвъ». Весьма рѣдко особыми декретами конвокаций или «дипломами» даются богословскія степени ученымъ, не бывшимъ ранѣе членами Университета, а въ видѣ самаго крайняго исключенія онѣ присуждаются honoris causa, но уже безъ всей полноты правъ. Вообще, и въ Оксфордѣ и въ Кембриджѣ ученыя богословскія степени почти всегда присуждаются лицамъ изъ англиканскаго духовенства, хотя, напр., Кембриджскій профессоръ F. Crawford Burkitt достигъ докторства, доселъ оставаясь свѣтскимъ. По статутамъ Дэрхемскаго (Durham) Университета, баккалаврство доступно только священику и не менѣе 25-ти лѣтъ отъ рода, докторство же открывается лишь баккалаврамъ, состоящимъ при одномъ изъ Университетовъ Британской Имперіи. Таковъ ординарный порядокъ получения ученыхъ степеней (*to proceed to a degree*) въ Англіи, а при дарованіи ихъ honoris causa (*to confer a degree*) обычно усвояется награждаемому юридическое достоинство Doctor of Law, но не Doctor of Divinity.

дять за ея предѣлы, хотя и предполагаютъ ее въ качествѣ одного изъ пособій. Это не натурально по существу и на практикѣ сопровождается болѣшимъ взаимнымъ вредомъ. Въ этомъ убѣжалъ меня еще молодой профессорскій опытъ¹⁾, а послѣдующія наблюденія иллюстрировали и подтверждали его. Богословіе, являясь наукой, требуетъ научной свободы и научной независимости. Однако, культивируемое ограниченными человѣческими силами, оно всегда будетъ выражаться относительными успѣхами и само по себѣ никогда не дастъ догматически-авторитативныхъ результатовъ. Понятно, что Церковь не можетъ въ своихъ собственныхъ школахъ дозволить, чтобы за научные достоинства всякихъ своихъ работъ богословы сразу получали званіе «наставниковъ» (магистровъ) или «учителей» (докторовъ) богословія. Она не въ правѣ выпустить изъ своихъ рукъ самого строгаго контроля, а для богословской науки онъ будетъ несомнѣннымъ стѣсненіемъ и ничуть не полезнымъ тормазомъ. Дальше: Церковь, не подвергая себя риску отъ аппробаціи частныхъ научныхъ мышленій, должна будетъ отказывать въ своей санкції безспорно ученымъ богословскимъ трудамъ, разъ въ нихъ будетъ субъективно ограниченное истолкованіе религіозно-христіанской истины. Этимъ сама она лишается полезныхъ пособій человѣческаго разума, богословская же наука задерживается въ своемъ развитіи и лишается свойственной важности, поскольку оказывается подъ всегдашимъ сомнѣніемъ у вершительницы богословія—церковной власти. Съ другой стороны,—самостоятельная въ себѣ,—богословская наука ищетъ независимости и въ преподаваніи. Не только по запросамъ и влечениямъ времени, но по самому существу оказывается нужною законная автономія и въ педагогическомъ строѣ. Наоборотъ, Церковь, ставя специальные задачи, должна будетъ требовать строгаго соподчиненія имъ во всемъ педагогическомъ укладѣ, обязана держать неусыпный контроль и можетъ допустить развѣ то, чтобы каждый питомецъ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей индивидуально выполнялъ предъявленныя ею и добровольно имъ избранныя задачи подъ ея неослабнымъ наблюденіемъ. Эта коллизія—не случайная, а принципіальная и устраниится лишь съ удалениемъ обусловливающихъ причинъ. Послѣдня лежать въ не совсѣмъ натуральномъ совмѣщеніи цѣлей церковныхъ съ научными, почему здѣсь тоже требуется справедливое обоснованіе на началахъ дружеской солидарности и взаимной пользы.

Ко всѣмъ указаннымъ недостаткамъ прежнихъ духовно-педагогическихъ порядковъ необходимо присоединить, что и на практикѣ Церковь и наука не имѣютъ тѣхъ слѣдствій, на которыхъ онъ разсчитаны непосредственно. Первая должна была насаждать сѣмена и возвращать плоды вѣры въ людяхъ, вторая обязана вносить свѣтъ богословскаго

¹⁾ См. въ журналѣ «Странникъ» за 1897 г. (№ 8, стр. 519—540) мою статью: «Къ вопросу о нуждахъ духовно-академического образования» (за подписью «Н. Вачинский»). Это былъ рефератъ, предназначавшійся для образованной + митрополитомъ Палладіемъ (Раевскимъ) комиссии при С.-Петербургской Духовной Академіи «для разсужденій о желательныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующемъ академическому уставѣ (преимущественно—по воспитательной части)», и функционировавшей (безрезультатно) въ маѣ 1896 г.

въдѣнія въ христіанскія души, чтобы онъ и умомъ постигали то, чтѣ усвояютъ сердцемъ. На дѣлѣ вышло, что для самаго общества, служащаго объектомъ церковно-пастырского созиданія, пастырское служеніе стало казаться и трактоваться просто, какъ профессіональная должность, а не какъ необходимое посредство христіанскаго бытія всѣхъ и каждого. Въ свою очередь и наука богословская получила въ глазахъ свѣтскаго большинства такой видъ, что она имѣеть важность единственно лишь для профессіональныхъ потребностей «духовнаго сословія». Поэтому, если пастырей и учителей церковныхъ слушаютъ больше формально и обращаются къ нимъ лишь для выполненія необходимыхъ (граждански или житейски) обрядностей, то богословіе просто игнорируютъ и его не понимаютъ. Не удивительно, что и религіозное оживленіе въ свѣтскомъ обществѣ чаще возбуждалось богословами свѣтскими (А. С. Хомяковъ, Вл. С. Соловьевъ, гр. Л. Н. Толстой), чѣмъ присяжными, а люди, глухіе либо инертные къ голосу профессіональныхъ учителей и богослововъ, съ увлечениемъ и на пагубу себѣ слушаютъ самозванцевъ. Ясно, что богословское образованіе и богословская наука должны освободиться отъ прежней замкнутости, сдѣлавшись обязательными для всякаго одухотвореннаго воспитанія и выдѣлившись для удовлетворенія запросовъ религіознаго знанія, а приготовленіе къ пастырству и благоѣстничеству будетъ утверждаться уже на этомъ общемъ фундаментѣ, пользуясь свободнымъ влечениемъ образованныхъ людей всѣхъ классовъ, званій и состояній, лишь бы они изъявили искреннее желаніе посвятить себя церковному служенію.

Здѣсь можетъ возникнуть опасеніе, не рискуетъ ли Церковь остаться безъ достаточнаго контингента лицъ для выполненія своей миссіи. Это опасеніе тѣмъ серьезнѣе, что даже сейчасъ по мѣстамъ испытывается затрудненіе въ замѣщенії священническихъ вакансій, а затѣмъ оно смущало нѣкогда и Филарѣта, митрополита Московскаго¹⁾). Но что касается первого обстоятельства, то именно сама современная Семинарія, упорно сохраняя архаичній строй и обветшавшій жизненный укладъ, отпиваетъ живыя силы, ищущія простора для своего развитія и для созидательной работы соотвѣтственно наущеннымъ потребностямъ и жгучимъ запросамъ, разъ послѣдніе игнорируются всѣмъ семинарскимъ укладомъ и, пожалуй, чуть не прямо отрицаются сколастикою обученія и специфическою индивидуальностью воспитанія. Авторитетъ митрополита Филарета, разумѣется, огромный; но вѣдь съ тѣхъ поръ времена измѣнились, и нынѣ сама православная Русская церковь сознаетъ и чувствуетъ себя иначе. Теперь она стремится къ освобожденію отъ вѣнчаной опеки и желаетъ дѣйствовать независимо изъ самой себя даже при свободѣ исповѣданій. Это показываетъ, что Церковь увѣрена въ себѣ и увѣрена, конечно, въ томъ, что у нея будетъ достаточно пригодныхъ дѣлателей для самостоятельного выполненія своей святой миссіи. Иначе невозможно было бы и думать о независимости, если нельзя обойтись безъ принужденія и закрѣпощенія.

¹⁾ См. «Прибавл. къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» № 39 за 24-е сентября 1905 г., стр. 1659. 1661.

Не менѣе естественна тревога о судьбѣ богословской науки. Вполнѣ вѣроятно, что на факультетахъ она не во всемъ будетъ столь корректна и допустить послабленія въ сторону субъективной изыскательности со свойственными погрѣшностями. Но 1) тогда Церковь не будетъ ни принимать, ни санкционировать этихъ частныхъ попытокъ, ни отвѣтчи за нихъ, ограждая себя и отъ всѣхъ теперешнихъ неудобствъ; 2) богословская наука, будучи серьезною и честною, всегда останется посредницею познанія истины и не можетъ оказаться антицерковною принципіально, коль скоро Церковь есть носительница и провозвѣстница этой истины. Наши теоретическія соображенія подкрѣпляются п тѣмъ, что даже католичество, столь заботливое о неприкосновенности всѣхъ своихъ конфессиональныхъ особенностей, допустило однако (напр., въ Германіи) католические факультеты (наряду съ протестантскими) и извлекаетъ отсюда одну лишь пользу. Почему же о православіи мы должны думать такъ низко, что у него выйдетъ изъ аналогичныхъ институтовъ непремѣнно что-либо дурное и вредное?

Вообще, считаю для себя достаточно мотивированнымъ, что общее образованіе п специальному научному богословскому изученію лучше обосновать отъ церковно-пастырского приготовленія¹⁾. Здѣсь опять возможны разные пути, и многіе желаютъ возвратиться къ прежнему устройству, при которомъ въ Семинаріяхъ богословские предметы были значительно изолированы отъ свѣтскихъ. Я лично нахожу этотъ порядокъ совершенно неудобнымъ уже потому, что при немъ невозможно установить и воплотить укладъ, необходимый по требованіямъ пастырского служенія. Если и теперь является непрѣгодною однаковая дисциплина для всѣхъ

---

¹⁾ Это, однако, не должно вести къ полному ихъ расторженію. По сему предмету послѣ (на засѣданіи V-го отдѣла Предсоборного Присутствія 13-го марта 1906 года) мнѣю было сказано, что задача духовной школы заключается не въ томъ только, чтобы приготавлять пастырей, хотя это ближе всего нужно для практическихъ церковныхъ потребностей. Эта задача шире:—она состоять въ томъ, чтобы воспитывать въ христіанскомъ духѣ всѣхъ вѣрующихъ чадъ, и потому для нашей школы важно не одно профессиональное, но и общее образованіе. Духовная школа и нынѣ не есть собственно школа словесная, а церковная въ духовномъ вѣдомствѣ. Пусть изъ духовныхъ школъ пѣкоторые питомцы уходятъ на другой поприще; но и они не можемъ сказать, что они не наши, что они потеряны для Церкви, ибо служатъ ей-же на другихъ жизненныхъ путяхъ. Слѣдовательно, вопросъ касается какъ специальному богословскому, такъ и общаго обученія,—и обязательно съ однаковымъ вниманіемъ разсмотрѣть то и другое въ виду ихъ соотносительного значенія въ просвѣтительной миссии Церкви и по причинѣ взаимной обусловленности. Для сего нужно отдать общее гуманитарное образованіе отъ специальному богословскому и затѣмъ обсудить, какъ создать гуманитарную школу и особо школу церковную. Если при уставѣ Семинарій 1867 года въ V и VI классы, быть можетъ, поступали воспитанники болѣе ограниченные и имѣли потому, что дѣйствующій уставъ «богословски угнетаетъ» воспитанниковъ на протяженіи всего семинарскаго курса. Евангеліе—вещь прекрасная, несравненная. Но когда оно попадаетъ въ темную, непросвѣщенную среду, то что дѣлаютъ? Поступаютъ изувѣрно, кощунственно,—и все потому, что общее образованіе слабо. Значить, на этомъ-то фундаментѣ общаго образованія и нужно создавать церковную школу. И едва-ли народъ откажется давать деньги на содержание такой школы. Онъ будетъ привлечены въ нее, когда послѣдня станеть, по возможности, всесословною и всѣхъ желающимъ будетъ давать истинно-христіанско просвѣщеніе. Духовенство же для облегченія содержания своихъ дѣтей въ этой школѣ будетъ пользоваться прежними удобствами, стипендіями и т. п.

семинарскихъ воспитанниковъ, различныхъ между собою по возрастамъ на десятокъ лѣтъ, то тѣмъ болѣе немыслимо водворить пастырскій режимъ, а безъ него наша средняя духовная школа опять окажется не отвѣчающею нуждамъ Церкви. Очевидно, духовно - церковныя заведенія нужно отдѣлить отъ общеобразовательныхъ, а для богословской науки сформировать при Университетахъ православные богословские факультеты. При этомъ низшая и средняя изъ теперешнихъ инстанцій духовно-педагогической тріады сольются вмѣстѣ и составятъ пѣчто въ родѣ гимназій классического типа¹⁾). Необходимо желать, чтобы эти новыя школы получили особый характеръ по преемственности съ прежними и ради существенной пользы общаго образованія, для чего въ нихъ рекомендовалось бы введеніе болѣе широкаго и солиднаго преподаванія по религіозно-богословскимъ (христіанскимъ) и философскимъ предметамъ. Тѣмъ не менѣе это будуть уже не богословскія школы, и возникаетъ вопросъ о томъ, какой компетенціи онѣ должны быть подчинены. Но здѣсь замѣшпивается масса соображеній не педагогическаго, а практическаго и финансового свойства, гдѣ я совсѣмъ профанъ. Съ педагогической же точки зрѣнія я всегда считалъ вреднымъ расчлененіе одного дѣла по разнымъ вѣдомствамъ, и опытъ свидѣтельствуетъ, что — при такой разновѣдомственности — пѣзъ школъ въ школы взаимно передается не столько хорошее, сколько дурное. При сосредоточеніи же въ одиѣхъ рукахъ было бы и то удобство, что тогда открылась бы возможность равномѣрнѣе

¹⁾ Я — принципіальный сторонникъ классической системы образованія и не позволяю себѣ осуждать ее по бывшимъ у насъ уродливостямъ примѣненія, хотя нынѣ возстаютъ противъ него чуть не вся Россія въ лицѣ и малыхъ и великихъ (не исключая даже о. протопресвитера И. И. Янышева, допустившаго крайне рѣзкій отзывъ во 2-мъ изданіи своей книги: «Православно-христіанское ученіе о нравственности», Спб. 1906, стр. 194, прим.). Я не смотрю на языки съ утилитарной точки зрѣнія, а признаю ихъ необходимыми по особой важности для общаго образованія. Классические языки, будучи выработанными и образцами во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ, въ то же время знакомятъ насъ съ законченностью цивилизаций, на которой удобно изучать развитие извѣстныхъ началъ во всѣхъ фазисахъ и варіаціяхъ по такимъ богатымъ памятникамъ всякаго рода. Мы не знаемъ пока другой (кромѣ классической) столъ закопченной культуры, где можно было бы занимствовать подобные всесторонніе уроки прошлаго. Поэтому я стою за оставленіе въ духовной школѣ древніхъ языковъ (безъ ущерба для развития другихъ необходимыхъ знаній). Но, разумѣется, преодолаваніе ихъ нужно вести не такъ, какъ это дѣлается теперь. Въ этомъ случаѣ могла бы послужить добрымъ урокомъ наша старая школа, а не Толстовская, когда изучали языки механически. При томъ же, положеніе древніхъ языковъ и теперь въ Семинаріяхъ не безнадежно: въ нихъ есть дѣльные преподаватели, но всегда встречаются любители даже и среди воспитанниковъ, разъ они не рѣдко по убѣжденному рѣшенію поступаютъ въ специальныя филологическія заведенія (напр., въ Институты С.-Петербургскій и Нѣжинскій, не говоря объ университетскихъ филологическихъ факультетахъ). Напротивъ, я совсѣмъ мало сочувствую моднымъ идеямъ о загроможденіи духовно-школьной среды естествознательными элементами, которые — въ такомъ видѣ — скорѣе принесутъ ей только вредъ, развивая одно верхоглядство и пустое всезнайство. Данная мѣра не можетъ быть оправдана и съ точки зрѣнія ослабленія, яко бы, схоластического характера духовной школы. Упрекъ ей въ схоластицизмѣ есть не малое преувеличеніе. Вообще, я противъ введенія большого количества предметовъ, а между ними и противъ школьнаго увлеченія естествовѣдѣніемъ. Послѣднее частію не сложилось въ рациональную систему и частію проникнуто атеистическими тенденціями, почему въ первомъ отношеніи не имѣтъ особой образовательной цѣнности, во второмъ — опасно для націи по самому своему духу. Свѣдѣнія по естествознанію воспитанники могутъ пріобрѣтать путемъ самообразованія, которое будетъ вполнѣ доступно, если мы хорошо поставимъ преподаваніе математики и физики въ Семинаріяхъ.

распредѣлить источники просвѣщенія по обширному пространству Россійской Имперіи. Теперь обычно Гимназіи и Семинаріи, Прогимназіи и Духовныя Училища существуютъ другъ подъ друга въ немногихъ опредѣленныхъ пунктахъ, которые получаютъ двойный образовательный заведенія, между тѣмъ какъ масса даже важныхъ центровъ остается безъ удовлетворительныхъ образовательныхъ средствъ. При концентраціи высшей педагогической власти въ Россіи было бы легче увеличить количество мѣстъ съ организованными средними школами, если изъ двухъ существующихъ въ данпомъ городѣ одну перевести въ другой подходящій пунктъ. Опасенія касательно окончательного омірщенія (лаизациі) всего средняго образования считаю просто тенденціозными, не видя принципіальныхъ препятствій, почему бы въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія не быть гимназіямъ Духовшаго Вѣдомства. Впрочемъ, я вовсе не противъ того, чтобы послѣднія остались въ компетенції синодской оберъ-прокуроры или замѣняющаго ее установленія (напр., Министерства Исповѣданій), какъ теперь имѣется 11 Ієнскихъ Духовныхъ Училищъ, находящихся въ завѣдываніи Св. Синода (чрезъ посредство г. Оберъ-Прокурора) и вмѣстѣ съ тѣмъ состоящихъ подъ активнымъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны ¹⁾). При этомъ я всегда и рѣшительно предполагаю, что и при новомъ устройствѣ школъ духовенство будетъ съ обычною щедростю оказывать экономическую помошь своимъ дѣтямъ, пользуясь въ этомъ отношеніи рѣшительной автономностью, при чёмъ особыя учрежденія этого рода (напр., общежитія ²⁾)

¹⁾ Для настоящаго момента вынужденъ рѣшительно заявить, что передачу общаго образования изъ духовнаго вѣдомства въ свѣтское именно теперь я считаю мѣрою не только рискованной, но и прямо опасной. Къ этому не располагаю и новѣйшая реформаторскія замысленія относительно свѣтскихъ школъ, для чего см. у С. .І. Степанова, Обзорные проекты реформы средней школы въ Россіи, преимущественно въ послѣднее шестилѣтіе (1899—1905 гг.) въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1907 г., № 1, стр. 34—50; № 2, стр. 73—122. Статья составлена по официальнымъ материаламъ и даетъ систематическое ихъ изложеніе. У меня были подъ руками еще слѣдующие печатные документы: Журналы Ученаго Комитета за 1903—1904 гг.; Уставъ гимназій, прогимназій и подготовительныхъ школъ, исправленный въ засѣданіи 1-го іюня 1904 года; докладъ проф. Н. И. Холоднѣка объ отзывахъ начальствъ 12-ти учебныхъ окружъ по проекту устава среднихъ и подготовительныхъ школъ, выработанный Ученымъ Комитетомъ; Записка (отъ 1902 г.) Ф. Д. Самарина по вопросу о примѣненіи новой учебной реформы къ Московской 7-й Гимназіи.

²⁾ Многіе возражаютъ противъ общежитій, однако дѣло не собственно въ интернатахъ, а во многолюдствѣ воспитанниковъ Семинарій. Правда, въ интернатахъ масса зла, но еслибы пхт не было, то многіе ученики не имѣли бы возможности закончить свое образованіе. Говорятъ, въ интернатахъ трудно уѣздить за учениками, а когда они разѣбются по частнымъ квартирамъ—разѣ надзоръ будетъ легче? По моему мнѣнию, интернаты въ нашихъ школахъ—неизбѣжное явленіе, и нужно только возвысить, облагородить эти учрежденія. Для фактическаго подтверждѣнія своихъ мыслей напомню хорошо известный мнѣ примѣръ: въ 1906 году Вологодской Семинаріей было объявлено о закрытіи приема новыхъ полуансінеровъ въ общежитіе и о выселеніи изъ него прежнихъ—изъ нѣкоторыхъ (сѣверныхъ) уѣздовъ Вологодской губерніи; это распоряженіе вызвало страшное волненіе среди всего заинтересованнаго духовенства, которое оказалось въ крайнемъ затрудненіи относительно дешеваго и педагогически обезнеченнаго содержания своихъ дѣтей. А нужно еще замѣтить, что въ Вологодской Семинаріи никто, никогда и никого не стѣснялъ имѣть своихъ дѣтей на «вольныхъ квартирахъ». Значитъ, для духовной школы есть неустранимая нужда въ интернатахъ... De uno disce omnia! И теперь мы слышимъ, что—по поводу аналогичаго распоряженія въ Твери—изъ епархіи раздаются горькія сътвованія, что не приняли во вниманіе бѣдноты мно-

будутъ вполнѣ подчинены его власти во всѣхъ отношеніяхъ,—внѣ непосредственной зависимости отъ постороннихъ вліяній и давленій.

Я не законодательствую и не вырабатываю законченныхъ плановъ, но въ мѣру своего разумѣнія устанавливаю только основные принципы духовно-учебной реформы и намѣчаю лишь школьные типы. Съ этой стороны на основаніи вышеизложенного необходимо признать слѣдующее:

1) Церковь для подготовленія просвѣщенныхъ служителей къ исполненію своей исключительно великой и святой миссіи обязана имѣть специальная школы, по самому преподаванію, административному и жизненно-педагогическому режиму приспособленныя къ этой цѣли¹⁾.

тихъ родителей и «открыли ихъ наготу» (см. «Колоколь» № 392 за 23-е мая 1907 года, стр. 2, стб. 4—5).

¹⁾ Этимъ вовсе не предполагается введенія драконовской суровости. Наиротивъ, въ засѣданіяхъ V-го отдѣла Предсоборного Присутствія 29-го апрѣля и 1-го мая 1906 г. я прямо протестовалъ противъ крайнихъ стѣненій въ режимѣ духовной школы, искренно удивляясь тому, что Учебный Комитетъ осмѣшивался смотрѣть на Семинарію, какъ на тюрьму, откуда воспитанники не всегда выпускаются на прогулки, гдѣ существуютъ потаенныя аттестации и т. п. Я не приналожу къ защитникамъ подобныхъ мѣръ: они приумѣнны болѣе къ преступникамъ, чѣмъ къ ученикамъ, и никакихъ утѣшительныхъ результатовъ не приносятъ. Не въ духовно-воспитательныхъ учрежденіяхъ мѣсто для такихъ приемовъ, которые пытѣются даже изъ разныхъ «исправительныхъ заведений» чутъ не тюремного характера... Обидно, что духовное вѣдомство доселѣ не позаботилось совершенно изѣять этотъ вопросъ изъ числа педагогическихъ задачъ... Въ религіозной сфере палишнія формальности могутъ отучить отъ храма, какъ это несомнѣнно и теоретически и по многимъ горькимъ опытамъ послѣдняго времени. Бѣда была въ томъ, что на практикѣ не рѣдко замѣчались крайности. Напр., въ одномъ столичномъ Духовномъ Училищѣ заставляли мальчиковъ каждый день по утрамъ ходить въ церковь къ богослуженію, а затѣмъ уже идти въ классъ на уроки. Конечно, это—не нормальность. Но что ученики духовной школы обязаны посѣщать богослуженіе въ церкви,—это, по моему мнѣнію, необходимо и можетъ быть достигнуто сердечной заботливостью о воспитаніи внутренней религіозной настроенности и живой любви къ храму Божію привлечениемъ къ сознательному участію въ богослуженіи, посвѣщеніями касательно одухотворенной осмысленности и увлекающей величавости послѣдняго и т. п. Доселѣ съ отрадою вспоминаю большие всего мои училнические годы въ г. Никольскѣ, когда самъ смотритель † о. протоіерей Аристархъ Петровичъ Соколовъ совершилъ съ учениками богослуженія въ кладбищенской церкви,—и, не смотря на отдаленность ея отъ центра, туда охотно,—безъ особаго полицейского принужденія,—ходили всѣ воспитанники, привлекая массы горожанъ. Вмѣстѣ съ этимъ я не склоненъ и къ педагогическому оригинальничанью, когда хотятъ ввести въ духовную школу товарищескіе «суды чести», хотя этотъ институтъ сомнителенъ по своей полезности даже въ офицерской средѣ, а въ школѣ онъ просто неумѣстенъ среди тѣхъ, кто прежде всего долженъ пріучаться къ исполнительности и дисциплинѣ... Круговая порука вообще снимаетъ отвѣтственность съ личности и переноситъ ее на совокупность интомцевъ. Тогда получается господство массы. Но послѣдняя въ большинствѣ своемъ состоится изъ посредственостей,—и это большинство будетъ давить на всѣхъ, доводить все до своего уровня и тѣмъ затруднять прогрессъ школьнной жизни, не говоря о многихъ практическихъ ненормальностяхъ, какія несомнѣнны здѣсь даже въ школѣ (напр., укрывательство, партийные интересы и т. п.). По моему мнѣнію, и модный вопросъ о педагогическомъ «условномъ осужденіи» возбуждается довольно напрасно, ибо практически оно искони и вездѣ существовало въ духовной школѣ. Всегда ученикамъ долгое время прощаются и простукии ихъ, сначала не наказываются строго въ надеждѣ на исправленіе. Это была морально-педагогическая мѣра;—зачѣмъ же теперь ее регламентировать, лишить морального характера и превращать въ какое-то угрожающее средство?... Дозволите менѣ даже вопросъ о форменной одеждѣ. Русскіе не умѣютъ ни одѣваться, ни держать себя; въ этомъ отношеніи форма въ нашихъ школахъ полезна:—она пріучаетъ человѣка къ опрятности, заставляетъ его «подтягиваться ради мундира», сообщаетъ выдержку и общежительную дисциплину; нужно только позаботиться, чтобы эта форма не была уродливою, и воспитанники не стыдились ея, какъ иногда бываетъ пынѣ. Заграницы примѣры намъ не указъ, ибо тамъ всѣ школьники нынѣ уже домашнюю выправку,

2) Эта задача столь высока и — для успешного выполнения — требует такой всецлой сосредоточенности на ней всхъ учебно-педагогическихъ средствъ, что должна быть обособлена на практикѣ устройствомъ специальныхъ богословскихъ заведеній подъ непосредственнымъ надзоромъ церковной власти¹).

3) Въ виду сего, для общаго образования должны быть открыты отдельныя среднія школы обычнаго характера, но съ усиленіемъ религіозно-богословскаго и философскаго обученія.

4) Для удовлетворенія потребностей знанія въ области религіозно-богословской и для свободнаго развитія богословской науки, служащей запросамъ всякой мыслящей души, «по природѣ христіанки», слѣдовало бы сформировать и православные богословскіе факультеты при Университетахъ. Это conditio sine qua non для реформы Академій, потому что безъ соблюденія этого условия можетъ получиться страшно пагубный результатъ, что богословская наука, притушенная на своемъ послѣднемъ очагѣ, совсѣмъ погаснетъ, если свѣтильникъ ея не будетъ возженъ въ другомъ вполнѣ подходящемъ мѣстѣ.

Въ результатѣ всего у меня получаются такія принципіальныя желанія по реформѣ духовной школы:

I) Необходимо создать новыя или преобразовать прежнія духовно-учебныя заведенія на началахъ строгаго соотвѣтствія церковно-пастыр-

---

и форменные особенности въ костюмѣ допускаются лишь для вѣличайшаго различія. Однако форменная одежда въ школѣ существуетъ, напр., въ Англіи даже для студентовъ, а ужъ англичане ли не отличаются въ этомъ отношеніи корректностю?.. Вообще, во всемъ требуется разумный начальственный контроль, и его не могутъ нести «старшии», которыхъ предлагаются иные даже въ наши дни. Но бесспорные факты изъ практики ясно показываютъ педагогическую нецѣлесообразность этого учрежденія. Оно вызывало постоянныя недовольства, недоразумѣнія, вражду среди воспитанниковъ и ложилося тяжелымъ бременемъ на самихъ «старшихъ», а иногда пренебрежименно отправляло ихъ совсѣмъ. Все, такимъ образомъ, говорить прогнивъ возстановленія въ духовной школѣ института «старшихъ», извреженіе которого было истиннымъ торжествомъ студенчества Московской Академіи 80-хъ годовъ. Наоборотъ, были бы весьма желательны отвѣтственные классные надзиратели изъ преподавателей; только послѣдніеныѣ крайне подавлены уроками и необходимыми выѣкласными дѣлами, почему нельзѧ возлагать на нихъ еще новыя обязанности, если не будетъ уменьшено количество занятій при увеличеніи материального обеспеченія.

¹⁾ Здѣсь иногда выражалось, чтобы мѣстный Преосвященный, — подобно наблюдателю за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ заведеніяхъ, — былъ собственно надзирателемъ преимущественно по административной части. На засѣданіи V-го отдѣла Предсоборного Присутствія 4-го мая 1906 года я заявилъ, что совершенно не согласенъ съ разграничениемъ архиерейской власти по отношенію къ духовной школѣ. Представляютъ архиерою право смотрѣть только за пасажденіемъ религіи и нравственности, но можно спросить, какъ онъ уѣдѣдитъ за этимъ, когда всѣ свѣтскіе предметы будутъ препятствовать или хотя не содѣствовывать утвержденію вѣры? Вѣдь и на урокахъ ариѳметики и географии можно проводить идеи, противныя Церкви и христіанскому учению! Положеніе епископовъ, наблюдающихъ за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ заведеніяхъ, почти унизительно и не даетъ хорошихъ результатовъ, даже въ смыслѣ контрола... Если подобный порядокъ будетъ и у насъ, то въ такомъ случаѣ архиерою лучше ужъ напередъ совсѣмъ отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ школьнѣе дѣло и этимъ снять съ себя отвѣтственность за его состояніе, а для пастырскихъ интересовъ создать новыя учрежденія и принять особыя мѣры... Даже для Академій мнѣ совсѣмъ не нравится отводимое Преосвященнымъ только «понечительное наблюденіе», но его совершенной неясности и очевидной беспредметности, ибо эта формула — сама по себѣ — лишена определенного конкретнаго содержанія и на практикѣ можетъ подвергаться опаснымъ случайностямъ примѣненія...

скимъ потребностямъ для подготовленія просвѣщенныхъ пастырей изъ образованныхъ членовъ Церкви, по свободному рѣшенію желающихъ посвятить себя этому высокому служенію.

II) Общеобразовательная часть теперешнихъ Духовныхъ Училищъ и Семинарій сосредоточивается въ особыхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ (типа классическихъ гимназій) со всѣми правами и преимуществами параллельныхъ свѣтскихъ школъ, но съ тѣмъ отличіемъ отъ послѣднихъ, что въ новыхъ расширяется и усиливается религіозно-богословское и философское преподаваніе, соотвѣтственно его важности.

III) Богословская наука, служащая собственно потребностямъ ума, а не просто профессиональнымъ нуждамъ, требуетъ для своего развитія независимой, специальной и всесторонней разработки; посему для нея полезно образовать еще православные богословские факультеты подлѣ и по подобію другихъ, существующихъ при нашихъ Университетахъ.

Къ вопросу о постановкѣ высшаго богословскаго изученія въ Россіи ¹⁾.

1) Не должно быть спора, что «богословіе» можетъ быть объектомъ чисто-научнаго изученія,—подобно всякимъ другимъ «предметамъ». Въ такомъ качествѣ и достополнѣ ему естественное и законное мѣсто именно тамъ, где культивируется эта наука, т. е. въ Университетѣ. Съ другой стороны, и послѣдній, оставаясь вѣрнымъ своему званію *Universitas*, долженъ радушно открывать свои двери и аудиторіи для богословскихъ дисциплинъ. Нельзя согласиться, что «богословіе» еще не доросло до соотвѣтственной научной зрѣлости, и ему, яко бы, рано выступать наряду съ университетскими науками. Въ кругѣ университетскихъ знаний есть достаточно такихъ, которыхъ ни чуть не выше «богословія» по своимъ основамъ и по разработкѣ. Такъ, многое въ медицинѣ только опирается на научныя пособія, но собственно является лишь казуистико и по существу своему остается искусствомъ, на практикѣ же не рѣдко переходить въ ремесленное злахарство. Науки юридическія всецѣло стоять на почвѣ римскаго права и проникнуты его духомъ, а построеніе даже гуманитарнаго права на христіанскихъ началахъ продолжаетъ быть задачею будущаго, хотя первостепенная важность ея для христіанскихъ государствъ самоочевидна. Въ такомъ же относительномъ значеніи «богословіе» съ полнымъ достополнѣмъ можетъ войти въ среду университетскихъ дисциплинъ ²⁾), объединивъ и обезпечивъ сродныя себѣ науки, которая теперь не находятъ для себя въ университетскомъ строѣ ни

¹⁾ Эти тезисы были доложены также въ С.-Петербургской епархиальной комиссіи и напечатаны въ «Отзывахъ епархиальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ», ч. III, стр. 159—161.

²⁾ А иѣмцы—въ противоположность намъ (см. ниже стр. 13,.)—привыкли считать «богословіе» даже «царемъ наукъ» въ университетскомъ курсѣ. См. у Prof. D. Bernhard Stade, Die Reorganisation der Theologischen Fakultät zu Giessen in den Jahren 1878 bis 1882, Thatsachen, nicht Legenden (Giessen 1894), S. 2: «die Königin der Wissenschaften».

опоры, ни приложенія, ни дѣйствія («богословіе», церковная исторія, церковное право, частію—теорія и исторія искусствъ и — въ С.-Петербургскомъ Университетѣ—еврейскій языкъ).

2) Существованіе богословскихъ факультетовъ при Университетахъ ничуть не требуетъ необходимо упраздненія православныхъ Духовныхъ Академій. Но послѣдня, оставаясь институтами и органами православной (Русской) церкви, должны служить именно ей самою своею наукой, обязаны говорить во имя ея, — для научного познанія, разъясненія, истолкованія и огражденія ея ученій и учрежденій. Съ этой точки зрѣнія православная Духовная Академія, оставаясь въ церковномъ вѣданіи, будутъ научно-апологетическими институтами православной (Русской) церкви, при чёмъ православные не имѣютъ права считать ихъ конфессіонально-тенденціозными, если они дѣйствительно исповѣдуютъ, что православіе отражаетъ въ себѣ истину. Кругъ академическихъ предметовъ долженъ опредѣляться этими существомъ православно-русскихъ Духовныхъ Академій, гдѣ вѣтъ принципіальныхъ основаній для внѣбогословскаго ихъ расширенія, хотя бы оно и оправдывалось разными практическими соображеніями.

3) Такое распределеніе высшаго богословскаго изученія въ Россіи считаю наиболѣе цѣлесообразнымъ и плодотворнымъ потому, что потребность въ Духовныхъ Академіяхъ указанного характера безспорна, но при нихъ необходимо открыть свободный просторъ научнымъ изысканіямъ на основѣ и за отвѣтственностью частныхъ мнѣній. Иначе, при однихъ Духовныхъ Академіяхъ, «богословіе» опять рискуетъ сдѣлаться закнуто-конфессіональнымъ, а всякая другая «внѣшняя» теология заранѣе подвергается подозрѣнію; при однихъ университетскихъ богословскихъ факультетахъ православная (Русская) церковь лишится столь важныхъ собственныхъ органовъ для научного познанія, истолкованія и огражденія. Значитъ, только совмѣстное существованіе въ Россіи университетскихъ богословскихъ факультетовъ и Духовныхъ Академій лучше всего можетъ обеспечить для богословской науки обязательныя права и благіе плоды вѣры и свободы.

4) Изъ предшествующаго у меня получается такая принципіальная формула, что «Православная Духовная Академія суть учебно-ученые установленія и органы православной Русской церкви для научного познанія, разъясненія, истолкованія и огражденія ея ученій и учрежденій»¹⁾.

Идея образованія богословскихъ факультетовъ при нашихъ Университетахъ и въ печати и въ разсужденіяхъ Предсоборного Присутствія была направлена нѣкоторыми противъ Академій, которыхъ подвергались крайнимъ укоризнамъ и обрекались на совершенное уничтоженіе, какъ

¹⁾ Частію согласно этому и позднѣйшимъ замѣчаніямъ, послѣ (въ засѣданіи V-й секціи 14-го мая 1906 года) принято слѣдующее определеніе: «Православная Духовная Академія есть ученое-учебное учрежденіе, изымающее цѣллю а) способствовать развитию богословской науки и б) доставлять высшее богословское образование въ духѣ православія для просвѣщенного служенія Церкви на пастырскомъ, учебномъ и другихъ по-причащихъ дѣятельности». См. «Журналы и Протоколы засѣданій Высочайше учрежденія Предсоборного Присутствія», т. IV (Спб. 1907), стр. 776 (V-го отдѣла).

институты не только не полезные, но почти прямо вредные. Въ виду сего (въ засѣданіи V-го отдѣла 9-го мая 1906 года) я вынужденъ былъ подать слѣдующее мнѣніе:

Мысль о богословскихъ факультетахъ получила теперь такой тягостный и порицательный для нашихъ *Aliae matres* характеръ, что я рѣшительнымъ образомъ отрекаюсь отъ подобнаго ея примѣненія... При этомъ открылось изъ компетентныхъ разъясненій, что Университетъ, какъ цѣлостный организмъ, какъ *Universites omnium litterarum et artium*, нынѣ не существуетъ; къ чому же въ немъ будетъ прививаться наше православное богословіе ¹⁾ и послѣдуетъ ли отъ сего дѣйствительная польза?... Возражаютъ, что Академія до нѣкоторой степени есть учрежденіе тенденціозное. Но бываетъ ли гдѣ-нибудь знаніе безъ опредѣленной тенденції, безъ прикладныхъ цѣлей? Въ медицинѣ, напр., существуютъ два направлениія—аллопатія и гомеопатія, и «тенденція» оказывается здѣсь настолько сильною, что аллопаты не позволяютъ гомеопатамъ читать лекціи въ Университетахъ. Затѣмъ нельзя забывать, что тенденціозность бываетъ разная, а по идеѣ и въ чистомъ видѣ должна быть считаема цѣлеположностію. И обѣ академической «тенденціозности» нужно сначала рѣшить: вредная она или нѣтъ? Полагаю, что, исповѣдуя истину христіанства и православія, мы всѣ единодушно отвѣтимъ безусловнымъ отрицаніемъ; въ такомъ случаѣ зачѣмъ же намъ пугаться пустого слова «тенденціозность»?... Даѣ: я совсѣмъ не думаю, чтобы Академіи не допускали свободной разработки науки, ибо православіе всѣмъ даетъ достаточнѣ простора и по существу христіанства и по научной неразработанности многихъ сторонъ, гдѣ догматически опредѣлены лишь важнѣйшіе вопросы... Наконецъ: и за границей богословскіе факультеты имѣются отдельно, иногда же соединяются съ Университетами только ради удобства изученія вспомогательныхъ наукъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я высказываюсь за сохраненіе Академій, хотя нахожу полезнымъ, чтобы наряду съ ними и у насъ образовались университетскіе православно-богословскіе факультеты ²⁾.

1) Съ удивленіемъ и прискорбіемъ нужно еще констатировать, что наши Университеты обнаруживаютъ явное и—иногда—принципіальное нерасположеніе къ самой идеѣ включенія богословскихъ факультетовъ въ свой составъ: см. «Труды Высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній» (изд. на правахъ рукописи въ Спб. 1903 г.), вып. III, стр. 56—58 и ср. вып. I, стр. 139—140, 316—320. Не забудемъ и того, какъ глубоко утверждалась у насъ скверная напраслина тѣ Князя С. Н. Трубецкого, что «наше русское богословіе (*in toto?*) относится къ научному богословію, какъ алхімія къ хіміи или астрологія къ астрономіи» (см. въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906, стр. 320). Вѣдь известно, что всѣ наши Университеты стремятся къ изгнанію даже теперешняго «богословія» и кое-гдѣ достигли фактическаго успѣха, а въ крайнемъ случаѣ мечтаютъ о замѣнѣ его «исторію религій», которую можетъ преподавать хотя бы еврей, между тѣмъ и либеральный Адольфъ Гарнакъ энергически отвергалъ подобную контрафакцію, рѣшительно защищая (противъ О. Шлейдерера) специальнѣе изученіе именно христіанской теологии (см. у меня въ «Православной Богословской Энциклопедіи», т. IV, Спб. 1903, стлб. 115). Ср. и выше стр. 11, 2.

2) См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 53—54. Ср. еще у о. Мих. Левитова въ «Церковномъ Вѣстнике» № 23 за 7-е июня 1907 г., стлб. 739, 741.

О типѣ средней духовной школы и о наилучшей постановкѣ пастырского приготовленія.

1) По основаніямъ и соображеніямъ, изложеннымъ выше (стр. 1 сл.), я продолжаю стоять за реформу низшей и средней духовной школы въ томъ смыслѣ, чтобы въ ней общее христіански-гуманитарное образованіе *уточнялось* обособленнымъ специально-пастырскимъ предупрежденіемъ. По моему мнѣнію, это существенно необходимо по потребностямъ и задачамъ Церкви. Нѣть надобности не только доказывать, но даже и говорить съ особою выразительностью, что для достойного выполненія своихъ высокихъ и святыхъ цѣлей Церковь *нуждается* въ широко-просвѣщеніи пастыряхъ, по призванію избравшихъ это великое служеніе и нарочито къ нему подготовившихся. Значить, и самая богословско-пастырская пропедевтика обязываетъ къ всестороннему развитію приспособленія общаго образованія, а затѣмъ просвѣтительно-образовательная миссія, входящая въ задачи Церкви, далеко не исчерпывается удовлетвореніемъ профессионально-сословныхъ запросовъ. Напротивъ, Церковь, какъ носительница свѣта истиннаго, единственно просвѣщающаго всякаго человѣка, самою этою природой своей влечется и обязывается къ тому, чтобы нормировать и проникать гуманитарное образованіе христіанскимъ духомъ, который долженъ осмысленно жить, действовать и направлять во всѣхъ членахъ тѣла церковнаго. Этимъ неотложно вызывается и убѣдительно оправдывается организація обособленной христіански-гуманитарной школы. При этомъ послѣдняя, служа неотразимо-законнымъ нуждамъ воспитанія дѣтей духовенства, пусть открывается свои двери и для всѣхъ христіанъ, чѣмъ, въ свою очередь, будетъ обновляться и расширяться контингентъ кандидатовъ для пастырства.

Таково идеальное требование. Какъ его применить на практикѣ или даже понизить ради удобнаго осуществленія,—на этотъ счетъ пока достаточно сдѣлать двѣ оговорки.

Первая та, что возвращеніе къ семинарскому и училищному уставамъ 1867 года,—съ какимъ угодно измѣненіемъ въ распределеніи и количествѣ предметовъ,—по моему убѣждѣнію, нимало не решаетъ вопроса о наилучшей реформѣ нашей духовной школы. Для просвѣтительной миссіи и для пастырскихъ потребностей Церкви это будетъ даже прямымъ отступленіемъ отъ нихъ ради совершенню постороннихъ цѣлей—открытія семинарскимъ воспитанникамъ свободнаго доступа въ свѣтскія высшія учебныя заведенія. Помимо этого мотива, въ духовной школѣничуть не даннаго, неизбѣжно получится, что довольно уродливый типъ отдельныхъ четырехклассныхъ Духовныхъ Училищъ, не сообщающихъ никакой образовательной законченности, будетъ плохимъ и бесплоднымъ образцомъ христіански-гуманитарного образованія, вовсе не отвѣчающимъ по своему уровню просвѣтительнымъ задачамъ Церкви. Съ другой стороны, въ шестиклассныхъ Семинарияхъ преобладаніемъ свѣтскихъ пред-

метовъ и курсовъ до крайности (иногда—роковой) затруднится достиженіе пропедевтико-пастырскихъ цѣлей, присутствіе же въ нихъ богословско-пастырскихъ классовъ стѣснитъ и будетъ угнетать и ограничивать образованіе гуманитарное. Послѣднее неудобство лежитъ въ самомъ существѣ дѣла, и его не могли устранить никакія частичныя реформы. Посему—съ точки зренія системы, а не просто неудачной практики—возвратъ къ духовно-учебнымъ уставамъ 1867 года будетъ по-истинѣ попыткимъ шагомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Вторая оговорка относится къ тому опасенію, будто обособленные богословско-пастырскіе курсы окажутся специфически-клерикальными, при чемъ нась пугаютъ разными ужасами «мрачныхъ монастырскихъ застѣнковъ». Эта страшливость удивительна и непонятна, если только за нею не скрывается чего-нибудь особеннаго, субъективно или объективно. Что учрежденіе, подготавляющее клириковъ, будетъ клерикальнымъ,—вѣдь по идеѣ (т. е. безъ всякихъ крайностей католического клерикализма) это есть самое натуральное, непрѣбѣжное и желательное явленіе по смыслу дѣла, почему и не боятся его ни православные другіхъ національностей, ни католики, ни англикане¹), ни протестанты. Но, яко бы, тогда этотъ институтъ, преслѣдуя утилітарно-профессиональная цѣли, будетъ слишкомъ убогимъ интеллектуально. Эти опасенія опять не обоснованы теоретически. Данныя учрежденія будутъ отвѣтывать опредѣленнымъ жизненнымъ требованиямъ и, естественно, не могутъ быть ниже послѣднихъ, а иначе не удержатся и погибнутъ сами собою, какъ это бываетъ всегда и вездѣ по неумолимымъ законамъ соотношенія спроса и предложенія. Значитъ,—вместо всякихъ напрасныхъ запугиваній—надобно позаботиться о поднятіи запросовъ пастырского служенія каноническимъ возрожденіемъ соборности церковнаго устройства, правильною организаціей приходской жизни, христіанскимъ образованіемъ вѣрующіхъ (хотя бы чрезъ христіанско-гуманитарныя школы), а также всяческимъ и всестороннимъ улучшеніемъ быта нашего духовенства, имѣющаго величайшія заслуги предъ обществомъ и государствомъ, чуть ли не больше другихъ «сословій».

Въ итогѣ всего я *идеально* высказываюсь за полное обособленіе христіанского гуманитарного образованія и пастырского приготовленія.

Въ качествѣ иллюстраціи (и въ дополненіе къ другимъ справкамъ) прибавлю, что не служить къ огражденію существующаго типа нашихъ духовныхъ школъ и несомнѣнная ихъ аналогичность съ соотвѣтствующими католическими институтами. Тамъ различаются «семинаріи малыя» и «семинаріи большія»²). Прежде обѣ были слиты, но декретами 1809 и 1811 г.г. первыя были совершенно отдѣлены въ особыя учрежденія, гдѣ преподавалось то же, что и въ чисто-свѣтскихъ школахъ. Образова-

¹⁾ См. у И. И. Брилліантова въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 1, стр. 94—111; Н. В. Орлова въ «Прибавл. къ Церк. Вѣdom.» № 16 за 22-е апрѣля 1906 г., стр. 899—902; англиканского свящ. Андрю Амоса въ «Странникѣ» 1906 г., № 5, стр. 806—812; Handbook of the Theological Colleges of the Church of England and the Episcopal Church in Scotland, 1906.

²⁾ См. о нихъ замѣтки и у ректора «Католического Института» въ Тулузѣ Pierre Batiffolъ, Question d'enseignement sup  rieur eccl  siastique, Paris 1907.

лись учебныя заведенія, тѣмъ болѣе похожія на наши Духовныя Училища, что до 30-хъ годовъ XIX столѣтія они специаль но пред назначались для подготовленія питомцевъ къ пастырскому званію. Потомъ общество обнаружило широкій интересъ къ этимъ школамъ, которыя частію и были обращены въ коллегіи, не стѣснявшія поступавшихъ обязательствомъ къ духовнымъ профессіямъ. Не смотря на всякия преграды свѣтской власти, притокъ учащихся былъ весьма значительнымъ, но зато коллегіи потеряли связь съ задачами пастырства и перестали служить его цѣлямъ. Это почти цѣликомъ продолжается и досель, такъ какъ только въ одной Британіи «малыя семинаріи» отводятся исключительно для духовныхъ воспитанниковъ, идущихъ на пастырское поприще чрезъ «большія семинаріи», а во всѣхъ прочихъ мѣстахъ Франціи это суть больше свѣтскія заведенія, дающія кончающимъ просто степень баккалавра (въ родѣ аттестата зрѣлости), которая открываетъ пути во всѣ стороны. Ради сего въ «малыхъ семинаріяхъ» и самая программа держатся вполнѣ «автономныя», мало согласованныя съ курсомъ «семинарій большихъ». Чѣдже получилось отсюда? Статистика свидѣтельствуетъ для всѣхъ «малыхъ семинарій» (которыхъ въ 1894 г. было до 142), что изъ нихъ шло собственно въ пастырскія школы всего-на-всего отъ 20% до 10%. И этотъ результатъ тѣмъ поучительнѣе, что онъ, какъ не получающія пособій изъ государственныхъ средствъ, находятся въ полномъ вѣдѣніи мѣстныхъ епископовъ, хотя въ извѣстной степени подлежать правительствуенному контролю въ финансово-экономическомъ отношеніи. Важный для насъ выводъ заключается въ томъ, что даже католичество, умѣюше овладѣвать питомцами до полнаго порабощенія своимъ интересамъ, было не въ силахъ сдѣлать общеобразовательную школу пригодною для пастырскихъ потребностей и теперь почерпаетъ контингентъ священнослужителей преимущественно изъ свободныхъ соискателей въ средѣ зажиточнаго крестьянства и буржуазіи, для которыхъ это поприще является лестнымъ и завиднымъ. Значить, и намъ не слѣдуетъ задаваться несбыточными планами, вдохновляющими разныхъ ревнителей идеалистическими мечтами о томъ, чтобы воспитанниковъ съ первыхъ же школьнаго шаговъ направлять непремѣнно къ пастырству. Наилучшій опытъ осудилъ эту теорію, и мы не должны повторять слишкомъ старыя ошибки, а обязаны позаботиться, дабы просвѣтительная миссія Церкви нашла себѣ достойное выраженіе въ гуманитарныхъ школахъ на религіозно-христіанской основѣ. Такъ образуется обильный запасъ если не пригодныхъ пастырей, то хорошо подготовленныхъ и настроенныхъ пасомыхъ, которые всюду будутъ носить въ себѣ и съ собою чистый свѣтильникъ вѣры.

Не менѣе знаменательны и наблюденія надъ «большими семинаріями». Ихъ нынѣ имѣется во Франціи до 84 съ количествомъ учащихся около $7\frac{1}{2}$ тысячъ, при чемъ весьма характерно, что досель правительство отпускало пособія до 1.120.000 франковъ, хотя во всемъ прочемъ онъ подчинялись своимъ епископамъ. Поступаютъ туда юноши отъ 16-ти лѣтъ; курсъ шестигодичный; преподаются: философія (ея исторія, «метафизика» и психологія), «богословіе», Свящ. Писаніе, патрологія, ка-

ионическое право, история Церкви, пастырское богословие и церковное красноречие, иногда еще: археология, местная епархиальная история, «счетоводство», еврейский язык и местная народность. Какъ видимъ, аналогія съ папскими теперьшними Духовными Семинариями почти всецѣлая,—и тѣмъ внушительнѣе для насть удостовѣренные уроки этой системы. А они таковы, что въ «большихъ семинарияхъ» свѣтское преподаваніе совсѣмъ подавлено професіонально-пастырскими тенденціями, и воспитанники не получаютъ надлежащаго общаго образованія. Вслѣдствіе этого и специально «духовное» обученіе лишается гуманитарной почвы и испытываетъ человѣческой жизненности, становится бездушно-школьнымъ и мертвенно-схоластичнымъ. Естественно, что все воспитаніе обращается въ утилитарную выправку, въ обезличивающую дрессировку ума, воли, чувства, совѣсти. Въ итогѣ формируются вымуштрованные требоисправители и упорные конфесіоналы, умѣющіе порабощать пасомыя души, но едва ли влекущіе ихъ къ «свободѣ славы сыновъ Божіихъ»¹⁾... Нежели этого хочемъ и мы со своими шестиклассными Семинариями, какъ специальными пастырскими заведеніями?.. Если же нѣть, то для меня ясно, что пастырское образованіе должно созидаться на законченномъ общемъ обученіи, чтобы осмыщенная и сознательная склонность получила соотвѣтствующее развитіе въ приспособленномъ непродолжительномъ курсѣ (не свыше 3-хъ лѣтъ).

Кратко сказать: я снова убѣждаюсь, что наши духовныя школы полезнѣе реформировать такъ, чтобы онѣ давали полное христіански-гуманитарное воспитаніе и потомъ въ особыхъ заведеніяхъ сообщали призваннымъ пастырское приготовленіе. Обѣ цѣли одинаково неотложны и священны. Если для пастырей вѣрно, что «жатва многа, дѣлателей же мало» (Мат. IX, 37. Лук. X, 2), то для Церкви не менѣе обязательна и другая задача, «да совершень будеть Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ!» (2 Тим. III, 17)²⁾.

2) Тотъ единий и единственный вопросъ, который предложенъ Общему Присутствію относительно реформы духовной школы, разсмотривался продолжительнѣе и чуть ли не горячѣе³⁾ всѣхъ другихъ, какіе выдвигались и затрагивались на «предсоборныхъ отдѣлахъ». Знаю объ этомъ, какъ участникъ многихъ комиссій, и вывожу съ увѣренностію, что этотъ

¹⁾ О католической пастырской пропедевтике вообще см. у *Антона Кактына*, Приготовление къ пастырскому служению въ католицествѣ и протестантствѣ въ сборнике: «Ученые-богословіе и церковно-илюстративные опыты студентовъ Кіевской Духовной Академіи LVI курса (1903 г.), вып. I (Кіевъ 1904, стр. 31—93). Для новѣйшаго времени см. у *С. Краткова*, Учебная реформа въ семинарияхъ римско-католического духовенства въ «Богословскомъ Вѣстнике», 1907 г., № 3, стр. 475—512.

²⁾ Это мнѣніе приложено къ журналамъ №№ 5 и 6 (за 12 и 14-е апрѣля 1906 года) V-го отдѣла; см. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II (Сіб. 1906), стр. 163—167.

³⁾ Тѣмъ не менѣе къ работамъ V-го отдѣла и всего Предсоборнаго Присутствія ни въ малѣйшей степени не приложимо невѣроятное заявленіе г. *Ф. Н. Бѣллуска*, будто по вопросу о «выборѣ типа школы» (духовной) «спорить съ ожесточеніемъ, обвиняя другъ друга въ неискренности, въ предательстве Церкви и чутъ ли не въ невѣри», (см. «Церковный Вѣстникъ» № 21 за 24-е мая 1907 года, стлб. 670). И вообще это сужденіе не соотвѣтствуетъ реальности, будучи плодомъ какого-то непостижимаго въ серъезномъ писателѣ преувеличенія, которое можетъ имѣть очень вредныя послѣдствія въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ...

предметъ обслѣдованъ и взвѣшень каждымъ всесторонне и осмотрительно, почему трудно ожидать новыхъ фактовъ, непредвидѣнныхъ соображеній и т. п. Я высказался за обособленную богословско-пастырскую школу по горячей вѣрѣ моей въ то, что обновляющаяся церковь Русская будетъ привлекать на служеніе себѣ наиболѣшіе элементы православнаго населенія (см. выше стр. 5). Эту вѣру постепенно и систематически во мнѣ охлаждали,—и все-таки убѣженіе мое доселѣ остается прежнимъ по существу. Не буду повторять своихъ аргументовъ, но есть одна мысль, которую не хотѣлось бы оставить не оговореною предъ рѣшеніемъ этого капитального вопроса величайшей жизненной важности. И въ печати и у многихъ ораторовъ, рекомендовавшихъ частичную реформу нашей духовной школы съ сохраненіемъ существующаго типа, проскальзывали замѣчанія, что въ своихъ проектахъ они одушевлялись почтеніемъ къ историческимъ заслугамъ этой школы, благодарностію къ ней лично и за помощь при воспитаніи бѣднаго, хотя высоко-достойнаго духовенства нашего, и проч. Охотно допускаю это, но тутъ косвенно указывается, что апологеты другихъ воззрѣній руководятся если не совсѣмъ иными чувствами, то во всякомъ случаѣ слишкомъ холоднымъ анализомъ экспериментатора, готоваго на всякия вивисекціи ради своей идеи. Необходимо съ рѣшительностью устранить этотъ оттѣнокъ, впосящій нѣсколько неудобную потку въ наше настроеніе предъ самымъ отвѣтомъ на обсуждаемый вопросъ. Послѣдній прошелъ предо мною въ трехъ стадіяхъ того процесса, какимъ онъ достигъ настоящаго пункта. Я имѣлъ съ нимъ дѣло по епархиальной С.-Петербургской комиссіи, где были избранные deleгаты академической, семинарской и училищной корпораций и епархиальнаго женскаго учплица, при чемъ защищаемый мною взглядъ былъ принятъ согласно заключенію соединеннаго собранія Семинаріи и Училища. Добытые здѣсь результаты восходили на общее обсужденіе епархиальной комиссіи подъ предсѣдательствомъ митрополита С.-Петербургскаго,—и то же рѣшеніе было одобрено здѣсь съ участіемъ трехъ викаріевъ, придворнаго протопресвитера о. И. Л. Янышева, члена Государственного Совѣтаprotoіерея М. И. Горчакова, заслуженнаго профессора М. И. Каринскаго и др. Наконецъ, вопросъ подвергся новому детальному разбору въ V-мъ отдѣлѣ Предсоборного Присутствія и получилъ нѣкоторое преобладаніе въ смыслѣ обособленія общаго образованія отъ богословско-пастырскаго приготовленія. Вездѣ сторонники послѣдняго планаискреннѣйшимъ образомъ свидѣтельствовали свою глубокую благодарность духовной школѣ и всякия покушенія на ея честь отвергали немедленно даже въ тѣхъ, кто по видимости казался ихъ союзникомъ. Вся работа наша проникалась именно этою горячею признательностію, опредѣлялась незыблѣмыми убѣженіемъ въ первостепенной важности духовной школы для великаго дѣла Церкви и для духовнаго прогресса русскаго народа и направлялась къ обеспеченію наиболѣшаго пространства для всецѣлой плодотворности при выполненіи ея просвѣтительной миссіи. Возможно, что наше рѣшеніе рисуется для многихъ рискованнымъ и т. п., по одно не должно быть забыто въ этотъ торжественный поворотный моментъ, что нами руководило самое пламенное желаніе, чтобы прекратились наконецъ

теперешнія мрачныя времена нашей школьной жизни, и впредь оставалась действительно непостыдною паша чистая вѣра въ спасительность истинной духовной школы для блага и преуспѣянія членовъ православной Церкви во свѣтѣ Христовомъ, единственно просвѣщающемъ всякаго человѣка¹⁾.

3) Многіе увлекаются мыслію о частичномъ преобразованіи духовныхъ школъ, но я не буду говорить о повторительныхъ докладахъ въ пользу духовно-учебной реформы въ направленіи устава 1867 года. Они—и въ цѣломъ и въ частностяхъ—ничуть не поколебали моего мнѣнія, которое я долженъ оградить немногими дополнительными аргументами.

Высказывалось, что проектъ отдѣленія обособленной церковно-пастырской школы отъ христіански-гуманитарной, при сохраненіи организационной ихъ связи, поконится на субъективныхъ данныхъ и не имѣть объективной опоры.

Но, во-первыхъ, во всякомъ дѣлѣ, куда человѣкъ вкладываетъ всю душу, не ограничиваясь объективно-холоднымъ отношеніемъ къ нему, тутъ всегда бываетъ неизбѣжна извѣстная доля индивидуальной субъективности. Только въ настоящемъ случаѣ это—субъективизмъ совсѣмъ особаго характера и силы. Мы рождены духовною школой, и въ ней доселѣ находится все наше сердце, такъ что для многихъ изъ насъ вѣя немыслимо самое духовное бытіе наше. При такихъ условіяхъ наше субъективное убѣжденіе пріобрѣтаетъ свойство объективной несомнѣнности,—по крайней мѣрѣ, не ниже того, насколько безспорно и наше интеллектуально-духовное существованіе...

Во-вторыхъ, мы неизмѣнно приводили исключительно объективные соображенія, заимствуемыя въ природѣ самой Церкви по потребностямъ и задачамъ ея христіански-просвѣтительного достоинства (см. выше стр. 14 сл.),—и не видѣть этого можно развѣ лишь при подмѣнѣ понятія объективной аргументаціи экспериментальными обоснованіями, почерпающими въ историческомъ опыте, какого, конечно, не бываетъ ни у одной новой идеи прежде ея фактическаго примѣненія.

Третье и самое главное въ томъ, что въ разматриваемомъ вопросѣ недостаточно даже самого авторитетнаго объективизма. Мы находимся теперь на поворотномъ пунктѣ въ исторіи духовной школы, когда со старымъ нельзя оставаться, а нужно что-либо новое, болѣе жизнедѣятельное. Тутъ необходимо творчество, для котораго обязательна вѣра, способная сдвинуть всѣ горы недоумѣній и опасеній. При наличности послѣднихъ будутъ бесплодны всякия реформы, потому что онѣ сразу явятся отравленными разлагающимъ ядомъ сомнѣній при самомъ возникновеніи и при постепенномъ осуществленії. Въ этомъ смыслѣ всѣ ссылки на материальныя затрудненія, на неприспособленность духовно-училищныхъ зданій и проекты примѣрныхъ экспериментовъ²⁾, заранѣе обреченныхъ на неудачу всякаго невѣрующаго опыта, говорять только о томъ, что

¹⁾ Сказано въ общемъ собраніи Предсоборного Присутствія 18-го мая 1906 года; см. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. II, стр. 509—510.

²⁾ См. «Журналы и Протоколы», т. II, стр. 528. 538.

здесь не чувствуется внутренней созидающей силы вдохновенія. А безъ этого всѣ частичныя улучшениа будуть лишь заплатами на ветхой одеждѣ, которая вскорѣ изорвется совсѣмъ, оставивъ насъ совершенно нагими... И намъ, дѣйствительно, рекомендуютъ, чтобы вмѣсто покупки новыхъ сапоговъ мы продолжали ходить въ заплатаныхъ опоркахъ¹⁾, или даже постарались обойтись безъ всякой обуви...

При такомъ маловѣріи мы непремѣнно потонемъ, потому что боимся сдѣлать необходимое героическое напряженіе, чтобы взять спасающую руку. Я же лично доселъ стараюсь держаться горячей вѣры въ творческую силу обновляющейся церкви Русской, которая и не стремилась бы къ независимости, еслибы не обладала созидательною жизненностью (см. выше стр. 5. 18). Но въ этомъ достоинствѣ Церковь должна привлечь на служеніе себѣ достаточно добрыхъ элементовъ, готовыхъ ради нея подвергнуться особому пропедевтическому воспитанію въ специальныхъ заведеніяхъ, характерныхъ не по клерикальной замкнутости, а по высокому церковно-христіанскому озаренію. Когда погаснетъ моя вѣра въ самобытное возрожденіе Русской православной церкви,—я вынужденъ буду примириться съ системою виѣшней опаски и взять назадъ или отвергнуть всѣ реформаторскіе замыслы и предложенія. Не моя вина, если меня начинаютъ одолѣвать мучительныя сомнѣнія..., но, пока горитъ во мнѣ эта вѣра, я не перестану думать и твердить, что Церковь наша сильна, чтобы проникать свѣтомъ Христовымъ своихъ сыновъ въ христіански-гуманитарныхъ школахъ, и обязана имѣть особыя пастырскія учрежденія для приготовленія достойныхъ и преданныхъ носителей этого житвотворнаго свѣта²⁾.

Вопросъ о типѣ средній духовной школы на засѣданії V-го отдѣла Предсоборного Присутствія 14-го апрѣля 1906 года рѣшенъ былъ такъ: 9 лицъ (вмѣстѣ съ предсѣдателемъ) высказались за полное отдѣленіе богословскихъ классовъ отъ общеобразовательныхъ, съ обращеніемъ первыхъ въ особыя пастырскія школы; 9 подали голоса за сохраненіе единства и нераздѣльности, а одинъ остался при особомъ сужденіи³⁾. Наоборотъ, въ общемъ собраніи 29-го мая 1906 года 20 членовъ (съ предсѣдателемъ Присутствія) склонились ко второму мнѣнію, 17 приняли первое и 6 воздержались отъ голосованія⁴⁾. Такимъ образомъ, дѣло это оказалось какъ бы въ нѣкоторой точкѣ безразличія. Если на общемъ собраніи получится ничтожный перевѣсь въ пользу существующаго строя, то больше всего повліяли здѣсь ссылки на материальныя затрудненія (см. выше стр. 19), которыми въ началѣ должно было бы сопровождать радикальное преобразованіе средніхъ духовно-учебныхъ заведеній—при необходимости считаться съ налічными зданіями и т. п. Само собою но-

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. II, стр. 533а.

²⁾ Этотъ «вотумъ» приложенъ къ журналу общаго собранія Предсоборного Присутствія 29-го мая 1906 года; см. «Журналы и Протоколы», т. II, стр. 569—570.

³⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. II, стр. 155.

⁴⁾ См. ibid. II, стр. 568—569. 570.

нятно, что въ принципіальныхъ вещахъ такія ссылки не могутъ быть убѣдительными или окончательными, и насколько онѣ не пригодны въ рѣчи о церковныхъ реформахъ,—это вскорѣ подтвердилось самимъ нагляднымъ примѣромъ. По поводу проекта объ измѣненіи консисторій, съ учрежденіемъ особаго суднаго епархіального института, опять энергически выдвинуты были материальныя препятствія, но предсѣдатель-же Присутствія (митрополитъ С.-Петербургскій Антоній) не менѣе рѣшительно «разъяснилъ» (въ засѣданіи 27-го ноября 1906 года), что необходимо сначала установить принципъ, а осуществленіе его будетъ зависѣть отъ времени и средствъ. Но мѣрѣ изысканія средствъ и могутъ быть учреждаемы новые органы¹⁾). Въ результатѣ это справедливое соображеніе и восторжествовало. Неужели же духовная школа менѣе важна для Церкви и государства, чѣмъ консисторія, чтобы первую душить изъ-за копѣекъ, а на вторую сыпать тысячи? Между тѣмъ вопросъ объ особыхъ пастырскихъ классахъ упорно выдвигается самою жизнью и неумолимо стучится въ дверь. Рано или поздно, но уклониться отъ него никакъ невозможно. Не даромъ, вѣдь, большинство епархіальныхъ комиссій высказалось въ пользу пастырскихъ школъ, и за нихъ раздаются трезвые голоса представителей духовенства²⁾ и просвѣщеннѣйшихъ ревнителей изъ мірянъ³⁾). При такихъ условіяхъ продолжающаяся доселѣ оппозиція этому проекту⁴⁾ является борьбою противъ жизненной необходимости, а это можетъ только задержать разрѣшеніе вопроса, осложняя его излишнимъ кризисомъ и вызывая смуту въ умахъ и потрясеніе въ нашей духовной школѣ, которую другой комитетскій ревизоръ (Д. И. Тихомировъ) прямо называлъ⁵⁾ «страждущею».

---

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. III (Спб. 1907) стр. 1976 общихъ собраний.

²⁾ См., напр., дѣльные соображенія священника А. Юрикаса въ брошюре: «Къ вопросу о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній» по оттиску изъ какого-то Владивостокскаго изданія (вѣроятно, изъ лѣтнѣхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1906 годъ).

³⁾ См. у Ф. Д. Самарина, Какія школы намъ нужны для приготовленія духовенства? Москва 1906, и въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборного Присутствія», т. II, стр. 180—184. 536—538. 570—578.

⁴⁾ См., напр., у Ф. Н. Бѣльевского въ «Церковномъ Вѣстнике» № 21 за 24-е мая 1907 г., стлб. 670.

⁵⁾ См. «Прибавл. къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» № 21 за 26-е мая 1907 г., стр. 848а.

ДУХОВНЫЯ АКАДЕМИИ¹⁾.

1.

О существѣ, характерѣ и системѣ богословскаго научно-академического преподаванія²⁾.

Частные дебаты и случайныя пререканія никогда не даютъ цѣлостныхъ законченныхъ результатовъ, способныхъ успешно подвинуть впередъ дѣло всякаго систематического построенія, а опыты участія даннаго рода въ разныхъ «предсоборныхъ» обсужденіяхъ по предметамъ всѣхъ отдѣловъ Присутствія рѣшительно убѣдили меня въ томъ, что отсюда возникаетъ больше недоразумѣній и огорченій, чѣмъ разъясненій.

¹⁾ При обсужденіи академическихъ вопросовъ иѣкоторые члены V-го отдѣла высказывались, что нужно выяснить общія начала, а частности и самое примѣненіе предоставить академическому совѣту. По внутренней цѣльности академического организма, послѣдніе не могутъ имѣть здѣсь столь деспотически-вредного вліянія, какъ въ Университетахъ (о чёмъ см. воющіе факты у г. С. К. въ «Новомъ Времени» № 11.202, 11.206 и 11.217 за 21-е и 25-е мая и 5-е июня 1907 г.; ср. М. М. ibid. № 11.213 за 1-е июня, а для иллюстраціи см. слчай съ проф. М. Е. Красноженомъ въ его книгѣ: «Тернія и плевелы въ нашихъ Университетахъ», Юрьевъ 1905, стр. III—XII). Поэтому я признаю за академическими совѣтами извѣстную свободу, но основная схемы предметной классификаціи необходимо намѣтить общимъ соглашеніемъ, по требованіямъ самого существа и ради единства въ научно-богословскомъ строеніи всѣхъ нашихъ Академій. Миѣ казалось, что если меня приглашаютъ къ разсмотрѣнію высшая инстанція, то я долженъ высказать основной принципъ и намѣтить главныя частности, въ которыхъ онъ могъ бы воплощаться фактически. Только при этомъ общія положенія могутъ получить характеръ практической приспособленности и активной жизненности. Ссылались, что Всероссійский помѣстный соборъ есть слишкомъ «грандіозное явление», и его нельзя обременять подробностями уставовъ и т. п. Но это ничуть не снимало съ насъ обязанности выработать какъ общія нормы, такъ и частныя условия для ихъ примѣненія; безъ послѣдніхъ первыя даже не могутъ быть оценены вполнѣ по своей жизненной пригодности. Если мы желаемъ представить проектъ практическій, то необходимо формулировать и общее и частное, изъ которыхъ всегда слагается практическое осуществленіе. Но—вопреки обратнымъ мнѣніямъ—я никогда не рѣшусь думать, чтобы мы могли предлагать «нѣчто должно» собору. Нѣтъ и ни въ какомъ случаѣ, ибо соборъ—самъ «великий господинъ», и для него все проекты будутъ только материалами, въ которыхъ онъ собственно ничуть не обязантъ принимать ни основъ, ни деталей. При томъ же совершенно напрасно расторгаютъ и противополагаютъ обѣ эти стороны цѣлого явленія, когда въ немъ на практикѣ первая или принципіальная служитъ теоретическимъ устоемъ рациональности проекта, а вторая своими подробностями иллюстрируетъ его и реально примѣняетъ къ дѣйствительной жизни. Одно безъ другого немыслимо нигдѣ, никогда и ни въ чёмъ при всякой созидательной работѣ осмысленного преобразованія общественно-государственныхъ институтовъ. Это безусловно вѣрно и по отношенію къ Академіямъ, для которыхъ соборъ, узаконяя принципы, непремѣнно долженъ будетъ указать и близайшія средства и прямые пути къ соотвѣтственной ихъ реализации. Противники опускаютъ изъ вниманія это обстоятельство и предлачертываютъ для «грандіознаго» собора просто невозможную задачу, направляя къ сему и наст... Нужно общимъ разумомъ посильнѣо решить «трудность», возникающую больше по фактическимъ условіямъ, чѣмъ по «природѣ вещей», а затѣмъ все уклоняющееся пусть идетъ въ качествѣ отдѣльныхъ мѣнѣй—въ виду ихъ мотивированной авторитетности и по причинѣ отсутствія у насъ панистической вѣры въ непогрешимость V-го отдѣла. Здѣсь соборъ и будетъ «крайнимъ судею», окончательно решающимъ дѣло. Это вполнѣ естественно и всегда такъ бываетъ во всѣхъ сложныхъ вопросахъ.

²⁾ Этотъ докладъ былъ заслушанъ въ засѣданіи V-го отдѣла Предсоборного Присутствія 16-го ноября 1906 года и напечатанъ въ «Журналахъ и Протоколахъ», т. IV (Сіб. 1907), стр. 153—168 (№ 25).

ній и соглашенній... Посему я предпою высказаться окруженно объ академическомъ изученіи вообще, чтобы мои отрывочные замѣчанія имѣли принципіальную почву, въ ней находили идеиную твердость и истинный смыслъ и приносили посильную пользу ко благу обновленія православно-русскихъ Духовныхъ Академій и для развитія серьезной богословской научности въ Россіи.

Вопросъ о группировкѣ академическихъ наукъ по отдѣленіямъ,— въ связи съ положеніемъ среди нихъ свѣтскихъ дисциплинъ,—получаетъ въ моемъ сознаніи далеко не простую практическую важность. Послѣдняя для меня тоже несомнѣна, но больше всего потому, что мы пока лишены фактическихъ возможностей дать идеиное построеніе разработки и преподаванія богословія и вынуждены сообразоваться съ разными побочными требованиями—касательно количества каѳедръ, взаимнаго ихъ соотношенія, паличныхъ потребностей вѣры, мысли и жизни и проч. Съ этой стороны тутъ рѣчь идетъ собственно лишь о практическихъ удобствахъ наиболѣшаго приспособленія *intra* и *ad extra* богословско-научныхъ матеріаловъ, однако по существу дѣла этимъ затрагивается самая природа научно-академического знанія. Съ этой точки зреянія въ наличныхъ учебно-академическихъ иланахъ и во всѣхъ предложенныхъ проектахъ я не усматриваю принципіальной удовлетворительности, которая опиралась бы на идеиномъ основаніи. Для сего нуженъ объединяющій и производящій центръ, откуда должны исходить всѣ раззвѣтленія, чтобы, питаясь его соками, раскрывать эту силу въ частныхъ обнаруженіяхъ и ими поддерживать свойственную ей жизненность. Въ дѣйствительности у насъ нѣтъ ничего подобнаго, и мы видимъ предъ собою просто болѣе или менѣе обширный циклъ разнообразныхъ наукъ, которая связываются лишь тѣмъ, что всѣ онъ трактуютъ въ извѣстной степени о богословіи и нужны для его научно-педагогического развитія. Всѣ главнѣйшія реформы прошлаго столѣтія сводились собственно къ увеличенію или сокращенію академическихъ предметовъ и къ новому ихъ распорядку, какъ къ этому же именно направляются и наши реформаторскія начинанія, ибо мы говоримъ только о постановкѣ разныхъ дисциплинъ, введеніи новыхъ специальностей, о взаимной комбинаціи ихъ и проч. Но пора убѣдиться, что это, не будучи идеальными, не приближается даже и къ относительной нормальности. Объективно—всѣ академические предметы остаются довольно безразличными между собою и никако не слагаются такъ, чтобы одинъ вызывалъ и утверждалъ другой, этотъ раскрывалъ его въ опредѣленныхъ подробностяхъ и, созидаясь на немъ, служилъ фундаментомъ для третьаго и т. п. Въ нашихъ академическихъ наукахъ нѣтъ ни генетической преемственности, ни гармонической связи необходимаго дружескаго вспомоществованія. Это своего рода конгломератъ, образовавшійся не идеальнымъ творчествомъ и органическимъ ростомъ, а путемъ послѣдовательныхъ наслоеній и напластованій по разнымъ историческимъ пуждамъ практическаго характера. Для наглядной иллюстраціи довольно упомянуть хотя бы о томъ, что академические преподававатели, являясь всѣ богословами, обычно всегда затрудняются въ присканіи двухъ рецензентовъ и оппонентовъ даже для

богословскихъ диссертаций. Ясно отсюда, что въ научно-академической конструкції у насть не имѣется органическаго объединенія, гдѣ главное стягиваетъ къ себѣ всѣ частности и каждый членъ вдохновляетъ и привлекаетъ къ солидарной работе на общую пользу. Правда, и мы обосно-вили нѣкоторые предметы, какъ общеобязательные, но едва ли можно спорить, что это сдѣлано больше по утилитарнымъ соображеніямъ. До-статочно лишь констатировать несходство самыхъ схемъ и разнородность наукъ этой академической группы, чтобы не требовалось особаго обосно-ванія данной истины. Но если она печальна объективно, то не менѣе вредно оказывается и субъективно или въ педагогическомъ примѣненіи, ибо и преподаватели не могутъ установить солидарного соотноше-нія своихъ научно-педагогическихъ вліяній, и студенты не имѣютъ опоры для надлежащаго «сосредоточенія» своихъ занятій, разбрасываясь своимъ вниманіемъ беспистемно и при самомъ усердномъ усвоеніи не пріобрѣтая закругленного, цѣлостнаго богословскаго образованія.

По сказанному очевидно, что главная бѣда современного научно-академического строя заключается въ отсутствіи предметной центростре-мительности среди разныхъ отраслей. Слѣдовательно, памъ и нужно найти этотъ внутренне объединяющій центръ, а гдѣ и въ чёмъ онъ нахо-дится? По самому бесспорному и непосредственному своему смыслу,— богословіе есть слово о Богѣ, которое и все другое освѣщаетъ съ точки зре-нія божественности. Но истинность и точность вѣданія въ этой сфере требуютъ адекватныхъ силъ, способностей и орудій, какія принципіально невѣроятны въ ограниченныхъ существахъ даже при самомъ геніальному изощреніи ихъ ума и воли. Если вездѣ «подобное познается подобнымъ», то и здѣсь обязательно божественное посредство. Отсюда получаемъ, что богословіе, будучи «словомъ о Богѣ», должно всецѣло покониться на «божественномъ словѣ». Это столь неизбѣжно и необходимо, что на подобныхъ началахъ базируются всѣ религіи и всякая богословствованія. Съ другой стороны, и исторически было такъ, что весь прогрессъ исти-ниаго богоопознанія совершался путемъ божественного откровенія, закрѣп-лявшагося въ священномъ словѣ. Потому фактическимъ источникомъ боговѣданія непремѣнно является Библія. Дальше необходимо слѣдуетъ, что христіанское богословское знаніе, оставаясь вѣрнымъ своему сущес-тву, обязано цѣликомъ утверждаться на библейскомъ фундаментѣ. Тогда академическая богословская наука будетъ строго и совершенно библіо-логическою, а вспомогательныя дисциплины должны быть проникнуты библейскимъ интересомъ соотвѣтственного приспособленія. Съ прискор-біемъ, но по необходимости нужно констатировать, что наша богослов-ско-педагогическая практика далеко и рѣшительно уклонилась отъ этой нормы. Въ нашихъ Духовныхъ Училищахъ твердять книжки разныхъ «Священныхъ исторій Ветхаго и Нового Завѣта» и совсѣмъ не застав-ляютъ заглядывать въ библейские тексты. Въ Духовныхъ Семинаріяхъ посматриваютъ туда лишь урывками и не только не прочитываютъ, напр., учительныхъ и пророческихъ писаній, но даже Новый Завѣтъ не проход-ятъ цѣликомъ, хотя бы по школьнімъ учебникамъ, какъ въ этомъ я 15 лѣтъ неотразимо убѣждаюсь на вступительныхъ академическихъ экза-

менахъ, гдѣ подвергаются испытaniямъ лучшie семинарскie воспитанники — первые студенты. При этихъ условiяхъ и въ Академiяхъ профессора въ состоянiи сообщить разvѣ основныя данины научной ббліологии, но фактически лишены всякой возможности ввести своихъ слушателей во всю полноту и глубину непосредственнаго бблейскаго содержанiя. Въ концѣ концовъ наши Академiи значительно утратили бблейскiй духъ и прониклись характеромъ отвлеченного догматического доктринерства, при чёмъ бблейскiе тексты, привлекаемые несистематическими фрагментами, утилизируются скорѣe для виѣши-авторитетныхъ иллюстрацiй, да иногда еще къ тезисамъ, бблейски очень сомнительны. Въ этомъ направлениi порою проглядываетъ почти антибблейское настроенiе, виолiвъ соотвѣтствующее научной бблейско-богословской «простотѣ». Осязательнымъ свидѣтельствомъ сего служить, напр., преобладающее отрицательное отношение къ «бблейской исторiи», за которую не хотятъ признать особыхъ правъ на самобытное научное существование, между тѣмъ въ бблейскомъ смыслѣ казалось бы догматически безспорнымъ, насколько въ величайшей степени важно специальное изученiе исторического хода божественного домостроительства. Безцѣнное для собственной сферы непосредственнаго обнаруженiя, — оно давало бы истинный ключъ къ правильному пониманiю и всего процесса всемирно-исторической жизни, а разvѣ это такъ не дорого вообще, хотя бы въ виду господствующихъ противобблейскихъ воззрѣй и антихристiанскихъ теорiй? Не вѣрнѣе ли будетъ думать, что въ академическомъ преподаванiи «бблейская исторiя» должна бы доминировать среди всѣхъ другихъ историческихъ дисциплинъ? Пожалуй, еще болѣе характерна въ нашихъ интересахъ упорная пренебрежительность къ «бблейскому богословiю», самое пониманiе котораго у насъ является то совсѣмъ смутнымъ, то враждебно-скептическимъ. Но едавали допустимо сомнѣнiе въ величайшей полезности систематического познанiя подлинныхъ бблейскихъ учений въ ихъ послѣдовательности и связи, въ историческомъ раскрытии соотвѣтственно мiровому прогрессу, въ непреходящей ихъ независимости по существу и въ обусловленной относительности временно-приспособительныхъ деталей. Не говорю объ апологетической необходимости и плодотворности подобныхъ изысканiй, ибо данная сторона очевидна безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненiй и аргументовъ. И помимо такого неизбѣжного примѣненiя, — они вводятъ въ самую душу бблейского созерцанiя, и единственno ими разсудочная человѣческая мысль прикасается къ живому движенiю богооткровенного вѣдѣнiя. По этой причинѣ и догматика и этика, — если не желаютъ быть лишь рационально-богословскимъ учениемъ о доктринальныхъ и моральныхъ религiозныхъ началахъ, — именно въ «бблейскомъ богословiи» обязаны почерпать всю силу, а пасторология и проповѣдничество всецѣло коренятся въ бблейско-историческихъ первоосновахъ и ими ограждаются въ своемъ внутреннемъ достоинствѣ и практической дѣйственности, литургика же рѣшительно условливается мѣрою своего бблейскаго соотношенiя, поскольку богослуженiе православно-христiанское есть таинственное прiобщенiе и священное воплощенiе фактической бблейской спасительности, почему безъ

тѣснѣйшей связи съ нею превратится въ археологическое обозрѣніе ритуальныхъ обрядовъ и літургическихъ памятниковъ, открывая мѣсто реалистическимъ истолкованіямъ изъ аналогичныхъ языческихъ явлений и институтовъ.

Указанные примѣры, наглядно обнаруживая поразительное уклоненіе академической науки отъ своего обязательного библейского источника, убѣждаютъ, что этимъ она не мало лишается библейской авторитетности и внушительной жизненности. Отсюда прямой выводъ тотъ, что ее нужно вернуть къ библейскимъ началамъ, а потому богословское изученіе должно быть строго библіологическимъ, созидающимся па подлинномъ библейзмѣ, концентрирующимся въ немъ и проникающимся имъ во всѣхъ своихъ побочныхъ примѣненіяхъ.

Тогда въ научныхъ интересахъ необходимо на этомъ библейскомъ принципѣ построить и законченный учебно-академический планъ. И по самой природѣ и по своей библейской производности наше богословіе является единымъ, и всякая раздробленность въ немъ будетъ насильственна. Съ идейной стороны оно должно бы усвояться цѣликомъ во всемъ своемъ объемѣ, не допуская ограничений лишь извѣстною категоріей изъ всей научной суммы. Но весь циклъ соотвѣтственныхъ специальностей нельзя студентамъ воспринять научно во всей полнотѣ, и живой опытъ горестно убѣдилъ ближайшихъ свидѣтелей, что, гоняясь за многимъ, они ничего не выучиваютъ съ совершенною отчетливостію по фактической невозможности «объять необъятное». Мы вынуждаемся допустить извѣстную классификацію богословскихъ академическихъ предметовъ по категоріямъ, хотя послѣднія будутъ не столько независимыми отдѣленіями, сколько неразрывно связанными и взаимно родственными «развѣтвленіями» цѣлостнаго библейско-богословскаго вѣданія. Значитъ, лишь практическіи потребно обоснованіе наукъ общебязательныхъ наряду съ «групповыми», изучаемыми съ возможнотю подробностю и всестороннотю. Первыми будутъ, конечно, библейскія дисциплины въ ихъ научныхъ первоосновахъ, какими попреимуществу служать частныя вводныя изслѣдованія о библейскихъ книгахъ съ утвержденіемъ ихъ канонического достоинства въ цѣломъ и въ отдѣльности. Сюда же должны принадлежать «библейское богословіе» и «библейская исторія», какъ связано знакомящія съ библейскимъ содержаніемъ и принципіально освѣщающія ходъ божественного домостроительства. Необходимымъ и важнымъ дополненіемъ служить библейская филология. Потребность и польза библейско-еврейскаго языкоznанія нынѣ, кажется, всѣмъ признаются, и нужно развѣ пожелать, чтобы оно получило самую серьезную научную постановку. Что касается надобности специального изученія «греческаго библейскаго языка», то привнесеніе этой дисциплины тѣмъ неотложнѣе, что о ней у насть всюду господствуютъ недоразумѣнія архаической отсталости и почти невѣжественной простоты ¹⁾). Фактически эта отрасль пріобрѣла на Западѣ

¹⁾ Это ясно и по студенческимъ заявленіямъ (въ «Журналахъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 11, стр. 279) и по сужденіямъ нѣкоторыхъ членовъ V-го отдѣла (см. «Журналы и Протоколы Предсобор-

за не очень давнее время весьма широкое развитіе и захватывающій интересъ быстро обновляющейся свѣжести, въ связи съ съ изысканіями объ аттицизмъ и непрерывными открытиями относительно Ксюч. И если нынѣ «бibleйскій греческій языкъ» трактуется въ качествѣ момента въ развитіи послѣдняго и часто сливается съ нимъ до неразличимости, то этимъ для насъ создается неустранимая задача — не допустить, чтобы филологическое отожествленіе разрѣшалось уравненіемъ самого содержания греческой рѣчи «бibleйской» и «общей». На дѣлѣ же мы видимъ, что такія филологическая сближенія не рѣдко наклоняются къ прямому уменьшению доктринальной бibleйской самобытности и стремятся поколебать божественную исключительность существеннѣйшихъ бibleйскихъ учений. Слѣдовательно, эта наука будетъ имѣть не отдаленную и виѣшнюю соприкосновенность съ библіологіей, а самое живое и тѣсное отношеніе дорогого средства къ уразумленію и истолкованію Библіи. Къ общеобязательной группѣ должны отойти еще и всѣ теоретическая богословская дисциплины (догматика и нравственное богословіе), какъ представляющія въ научно-систематической формѣ церковно-принятыхъ доктрины, въ которыхъ закрѣпляются, раскрываются и освѣщаются бibleйскія основоположенія вѣры и морали. Въ ряду ихъ необходима и «христіанская апологетика» для научной защиты и рационального разъясненія бibleйско-богословскихъ учений, но эти задачи могутъ цѣлесообразно достигаться лишь при объективно-безпристрастномъ обоснованіи, когда христіанство фактически явится единственно богооткровеннымъ среди всѣхъ прочихъ міровыхъ религій, почему внимательное обозрѣніе послѣднихъ должно быть существенною ингредіентною частію апологетической системы. Но въ православной Академіи всякое изученіе обязывается ограждать именно православіе, а оно всего лучше познается въ своей индивидуальной правотѣ и свойственной самобытности черезъ сличеніе съ другими исповѣданными пониманіями единой бibleйской истины. По этой причинѣ въ общеобязательный курсъ непремѣнно включается «сравнительная символика» съ подробнымъ историко-аналитическимъ разсмотрѣніемъ западныхъ христіанскихъ исповѣданій.

Персое групповое развѣтвленіе необходимо посвятить спеціальному изученію частныхъ библіологическихъ наукъ, изслѣдующихъ Библію въ ея подлинной глубинѣ и во всѣхъ подробностяхъ. Таковы, напр., исторія экзегетики (попреимуществу патристической и потомъ позднѣйшей), текста, переводовъ и бibleйскихъ изданий вмѣстѣ съ бibleйскою палеографіей (и, пожалуй, бibleйскою географіей), всестороннее научное истолкованіе наиболѣе обширнаго круга бibleйскихъ писаній съ детальнымъ филологическимъ текстуальнымъ анализомъ, при чёмъ эту послѣднюю задачу могли бы взять на себя преподаватели бibleйской филологии. Въ связи съ этимъ весьма полезно было бы внимательное ознакомленіе съ главнѣйшими юдейско-раввинскими и юдейско-апокрифическими памятниками и съ «юдейскимъ богословіемъ»; всѣ эти свѣдѣнія

наго Присутствія», т. IV, стр. 69. 71), гдѣ «новозавѣтный греческій языкъ» рисуется и въ научномъ смыслѣ совсѣмъ неточно.

нужны для увѣренной рациональной законченности и въ апологетически-охранительныхъ интересахъ, которые приобрѣтаютъ жизненную настоятельность при современномъ положеніи библейской науки, когда многія коренные библейскія доктрины генетически выводятся изъ разныхъ іудейскихъ источниковъ. Всѣ эти специальности было бы удобно передать профессору библейской археологии, которая и сама по себѣ нуждается въ болѣе солидномъ научномъ преобразованіи. Частію по тѣмъ же принципамъ особыхъ научныхъ запросовъ теперешняго библейского знанія выдвигается новое требование о специальномъ изученіи соприкосновенныхъ съ Библіею народовъ Востока со стороны исторіи, археологии и религії. Эта область вообще слишкомъ мало культивируется въ Россіи, но для библіологіи она имѣеть существенную важность непосредственно и въ виду результатовъ сравнительныхъ ориенталистическихъ изысканій, гдѣ наряду съ положительными заключеніями встрѣчается не мало и отрицательныхъ возвѣній, обязателно вызывающихъ на устраненіе и разъясненія. Посему надо этотъ предметъ обосновать отдельно и документально.

Думаю, что всѣ названныя дисциплины говорять сами за себя и ихъ права достаточно бесспорны для всѣхъ безъ нарочитыхъ апологій. Заслуживаетъ нѣсколькихъ специальныхъ словъ «Жизнь Иисуса Христа», которая рекомендуется для академического научного цикла въ достоинствѣ особой преподавательской отрасли—даже съ независимою кафедрой¹⁾. По этому вопросу я косвенно, но рѣшительно высказывался въ отрицательномъ смыслѣ и въ русской²⁾ и въ иностранной³⁾ печати и, не встрѣтивъ серьезно опровергающихъ возраженій, доселе остаюсь при прежнемъ убѣжденіи. Мотивирую его съ краткою выразительностью. Всѣ защитники обсуждаемаго предмета трактуютъ собственно о несравній важности самого фундаментального освѣдомленія съ земною жизнью Спасителя. Это,—разумѣется,—вполнѣ несомнѣнно, только совсѣмъ не отвѣчаетъ цѣли по своей аксиоматичности, при которой всякая оправдательная рѣчи абсолютно излишни. Нужно вѣдь доказать нѣчто другое, а именно: насколько возможно обычно-научное построение «жизни» Христовой? Вотъ здѣсь-то мы и паталкиваемся на непреодолимыя затрудненія. Но незыблемому научному и общечеловѣческому пониманію, всякая «жизнь» того или иного «героя» должна дать всецѣлое истолкованіе взятой личности изъ современныхъ историческихъ условій—господствующихъ запросовъ и настроеній эпохи, среды, воспитанія и т. п. Лишь тогда мы поймемъ ее съ научною отчетливостію по происхожденію, характеру и значенію ея дѣятельности, какъ исторического фактора въ качествѣ одного изъ натуральныхъ звеньевъ неразрывной цѣпи агентовъ исторического прогресса и всеобщей культуры. Съ этой стороны изъ земного и огра-

¹⁾ См., напр., специальную «записку» этого рода въ приложении къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 4 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 90—94.

²⁾ Евангеліе и Евангелія въ журнале «Вѣра и Разумъ» 1896 г., № 7, стр. 417—424. Ср. и въ «Православной Богословской Энциклопедіи», т. VI (Спб. 1905), стб. 629.

³⁾ The Gospel and the Gospels въ журнале «The Expository Times» XIII, 3 (Edinburgh, December 1901), p. 101—104.

ниченнаго только тварное и ограниченное,—хотя бы даже геніальное,—и можетъ и должно разъясняться съ необходимою удовлетворительностю, безъ которой нѣть и не бываетъ науки. Наоборотъ, вышемірное и божественное принципіально не можетъ раскрываться въ своемъ существѣ изъ космического и обязательно пострадаетъ и исказится по своей природѣ при такомъ неестественномъ комментированії. Едва ли позволительно задумываться, что все это цѣликомъ и съ роковою неизбѣжностю относится къ «жизни» Иисуса Христа. Конечно, Онъ былъ Богочеловѣкъ, и Его земное служеніе ничуть не являлось случайнымъ эпизодомъ бытія; однако, весь земной подвигъ Спасителя опредѣлялся исключительно премірными божественными планами и былъ ихъ божественною реализацией, прямо исчерпываясь идею божественного искупленія. Какъ самая индивидуальность, такъ и всѣ корни земной миссіи Христа лежать въ недовѣдомыхъ тайнахъ неба и не могутъ быть сведены къ земнымъ историческимъ мотивамъ. Иначе получится насильственное прениженіе божественнаго до ограниченнаго съ совершеннымъ извращеніемъ первого, а это всего менѣе научно и желательно. Понятно, далѣе, что тутъ все земное въ жизни Христовой пмѣтъ важность не само по себѣ, но единственно по связи съ божественнымъ—въ качествѣ способовъ его примѣненія къ космическимъ условіямъ. Поэтому многое въ земномъ явленіи Господа Избавителя было лишь побочнымъ и не относилось непосредственno къ самому спасительному подвигу, будучи преходящимъ моментомъ, который не обладалъ собственною искупительною цѣнностю. Таковы, напр., дѣтство, бывшее просто человѣческою стадіей перехода къ возмужалости, и весь періодъ до выступленія на общественное служеніе. Вотъ почему въ Евангеліяхъ мы не встрѣчаемъ ни обычной біографической полноты, ни пунктуальной точности повѣтствованій, не чуждыхъ дисгармоніи въ частностяхъ и не содержащихъ скрупулѣзной тщательности касательно топографіи, хронологіи и проч. Причина сего въ томъ, что они обосновываютъ и иллюстрируютъ божественную спасительность дѣла Христова и въ этомъ отношеніи идеально удовлетворяютъ своей цѣлн, не смотря на внѣшніе литературно-исторіографические дефекты. Напротивъ, всѣ евангельскіе апокрифы, стремящіеся восполнить своимъ детальными и часто странными легендами «пробѣлы» нашихъ каноническихъ записей, рисуютъ крайне уродливый образъ Искупителя и рѣшительно затемняютъ величие Его спасительнаго служенія, которое, не взирая на обиліе фактическихъ матеріаловъ, оказывается вримо не-постижимымъ по своему вѣчному божественному достоинству.

Въ результатѣ находимъ, что у насъ нѣть и достаточныхъ авторитетныхъ данныхъ для построенія научной «жизни» Христовой, а всѣ самыя искреннія усиія въ этомъ направленіи фатально наклоняются къ уменьшению божественности и къ неизбѣжнымъ покушеніямъ на ея природу, когда послѣдняя мотивируется земными факторами. Въ этомъ смыслѣ всякая обычно-научная «жизнь» Христа непремѣнно бываетъ рационалистическою и потому невозможна и недопустима на истинно біблейской православной почвѣ. Въ этомъ съ неотразимостю убѣждаетъ всѣ безчисленные подобные труды, гдѣ даже самые благочестивые опыты

(напр., Фаррара) грѣшать многими рационалистическими элементами и тенденциями. Православное богословіе должно только бороться съ ними и защищать библейско-евангельскую неприкосновенность, но для этого существуетъ «христіанская апологетика» и совсѣмъ неумѣстна особая каѳедра, разъ подлинная жизнь Христа Спасителя познается единственно детальнымъ изученiemъ нашихъ каноническихъ Евангелій въ ихъ непосредственности и соприкосновенности.

По всѣмъ отмѣченнымъ соображеніямъ я безусловно отрицаю самую возможность «жизни» Іисуса Христа, какъ особой научной дисциплины, и—естественно—отвергаю увеличеніе ею цикла академическихъ наукъ даже на специальномъ библейско-богословскомъ отдѣленії. Разумѣется, я вполнѣ цѣню полезность изученія историческихъ условій эпохи Христа Спасителя, но этимъ прежде всего аргументируются лишь фактическая необходимость и жизненная плодотворность подвига Христова, когда мы историческими наблюденіями удостовѣряемся, что все это совершилось, дѣйствительно, въ «полноту временъ» или послѣ того, какъ были исчерпаны всѣ доступные человѣческие рессурсы, почему міръ неотложно нуждался въ божественномъ вмѣшательствѣ. Послѣднее, однако, не вызывалось человѣческими факторами съ такою принудительностью, чтобы они могли быть производящей причиной,—и намъ ясно сказано, что Своего божественнаго Сына послалъ въ міръ Самъ Богъ—Отецъ (Гал. IV, 4) по Своей абсолютной волѣ. Съ другой стороны, эти научно-историческая экскурсія, конечно, помогутъ нашему разуму точнѣе и убѣжденнѣе понять все величие и божественную спасительность искупительного дѣла Христова. Только это опять же не будетъ собственно научная «жизнь» Іисуса Христа, а лишь супplementарное пособіе къ осмысленному постиженію евангельскихъ повѣствованій. При данной постановкѣ мы получимъ въ этихъ изысканіяхъ то, что принято называть и разрабатывать на Западѣ подъ именемъ «исторіи новозавѣтныхъ временъ» (*Neutestamentliche Zeitgeschichte*). Въ этомъ видѣ указанная дисциплина, успѣшно культивируемая въ западной богословской наукѣ, весьма желательна въ академическомъ курсѣ въ качествѣ добавочнаго предмета (напр., при библейской археологіи, библейской исторіи) или особой штатной приватъ-доцентуры при существующихъ библейскихъ каѳедрахъ; послѣднее было бы болѣе полезно и рационально.

Библейскими науками не исчерпывается цѣлостный кругъ специальностей библіологического отдѣла. По существу своему, полнота божественной истины хранится въ Церкви, созидаемой Отцемъ чрезъ Сына въ Духѣ Святомъ. Эта истина сообщается человѣчеству въ откровенії, которое закрѣпляется въ словѣ Писанія и разъясняется пзъ неизсказаемаго источника подлиннаго церковнаго преданія. Второе неразрывно отъ первого фактически и должно занять мѣсто наряду съ нимъ при научномъ познанії. Такъ при библіологии обязательна патрологія съ подробнымъ изученiemъ соотвѣтственныхъ памятниковъ. Однако и она можетъ превратиться въ холодное изслѣдованіе, получивъ характеръ просто «исторіи древне-христіанской литературы». Это именно нынѣ часто проектируется и съ успѣхомъ осуществляется во многихъ солидныхъ трудахъ

(напр., Ad Harnack'a, G. Krüger'a), да еще въ такой степени, что туда втягивается—почти съ равнымъ значеніемъ—вся новозавѣтная каноническая письменность. Подобное направлениe было бы противно самому положенію въ академическомъ научномъ циклѣ даннаго предмета. Его задача заключается вовсе не въ одномъ чисто литературномъ обозрѣніи сохранившихся документовъ, а главище всего въ томъ, чтобы отчетливо прослѣдить непрерывное развитіе, взаимную преемственность и внутреннее согласіе въ ходѣ исторического раскрытия церковнаго преданія. Съ этой точки зрѣнія индивидуальная оригинальность того или иного патристического автора лишается обычной цѣнности, иногда получая характеръ даже случайного уклоненія отъ нормы, и—наоборотъ—вся сила сосредоточивается на принципіальномъ тожествѣ морально - доктринальскаго ученія съ библейско-христіанскими доктринальными первоосновами. По своему замыслу патрологическое изысканіе должно быть устремлено на доктринальскую стихію въ ся солидарномъ,—хотя бы и многообразномъ,—освѣщеніи, въ конечномъ же итогѣ оно обязано сводиться къ доктринальному объединенію и завершаться послѣднимъ¹⁾). Исно, что въ академическомъ преподаваніи патрологическое изученіе можетъ имѣть полную важность лишь при неотлучной связи съ «патристикою», для чего требуется специальный курсъ или особая штатная приватъ-доцентура.

Въ результатѣ всего *первое отдѣленіе является «библейско-патристическимъ»*. На немъ будуть всесторонне обслѣданы библейско-богословскія истины, изысканіе которыхъ должно научнымъ методомъ убѣдить, что онъ служать мѣриломъ христіанской вѣры и непремѣннымъ правиломъ достойной жизни. По этимъ свойствамъ вполнѣ безспорно ихъ всецѣлое и исконное предназначеніе къ практическому осуществлѣнію во всемирно-историческомъ процессѣ. Здѣсь выступаетъ предъ нами новая великая задача основательнѣйшаго изученія міровой исторіи съ богословско-библейской стороны. Эта сфера тѣсно и внутренно соприкасается съ библіологіей, поскольку пріобрѣтаетъ всѣ права обособленной самобытности въ исключительности своего библейского первоисточника, изъ которого проистекаетъ и который примѣняетъ въ извѣстныхъ конкретныхъ фактахъ. Уже по одному этому церковно-христіанская исторія требуетъ специального изученія, но есть у нея еще и своя собственная цѣнность. Жизнь Церкви, служа частію посильнымъ воплощеніемъ, частію живымъ комментаріемъ библейской истины, сама оказывается важнѣйшимъ моментомъ реализаціи цѣлеположныхъ божественныхъ плановъ. Тутъ она бываетъ главнѣйшою стадіей вдоворенія среди людей правды Божіей по пути отъ царства Христова чрезъ Церковь Господа и Спаса нашего Іисуса Христа съ завершеніемъ въ царствѣ Бога и Отца. Здѣсь церковная жизнь, будучи однимъ изъ элементовъ трехчленнаго замкнутаго круга, необходимо получаетъ нѣкоторую самостоятельность, почему для нея нужно и особое научное изслѣдованіе. Всѣмъ этимъ

¹⁾ Это, конечно, не исключаетъ обозрѣнія новозавѣтныхъ апокрифовъ и сектантско-еретическихъ писаний именно со стороны косвенного или отрицательного освѣщенія подлинно церковнаго преданія; въ случаѣ необходимости, для нихъ можно бы отвести отдельный курсъ, хотя бы даже и съ особою приватъ-доцентурой.

вызывается и обосновывается надобность *во второмъ академическомъ отдѣленіи церковно-исторического содержанія и характера*. Таковое было унасть всегда, достаточно оправдывается самою своею наличностію и дѣлаетъ излишнею всякую апологетическую аргументацию. Полезно развѣ прибавить нѣсколько словъ о болѣе широкой и детальной постановкѣ изученія соотвѣтствующихъ предметовъ. Конечно, отзывается немалою крайностію то мнѣніе, будто (древняя общая) «церковная исторія является матерію всѣхъ богословскихъ наукъ», но отмѣченная нами важность христіанской церковно-исторической жизни принудительно обязываетъ къ самому внимательному ея обозрѣнію во всѣхъ главнѣйшихъ направленияхъ и отношеніяхъ. Несомнѣнно, что количество каѳедръ должно быть значительно увеличено. Для восточной церкви на всемъ ея протяженіи требуется *minimam* двѣ, да желательна хотя штатная приватъ-доцентура для «отдѣленыхъ восточно - христіанскихъ обществъ». Обособленное западное церковное развитіе едва ли можетъ быть пройдено въ академической системѣ безъ объективнаго разсмотрѣнія, которое нужно для научной полноты и ради беспристрастнаго самопознанія. Помѣстныя славянскія и румынскія православныя церкви тоже достойны специального изученія. Не менѣе сего безспорно это для ближайшей къ намъ Русской церковной исторіи. Но моему глубокому убѣждѣнію, для нея будетъ, пожалуй, мало и двухъ отдѣльныхъ каѳедръ, если сообразить жизненность и непосредственность интереса касательно этой родной для насъ области, гдѣ, не надѣясь на чужую помощь, именно мы обязаны самостотельно собрать, детально анализировать, научно сгруппировать и всесторонне освѣтить весь многоразличный матеріаль. Я настолько твердо увѣренъ въ этомъ, что — въ случаѣ необходимости — готовъ быль бы пожертвовать особою каѳедрой расколо-сектантства; она, обозрѣвая лишь одно изъ частныхъ явленій русской церковно-исторической жизни, не имѣть для своей самобытности равныхъ принципиальныхъ основъ и больше держалась соображеніями практической пользы ¹⁾), а для этого можно бы ограничиться штатными приватъ-доцентурами, ибо общая оцѣнка ихъ предмета будетъ дана въ церковно - историческихъ курсахъ. Но церковно-историческое теченіе должно совершаться по заповѣданнымъ для него христіанскимъ нормамъ и само постепенно вырабатывается приспособительная юридическая начала для вѣрнаго и упорядоченного развитія. Отсюда въ церковно-историческомъ циклѣ Духовныхъ Академій съ неизбѣжностію является «церковно-каноническое право», которое и вообще можетъ быть постановлено вполнѣ научно собственно на исторической почвѣ, хотя бы для этого потребовалось

¹⁾ Но и съ этой стороны я сомнѣваюсь, чтобы оо. и гг. миссионеры приносили много пользы православію. Гдѣ дѣло касается упованій и воздыханій сердечныхъ, охватывающихъ религіозно все существо человѣка, тамъ, конечно, вполнѣ умѣстно и научно-раціональное убѣжденіе, но тутъ требуетъ напередъ подготовить почву для симпатического восприятія, а это достигается прежде всего посильнѣемъ исполненіемъ апостольской заповѣди: *образъ буди вѣрнымъ словомъ, экспіціемъ, любовию, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. IV, 12)... Для освѣдомленія же съ положеніемъ и полемикою наасчетъ мѣстнаго расколо-сектантства достаточно доцелнительныхъ семинарскихъ курсовъ, которые потомъ должны обогащаться пастырскимъ опытомъ и самостоятельными занятиями.

привлечение нѣсколькихъ специальныхъ юридическихъ вспомоществованій въ особыхъ отдѣлахъ или приватъ-доцентскихъ чтеніяхъ. Ипачуть не забываю я церковной археологии съ літургикою и — напротивъ — думаю, что для нихъ непремѣнно нужны два преподавателя, при чёмъ для меня наиболѣе желательно документальное изученіе всѣхъ літургическихъ памятниковъ, ионынъ остающееся у насъ въ горестномъ пренебреженіи; его совсѣмъ напрасно подавляется позиціонное церковно-археологическое увеличеніе, гдѣ съ Академіями успѣшно конкурируютъ наши Университеты. Отвожу рѣчь объ этихъ академическихъ дисциплинахъ на конецъ по той естественной причинѣ, что здѣсь наука прямо соприкасается съ жизненною практикой. Слѣдовательно, въ академическомъ преподаваніи должно быть свое мѣсто и для послѣдней. И всегда исторія, рисуя въ научномъ освѣщеніи минувшую жизнь, въ то же время направляетъ къ лучшему жизненному дѣланію, служить для него надежною пропедевтикой и объективнымъ учителемъ, за свидѣтельствованнымъ въ горнилѣ исторически-неложного и фактически-правдѣренаго опыта. Эта тѣсная связь обязываетъ включить въ церковно-историческую среду известное количество «практическихъ» дисциплинъ, каковы еще, напр., пастырское богословіе съ пастырскою педагогикой и гомилетика или церковное краснорѣчіе съ исторіею христіанскаго проповѣдничества¹⁾). Въ виду всего этого и *второе специальное академическое отдѣленіе справедливо бы назвать церковнымъ «историко-практическимъ».*

Всѣми перечисленными и другими сродными предметами достаточно обнимаются важнѣйшія богословскія научные отрасли. Они образуетъ взаимно сплоченный кругъ и собственно ничуть не нуждаются въ ино-родномъ предметномъ расширеніи. При такомъ пониманіи можно болѣе безпристрастно, проникновенно и безобидно взглянуть на составъ и положеніе въ академическомъ курсѣ всякихъ свѣтскихъ дисциплинъ. Послѣднія допустимы въ немъ лишь въ мѣру богословскихъ потребностей, насколько надобны для достиженія богословскихъ цѣлей и вспомогательно удовлетворяютъ имъ. Отсюда первое слѣдствіе будетъ то, что энергическая предложенія, — чутъ не требованія, — о широкомъ увеличеніи теперешняго цикла академическихъ свѣтскихъ наукъ не находятъ незыблемой опоры въ существѣ библейско-богословскаго знанія и должны быть рѣшительно ограничены сообразно специальными академическими идеаламъ²⁾, при чёмъ совершенно и принципіально устраиваются упорныя

¹⁾ Касательно гомилетики и по отношенію къ Духовнымъ Семинариямъ я просилъ (на засѣданіи V-го отдѣла 26-го апраля 1906 года) обратить серьезнѣйшее вниманіе на истинно усиленное культтивированіе этого предмета, безъ котораго наша духовная школа (съ пастырскимъ заданіемъ) является прямо уродливкою. Вѣдь и горько и странно, что (будущие) «служители слова» нынѣ не владѣютъ ни теоріею, ни практикой «слова», даже иррешебрятъ ими.. Крайне печально, что у насъ почти пѣть дѣйствительныхъ проповѣдниковъ, а выдѣляются лишь любители вѣнѣшней аффектаціи и всякой мишурой шумихи...

²⁾ Съ особенно упорною настойчивостію рекомендовалась «необходимость введенія въ составъ академического курса основъ высшей математики и физики и учрежденія въ Академіи по этимъ предметамъ постоянныхъ приватъ-доцентуръ» (см. приложение къ «Журналамъ совета С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ

притязанія на легализацію права получения въ Духовныхъ Академіяхъ всѣхъ и всякихъ ученыхъ степеней¹). Православная Духовная Академія не Universitas omnium litterarum divinarum et humanarum et artium и не можетъ служить запросамъ всякой человѣческой любознательности. Конечно, было бы симпатичною, благодарною и грандіозною задачей, еслибы богословская академическая наука взялась осмыслить и пере-

---

при «Христ. Чтенія» 1907, № 4 [и отдельно, Спб. 1907], стр. 136 — 138 и въ «Журналѣ и Протоколахъ Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 171—172). На это я указывалъ (16-го ноября 1906 г.), что въ прежнее время, когда въ Академіяхъ было математическое отдѣленіе, оттуда выходили крайне неудовлетворительные преподаватели математики, а такъ какъ среди нашихъ студентовъ иногда бываютъ и нынѣ любители математического знания, то лучше было бы, не учреждать особыхъ каѳедръ академическихъ математическихъ наукъ, посыпать склонныхъ къ математикѣ кандидатовъ богословія въ Университеты,—года на два,—для слушанія лекцій па физико-математическихъ факультатахъ (см. ниже стр. 40.). Кромѣ того, въ настоящее время открыть болѣе свободный доступъ семинаристамъ въ Университеты. И можно думать, что изъ такихъ семинаристовъ найдутся желающіе поступить преподавателями математики въ близкія имъ Семинары, где теперь условия службы значительно измѣнились къ лучшему и почти сравнялись съ гимназическими. Затѣмъ, пусть математика полезна для «философіи», но это значить только то, что самъ академический преподаватель ея долженъ застась нужными свѣдѣніями и изложить все въ доступной для слушателей формѣ. По существу дѣла вообще странно было бы учреждать особыя вспомогательныя каѳедры для самихъ профессоровъ, какъ будто они неспособны къ собственному научному усовершенствованію даже въ необходимыхъ для нихъ дисциплинахъ... Вѣдь у богослововъ неизмѣримо больше такихъ потребностей,—и чтѣ бы тогда получилось у насъ въ Академіяхъ, еслибы они заявили подобная притязанія?.. Ни ст. утилитарно-практической, ни ст. научно-педагогической точки зрѣнія предложенный проектъ для меня совершенно непріемлемъ, а яко бы физіологію можно изучать самостоятельно, безъ лабораторій и опытовъ, для высшей же математики неизмѣримо требуется специальнъй менторъ,—этого я совсѣмъ не понимаю. И замѣчательнѣе всего то, что теперешній проповѣдникъ инвалидности академическихъ преподавателей для математического автодидактизма въ 1893 году даже о себѣ думалъ по этому вопросу совершенно иначе (см. «Журналы совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1893—1894 г., Спб. 1894, стр. 128)... О предполагаемомъ важномъ со участіемъ математическихъ наукъ въ академическомъ богословско- философскомъ образованіи съмъ думать отрицательно, какъ усерднѣй слушатель въ Московской Духовной Академіи «естественно-научной апологетики», построившейся преимущественно на естествознательно-математическихъ основахъ, поскольку самая дисциплина эта замѣнила тамъ цѣлое математическое отдѣленіе, упраздненное уставомъ 1884 года. Наконецъ, весь рассматриваемый проектъ обсуждался въ С.-Петербургской академической комиссіи и не встрѣтилъ здѣсь сочувствія, при чемъ—по точнымъ справкамъ у специалистовъ—не оправдались п финансовые расчеты соискателя математическихъ пособій:—опыт утверждалъ, что потребуются лишь незначительныя средства, а у насъ получились довольно грандіозныя цифры...

¹) Я думаю также, что на свѣтсія каѳедры могутъ быть отводимы только сверхштатныя приват-доцентуры. Свѣтсіе академические предметы, будучи вспомогательными, по такому своему положению собственно не въ правѣ даже и претендовать на дополнятельный пособія въ особыхъ дисциплинахъ, когда они сами обратили бы въ основныхъ наукахъ, между тѣмъ упорное стремленіе ихъ къ чрезмѣрному расширению грозить поглотить всѣ ресссы, которые безусловно и жизненно необходимы въ специальныхъ интересахъ научного преподаванія для большинства библейско-богословскихъ, церковно-историческихъ и церковно-практическихъ каѳедръ. А каковы по этой части аппетиты свѣтсіхъ профессоровъ, — это показываетъ, напр., недавній случай въ С.-Петербургской Духовной Академіи, где сложными путями старались достигнуть того, чтобы «юбилейный» и «Григоріевскій» капиталы, имѣющіе строго опредѣленное назначение, разрѣшено было утилизировать, между прочимъ, въ виду «обращенія психологіи изъ опытной въ экспериментальную, нуждающуюся въ особыхъ приборахъ; только митрополитъ Антоній приостановилъ эти замыслы категорическою резолюціей (отъ 23-го декабря 1905 года): «Проектъ комиссіи совершенно видоизмѣнился волю учредителей капитала, ясно и точно обозначенную, чего допустить нельзя». (см. «Журналы совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 г., Спб. 1907, стр. 124. 129)...

строить въ своемъ духѣ всѣ соприосновенныя гуманитарныя человѣческія знанія¹), но теперь,—когда до сихъ порь совсѣмъ не видно выдающагося участія академической науки въ ученомъ прогрессѣ гуманитарного вѣдѣнія,—это возможно развѣ по завершениіи научнаго богословскаго развитія—въ особой богословской «Академіи наукъ»²), а при наличныхъ средствахъ для академическихъ дѣятелей непосильно и скорѣе поведеть къ искусственной тенденціозности, теоретически вредной и практически опасной.

Вторымъ примѣненіемъ библейско-богословскаго взгляда будетъ извѣстная трансформація во взаимныхъ отношеніяхъ свѣтскихъ предметовъ. Среди нихъ на первый планъ больше всего выдвигается исторія, какъ раскрывающая ту среду, которая служила почвой, гдѣ происходило творчество религіозной мысли и гдѣ совершалось возрастаніе церковно-христіанской жизни. Доселѣ эту дисциплину у насъ побѣдоносно оспаривала «философія», но я осмѣливаюсь думать, что она должна уступить немалую долю своего мѣста даже филологіи. Послѣдняя изучаетъ важнѣйшій органъ человѣческаго духа и, вводя въ интимные тайники его, всего больше помогаетъ серьезному разумному проникновенію въ глубины Слова Божія, въ которомъ закрѣплены вѣчные глаголы Единороднаго Слова Божественнаго. Отсюда безспорна вся плодотворность разностороннаго филологическаго изученія, и тѣмъ очевиднѣе жалкая беспомощность современаго академическаго положенія. Не имѣя твердой опоры и соотвѣтственаго примѣненія, греческій и латинскій языки теперь играютъ какую-то убогую, изгойную роль, почему въ Академіяхъ они нынѣ не могутъ ни усвояться, ни развиваться въ должной степени. Этимъ объясняется печальный фактъ, что духовно-академическая филологія,—говоря вообще,—не даетъ специалистовъ и съ собственной сферѣ и въ библейской области. Понимая все это и скорбя о семъ, я вовсе не удивляюсь, что—въ качествѣ редактора «Православной Богословской Энциклопедіи»—во всѣхъ четырехъ Академіяхъ не нашелъ автора для статей о Конѣ (въ связи съ «библейскимъ греческимъ языкомъ») и о библейско-церковной латыни, между тѣмъ свѣтскіе профессора быстро написали отличные научные трактаты. Этотъ грустный примѣръ³) только неотразимѣе убѣждаетъ меня, что въ нашихъ Академіяхъ необходимо солиднѣе и всестороннѣе поставить филологическое изученіе, хотя бы ради этого пришлось по-

¹) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 706 (V-го отдѣла).

²) Нѣкоторые посягаютъ съ этою мыслію и теперь... Мы, конечно, можемъ мечтать о массѣ прекрасныхъ идей и вещей, но должны помнить, насколько осуществимы эти мечты. Кто желаетъ слишкомъ многаго, тотъ чаще не получаетъ ровно ничего... Намъ надоѣло стараться улучшить наличныя условія академической жизни, чтобы лучше достигались ученыя богословія цѣли при помощи существующихъ учрежденій. Будемъ думать не столько о проектахъ, сколько о дѣлѣ, и пожелаемъ служителямъ его самоотверженной преданности, готовой все принести на алтарь русской богословской науки... Тогда только и будетъ добрый успѣхъ.

³) Ізъ виду удивительного, но несомнѣнно обнаруженного нѣкоторыми «академическими филологами» непониманія вынуждаючи подчеркнуть, что я разумѣю не собственно лицъ, которыхъ могутъ быть высоки авторитетными, а положеніе вещей, при чѣмъ мои слова относятся также и къ профессорскимъ ученикамъ—классикамъ.

жертвовать исторію греческой и латинской литературы. — И прямая обязанность наша и несомнѣнная польза для академического библейского преподаванія вызываютъ выдѣленіе особой кафедры для систематического научного обозрѣнія родной намъ рѣчи. Не странно ли, что слушатели и глашатаи «Божественного слова» не знаютъ всесторонне своего «слова человѣческаго» и часто не владѣютъ имъ въ необходимой чистотѣ? Но современный русскій языкъ, научно отсылающій къ «сравнительному языкоznанію», генетически связанъ съ древнимъ церковнославянскимъ и постулируетъ къ нему. Къ этому принудительно наклоняютъ требованія Церкви и живого участія въ ея службѣ. Мы отвыкли отъ торжественныхъ, внушительныхъ и стройныхъ глаголовъ просвѣтившей насъ христіански Библіи славянской, съ трудомъ постигаемъ ее во всѣхъ тонкихъ оттѣнкахъ, претыкаемся даже относительно позднейшей церковной рѣчи и вообще растеряли званіе и вкусъ въ области славянской филологии. Непремѣнныи долгъ Духовныхъ Академій со всею научною энергией способствовать прогрессу и распространенію славяно-русскаго языковѣданія.

Что до «философіи», то—по своему существу—она стремится къ рационально-разсудочному решенію вопросовъ бытія, мысли и жизни. Въ такомъ случаѣ тутъ принципіально неотрицаемъ характеръ натуральной конкурентности съ богословіемъ—при внутренней разности главнейшихъ средствъ, одушевляющихъ упованій и исходныхъ началь. Завидно очевидностію,—о первыхъ излишне говорить подробно, но о вторыхъ слѣдуетъ замѣнить, что философія утверждается на автономной компетентности человѣческаго разума и направляется къ рационально-самобытному пониманію, а богословіе базируется на отказѣ отъ рациональной человѣческой авторитетности, исповѣдуя доктринально, что мы не столько сами познаемъ Бога, сколько бываемъ познаны отъ Него (Гал. IV, 9), и увѣнчивается вѣрой, которая иногда смѣло провозглашаетъ: *credo, quia absurdum est*¹! Равнымъ образомъ, первая чаще отправляется отъ сомнѣнія и своимъ лозунгомъ ставить категорическое *«dubito»*, богословіе же созидаeтся на незыблемой внѣрациональной увѣренности и на своеимъ знамени носить священный девизъ (Евр. XI, 3): *πιστει νοοῦμεν*²). При условіяхъ подобной диспаратности ничуть не экстраординарно, если мы не встрѣчаемъ строгаго совпаденія обѣихъ стихій и въ формальномъ и въ материальномъ отношеніяхъ. Съ изъясненной библейской точки зрења необходимо согласиться, что есть немалая доля

¹) Ср. у *Тертуліана* еще слѣдующія сужденія: *credibile est, quia ineptum est... certum est, quia impossibile* (*De carne Christi*, cap. 5: Migne, lat. ser. t. II, col. 761). *Ipsae denique haereses a philosophia subornantur... Quid ergo Athenis et Hierosolymis? quid Academiae et Ecclesiae? Quid haereticis et Christianis?... Cum credimus, nihil desideramus ultra credere. Hoc enim prius credimus, non esse quod ultra credere debeamus* (*De praescriptionibus adversus haereticos*, cap. 7: Migne lat. II, col. 19. 20. 21). *Quid ajeo simile philosophus et christianus, Graeciae discipulus et Coeli, famae negotiator et salutis, verborum et factorum operator, rerum aedificator et destructor, interpolator erroris et integrator veritatis, furator ejus et custos?* (*Apologeticus*, cap. 46 и ср. 47 sqq: Migne lat. II, col. 514. 515 sqq.). Ср. также *Le anima* I, 3 (Migne lat. II, col. 647—648. 651—652).

²) Любопытно подчеркнуть еще, что Апостолъ Павелъ привѣствуетъ Филолога (Рим. XVI, 15), но внушаетъ не увлекаться философіею и тщетною лестію (Кол. II, 8)...

истини въ распространенномъ и авторитетномъ мнѣніи западной науки, будто привхожденіе философскихъ и теософическихъ элементовъ омрачало библейскую чистоту и затемняло прозрачность библейского созерцанія въ ущербъ его натуральной цѣлостности. Для убѣжденія въ этомъ довольно будетъ напомнить хотя бы о неканоническихъ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ, гдѣ библейская основы приобрѣтаютъ разсудочную случайность, а иногда даже иѣсколько искажаются во многихъ пунктахъ. Для наглядности достаточно, напр., сравнить аналогичные моменты богословскаго ученія автора книги Премудрости Соломоновой и св. Апостола Павла. Въ дальнѣйшемъ не менѣе характерна весьма замѣтная разница между мужами апостольскими, тѣсно примыкающими къ новозавѣтной канонической письменности, и послѣдующею патристическою литературой, начиная съ апологетовъ, когда рационально-философская теоретика постепенно вытѣсняетъ библейскую простоту и непосредственность. Правда, потомъ философія играла немалую роль въ доктринальномъ церковномъ строительствѣ¹⁾, но это вызывалось не внутренними потребностями, а виѣшними условіями. Дѣло въ томъ, что еретики и сектанты утверждались въ своихъ исключительныхъ воззрѣніяхъ на разныхъ философскихъ системахъ и началихъ, противопоставляя ихъ общечерковнымъ ученіямъ. Естественно, что въ интересахъ оппозиціи и самораскрытия Церковь примѣнила то же средство и къ своимъ доктринальнымъ конструкціямъ. Опять безспорно, что здѣсь философское сотрудничество призвано по случайнымъ мотивамъ, да еще остается серьезнымъ вопросомъ, насколько оно было вполнѣ благотворнымъ... Нѣть надобности распространяться о всей позднѣйшей исторіи, но, кажется, для всѣхъ безспорно, что именно философскому участію она болѣе всего обязана мертвенною сколастикой, которая доселѣ тяготѣть надъ духовною нашею наукой, литературой и школой въ видѣ безжизненной отвлеченности. Мы ничуть не отрицаемъ важныхъ услугъ философіи богословскому званію и протестуемъ собственно противъ преувеличеній. Въ этомъ отношеніи совсѣмъ напрасно съ такою тенденціозною превлекаются и эксплуатируются²⁾ нѣкоторыя древне-христіанскія сужденія съ оттѣнками философскаго фаворитизма (св. Іустина муч., Клиmenta alexis.), поскольку они ничуть не были преобладающими, въ общемъ подавлялись обратными мнѣніями и—главное—имѣли не принципіальное обоснованіе, а почти исключительно апологетически-миссіонерскій смыслъ, почему всегда и доселѣ варіируются примѣнительно къ той или другой средѣ миссіонерскаго дѣланія христіанскаго. Для всей же совокупности фактъ несомнѣнно, что философское содѣйствіе было лишь соподчинено-вспомогательнымъ и разрѣшалось ощущительными уклоненіями отъ библейской нормы³⁾ при всякихъ самоувѣренныхъ стремле-

¹⁾ Ср. и въ докторской диссертациіи проф. А. А. Спасскаю, Исторія доктринальныхъ движений въ эпоху вселенскихъ соборовъ (въ связи съ философскими ученіями того времени), т. I: Тринитарный вопросъ, Сб.-Тр. Сергиева Лавра 1906.

²⁾ Между прочимъ, это несомнѣнно и для А. П. Высокоостровскаю, О правѣ духовныхъ академій присуждать ученыя степени по философскимъ наукамъ въ «Христіанскомъ Чтепії» 1906 г., № 5, стр. 769—761.

³⁾ Не отсюда ли объясняется страшное и ответственное дерзновеніе проф.

ніяхъ къ совершенной независимости въ вопросахъ богооткровенnoй религії¹⁾. Естественно, что у насъ до сихъ поръ не имѣется религіозно-христіанской философской системы, которая вполнѣ выдерживала бы безпристрастный искусъ библейско-богословской критики. А на православно-русской почвѣ не было и законченныхъ попытокъ въ этомъ направлениі, и всѣ покушенія такого рода сопровождались неудачею по причинѣ неустранимой антиноміи библейско-православныхъ началь съ рационально-философскою автономіей. И мы гордимся единственно тѣмъ, если можетъ назвать «русскаго Оригена» (Вл. С. Соловьева), но понятное и извинительное не позже первой четверти III-го вѣка совсѣмъ не столь законно и достохвально въ XX-мъ столѣтіи...

Мнѣ думается, не будетъ ни абсурдомъ, ни обидой утверждать на основаніи вышеизложеннаго, что для Академій требуется пожелать лучшаго приспособленія къ собственнымъ цѣлямъ духовно-академического образованія всѣхъ наличныхъ философскихъ дисциплинъ. Въ этомъ интересахъ едва ли нужно ихъ расширение, да еще со введеніемъ новыхъ, совершенно свѣтскихъ, вспомогательныхъ предметовъ. Наоборотъ, «метафизика» — въ достаточно извѣстной мнѣ академической постановкѣ — всего менѣе «нормативна» и заключаетъ мало собственного содержанія, являясь осмысленнымъ систематическимъ обобщеніемъ историко-философского обозрѣнія, а цѣнныя для богословія части ея входятъ въ составъ, напр., апологетики²⁾. Посему эту науку можно бы присоединить къ «исторіи философіи», или назначить для нея приват-доцентуру³⁾. Тогда логика отошла бы къ психологіи, съ которой связывается и исторически и по внутреннему сродству, какъ было до недавняго времени даже и въ С.-Петербургской Академіи, гдѣ разъединеніе произведено по не совсѣмъ яснымъ причинамъ⁴⁾.

Въ равной мѣрѣ богословскіе запросы побуждаютъ къ особой аккомодативности въ постановкѣ самаго преподаванія «философіи» въ различныхъ ея развѣтвленіяхъ. Такъ, психологія все болѣе и болѣе получаетъ экспериментальное направление, начинающее пріобрѣтать сильное преобладаніе даже въ академическихъ «философскихъ» кругахъ, гдѣ про-

Н. К. Никольскою, который говоритъ (въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 2, стр. 199), яко бы «вѣра питомца Академій тяпть къ протестантизму?» Жестоко слово сіе, но — къ счастію — фактически оно не столько вѣрно, сколько хлестко, хотя даетъ поводъ къ рѣзкимъ антиакадемическимъ выходкамъ — въ родѣ иорицательныхъ статей г. М. О. Меньшикова (въ «Новомъ Времени» №№ 11.078, 11.085, 11.187, 11.194 и 11.201 за 14-е и 21-е января, 6-е, 13-е и 20-го мая 1907 года), которыхъ тяжко даже и читать... Впрочемъ, см. у И. В. Прображенской въ «Колоколѣ» № 406 и 408 за 9-е и 13-е июня 1907 г., стр. 1.

¹⁾ О нѣкоторой взаимной противности христіанства и философіи см. еще авторитетныя замѣчанія у французскаго мыслителя М. Гюйо въ трактатѣ «Воспитаніе и наслѣдственность» въ собрании сочинений, т. IV (III), Спб. 1900 (1899), стр. 275.

²⁾ И сами служители академической «метафизики» иногда официально сознаются въ томъ, что преподавать ее въ тенереллѣ постановкѣ невозможно...

³⁾ Въ заграничныхъ (напр., германскихъ) Университетахъ подъ именемъ и на каѳедрѣ «философіи» преподается совсѣмъ не наша «метафизика», доселѣ сохранившая свой арханческій типъ.

⁴⁾ Сколько знаю по частнымъ авторитетнымъ свѣдѣніямъ (отъ проф. М. И. Каринского), — это присоединеніе логики къ «метафизикѣ» мотивировалось главнѣе всего скучностю содержанія второй, въ академическомъ ея преподаваніи.

повѣдуютъ и даже осуществляютъ «обращеніе ея изъ опытной въ экспериментальную»¹). Не оспариваю ни законности, ни плодотворности подобныхъ работъ въ собственной сферѣ, но не въ правѣ скрывать отъ себя, что главнѣйшія предпосылки ихъ далеко не солидарны съ библейскими. Экспериментальная психологія беретъ и разсматриваетъ человѣка въ эмпирическомъ опыта, всецѣло отправляясь въ своихъ построеніяхъ отъ послѣдняго, принимая его за базисъ всѣхъ дальнѣйшихъ реконструкцій. Для библейской антропологіи человѣкъ дорогъ лишь постольку, поскольку онъ, будучи «душею живой» по творческому акту божественному, отражаетъ въ себѣ *неэмпирический* «образъ Божій». Библія смотрѣть обратно—сверху внизъ—и второе оцѣниваетъ и судить по первому. Виѣ такого соотношенія все эмпирическое является равно тварнымъ, и въ немъ всѣ градации опредѣляются уже тѣмъ, въ какой степени и сохраняется ими или нѣтъ это тварное бытіе. Отсюда въ библейскомъ ученіи формулируется тезисъ, что—съ эмпирической точки зреінія—*живой песь той благъ паче льва мертваго* (Екклез. IX, 4). Теперь понятно, что въ Духовныхъ Академіяхъ необходимо пользоваться результатами психологического эксперимента (не всегда противополагаемаго интроспекції: см. Osw. Külpe, Martius, Münsterberg, доц. И. П. Четвериковъ въ «Журналахъ совѣта Киевской Дух. Академіи» за 1905—1906 г. при «Трудахъ» послѣдней 1906 г., № 11, стр. 361, и др.), но нѣтъ надобности специально культивировать экспериментальную психологію со всѣмъ соответственнымъ антуражемъ. Вѣдь и въ наилучшихъ западныхъ учрежденіяхъ она разрабатывается въ этомъ видѣ вовсе не при богословскихъ факультетахъ и совсѣмъ не ради богословскихъ нуждъ²). Тѣмъ менѣе богословскихъ побужденій закрѣплять за нею столь исключительный характеръ въ специальной высшей православно-духовной школѣ, где доселѣ едва ли пробовали серьезно касаться библейскихъ психологическихъ доктринъ, а о систематическихъ занятіяхъ ими и совершенно не слышно даже «до днешняго дне», если не упоминать о нѣкоторыхъ печальныхъ опытахъ данного сорта³).

Общій итогъ нашихъ наблюденій и соображеній будетъ тотъ, что въ академическомъ курсѣ свѣтской науки требуютъ цѣлесообразнаго ограниченія и плодотворнаго приспособленія къ главенствующимъ библейско-богословскимъ задачамъ. Этимъ самымъ вызывается мысль, что ихъ неудобно вводить въ общебогословскую классификацію, такъ какъ, будучи супплементарнымъ пособіемъ, свѣтскія дисциплины должны нарушать стройность чисто богословской конструкції⁴). Съ другой стороны,—въ качествѣ вспомогательныхъ средствъ—онѣ могутъ потребоваться для самыхъ разнообразныхъ богословскихъ предметовъ при специальному изу-

¹) См. «Журналы совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 г. (Спб. 1907), стр. 124.

²) См. обз. институтахъ экспериментальной психологіи въ Лейпцигѣ, Парижѣ, Боннѣ, Гейдельбергѣ и Берлинѣ даже у специальнаго ея защитника проф. В. С. Серебренникова въ «Журналахъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1893—1894 г. (Спб. 1894), стр. 113—123.

³) См. для образца въ «Православной Богословской Энциклопедіи», т. V (Спб. 1904), стбл. 130—139, и ср. къ сему т. VI (Спб. 1905), стр. 1019.

⁴) См. и ниже на стр. 49—50.

ченій ихъ на группахъ или въ «семинаріумахъ». Но всѣмъ этимъ при-
чипамъ я склоненъ не только предлагать, но и настаивать, чтобы всѣ
свѣтскія академическая науки—въ цѣлесообразно принятомъ объемѣ—
были выдѣлены въ особую «необязательную» категорію, не входящую
въ богословскую систему. Здѣсь по взаимному сродству всѣ части этого
цикла разграничиваются на мелкие, тѣсно сплоченные разряды (напр.,
исторический, филологический, философский, литературный),—и студенты
могутъ выбирать любой изъ нихъ по собственному научному влечению,
когда для каждого достаточно выяснится личная надобность въ томъ или
другомъ свѣтскомъ пособіи. Посему всячески справедливѣ и полезнѣе
для педагогической плодотворности, чтобы это свѣтское изученіе начи-
налось не ранѣе, чѣмъ черезъ годъ пребыванія въ Академіи—послѣ при-
обрѣтенія солидныхъ научныхъ основаній къ осмысленному самоопредѣ-
ленію, которое, однако же, всегда будетъ нуждаться въ руководствѣ бо-
гословскихъ профессоровъ. Напрасное полемическое подозрѣніе, что при
подобномъ строѣ свѣтской науки потеряютъ свою важность и подверг-
нутся всякимъ случайностямъ въ своей самобытно-ученой устойчивости и
практически-педагогической дѣйственности, устраниется просто тѣмъ,
что извѣстная группа ихъ непремѣнно будетъ обязательной для каждого
изъ студентовъ, хотя—сверхъ избранной—имъ дозволительно слушать
еще и другія или нѣкоторые предметы въ этихъ послѣднихъ¹⁾. При
этомъ удобно (—по крайней мѣрѣ, ничуть не хуже нынѣшняго—) будутъ до-
стигаться и утилитарныя цѣли удовлетворенія запросовъ на свѣтскихъ
преподавателей для духовно-учебныхъ заведеній. Впрочемъ, не слѣдуетъ
забывать, что заинтересованная корпорація, учрежденія и лица довольно
энергически оспариваютъ эту роль у Духовныхъ Академій, предпочитая
для сего питомцевъ высшихъ свѣтскихъ школъ²⁾. Эти возраженія и упо-
ванія имѣютъ не малую принципіальную резонность, поскольку такое
utiilitарное предназначеніе вносить замѣтную раздвоенность въ акаде-
мическую педагогію, которая, сосредоточиваясь на главномъ своемъ слу-
женіи, естественно не достигаетъ вполнѣ успешныхъ результатовъ въ
побочныхъ аккомодаціяхъ³⁾.

По прямой ассоціаціи вынуждаемся особо сказать, что и вообще
дѣло преподавательства въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ требуетъ самого
серъезнаго и самоотверженного вниманія. Наши кандидаты выходятъ знаю-
щими, но у нихъ всегда отсутствуетъ педагогический опытъ, и нѣть для
него солидной теоретической основы, а сверхъ того они часто (чуть ли
даже не чаще) попадаютъ не на свои предметы, не соотвѣтствующіе ни
специальнymъ академическимъ занятіямъ, ни личнымъ душевнымъ склон-
ностямъ.

¹⁾ См. и ниже стр. 50.

²⁾ См., напр., мнѣніе С.-Петербургской епархиальной комиссіи въ «Отзывахъ
епархиальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ» III (Спб. 1906), стр. 95, и
ср. «Курналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 64б.

³⁾ При нормальномъ теченіи «академической жизни» въ Россіи, студентамъ С.-Пе-
тербургской, Кіевской и Казанской Академій можно бы, пожалуй, прямо дозволить слу-
шаніе свѣтскихъ наукъ въ Университетахъ (съ обязательными «экзаменами»),—особенно
же лицамъ, предзначающимъ себя преподавательскому служенію по физико-мате-
матическимъ предметамъ.

ностямъ¹⁾). Между тѣмъ и самъ я хорошо знаю, что первые преподавательские шаги бываютъ наиболѣе рѣшающими для всей педагогической карьеры и не рѣдко опредѣляютъ ея роковое теченіе на всю жизнь. Для устраненія этого зла нужно, чтобы каждый новый преподаватель нарочно и въ собственныхъ интересахъ подготовлялся къ выпавшей на его долю специальности. Это,—кажется,—лучше всего можно обеспечить, если таковыхъ лицъ будутъ оставлять при Академіяхъ для соотвѣтственного изученія еще на одинъ годъ, но, конечно, при условіи, что послѣдній будетъ засчитываться въ срокъ государственной службы и на пенсию, какъ у насъ пынѣ принято это, напр., для «профессорскихъ стипендіатовъ»; тою порой преподавательская обязанность поручается кому-либо изъ членовъ данной корпораціи за особое вознагражденіе. Подобнымъ путемъ могли бы замѣщаться и свѣтскія учительскія каѳедры, хотя для сего нужно откомандировывать академическихъ кандидатовъ богословія года на два уже въ свѣтскія специальная учебныя заведенія (ср. и стр. 34, прим. 40₂₎). Наряду съ этимъ должно согласиться, что теперь академическая «педагогика» едва ли привноситъ достаточно тесретическихъ и практическихъ благъ. При современномъ положеніи вещей—она въ этомъ неповинна прямо, и для нея слѣдуетъ открыть всѣ благопріятныя условія, какихъ названная наука напрасно и безрезультатно ищетъ теперь, не находя для себя даже прочного мѣста среди существующихъ академическихъ дисциплинъ. Но я непоколебимо увѣренъ, что этихъ условій нельзя создать при всѣхъ Академіяхъ разомъ. Посему было бы полезнѣе и рациональнѣе хоть при одной изъ нихъ, устроить своего рода цѣльный «педагогический институтъ»²⁾ и именно тамъ, где имѣются всѣ научно-педагогическая удобства, устранивъ обычную «педагогику» изъ другихъ академическихъ программъ, чѣмъ освободятся потребныя средства. Тогда всякий новоназначенный преподаватель могъ бы приобрѣсти всѣ пропедевтическіе запасы для своего великаго и отвѣтственного служенія, если обязать закономъ, чтобы каждый непремѣнно прошелъ напередъ (въ теченіе вышеупомянутаго года) весь педагогический курсъ со всѣми вспомогательными упражненіями.—Конечно, обрисованный кратко проектъ является лишь своего рода *pium desiderium*, но онъ повелительно вызывается неоспоримыми запросами духовно-учебной

¹⁾ Для упорядоченія духовно-учебного преподавательства многіе рекомендуютъ передачу вопроса о замѣщеніи преподавательскихъ вакансій академическимъ совѣтамъ. По фактическому положенію вещей я считаю это столь же невозможнымъ, какъ и усвоеніе ревизорства академическимъ профессорамъ. У послѣднихъ достаточно своего дѣла, и отвлекать отъ прямой обязанности было бы нежелательно даже при увеличеніи числа Академій. Но слѣдуетъ сохранить академическую рекомендаций студентовъ на извѣстныя должности по духовно-учебному вѣдомству; только этимъ рекомендациямъ нужно придавать рѣшающее значеніе, а не дѣлать ихъ пустою формой, какъ часто бываетъ теперь, когда кандидаты Академій—въ большинствѣ—назначаются не на тѣ мѣста, на которыхъ иредназначилъ ихъ академический совѣтъ. Впрочемъ, совсѣмъ рекомендаций находится въ связи съ реформою Духовныхъ Академій:—если въ послѣднихъ будетъ введена большая специализація студенческихъ занятій, то рекомендаций будуть почти излишни.

²⁾ Потребность въ послѣднемъ столь ясно сознается и у насъ, что имѣется уже проектъ основанія въ С.-Петербургѣ «Педагогической Академіи», по образцу французской *Grande école normale de Paris*; см. «Церковный Вѣстникъ», № 22 за 31-е мая 1907 г., стлб. 713, и «Новое Время», № 11.221 за 9-е июня 1907 г., стр. 3, стлб. 7.

педагогической жизни, которая уже слишкомъ давно и крайне горестно вонѣтъ о своихъ нуждахъ во всѣхъ отношеніяхъ...

Что касается самого порядка изученія и плана студенческихъ занятій, то въ этомъ отношеніи я продолжаю считать болѣе обѣщающимъ проектъ С.-Петербургской академической комиссіи, чтобы 1) съ первого года слушались общебязательные предметы и общіе отдѣленскіе курсы, а 2) съ третьего начинались групповыя занятія путемъ усвоенія специальныx лекцій и чрезъ практическія занятія въ «семинаріумахъ» самаго разнообразнаго характера¹⁾). Здѣсь возможны, конечно, многія измѣненія и приспособленія.

При исключительныхъ условіяхъ невѣроятной спѣшности,—когда приходится разрываться на части по самымъ различнымъ «предсоборнымъ» отдѣламъ и нѣтъ физической возможности всецѣло сосредоточиться на одномъ предметѣ, выгадывая для сего чуть не минуты,—нельзя обработать столь важной темы съ законченною детальностію и совершенною обоснованностію во всѣхъ частяхъ²⁾). Понятно, что въ вышеизложенномъ у меня, пожалуй, окажется немало опущеннаго, недоговореннаго, проблематического, не сведенного къ полному гармоническому согласованію. Все это я охотно признаю заранѣе, но мнѣ дороги собственно нормирующіе принципы съ зиждительною ихъ идеей. А она—смѣю думать—очевидна, если и не для всѣхъ безспорна. Конечно, для полнаго ея осуществленія потребуется радикальная реформа, и на возможность послѣдней,—въ необходимомъ размѣрѣ,—я слишкомъ слабо разсчитываю, такъ какъ вообще вижу крайне мало творческой рѣшимости во всѣхъ нашихъ церковныхъ преобразованіяхъ, а въ духовно-учебную сферу геній смѣлага новаторства и совсѣмъ не заглядывалъ³⁾). Тутъ мы всегда двигались по чужой указкѣ, ждемъ ее со стороны даже въ теперешній критический моментъ и едва-едва идемъ ощупью, наталкиваясь на постоянныя преграды. Тѣмъ не менѣе неотложно сдѣлать хоть

¹⁾ См. ниже стр. 47—53.

²⁾ Аналогичныя условія въ сугубой степени сохраняютъ для меня неодолимую силу и до настоящаго момента, почему я не могъ дать своимъ материаламъ даже надлежащей виѣшней упорядоченности, не говоря о систематическомъ раскрытии и детальной обработкѣ.

³⁾ Частію—это было весьма замѣтно и въ начинаніяхъ Предсоборнаго Присутствія по духовно-школьной реформѣ. Задуманныя и подготовленныя педагогическими силами Учебного Комитета, они—помимо желанія и намѣреній руководителя V-го отдѣла—получили канцелярское направление. Приглашенными членамъ просто преодолѣли обезличенные «своды» (—безъ стѣнъ и фундамента!—) всѣхъ проектовъ и программъ, где совсѣмъ нельзя разобраться относительно подлинного положенія вещей, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда (для Семинарій и Училищъ) находились непосредственные материалы въ «Отзывахъ епархиальныхъ архіереевъ». Механически перепутывались идеи и детали, все подгонялось къ шаблонному ранжиру съ кабалистическою ариѳеметичностью,—и въ итогѣ получился странный конгломератъ, въ которомъ совершенно исчезало реальное творчество трудившихся и уродливо искалились всѣ ихъ физіономіи. Не было раздано даже академическихъ проектовъ, а многочисленныя особы «записки» и специальные доклады частныхъ профессоровъ и цѣлыхъ корпораций глухо отмѣчались голымъ упоминаніемъ, почему содержаніе этихъ трудовъ оказывалось недоступнымъ для большинства участниковъ V-го «предсоборнаго» отдѣла, и лишь о нѣкоторыхъ они узнавали по сообщеніямъ комитетскихъ референтовъ, не имѣя возможности сами лично проверить или выдвинуть заинтересовавшіе какія-либо изъ затронутыхъ вопросовъ и пунктовъ. И здѣсь доминировала комитетская канцелярски-бумажная униформа, едва ли выгодная и умѣстная...

попытку въ этомъ направлениі, ибо православная (научная) духовная педагогія мыслима только подъ спасительнымъ вдохновеніемъ библейской идеи. Формулирую все въ краткой сентенці, что духовная школа вообще и Академія въ особенности должны быть не только богословскими, но прежде всего библейскими по доктринальному содержанію и по педагогическому направленію, дабы и здѣсь находилъ неуклонное примѣненіе авторитетный апостольскій завѣтъ для возрожденной жизни и христіанского наученія: *живо слово Божіє, и дійствіенно, и острійше паче всяко меча обонду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судително помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ* (Евр. IV, 12), ибо лишь *священная писанія могутъ умудрить во спасеніе въропо, яже о Христѣ Іисусѣ*, почему *всяко писаніе бого-духновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дло благое утовораніе* (2 Тим. III, 13—15).

Предшествующій рефератъ вызвалъ со стороны нѣкоторыхъ членовъ V-го «предсоборного» отдѣла возраженія не по существу, а относительно частныхъ подробностей. Указывалось собственно на многопредметность и на принижение гуманитарныхъ, литературно-философскихъ знаній. Въ отвѣтъ на это было подробно разъяснено, что увеличеніе количества богословскихъ каюедръ въ Академіяхъ необходимо, такъ какъ, напр., за годъ «преподать» во всей научной широтѣ Свящ. Писаніе Нового Завѣта, состоящее изъ 27 книгъ, одному профессору невозможно, а ради научной полноты библейско-богословского образованія нужно употребить всѣ усилия, не останавливаясь предъ самыми героическими жертвами. Съ другой стороны, свѣтскія науки и въ частности философія и исторія литературы не исключаются мною изъ академического курса, но лишь приспособляются и распредѣляются по специальнымъ группамъ, при чемъ я всего менѣе сочувству замкнуто-убогому итальянскому высшему религіозному обученію, где, яко бы, почти совсѣмъ игнорируются имена Канта, Гегеля, Спенсера¹⁾), совершенно симпатизируя протесту даже лучшихъ и авторитетныхъ католическихъ педагоговъ противъ вредной изоляціи церковнаго знанія отъ современной общей культуры²⁾), хотя хорошо извѣстно по опытамъ, какъ чрезмѣрное расширение богословского курса сопровождалось на практикѣ чистою эфемерностію³⁾). Что же касается обширности и многопредметности предложенного академического плана то—въ виду этой трудности—въ Академіи должны быть принимаемы лица съ достаточнымъ образованіемъ, удостовѣреннымъ въ авторитетныхъ свидѣтельствахъ учебныхъ заведеній или на конкурсномъ пріемномъ экзаменѣ. Кромѣ того, для сего требуется при переходѣ студентовъ съ 1-го курса во 2-ой производить самую радикальную «чистку» ихъ по степени подготовленности къ дальнѣйшимъ академическимъ занятіямъ.

¹⁾ См. «Revue internationale de théologie» XV, 57 (Janvier—Mars 1907), p. 204—205.

²⁾ См. у ректора «Католического Института» въ Тулузѣ *Pierre Batiffol*, *Questions d'enseignement supérieur ecclésiastique* (Paris 1907), p. 12.

³⁾ *Pierre Batiffol* ibid., p. 104.

Въ этихъ интересахъ нахожу не полезнымъ слпшкомъ свободный пріемъ въ Академіи всѣхъ желающихъ, откуда бы они ни приходили. Считая необходимымъ и нравственно обязательнымъ обеспечить въ образованій дѣтей справедливые сословные интересы нашего духовенства, я всегда высказывался противъ исключительной сословной замкнутости духовной школы, а только не раздѣляю оптимизма касательно пригодности свѣтскихъ воспитанниковъ къ богословско-академическому изученію. Двери Академій надобно раскрыть широко безъ ограничения сословіями, заведеніями и т. п., но лишь для достойныхъ и способныхъ. Въ этомъ отношеніи въ нашемъ обществѣ установился совершенно неправильный и крайне пагубный взглядъ, что разъ спасительная вѣра христіанская всѣмъ доступна, то и богословіемъ компетентенъ заниматься всякой христіавинъ,—даже въ правѣ судить, рядить и цѣнить богословскую науку безъ соответствующей систематической подготовки... Нѣтъ ничего опаснѣе,—для обѣихъ сторонъ,—этого смышенія вѣры и знанія, но приходится напоминать и о такой самоочевидной истинѣ въ виду упорныхъ недоразумѣній по этому предмету, пріобрѣтшихъ у насъ силу общественаго предразсудка, почти своего рода *idoli*... У многихъ это проглядываетъ и въ предложеніяхъ «безирепятственного» пріема свѣтскихъ питомцевъ въ Академіи. Жизненный опытъ показалъ съ несомнѣнностью всѣ невыгоды подобного проекта,—и, конечно, не безъ дѣйствительныхъ основаній духовное начальство, сначала чрезмѣрно благоволительное къ свѣтскимъ аспирантамъ духовно-академического просвѣщенія, установило потомъ нѣкоторая стѣсненія, хотя на практикѣ они, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ не соблюдались не по винѣ академическихъ корпораций. Академическимъ преподавателямъ прекрасно извѣстно, что даже тѣ изъ свѣтскихъ воспитанниковъ, которые хорошо выдерживаютъ пріемныя испытанія, впослѣдствіи не оправдываютъ всѣхъ надеждъ и чуть не со второго академического курса начинаютъ стремительно спускаться книзу. Этотъ регрессъ замѣчается иногда и въ университетскихъ кандидатахъ. Причина сemu въ томъ, что свѣтскія школы—по самимъ своимъ задачамъ—не подготавливаютъ къ специальному богословскому образованію. Питомцы ихъ, направляющіеся въ Духовныя Академіи, сами должны восполнять эти пространные пробѣлы и на первыхъ порахъ *ad hoc*—для экзаменовъ по программамъ—достигаютъ иногда вышнихъ успѣховъ, но безъ постепенной систематической выправки эти знанія оказываются лишенными прочнаго фундамента и не могутъ служить къ дальнѣйшему развитію и созиданію научно-богословской зреѣсти. Послѣднюю нельзя культивировать при отсутствії вицѣренной закваски и безъ пріобрѣтенной заранѣе выдержанки. Нужно, чтобы человѣкъ былъ натурально привыченъ для специальной научно-богословской сферы и являлся способнымъ воспринимать ея отличительныя вліянія. Въ этомъ смыслѣ, отвергая всякія излишнія преграды, я рѣшительно желаю, чтобы свѣтскіе сопскатели духовно-академического званія предварительно подвергались внимательной пропрѣкѣ¹⁾ со стороны не столько обилія фактическихъ богословскихъ свѣдѣній,

¹⁾ Ср. и у о. Мих. Левитова въ «Церковномъ Вѣстнике» № 23 за 7-е іюня 1907 г., стб. 740.

сколько по ихъ общей подготовленности къ основательному усвоенію специальныхъ богословскихъ членій¹⁾.

По изложеннымъ приципамъ не вполнѣ соглашаюсь и съ тѣмъ проектомъ, чтобы допускалось въ Духовныя Академіи питомцы Семинарій уже послѣ четвертаго класса²⁾, ибо отмѣченныя неудобства до извѣстной степени примѣнимы и къ нимъ. Если же при этомъ для кончившихъ семинаристовъ будетъ дозволена рекомендуемая льгота, чтобы они поступали прямо на третій академический курсъ³⁾, то на практикѣ получится отсюда, что такие юноши, конечно, предпочтутъ первые два академическихъ года послѣднимъ двумъ семинарскимъ и не пойдутъ въ 5-й и 6-й семинарскіе классы, которые обрекаются этимъ на заполненіе ихъ исключительно однѣми посредственностями, т. е. обращатся въ специально-частицарскія профессіональныя школы ремесленнаго типа. Само собою понятно, что при подобномъ порядкѣ существенно понизился бы уровень студенческаго академическаго образованія, разъ первые два курса Духовныхъ Академій будутъ замѣнять семинарскіе богословскіе классы.

Въ частности, по отношенію къ приемнымъ экзаменамъ я могу, пожалуй, согласиться, чтобы безъ нихъ допускались въ Академіи студенты Семинарій, рекомендуемые семинарскими начальствами за ихъ отвѣтственность, но всѣ остальные аспиранты,—второразрядные воспитанники Духовныхъ Семинарій и окончившіе курсъ свѣтскихъ среднѣучебныхъ заведеній,—должны подвергаться повѣрочнымъ испытаніямъ по строгого опредѣленному плану, при чемъ для полученія казенныхъ стипендій конкурсъ обязательенъ рѣшительно для всѣхъ. Вообще же продолжаю считать весьма полезными и прямо защищаю приемные экзамены. Въ С.-Петербургской Духовной Академіи я непрерывно произвожу ихъ цѣлыхъ 15 лѣтъ. По опыту вижу, что, хотя они имѣютъ условное значеніе, однако не сводятся къ «игрѣ случайностей». Когда я ставилъ экзаменующемуся балль 2,—кажется, ни разу не бывало большой ошибки. Экзамены представляютъ извѣстный контроль и достаточный авторитетъ, а затѣмъ они вовсе не отрицаютъ рекомендацій со стороны семинарскихъ правлений. И у насъ въ С.-Петербургской Академіи дѣлается средній выводъ изъ экзаменаціоннаго академическаго и общаго семинарскаго балловъ⁴⁾. Академіи пынѣ потеряли связь съ Семинаріями, и

¹⁾ Но этимъ причинамъ я высказываюсь противъ даже освобожденія подобныхъ лицъ отъ иѣхъ академическихъ предметовъ, прослушанныхъ ими въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Замѣчено въ послѣднее время, что сами кандидаты Университетовъ, поступая въ Академію, сознаютъ нынѣ необходимость проходить полный курсъ всѣхъ академическихъ наукъ. И это понятно. Задача академическаго образованія не въ томъ, чтобы питомцы «начинались» званіями и «сбывали» экзамены, а въ томъ, чтобы они возрастили и мужали научно. Отъ этого процесса ни одинъ серьезній академический аспирантъ не долженъ уклоняться, и мы не въ правѣ сему потворствовать.

²⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 116 (V-го отдѣла).

³⁾ См. и у проф. М. Д. Муретова, Проектъ устава, стр. 44.

⁴⁾ Параграфъ 9-й соотвѣтствующихъ правилъ гласить слѣдующее: «При исчислении балловъ воспитанниковъ, подвергающихся повѣрочному испытанію, принимаются въ счетъ, при составленіи списка, кроме собственно экзаменскихъ балловъ, баллы воспитанниковъ по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, при чемъ обращается надлежащее вниманіе

экзамены даютъ нѣкоторую возможность возстановить эту связь. На приемныхъ экзаменахъ ученики иногда даютъ неудовлетворительные отвѣты,—и путемъ разспросовъ обнаруживается, что причина этой неудовлетворительности въ самомъ семинарскомъ преподаваніи. Такимъ образомъ, экзамены открываютъ еще возможность слѣдить за семинарскимъ преподаваніемъ и отчасти исправлять его недочеты; къ сожалѣнію, доселѣ центральная власть была невнимательна къ экзаменационнымъ академическимъ отчетамъ...

Всѣми указанными способами и мѣрами будетъ обеспеченъ вполнѣ подготовленный контингентъ академическихъ слушателей, а этимъ уже достаточно гарантируется практически-успешное осуществленіе моей основной идеи. Въ послѣдней для меня заключается вся важность. мнѣ приятно отмѣтить, что съ этой стороны я получилъ немало выраженіе принципіального согласія и коллегіальной симпатіи отъ многихъ авторитетныхъ учепыхъ и спеціалистовъ, познакомившихся съ моимъ «докладомъ». Приведу лишь мотивированное сужденіе извѣстнаго Гѣттитенскаго профессора Натаанаила Бонвѣча (G. Nathanael Bonwetsch) въ письмѣ ко мнѣ, полученному 29-го марта 1907 года. Онъ пишетъ (конечно, понѣмецки) слѣдующее: «Съ большимъ интересомъ прочиталъ я Вашъ проектъ касательно богословскаго изученія. Я могу только сочувствовать центрального положенію, какое Вы указываете экзегетикѣ и библейскому богословію въ цѣлостномъ организмѣ этого изученія. Я убѣжденъ, что это именно и есть путь къ жизненному преобразованію послѣдняго. Но мнѣ кажется нѣсколько велико количество богословскихъ доцен-тствъ, назначаемое Вами. Впрочемъ, я не вполнѣ знакомъ со всѣми условіями въ Вашихъ Духовныхъ Академіяхъ, чтобы произносить рѣши-тельное сужденіе. Въ Германіи же мы, конечно, слишкомъ обременены чтеніями, и я прямо стонаю подъ тяжестью ихъ. Кромѣ церковной исторіи и догматики (со включеніемъ конфесіональной символики)—я долженъ читать еще новозавѣтное введеніе, жизнь Иисуса и апостольской вѣкъ. Желалъ читать также и новозавѣтное богословіе, но мнѣ воспре- пятствовали, однако въ богословскихъ ферейнахъ приходится трактовать вопросы и по этой дисциплинѣ. У насъ господствуетъ обратная край-ность чрезмѣрной обширности курсовъ для отдѣльного профессора. Только для личностей въ родѣ Гарнака и Зееберга (въ Берлинѣ) это не является трудностію.—Какъ вижу изъ академическихъ протоколовъ (жур-наловъ совѣта), Ваша Академія при замѣщенії профессорскихъ вакансій испытываетъ такія же состязанія, какія происходятъ у насъ посто-янно».

и на баллы во поведенію, а именно: при одинаковыхъ баллахъ по успѣхамъ, отдается предпочтеніе тому, кто имѣеть высшій баллъ по поведенію. Общий баллъ выводится слѣдующимъ образомъ: средній баллъ по всѣмъ предметамъ семинарского курса, удвоен-ный средній баллъ по сочиненіямъ и удвоенный средній баллъ по устнымъ отвѣтамъ на испытаніяхъ слагаются вмѣстѣ и сумма дѣлится на 5».

2.

О планѣ академического преподаванія.

Для плодотворной академической реформы требуется не только жизненная идея, но и рациональный планъ для ея осуществленія. Но этому предмету я держусь проекта С.-Петербургской академической комиссіи¹⁾ и, какъ одинъ изъ уполномоченныхъ совѣтомъ участниковъ послѣдней²⁾, позволяю себѣ сдѣлать вѣсколько «опытныхъ» разъясненій³⁾, которые, можетъ быть, окажутся неизлишними, хотя бы по устраненію возникающихъ затрудненій, поелику тогда мы уже имѣли съ ними достаточно хлопотъ и заботъ... Прежде всего, мы исходили изъ того, жизненно удостовѣреннаго, убѣжденія, что уставъ Академіи 1884 года теоретически совершенно справедливо требуетъ отъ академическихъ студентовъ изученія обширнаго цикла богословскихъ наукъ, по на практикѣ это было непосильно для надлежащаго выполненія и повело только къ печальной реализаціи принципа: «кто много просить, тотъ чаше не получаетъ ровно ничего»... Отсюда произошло безспорное пониженіе студенческаго научнаго уровня и въ смыслѣ основательности знаній и со стороны мыслительной продуктивности,—въ отсутствіи ожидавшейся солидности собственныхъ письменныхъ опытовъ академическихъ слушателей. И по силѣ вещей съ этимъ зломъ постепенного образовательного паденія были не въ состояніи бороться никакія напряженія академическихъ корпорацій, гдѣ въ каждой изъ нихъ всегда были блестящіе носители научнаго прогресса, доселе невиданнаго⁴⁾. Приходилось по необходимости отказаться отъ учебнаго плана по уставу 1884 года, съ позднѣйшими измѣненіями и дополненіями къ нему. Однако матеріалъ оставался прежній,—и вся задача была лишь въ новой его комбинаціи приспособительно къ академическимъ требованіямъ. Тутъ по самому существу было невозможно чисто идеиное построеніе, какъ и вообще такія «внѣопытныя» конструкціи изобрѣтаются «для исторіи», между тѣмъ большинство ихъ съѣдаются канцелярскія или архивныя крысы... Важнѣе было воспользоваться положительными уроками академического прошлаго, чтобы устранить вышеуказанные наличные недостатки. Въ этомъ отношеніи авторитетныя свидѣтельства и объективныя данные направляли къ уставу

¹⁾ Этотъ проектъ см. въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 2 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 3—29.

²⁾ Но весь проектъ разработанъ собственно профессоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи *Иваномъ Савицкимъ Нальмовымъ* и обстоятельно мотивированъ имъ въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 2 и 3 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 33—38, 41—40, 47, 48—59, 69—74, 79—80, и въ «Журналахъ и Протоколахъ» (V-го отдѣла) Предсоборнаго Присутствія, т. IV, стр. 174—176.

³⁾ Они былиложены 6-го июня 1906 г. V-му отдѣлу Предсоборнаго Присутствія и напечатаны въ «Журналахъ и Протоколахъ» послѣдняго, т. IV, стр. 112—115 (№ 20).

⁴⁾ См. вѣсколько подробнѣе въ моемъ трактатѣ: «Къ вопросу о нуждахъ духовно-академического образования» въ журнѣлѣ «Странникъ» 1897 г., № 8, стр. 519.

1869 года ¹⁾). О немъ говорилось немало порицательнаго, но все же безспорно, что за непродолжительный, — едва 14-ти-лѣтній, — періодъ онъ оправдалъ себя успѣхами въ научно-образовательной области гораздо лучше, чѣмъ его непосредственный преемникъ. И вотъ, сообразная хорошее и тѣневое въ обоихъ уставахъ 1869 и 1884 г. г. по сопотношенію съ предшествующимъ и по связи съ запросами академической науки и педагогіи, мы сразу должны были согласиться въ неудобствѣ преждевременной «спеціализаці» и ее самую обосновать прочище. Здѣсь все наклоняло къ тому, чтобы постепенно достигать частнѣйшей «сосредоточенности» путемъ послѣдовательного съженія общебогословскаго образования, когда всѣ частности должны были утверждаться на этомъ широкомъ фундаментѣ и почерпать въ немъ принципіальное значеніе, чтобы кругозоръ студентовъ не замыкался слишкомъ тѣсными рамками и не получалъ свойственнаго крайнимъ спеціалистамъ и несимпатичнаго характера ограниченной близорукости, даже не рѣдкой тупости. Такъ «спеціализація» естественно замѣнялась «сосредоточеностію» или «концентраціей» ²⁾. Въ интересахъ ея успѣшнаго достижениія было отвергнуто слишкомъ мелкое дробленіе академическихъ предметовъ по группамъ, крайне сомнительное и съ теоретической стороны по достоинству высшаго академического образованія; самое же распределеніе студентовъ по частнымъ спеціальностямъ наукамъ пріурочено къ третьему курсу и распространено еще на четвертый, тогда какъ по плану 1869 г. все это было собственно на первыхъ трехъ курсахъ — съ предоставлениемъ четвертаго «на волю» самихъ академическихъ слушателей. По этимъ причинамъ и кандидатскія работы, служащія завершеніемъ предшествующей подготовки и конкретнымъ итогомъ всего академического развитія, отнесены на четвертый курсъ согласно уставу 1884 года. Но силь этого принципа строгой комбинації общаго съ частнымъ, рекомендуются для получения магистерской степени особые магистерскіе экзамены, которые энергически и убѣдительно защищались проф. И. Е. Троицкій и въ комиссіи по составленію нынѣ дѣйствующаго устава ³⁾. Однако, если пельзя было слишкомъ замыкать студентовъ узкими границами спеціализаціи, то не менѣе опасно было бы и оставлять на ихъ собственное усмотрѣніе выборъ самыхъ способовъ къ достижениію академической «сосредоточенности». Отвлеченный упованія по платоническому довѣрію къ студенческой автономности на практикѣ жестоко сокрушаются печальными уроками преобладающей растерянности и тягостныхъ колебаній, какія наблюдаются и у лучшихъ студентовъ даже по отношенію къ кандидатскимъ сочиненіямъ... При подобныхъ условіяхъ едва ли возможно допускать рискованные эксперименты и, кажется, цѣлесообразнѣе заранѣе установить ближайшіе пути для академической «концентраціи» въ соответствующихъ отдѣленскихъ группахъ, которая

¹⁾ Въ пользу его см. и у проф. Московской Духовной Академіи М. Д. Муретова, Проектъ устава православныхъ Духовныхъ Академій (Св.-Тр. Сергіева Лавра 1906), стр. 10—17.

²⁾ Ср. у меня въ «Странникѣ» 1897 г., № 8, стр. 521 сл. и ниже 56.

³⁾ См. Объяснительную къ нему записку (Спб. 1883), стр. 73—77.

имъли бы взаимоотношениe органически связанныхъ «развѣтвленій». Въ результатахъ у насть начертывался слѣдующій планъ «сосредоточеннаго» научно-академического образованія: 1) общеобязательные для всѣхъ студентовъ основные (богословскіе и—частію—вспомогательные) предметы, самые важнѣйшіе и дѣйствительно фундаментальные; 2) богословское самоопредѣленіе посредствомъ избрания того или другого разряда (на первыхъ двухъ курсахъ) самими слушателями; 3) богословское «сосредоточеніе» ихъ на нѣсколькихъ отдѣлънскихъ предметахъ, существенно сродныхъ между собою (съ 3-го курса); 4) специализація богословская въ кандидатской работѣ (на 4-мъ курсѣ)¹⁾; 5) проверка достигнутой академически-научной зрѣлости на магистерскомъ экзаменѣ; 6) ея оправданіе въ магистерской диссертациіи и 7) завершеніе въ докторскомъ сочиненіи.

Все изложенное обосновывается довольно естественно—и логически и съ фактической стороны. Больше препятствій представляется въ группировкѣ необязательныхъ академическихъ дисциплинъ между отдѣленіями—особенно по отношенію къ свѣтскимъ предметамъ, для которыхъ наиболѣе трудно найти пригодное мѣсто, почему въ С.-Петербургской академической комиссіи здѣсь не было достигнуто единодушнаго соглашенія, хотя все-же подавляющее большинство членовъ по достаточнымъ соображеніямъ остановилось на одной схемѣ. Пока Духовная Академія не есть факультетъ при Университетѣ,—въ ней будуть, пожалуй, необходимы и свѣтскія науки, нужныя для всесторонности, полноты и жизненности самого богословія. Но служить нѣкоторымъ вопросомъ положеніе ихъ въ ряду богословскихъ академическихъ предметовъ. Я ранѣе держался убѣжденія, что они не могутъ быть здѣсь равноправно самоцѣльными и являются супплементарными пособіями къ достижению собственныхъ академическихъ задачъ (ср. выше стр. 3—4). Эта ничуть не субъективная мысль встрѣчала нѣкоторую оппозицію, стѣснявшую ея широкое примѣненіе, но,—къ моему удовлетворенію,—и въ V-мъ отдѣлѣ Предсоборного Присутствія безъ особыхъ возраженій многократно допускалось, что свѣтскіе предметы имѣютъ въ Академіяхъ лишь вспомогательное значеніе и должны соподчиняться богословскимъ требованіямъ²⁾. Это авторитетное подкрѣпленіе даетъ мнѣ смѣлость,—безъ

¹⁾ Не трудно бы примѣнить сюда еще идею особыхъ «государственныхъ экзаменовъ»; эта мысль имѣеть далеко не одно «академическое» значеніе, а важна даже для всего служебно-государственного движенія академическихъ воспитанниковъ.

²⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 716, 127—128. Согласно сему, 14-го мая 1906 года мною заявлено было въ V-мъ отдѣлѣ Предсоборного Присутствія слѣдующее заключеніе: «О положеніи свѣтскихъ предметовъ въ Духовныхъ Академіяхъ говорилось не безъ колебательности, но иногда со внутреннимъ соглашеніемъ при наружномъ диссонансѣ. Если одинъ ораторъ готовъ изять ихъ изъ академического комплекса, то другой—защитникъ—доказывалъ собственно необходимость свѣтского элемента *лишь въ помощь* для богословского изученія и преподаванія, а это можетъ успѣшно достигаться и распределеніемъ одной богословской дисциплины между двумя профессорами (напр., для древней и для новой русской церковной исторіи) безъ созданія особой свѣтской параллельной каѳедры (хотя бы русской гражданской исторіи при церковной). И вполнѣ согласенъ съ никѣмъ не опровергшимся мнѣніемъ, что свѣтскія науки должны имѣть въ Духовныхъ Академіяхъ вспомогательное значеніе и въ самомъ строѣ своемъ обязаны приспособляться къ богословско-академическимъ

тяжкаго риска для себя,—снова (см. выше стр. 39—40) предложить, чтобы свѣтскія академическія дисциплины не вводились въ специально-богословскія отдѣленскія классификаціи. Въ такомъ случаѣ мы, во-первыхъ, могли бы удачно воспользоваться идеями Московскаго академическаго проекта ¹⁾, еслибы согласились предоставить свободному выбору самихъ студентовъ эти свѣтскія науки. При этомъ вѣдь всякаго сомнѣнія, что *обязательно* каждому академическому слушателю взять иѣсколько свѣтскихъ предметовъ (не менѣе трехъ) ²⁾, а комбинаціи ихъ слѣдуетъ узаконить заранѣе по объективнымъ соображеніямъ. Чувствую еще осо-бую жизненную нужду съ рѣшительной выразительностью подчеркнуть, что я всего менѣе покушаюсь на современное положеніе въ Академіяхъ свѣтскихъ наукъ и—напротивъ—искренно желалъ бы обезпечить имъ наиболѣе плодотворное примѣненіе. И когда мнѣ возражали ³⁾, что при моемъ планѣ студенты будутъ выбирать неподходящія для нихъ мелкія свѣтскія группы и тѣмъ лишаются свѣтскія дисциплины свойственного субсидіарного вліянія, то здѣсь просто не совсѣмъ понятное недоразумѣніе;—наоборотъ, и теперь и при всякомъ иномъ распорядкѣ свѣтскихъ предметовъ воздействиѣ послѣднихъ ограничивается только отдѣленіемъ, куда они причислены, и закрывается для всѣхъ другихъ студентовъ, а по моей схемѣ каждый академической воспитанникъ свободно п уѣжденно можетъ выбрать фактически полезное ему свѣтское вспомоществованіе. И едва ли позволятельно думать, что студенты не сумѣютъ сдѣлать этого основательно, поскольку тутъ заключается ихъ личный интересъ, осмыслиенный академическими занятіями подъ авторитетнымъ профессорскимъ контролемъ. Во-вторыхъ, при рекомендуемомъ мною планѣ легче было бы справиться съ возможно удовлетворительною классифікаціей по специальнымъ группамъ всѣхъ необщеобязательныхъ богословскихъ наукъ. По опыту своихъ комиссіонныхъ академическихъ работъ хорошо знаю, что именно онѣ тормозятъ это распределеніе, поелику бываютъ вспомогательными для самыхъ разнородныхъ богословскихъ отраслей и не связываются до естественной неразрывности только съ одною изъ нихъ. И если въ тѣсномъ кругу немногихъ (шести) солидарныхъ членовъ С.-Петербургской академической комиссіи изъ одной корпораціи мы не достигли единства, то

потребностіемъ. Посему ихъ лучше выдѣлить изъ богословской классификаціи въ особую необязательную группу, предложивъ выбирать извѣстное количество свѣтскихъ предметовъ самимъ студентамъ соотвѣтственно специальнymъ занятіямъ послѣднихъ и подъ контролемъ профессоровъ избранныхъ специальностей».

¹⁾ О немъ см. ниже на стр. 53—56.

²⁾ Значитъ, изученіе *всѣми* студентами извѣстнаго круга свѣтскихъ академическихъ предметовъ предполагается мною, какъ *безусловно обязательное* для нихъ, чѣмъ устраняются всѣ возраженія, будто моимъ проектомъ принижается достоинство свѣтскихъ дисциплинъ въ общемъ академическомъ циклѣ. Даже въ интересахъ ихъ собственного развитія и объективно-плодотворнаго богословскаго примѣненія—нужно свѣтскія науки въ Академіяхъ поставить особо, вовсе не предоставляемая выбора произвольному усмотрѣнію студентовъ, если всѣ комбинаціи будутъ регулироваться внутреннею принципіальной связью самихъ предметовъ.

³⁾ См. «Курналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 115б. 126б. 127б. 128б.

тѣмъ менѣе можно ожидать этого по отношенію къ четыремъ Академіямъ, съ различными традиціями, особыми взглядами и т. п. И я думаю, что тогда напрасно будетъ и браться за непосильный трудъ примиренія, которое будетъ лишь принудительнымъ компромиссомъ. Въ этомъ случаѣ намъ не безъ риска придется ограничиться подборомъ лишь общеобязательныхъ предметовъ, а отдѣленскую классификацію возложить на автономное и независимое усмотрѣніе каждой изъ Академій, которая и станутъ осуществлять ее по своей системѣ,—послѣ необходимой законодательной аппробаціи.

Предлагая свои краткія соображенія по столь важному и для всѣхъ дорогому вопросу, руководясь убѣждениемъ, что намъ неизлишня всякая попытка къ наиболѣшему обезпеченію академическихъ успѣховъ, съ которыми связаны величайшіе интересы вѣры и Церкви, мысли и жизни. Не забудемъ, что у насъ всего только четыре свѣтильника высшаго богословскаго вѣданія¹⁾, и всякий изъ насъ по мѣрѣ силъ своихъ дол-

¹⁾ Впрочемъ, въ засѣданіяхъ V-го отдѣла Предсоборного Присутствія я дважды (4-го и 9-го декабря 1906 года) заявлялъ, что намъ непремѣнно нужно съ заботливостю разсудить объ увеличеніи числа Духовныхъ Академій въ Россіи. Вопросъ этотъ давно и съ настойчивостю выдвинутъ саму жизнью, а иѣкоторые изъ епархиальныхъ Преосвященныхъ (напр., Никаноръ Гродненскій, нынѣ Варшавскій, и Тихонъ Костромскій въ «Отзывахъ епархиальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ» I, стр. 179; II, стр. 553) выражаютъ даже желаніе, чтобы Академіи были въ каждой (проектируемой ими) митрополії. Конечно, это лишь мечты, едава ли теперь осуществимы; а еслибы они исполнились, то скорѣе вышло бы превращеніе такихъ Академій въ заурядныя Семинаріи; между тѣмъ всячески справедливѣе резонная мысль С.-Петербургскаго митрополита, что первыя должны быть и теперь учеными институтами («Отзывы» III, стр. 94—97; ср. еще въ «Лѣтніалахъ и Протоколахъ Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 210). Но есть въ «Отзывахъ» и серьезныя предложения. Такъ, вполнѣ законно указываются на учрежденіе особой Академіи въ Вильнѣ («Отзывы» III, стр. 185—186); я называлъ бы еще Сибирь, не касаясь Кавказа, о которомъ умѣстна специальная рѣчь. Наши личныя вождѣльнія не пдуть слишкомъ далеко и не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшей притязательности, а очевидная польза ихъ для Церкви и государства безспорна и окунуть всѣ небольшія затраты, которыхъ въ огромномъ количествѣ бесплодно идутъ нынѣ на совершенно паразитованные и дезорганизованные, или вредно прозябающіе Университеты, о которыхъ иные (даже въ Государственномъ Совѣтѣ) «съ дерзновеннымъ мужествомъ», но вопреки всякой очевидности (см. у С. К. въ «Новомъ Времени» № 11.217 за 5-е июня 1907 года, стр. 3, стб. 1) заявляютъ, будто теперь они «функционируютъ, какъ никогда не функционировали» (слова ректора Московскаго Университета А. А. Мануилова; см. «Новое Время» № 11.138 за 11-е марта 1907 г., стр. 4, стб. 1)... Мы ограничиваемся пока скромнымъ пожеланіемъ, чтобы новыя Академіи были учреждены прежде всего въ Сибири и въ Вильнѣ. Мысль о послѣдней поддерживали еще митронолиты Іосифъ (Сѣмашко) и Макарій (Булгаковъ). Учрежденіе Виленской Академіи, столь энергично защищавшееся потомъ покойнымъ С.-Петербургскимъ профессоромъ М. О. Кояловичемъ и другими (напр., его преемникомъ по академической каѳедрѣ Пл. Н. Йуковичемъ), есть дѣло не только учебно-духовное, или вѣдомственное, но и государственное, какъ это понятно само собою. Не менѣе важно устройство Духовной Академіи въ Сибири, где преобладаютъ буддизмъ и иныя языческія религіозныя вѣрованія. Во всякомъ случаѣ высказать скромное и осуществимое пожеланіе объ увеличеніи числа Академій и умѣсто, и соотвѣтствовало бы ожиданіямъ православнаго общества, которое иначе несправедливо осудить за невнимательность къ жизненнымъ церковно-просвѣтительнымъ потребностямъ. Не нужно забывать, что наши теперешнія Академіи слишкомъ шаблонны и однотипны, почему не могутъ удовлетворять всѣмъ церковнымъ запросамъ и важнѣйшимъ интересамъ православія въ огромной и разноплеменной Россіи. Новые Академіи, сохрания принципіальныя учебно-богословскія основы, должны быть институтами, строго приоровленными къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Для Вильны и Сибири таковыми служить, напр., миссионерская и апологетическая задачи—въ каждой съ особымъ характеромъ и приспособленнымъ направленіемъ.

жень спосабствовать цѣлесообразному рѣшенію отвѣтственной задачи чтобы наши православныя Духовныя Академіи сяли полнымъ свѣтомъ хрестіанского знанія для разума и для воли.

Должно прибавить, что нѣкоторые оспаривали самыя основы представленного плана предметно-отдѣленской классификаціи и выдвигали для нея принципъ построенія въ соотвѣтствіи Откровенію, исторіи и разуму. Здѣсь, прежде всего, напрасно противополагались проекты уставовъ С.-Петербургской академической комиссіи и совѣта С.-Петербургской Академії²⁾ къ невыгодѣ первого. Я охотно согласился бы съ этимъ, еслибы во второмъ выражался идеино-принципіальный общеакадемический голосъ, которому, конечно, должны подчиняться частныя рѣшенія, но фактически дѣло совсѣмъ не таково. Въ комиссіонномъ проектѣ устройства учебной академической части положены опредѣленныя основныя начала, которыхъ и проведены съ возможною строгостю во всѣхъ деталяхъ, почему послѣднія опираются на выдержанная теоретическая предпосылки и удовлетворительно оправдываются ими. Это есть планъ, достаточно стройный и въ извѣстной мѣрѣ идеиный. Поскольку же исходные принципы почерпались въ самомъ существѣ академическихъ задачъ и требованій,—здѣсь члены комиссіи приходили къ убѣжденному единенію въ цѣломъ и солидарно принимали частности, исключая мелочей. Тутъ не было систематическихъ компромиссовъ, и потому несогласные (собственно одинъ) должны были идти своимъ путемъ—стъ отдѣльными мнѣніями. Наоборотъ, въ совѣтскомъ проектѣ многое опредѣлялось лишь случайнымъ голосованіемъ, и въ немъ чаще всего закрѣпляется весьма прихотливое переплетеніе разныхъ возврѣній, индивидуальныхъ интересовъ и т. п. И важнѣе всего еще то, что тамъ нѣтъ устойчиваго соотношенія большинства и меньшинства, а пропорциональность и комбинація ихъ смѣняются чуть не въ каждомъ параграфѣ весьма неожиданнымъ образомъ. Не даромъ же говорилось, что—въ цѣлокупности—совѣтскаго проекта не можетъ подписать, какъ собственнаго, ни одинъ членъ академического совѣта... Поэтому невѣрно фактически, что проектированный уставъ послѣдняго въ учебномъ планѣ своемъ воплощаетъ идеиную тріаду—а) Откровенія, б) исторіи и в) слова, въ какихъ реально выражалась божественная истина. Впрочемъ, эта по истинѣ своеобразная мысль для меня не нова. Она упорно выдвигалась въ нашей академической комиссіи и подвергалась заслуженному разсмотрѣнію, но было найдено, что она совершенно отвлечenna, не можетъ быть обоснована существомъ академического образованія и не имѣть ни идеиныхъ, ни фактическихъ ручательствъ своей практической плодотворности; дѣйствительное же примѣненіе ея повело бы къ искусственной и насильтственной классификаціи академическихъ наукъ, поскольку, напр., библіология, попавшая въ разрядъ «Откровенія», больше всѣхъ имѣла бы право занять мѣсто въ третьей категоріи, разъ Біблія есть именно слово Божіе попреиму-

²⁾ Послѣдній см. въ приложениі къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтенія» 1907 г., № 6 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 154—179.

ществу и на всемъ пространствѣ говорить о Божественномъ *Словѣ*, какъ предвозвѣщающемъ и воплощенномъ... Естественно, что обсуждаемая мысль ничуть не стала болѣе убѣдительною отъ повторенія ея чужими устами¹⁾), ибо она исходила вовсе не отъ Моисея и передавалась ничуть не Аарономъ...

Въ заключеніе со всею рѣшительностію прошу принимать и понимать мои замѣчанія исключительно въ смыслѣ объективныхъ разсужденій, которыхъ дѣлаются только въ интересахъ обеспеченія нашимъ Академіемъ наилучшихъ научно-богословскихъ успѣховъ.

3.

Объ организаціи студенческихъ занятій при изученіи академическихъ наукъ и объ устроеніи студенческой жизни.

Установленіемъ учебно-предметнаго плана академического устройства обеспечивается далеко не все. Нужно еще сдѣлать, чтобы онъ наиболѣе успешно и плодотворно осуществлялся среди студентовъ. Тутъ выступаетъ авторитетный и компетентный проектъ Московской Духовной Академіи. Впрочемъ, я буду говорить не столько о немъ, сколько о связанныхъ съ нимъ принципиальныхъ предпосылкахъ, въ которыхъ заключается вся важность; критический разборъ конкретнаго образца пимало не входить въ мои виды.

По существу своему—здѣсь все утверждается на принципѣ представлениія свободы самоопредѣленія студентамъ, ибо они сами намѣчаютъ себѣ ближайшія задачи и подбираютъ наиболѣе пригодныя средства; Академія и профессорскій персоналъ являются не отвѣтственными распорядителями дѣла, а больше удобными орудіями для достиженія разнообразныхъ стремленій смыняющагося агрегата учащагося юношества. Подобное устройство, пожалуй, было бы еще дозволительно, еслибы разумѣлся свободный учено-учебный институтъ, въ родѣ проектируемыхъ «вольныхъ Универспитетовъ» или древней греческой Академіи, куда молодые люди приходили просто «ради любомудрія»—безъ строго формулированныхъ практическихъ предрѣшепій, почему обучающіе дѣлились своими умственными запасами, не интересуясь специально тѣмъ, чтобы подготовить своихъ слушателей къ одному извѣстному предизначенію. Если же наши Духовныя Академіи имѣютъ и должны осуществлять лишь опредѣленную задачу²⁾, то рекомендуемая свобода оказывается для нихъ несоответственна,—и онъ по самой природѣ своей обязаны вести студентовъ именно по собственному пути, не позволяя имъ уклоняться ни въ направленіи, ни въ способахъ образовательного совершенствованія.

¹⁾ См. въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 116—117.

²⁾ А С.-Петербургскіе студенты утверждаютъ, что «кромѣ строгого научнаго богословскаго образованія, Духовная Академія никакихъ профессиональныхъ цѣлей не представляетъ...» См. приложеніе къ «Журналамъ С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (п. отдѣльно, Спб. 1907), стр. 149.

Помимо сего, — представляется спорною и принципиально передача академическому юношеству права автономной специализации по подбору предметов и по времени. Болѣе прочная группировка учебного академического материала, конечно, страдает многими недочетами во всѣхъ проектахъ и уставахъ, но это всегда и вездѣ будетъ неизбѣжно по ограниченности учебно-образовательныхъ средствъ при согласованіи ихъ съ предуказаною цѣллю. Тѣмъ не менѣе здѣсь можетъ быть выработана твердо регулирующая норма, хотя относительная, но объективная по своему достоинству, какъ основанная на объективныхъ данныхъ — въ задачахъ и способахъ учрежденія, принимающаго въ свою среду опредѣленно подготовленныхъ юношей съ извѣстными общими стремлениями. Наоборотъ, — въ обсуждаемой схемѣ берется индивидуально-субъективный критерій ¹⁾, не примѣняемый пока вполнѣ ни въ одномъ учебномъ институтѣ со специалью физіономіей, потому что онъ не гарантируетъ достижения не только собственныхъ цѣлей заведенія, но даже частныхъ замысловъ каждого изъ студентовъ: — вѣдь послѣдніе приходятъ учиться и прежде всего нуждаются въ томъ, чтобы ихъ любознательныя влечения получили ясную форму систематически сложившагося и убѣжденно окрѣпшаго міросозерцанія подъ твердымъ контролемъ и неослабнымъ руководствомъ въ извѣстномъ направлениі, по характеру данной школы ²⁾!.. Если говорять, что возможныя комбинаціи маленькихъ предметныхъ группъ столь естественны по своему составу, что всегда будутъ почти тождественны, то я совсѣмъ не раздѣляю подобной увѣренности, зная по опыту своего участія въ выработкѣ проекта академического устава комиссіею С.-Петербургской Духовной Академіи, какъ глубоки бываютъ разногласія въ группировкѣ предметовъ даже по болѣе широкому масштабу. Когда же рассматриваемое предложеніе старается ограничить неизбѣжность колебанія въ индивидуальномъ самоопредѣленіи студентовъ, — этимъ прямо нарушается основной принципъ учебно-студенческой автономіи, а мы должны заключать отсюда, что это начало можетъ имѣть лишь соподчиненное значеніе.

Питаю немалая сомнѣнія и относительно «предметной системы» ³⁾. Правда, теперешнее преподаваніе и по методу и по содержанію далеко

¹⁾ С.-Петербургскіе студенты тоже «желаютъ»: «Въ основу (академического) изученія должна быть положена предметная система. Каждый слушатель составляетъ себѣ группу самъ сообразно (своимъ) цѣлямъ и склонностямъ. Распределеніе группъ въ уставѣ должно быть только прімѣрное». См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 151.

²⁾ II насколько необходимо все это вообще, — мы видимъ по специальнымъ и детальнымъ руководствамъ уѣмцевъ, заботливо регулирующимъ всю учебно-педагогическую жизнь студентовъ-богослововъ; см., напр., въ книгѣ Prof. D. Heinrich Bassermann'a *Wie studiert man evangelische Theologie?* Stuttgart 1905 (въ Violets Studienf\u00fchrer).

³⁾ Ср. обѣ этомъ у С. К., Фарисен автономіи въ «Новомъ Времени» № 11.173 за 20-е апрѣля 1907 года, стр. 3, стб. 2: Предметная «система» — такъ, какъ она понимается въ Россіи, — съ одной стороны, даетъ возможность профессорамъ не ломать головы надъ составленіемъ учебныхъ плановъ, съ другой, избавляетъ ихъ отъ досадныхъ конфликтовъ со студентами, которые могутъ не одобрить этихъ плановъ. Полное торжество этой системы, когда она будетъ введена цѣлкомъ, заключается въ правѣ студентовъ учиться, чему и какъ они вздумаютъ, и въ полномъ избавлениіи профессора отъ необходимости заниматься организацией студенческаго труда».

не идеально. Но если съ удивительною смѣлостю утверждаютъ, что это есть лишь «бездарная и бесполезная размазня»¹⁾, то я вынужденъ констатировать, что некоторые опыты «свободныхъ предметныхъ собесѣданій» печально напоминаютъ безсодержательная разглагольствованія de omnibus rebus et quibusdam aliis, или обо всемъ вообще и ни о чёмъ въ частности... По существу же вопроса считаю пока вовсе неустраниеннымъ зловѣщее опасеніе, что введеніе «предметной системы» внесетъ сильную дезорганизацию въ студенческое обученіе, которое и теперь не страдаетъ ни порядкомъ, ни стройностью. Въ предвѣдѣніи такихъ неудобствъ и обсуждаемая схема обставляетъ примѣненіе «предметной системы» въ Академіяхъ извѣстными рамками и стѣсненіями, требуя, напр., чтобы каждый студентъ прослушалъ академические курсы не менѣе четырехъ лѣтъ. Опять этимъ существенно колебляется самый рекомендуемый принципъ. Но смыслу его, каждый слушатель даетъ отчетъ по всѣмъ предметамъ, когда онъ самъ чувствуетъ себя преуспѣвшимъ въ нихъ и достаточно прониканнымъ академическою атмосферой. Въ такомъ случаѣ всякая мѣра будетъ заключаться единственно въ способностяхъ и усердіи именно студента. Значитъ, почему бы не дозволить лучшимъ достигать всего хоть въ одинъ годъ, а не столь способнымъ, менѣе подготовленнымъ и не слишкомъ усерднымъ почему бы не разрѣшить свободу уподобленія иѣмецкимъ буршамъ, студенчествующимъ и деморализующимъ товарищами чуть не до сѣдыхъ волосъ?.. Иначе получится несправедливое и вредное порабощеніе даровитыхъ и ревностныхъ студентовъ тупыми и лѣнивыми, разъ первые задерживаются въ заведеніи собственно ради того, чтобы соблюсти норму, обязательную лишь для посредственостей...

Штакъ: всѣ принципіальная слагаемая разбираемой системы кажутся мнѣ спорными по самымъ основамъ своимъ, а потому въ глубинѣ своихъ убѣждений я не нахожу необходимой смѣлости согласиться, чтобы устройство учебной части въ специальныхъ православныхъ Академіяхъ было произведено на такихъ условно-субъективныхъ основаніяхъ.

Не поколебали меня въ отрицательномъ взгляде на первоосновы Московской академической системы и представленія разъяснительная возраженія²⁾. Не говорю о полемическихъ преувеличеніяхъ моихъ замѣчаній (—гдѣ у меня рѣчь о «произволѣ»?—), о невинманіѣ къ другимъ опытамъ «спеціализаціи» (напр., въ С.-Петербургскому комиссіонному проектѣ) и т. д. Не буду оправдываться и отъ дѣйствительно неожиданныхъ обвиненій въ формализмѣ, какого совсѣмъ нѣть, разъ трактуется о принципіальныхъ предисылкахъ, и послѣднія только иллюстрируются примѣрами изъ конкретного образца... Обращусь лишь къ некоторымъ идеянымъ сужденіямъ по поводу Московской академической схемы. Было сказано, что тамъ дана самая разумная комбинація регулирующей дисциплины профессорской корпораціи и самодѣятельной свободы учащагося юношества, при чёмъ обѣ стороны, яко бы, всегда

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. II (Спб. 1906), стр. 236а.

²⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 74—76.

останутся въ своихъ естественныхъ границахъ и не выйдутъ изъ нихъ къ собственному ущербу для нормального исполненія своихъ обязанностей. Но до какой степени проблемматичны упованія на твердость студенческаго учебно-группового самоопределѣнія,—это ясно изъ рѣшительной просьбы именно Московскихъ студентовъ о правѣ свободного перехода по группамъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ—по причинѣ невозможности для нихъ сразу избрать надлежащую предметную комбинацію¹⁾. Такое признаніе тѣмъ несомнѣннѣе по фактической истинности, что сдѣлано при явномъ противорѣчіи высокой самоувѣренности, господствующей въ студенческой «запискѣ», которая назойливо твердить о студенческой «зрѣлости»... Значитъ, самая основная база построеній оказывается достаточно зыбкою въ Московской академической конструкції.

Не думаю, чтобы только въ ней одной лучше всего обезпечивалась истинная «спеціалізація» академическаго преподаванія для студентовъ. Скорѣе тутъ возможна раздробленность, при которой будутъ спорными широта, постѣдовательность и систематичность студенческаго образованія. Желательна «спеціалізація» въ смыслѣ «концентраціи» студенческихъ занятій, чтобы на фундаментѣ болѣе или менѣе обширнаго богословскаго образованія постепенно воспитывались способность и опытность къ «социальному» на извѣстныхъ предметахъ, а въ нихъ—на определенныхъ вопросахъ (см. выше на стр.48—49). Лишь при этомъ условіи и сами студенты будутъ успѣшно «спеціализироваться» въ пространной области богословскаго вѣданія, и профессора получать вѣрныя средства руководить слушателей въ этомъ направленіи нарочитыми чтеніями, практическими занятіями въ «семинаріумахъ»²⁾ и т. п. Этотъ дѣйствительно многообѣщающей принципъ осуществляется, по моему мнѣнію, не столько въ проектѣ Московскому, сколько, напр., въ С.-Петербургскомъ комиссіонномъ.

Главный же птогъ моихъ краткихъ дополнительныхъ замѣчаній—тотъ, что для истинно плодотворной и жизненной постановки нашихъ Духовныхъ Академій прежде всего необходимо съ полной ясностію и полноценностью отчетливостію опредѣлить пхъ существо, задачу и цѣль³⁾.

Для каждой практической дѣйственности нашихъ начинаній, конечно требуется, чтобы сами студенты принимали сознательное и самостоятельное участіе въ ихъ учебно-педагогической реализації. Въ этихъ интересахъ нужно дозволять и поощрять учрежденіе студенческихъ

¹⁾ См. студенческую «записку» въ «Журналахъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 г. (Слб. 1907), стр. 281.

²⁾ Впрочемъ, послѣдніе не должны получать слишкомъ «ремесленного», пропедевтически-экзаменаціонного характера, какъ это имѣть мѣсто—при иѣсколько аналогичномъ порядкѣ—въ Оксфордскомъ Университетѣ, судя по отчету М. М. Хвостова въ «Ученыхъ Запискахъ Казанского Университета» 1904 г., № 5—6, стр. 163—172.

³⁾ Оба изложенные мнѣнія были заявлены мною V-му отдѣлу Предсоборнаго Присутствія 14-го мая 1906 года и напечатаны въ «Журналахъ и Протоколахъ», т. IV, стр. 72—73, 76—77.

научныхъ кружковъ и обществъ, но только соответствующихъ прямымъ цѣлямъ Академій и лишь съ разрѣшенія совѣта и подъ руководствомъ профессоровъ¹⁾). Равнымъ образомъ слѣдуетъ опредѣлить и нормальный жизненный укладъ студентовъ. Напр., я совсѣмъ не согласенъ, чтобы въ академическомъ уставѣ не упоминалось о соблюденіи постовъ и обѣ исповѣди по тому соображенію, яко бы это есть дѣло личной совѣсти. Послѣднее, конечно, несомнѣнно, по въ данномъ случаѣ рѣчь пдеть не о частной жизни внутренно-индивидуальныхъ отношеній къ Богу и Церкви Христовой, а обѣ общемъ образѣ жизни студентовъ, требующемъ извѣстной регламентаціи съ точки зрѣнія существа Академій, въ качествѣ учено-учебныхъ православно-церковныхъ заведеній²⁾). Этого замалчивать нельзя и не слѣдуетъ. И сами воспитанники охотно подчиняются обязательствамъ своего христіанского званія. Такъ, у меня предъ открытиемъ годичного курса лекцій обыкновенно читается молитва; если гдѣ, то именно въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ слѣдуетъ соблюдать святое правило: «съ Богомъ начинай!» Все, отвлекающее отъ непосредственныхъ академическихъ цѣлей, должно быть устранино изъ студенческаго обихода. Съ этой точки зрѣнія едва ли можно вводить въ норму дозволеніе студентамъ жениться въ теченіе учебнаго курса. Мыслимы лишь исключенія. Такіе экстраординарные случаи бывали у насъ и при дѣйствіи устава 1884 г.; напр., въ С.-Петербургской Академіи былъ женатый студентъ Соловьевъ, не имѣвшій священнаго сана. Это произошло по особой протекції, но по нечальнымъ примѣрамъ знаю, что бываютъ столь трагическая обстоятельства, когда наплучшимъ выходомъ является бракъ. Можно обставить эту *рудную* льготу особыми правилами для обезпеченія безпренятственности и успѣшности академическихъ занятій данного студента. Вообще же проф. Ad. Harnack вѣрно сказаль, что научное служеніе есть своего рода богослуженіе,³⁾— и въ идеальномъ смыслѣ именно здѣсь вполнѣ умѣстенъ завѣтъ Апостола Павла (1 Кор. VII, 7, 8): *Хощу, да вси человѣцы будутъ якоже и азъ... Глаголю же безбрачныи и вдовицамъ: добро имъ есть, аще пребудутъ якоже и азъ...* Тѣмъ паче обязательно это для юношескихъ, которые должны со всѣмъ пламенемъ своихъ свѣжихъ силъ и съ истою нипушею энергией готовиться къ жизни. Преждевременные увлеченія—особенно въ столь соблазнительной области—всегда опасны и часто разрѣ

¹⁾ О послѣднихъ условіяхъ совсѣмъ не упоминается въ «пожеланіяхъ» С.-Петербургскаго академического студенчества, которое заявляетъ: «Студенты пользуются свободой собраний, обществъ, сходокъ, организаций, какъ съ участіемъ профессоровъ, такъ и безъ него». См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 152.

²⁾ Наоборотъ, С.-Петербургскіе студенты желаютъ, кажется, совсѣмъ иного, когда говорятъ: «Студенчество во внутренней своей жизни *всесильно предоставлается самому себѣ* (чѣмъ естественно исключается *возможность инспекторскаго надзора и совершенно упраздняется должность помоющиковъ инспектора*)». См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 152.

³⁾ См. у него въ «ректоратской» рѣчи *Sokrates und die alte Kirche* (Giessen 1901), S. 23; ср. у меня въ «Православной Богословской Энциклопедіи», т. IV (Спб. 1903), стб. 116.

шаются горькими разочарованиями, губящими все существование... Посему желательно, чтобы свѣтскіе студенты Академіи были неженатыми, и только въ необходимыхъ случаяхъ разрѣшалось имъ вступленіе въ бракъ на извѣстныхъ определенныхъ условіяхъ.

Всякія студенческія учрежденія терпимы единственно при строгомъ соотвѣтствіи прямымъ учебно-педагогическимъ интересамъ. Въ силу ихъ я (вопреки и проф. М. Д. Муретову, Проектъ устава, стр. 7. 20. 38—39) для Академій тоже отрицаю (см. выше стр. 9,.) корпоративные «суды чести»¹). Разсматривая этотъ вопросъ принципіально и въ примѣненіи къ частнымъ конкретнымъ случаямъ всей духовно-академической жизни, мы видимъ, что товарищескій судъ явился бы учрежденіемъ, параллельнымъ совѣту, откуда неизбѣжны взаимныя пререканія, конфликты съ совѣтскими коллегіями и т. п. Это достаточно доказала дѣятельность узурпаторски возникшихъ студенческихъ «хозяйственныхъ комиссій», вызвавшихъ больше смятений и разстройства, чѣмъ устранившихъ наличные дефекты или улучшившихъ фактическое положеніе экономическихъ порядковъ. Еще важнѣе другія студенческія организаціи «профессионального характера». Нѣкоторые говорили, что пусть эту задачу выяснить сама жизнь, но «обойти молчаніемъ» жизненное явленіе невозможнo. Напр., институтъ «курсовыхъ старостъ»— нормаленъ онъ или нѣть? Тутъ нужно извѣстнаго рода рѣшеніе У насъ въ С.-Петербургской Академіи этотъ институтъ возникъ незаконнымъ путемъ и безъ всякой дѣйствительной надобности; благодаря ему, у профессора прерывается непосредственная связь со студентами²), а этимъ въ корнѣ убивается жизненность педагогического дѣла, созидающагося на прямомъ взаимоотношеніи душъ. Конtingентъ нашихъ слушателей вовсе не многочисленный, и здѣсь абсолютно неумѣстна обычная ссылка на Университеты, гдѣ для огромной массы теоретически дозволительно легализованное «представительство» по учебно-педагогическимъ предметамъ. Но въ интересахъ научно-педагогического вліянія, обязательно требующаго непосредственности взаимообщенія, я всегда предпочту объясняться съ 200 студентовъ, чѣмъ съ какими то «замѣстителями». Душу замѣнить невозможно, а жить чужимъ умомъ—постыдно... Значить, пока студенческія организаціи представляютъ собою только фактъ, не облекшійся еще въ общепризнанную форму, непремѣнно слѣдуетъ обсудить вопросъ объ этихъ организаціяхъ и такъ или иначе отвѣтить на него. Неужели намъ и тутъ ждать особыго краха?... А вѣдь наше молчаніе будетъ при-

¹⁾ Вопреки сему С.-Петербургскіе академическіе студенты «желають»: «По дѣламъ чисто студенческимъ (т. е.?) учреждается студенческій судъ чести, а по дѣламъ общимъ съ профессорами—смѣшанный судъ студентовъ и профессоровъ, при равномъ числѣ членовъ съ той и другой стороны». См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 152.

²⁾ Напр., С.-Петербургское академическое студенчество говорить о немъ такъ: «Для официальныхъ (т. е.?) сношеній студентовъ съ Совѣтомъ, для созыва и регулировки сходокъ и пр. учреждается выборный институтъ старостъ». См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 152.

нято за допущеніе. Въ такихъ серьезныхъ вещахъ всего опаснѣе всякия лукавыя или дипломатическая недомолвки. Наши студенты—народъ серьезный, и они поймутъ и примутъ разумное, благожелательное слово. Я въ нихъ вѣрю, всегда живу этою вѣрой и ею одушевляюсь теперь. При возраженіяхъ по этому пункту нѣкоторые обостряли трудность, и одинъ заявилъ, что онъ говорить, какъ «честный человѣкъ»... Это и неделикатно и только запутываетъ дѣло до безысходности... Тѣмъ не менѣе осмѣливаюсь сказать, что я смотрю совсѣмъ иначе на положеніе нашего студенчества. Оно находится въ нѣкоторомъ смущеніи (—и не по своей винѣ—), но не перестаетъ искать правды и знанія. Дадпмъ же ему это прямо и откровенно! И если мы выработаемъ извѣстныя мѣры въ такомъ именно тонѣ искренней благожелательности и взаимной пользы, а не ради прещеній и ретроградства, то—непоколебимо вѣрю!—студенты настѣ послушаютъ и за нами пойдутъ. Будемъ только сами достойны своего званія, которому въ ясныхъ студенческихъ глазахъ всего болѣе повредила бы наша пагубная дипломатичность. Упрекаютъ, что, отрицая автономно-профессиональную студенческую организацію, мы стоимъ на «археологической точки зрѣнія», проводимъ «ископаемые» взглѣды средневѣковья. Охотно возвращаю этотъ нескромный комплиментъ... Именно средневѣковые Университеты во многомъ пользовались такими «автономными» правами, которыхъ нынѣ нигдѣ нѣть. Совѣтую прочитать хотя бы книгу проф. Н. С. Суворова¹⁾, откуда полемисты могутъ (— при желаніи! —) убѣдиться, что педагогические архайсты—они, а не мы... Что же касается пожеланій, чтобы студенты наши воспитывались въ атмосфѣрѣ современного свѣтского студенчества, то скажу коротко и прямо: «не дай Господи! Неужели мнѣ нужно напоминать и ужасными фактами иллюстрировать, что тамъ вышло и совершается на позоръ всему свѣту²⁾?... Здѣсь я всего менѣе думаю о формальной сторонѣ, чуждой всѣмъ моимъ настроеніямъ, склонностямъ и привычкамъ... Въ ссылкахъ на средніе вѣка мой возражатель вовсе не отмѣчалъ однѣ духовныя школы, а позднѣйшее ограниченіе его католичествомъ крайне неудачно, ибо строй духовной (католической) педагогіи Запада, въ существенномъ, остается на прежнемъ «археологическомъ» уровнѣ. Что до смышенія попятій, то скорѣе это замѣчается у моего оппонента, поскольку научно-литературные кружки мы выдѣляемъ, какъ дозволительные въ мѣру соотвѣтствія

¹⁾ См. его сочиненіе «Средневѣковые Университеты», Москва 1898; ср. актовую рѣчь проф. С. А. Предтеченского «Парижскій университетъ въ средніе вѣка», при отчетѣ Каанской Духовной Академіи за 1900—1901 г. и въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1901 г. № 12, стр. 787—832.

²⁾ Для моего возражателя, какъ члена профессорской академической коллегіи, приведу только слѣдующее свидѣтельство (г-на С. К. въ «Новомъ Времени», № 11. 217 за 5-е іюня 1907 года, стр. 3, стлб. 2): «Россійское студенчество уже успѣло прославиться такими подвигами, какъ публичное оскорблѣніе профессора Харьковскаго университета, какъ потасовки, жертвъ которыхъ сдѣжалось вѣсколько профессоровъ Московскаго университета, какъ избиеніе профессора Варшавскаго университета, и въ какихъ бы то ни было поощреніяхъ оно врядъ ли нуждается». Неужели этого же хочетъ мой оппонентъ для Духовныхъ Академій..., по крайней мѣре, хоть для себя самого, да еще такъ, чтобы потомъ *proprio* извиняться публично предъ обидѣвшими?...

съ прямыми академическими цѣлями, а рѣчь у насть идеть о специаль-
ныхъ организаціяхъ для упорядоченія и защиты какихъ-то особыхъ «сту-
денческихъ» интересовъ, которыхъ не можетъ быть помимо общей акаде-
мической жизни, подвѣдомой авторитету отвѣтственной коллегіи профес-
соровъ. Отсталая вторыя, аналогетъ подмѣниаетъ ихъ первыми, но...
этимъ меня совсѣмъ не убѣждаетъ... Но отношенію къ студенческимъ
сходкамъ тоже опасна и вредна ихъ легализація. Здѣсь нужно всегда и
твердо помнить слѣдующее. Частное собрание, созванное по личной ини-
ціативѣ, ни для кого необязательно, но если сходка, назначенная узако-
неною организаціей, не состоится за неприбытиемъ нужного числа сту-
дентовъ, то вторая сходка по тому же вопросу при всякомъ числѣ участ-
никовъ выносить постановленія отъ имени всего студенчества, принуди-
тельная (юридически, а нынѣ и физически) для всѣхъ его членовъ и даже для
академическихъ совѣтовъ¹). Вообще опасно вводить деспотизмъ большин-
ства, убивающій индивидуальность, да еще такой, когда лучшіе, работаю-
щіе элементы будутъ подавляться агитаціею «коноводовъ». Это вездѣ
бываетъ, но едва ли желательно въ нашей мирной академической семье,
гдѣ доселѣ царствовали взаимное довѣріе, искренняя простота, святая
свобода личности²).

4.

Объ отношеніи епархиального архіерея къ Духовнымъ Академіямъ.

Много, пламенно и справедливо говорилось у насть, что связь между
Академіями и епархиальными Преосвященными должна быть чисто нрав-
ственною. Вполнѣ соглашаюсь съ этимъ и прибавлю дальше, что тако-
выми слѣдуетъ быть и всякимъ человѣческимъ сопрѣкословеніямъ—даже
не по одному только библейско-христіанскому воззрѣнію... Тѣмъ болѣе
это обязательно для отношеній между православно-христіанскими уч-
илищами высшаго богословскаго знанія и архипастырями Церкви Хри-
стовой. Объ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго спора ни для кого
изъ насть. Но па практикѣ эти отношенія должны выражаться въ кон-
кретныхъ фактахъ, опредѣляющихъ взаимное положеніе обѣихъ сторонъ
и устанавливающихъ между ними весьма различные условия совмѣстнаго
бытія. Вотъ здѣсь-то и важно дать справедливыя регулирующія нормы.
Отъ лицъ и учрежденій будетъ зависѣть, чтобы послѣднія всегда оду-

¹) Одно изъ «пожеланій» С.-Петербургскихъ академическихъ студентовъ гласитъ: «Рѣшеніе сходки, вынесенное простымъ большинствомъ (—при сколькихъ участникахъ?—), считается Совѣтомъ мнѣніемъ всего студенчества», при чемъ «постановленія сходокъ поступающія въ Совѣтъ путемъ подачи, подлежатъ испрѣмѣнному съ его стороны раз-
смотрѣнію». Ст. 2 приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 152.

²) Всѣ эти мелкія замѣчанія, теперь нѣсколько скомбинированныя, были заявлены
миною въ засѣданіи V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія 4-го декабря 1906 года.

хотовялісь и направлялись ко взаимному созиданію христіанскимъ братолюбіемъ и сыновнимъ почтеніемъ, но необходимо напередъ обезпечить прочнымъ закономъ, чтобы эти идеальные нравственные отношенія фактически не улетучивались совершенно, не оставляя мѣста епархиальному Преосвященному для особаго касательства къ Академіямъ, по сравненію со всѣми другими архипастырями, и не обращая его въ простого «почетнаго члена»¹⁾; не менѣе требуется устранить опасность, чтобы не было ни малѣйшей опоры ни для пропизвола, ни для вызывательства. Этого всего легче достигнуть, если эти нравственные отношенія будутъ функционировать въ дѣйствительности на незыблемомъ фундаментѣ признанія взаимныхъ правъ и соотвѣтственного соподчиненія ихъ. Такую именно комбинацію я нахожу въ академическомъ уставѣ 1869 года (§§ 3 и 12—19), ничуть не противорѣчащаго здѣсь по существу «временнымъ правиламъ», и высказываюсь за возстановленіе его въ данномъ пунктѣ тѣмъ рѣшительнѣе, что авторитетиѣшіе свидѣтели неложно удостовѣряютъ намъ, что тогда Духовныя Академіи жили со своими мѣстными іерархами въ пскреннихъ отношеніяхъ дорогихъ дочерей съ благостными отцами. Возобновимъ же то, чѣмъ гарантируются столь желаныя для всѣхъ насы миръ, любовь, довѣrie и свобода²⁾!...

5.

О приготовленіи академическихъ преподавателей и объ ученыхъ академическихъ званіяхъ.

Для приготовленія академическихъ преподавателей нынѣ существуютъ такъ называемые «профессорскіе стипендіаты». Но они оставляются для подготовки по опредѣленной спеціальности, а вакансіи въ Академіяхъ открываются иногда по другому предмету. И такимъ образомъ на освободившуюся каѳедру приходится брать или стипендіата неподготовленного, или человѣка со стороны. Исторія показала, что стипендіатство не дало всѣхъ ожидавшихся плодовъ (хотя его защищаетъ, напр., и Казанскій проф. Я. А. Богородскій въ «Отзывахъ епархиальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ», т. I, Спб. 1906, стр. 278—279). Поэтому лучше было бы возвратиться къ институту приватъ-доцентуры. Приватъ-доцентъ, готовясь къ профессорской дѣятельности, еще и фактически принимаетъ участіе въ ней. Учреждать приватъ-доцентуру по каждому штатному предмету, конечно, невозможно по финансовымъ затрудненіямъ, но въ виду сродности пѣкоторыхъ дисциплинъ приватъ-доцентъ могъ бы быть при цѣлой группѣ наукъ. Вознагражденіе приватъ-доцентамъ слѣдовало бы устроить, напр., примѣнительно къ уставу 1869 года. Вообще, опытъ приватъ-доцентуры по послѣднему

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 89а.

²⁾ Это мнѣніе приложено къ журналу № 17-му V-го отдѣла Предсоборного Присутствія за 18-е мая 1906 года.

уставу, мнѣ кажется, былъ болѣе удаченъ, чѣмъ стипендіатство по уставу 1884 года. Введеній вторымъ институтъ «профессорскихъ стипендіатовъ» далеко не оправдалъ всѣхъ возлагавшихся на него надеждъ¹⁾). Въ этомъ отношеніи у меня, какъ бывшаго стипендіатомъ, уже давно образовалось вполнѣ обоснованное убѣжденіе²⁾), и его ничуть не поколебала направленная противъ меня апологія академического стипендіатства не извѣдавшимъ его на себѣ лицомъ. Я не буду подражать послѣднему и расцѣнивать своихъ коллегъ по С.-Петербургской Духовной Академіи, выдавая имъ свои аттестаціи—безъ всякихъ правъ и полномочій на это. Думаю, что всѣ они стараются быть на высотѣ своего призванія, но въ интересахъ дѣла долженъ отмѣтить слѣдующіе факты. 1) Изъ числа новыхъ преподавателей, включенныхъ въ нашу среду послѣ 1885 года, цѣлыхъ 10 взяты изъ лицъ, не бывшихъ стипендіатами при С.-Петербургской Академіи, а 7 и вовсе нигдѣ такими не состояли. 2) Затѣмъ, 5 лицъ работали не по тѣмъ предметамъ и готовились не къ тѣмъ каѳедрамъ, которыя они теперь занимаютъ. 3) Только 6 членовъ, дѣйствительно, попали на свои науки, хотя нѣкоторые изъ нихъ не сразу и въ обходъ болѣе молодыхъ кандидатовъ, т. е. не за стипендіатскую подготовленность, а единственно за даровитость, которая была рѣшающимъ факторомъ и въ первыхъ двухъ случаяхъ. Въ результатѣ получается пропорція, весьма неблагопріятная для академического стипендіатства, какъ и въ другихъ Академіяхъ доселъ ишутъ замѣстителей вѣ круга своихъ стипендіатовъ, между тѣмъ ихъ въ каждой имѣется свыше 40 человѣкъ. Значитъ, приведенный моимъ оппонентомъ примѣръ говоритъ только противъ него самого, а вмѣстѣ и противъ всего стипендіатскаго института со стороны его правоспособности къ восполненію академическихъ коллегій достойными кандидатами. II, мнѣ кажется, предложенное увеличеніе стипендіатскаго срока на одинъ годъ мало поможетъ дѣлу. Если я выбранъ на опредѣленный предметъ, то къ нему именно и подготавляюсь; между тѣмъ каѳедра этого предмета можетъ и не освободиться. Вѣдь «профессорскій стипендіатъ» (по § 54 Уст. 1884 года) оставляется «для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ Академіи» и потому даже не въ правѣ погружаться въ писаніе своего сочиненія³⁾). Попавши, затѣмъ, въ глухую провинцію, онъ получаетъ еще менѣе удобствъ заниматься научнымъ трудомъ по отсутствію научныхъ пособій и, если не желаетъ обрекать себя на тяжкую внутреннюю муку, долженъ забыть всякую науку, какъ это знаю по собственному горькому опыту... II, въ общемъ, молодой энергіи хватаетъ очень не

¹⁾ См. «Объяснительную записку» къ проекту академического устава 1884 г., стр. 40—41.

²⁾ См. у меня въ «Странникѣ» 1897 г., № 8, стр. 533, и ср. замѣчанія проф. А. И. Пономарева въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 2 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 45—46.

³⁾ Послѣднєе совсѣмъ не разрѣшалось официально въ Московской Академіи моихъ временъ (т.е. въ 80-хъ годахъ) и даже нынѣ не дозволяется гласно въ нѣкоторыхъ другихъ (наир., въ Казанской), гдѣ для каждого стипендіата назначается специальный предметъ занятій по особой программѣ, утвержденной совѣтомъ.

надолго, или же дѣло кончается плачевно... Такимъ образомъ, эти люди не могутъ служить къ пополненію кадра специалистовъ для профессорскихъ каѳедръ... Лучше бы, по-моему, приватъ-доцентура. Для нея будетъ достаточно кандидатовъ. Если при дѣйствіи устава 1869 года, когда старые профессора съ трудомъ выходили въ отставку, находились желающіе быть приватъ-доцентами, то тѣмъ болѣе вѣроятно это теперь, съ улучшеніемъ пенсионныхъ профессорскихъ окладовъ.

Приватъ-доцентство будеть въ связи съ избраннымъ специальнымъ предметомъ и дастъ возможность написать сочиненіе. Впрочемъ, я убѣжденъ, что одно сочиненіе на ученую степень не будетъ фактическимъ удостовѣреніемъ способности быть хорошимъ академическимъ преподавателемъ. Для профессора нужны не только ученые труды и специальная знанія, но также и педагогический извѣстный опытъ. А это можетъ быть приобрѣто лишь въ томъ случаѣ, если будетъ приватъ-доцентура. Всѣ возраженія противъ нея совершенно неубѣдительны со стороны приведшихся иллюстрацій. Приватъ-доценты назначались въ помощь штатнымъ профессорамъ и для занятія соотвѣтствующихъ каѳедръ, въ случаѣ ихъ освобожденія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ они оправдали себя въ достаточной степени. Ихъ научно-профессорская репутація, — говоря вообще,— никогда не подвергалась сомнѣніямъ и засвидѣтельствована какъ педагогическими успѣхами, такъ и учеными трудами. О полезномъ приватъ-доцентскомъ вспомоществованіи вспоминаютъ съ одинаковою благодарностью и профессора, и академические воспитанники. Нельзя забывать, что тогда вакантная каѳедры сразу замѣщались готовыми и опытными преподавателями, а не пустовали болѣе или менѣе продолжительное время, между тѣмъ нынѣ это бываетъ не рѣдко. Тѣхъ же результатовъ естественно ожидать и теперь. Нужно помнить еще, что, получая профессуру, приватъ-доценты будуть имѣть столь важную для профессорскаго дѣла педагогическую практику, какой у нашихъ стипендиатовъ нѣтъ и быть не можетъ. И если приватъ-доценты не всегда будутъ попадать на предметъ своихъ специальныхъ занятій, то во всякомъ случаѣ это будетъ болѣе сродная наука, чѣмъ при господствующихъ порядкахъ, когда церковный историкъ избирается на догматику или Свящ. Писаніе, канонистъ призывается преподавать расколь, котораго онъ совсѣмъ не слушалъ, и т. п. Наконецъ, каждый профессоръ-богословъ нуждается въ адъюнкте для полноты и заключенности своего курса дополнительными чтеніями, но этой отвѣтственной миссіи не могли нести наши стипендиаты, п къ ней вполнѣ правоспособны только приватъ-доценты, какъ показалъ опытъ. Что до частныхъ указаний относительно ученыхъ степеней, то громадное большинство приватъ-доцентовъ представили диссертациіи или же, не подавъ ихъ по уважительнымъ причинамъ, означеніи новали себя многими равнознѣчными научными трудами, при чемъ необходимо указать, что по уставу 1869 г. полученіе магистерства много затруднялось обязательнымъ требованіемъ, чтобы диссертационныя сочиненія изготавливались непремѣнно по избранной специальности, а нынѣ каждый академический преподаватель пишетъ по любому предмету, иногда нимало не связанному съ его каѳедрой.

Вообще, приват-доцентура «опорочивается» совсѣмъ напрасно, и въ интересахъ научно-педагогического профессорского дѣла этотъ институтъ несравненно полезнѣе для Духовныхъ Академій. чѣмъ «профессорскіе стипендіаты», столь мало оправдавшіе свой почетный эпитетъ.

(*Объ академическихъ степеняхъ*) прежде всего нужно имѣть въ виду слѣдующее. Духовныи Академіи призваны специально обучать молодыхъ людей именно въ «богословіи», почему успѣшно закончившіе полный курсъ штатцы ихъ могутъ быть и называться только «кандидатами богословія». Говорить о нихъ, какъ о «кандидатахъ Духовныхъ Академій», значило бы неосторожно забывать или тенденціозно затушевывать самую существенную цѣль послѣднихъ, а допустить этого невозможно, не затрагивая самой природы духовно-академического образованія. Вѣдь и въ Университетахъ, напр., кандидаты именуются по свойству всѣхъ дисциплинъ своего факультета (кандидатъ правъ, физико-математическихъ наукъ и т. п.). Тѣмъ болѣе обязательно это для академического цикла, строго объединеннаго богословіемъ, которое представляетъ цѣлостное, недѣлимоѣ знаніе.

Вопросъ о точномъ наименованіи академическихъ магистровъ тѣсно связанъ въ вопросомъ о количествѣ академическихъ ученыхъ степеней вообще. Нѣкоторые упорно рекомендуютъ сократить ихъ до двухъ, оставивъ только кандидатовъ и докторовъ¹⁾). Объективный генезисъ этой необычайной мысли, не вступающей ни въ одинъ изъ академическихъ проектовъ, мнѣ совершенно непонятенъ, и съ нею я никакъ не могу согласиться. Ссылка на проектируемые университетскіе порядки—безусловно неубѣдительна. Вообще *comparatio non est ratio* и въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе спорно, что мы пользуемся примѣрами университетскаго строя довольно эгоистически—только тогда, когда это выгодно именно намъ, т. д. больше лицамъ, чѣмъ дѣлу²⁾). Затѣмъ, предположенное (въ 1906 г.) для Университетовъ сокращеніе ученыхъ степеней было достигнуто не объективно аргументацией, а небезпрѣстѣннымъ плебисцитомъ заинтересованныхъ участниковъ, где всегда преобладаютъ индивидуальные мотивы³⁾). Естественно,

¹⁾ См. въ приложениіи къ «Журналамъ С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 3 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 84—85. 87. 88. 139—141, и въ «Церковномъ Вѣстникѣ» №№ 9 и 12 за 2-е и 23-е марта 1906 г., стр. 270—274. 364—368. См. еще «Сводъ проектовъ Устава Православной Духовной Академіи», стр. 35.

²⁾ Такъ, приходилось доказывать, что было бы противовѣстственно не включать въ заслуженное академическое профессорство вполнѣ равноправной службы въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—тоже профессорской. И крайне странно, что въ институтахъ и вскихъ преимуществахъ мы усиленно желаемъ сравняться съ университетскими коллегами, а здесь игнорируемъ даже университетское преподавательство, какъ недостойное зачета въ срокъ академической профессуры... Нужно быть, по крайней мѣрѣ, послѣдовательными.

³⁾ Весь процессъ этого дѣла за послѣднее время весьма поучителенъ. По вопросу о количествѣ ученыхъ университетскихъ степеней были разныи мнѣнія (см. «Труды Высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній», вып. III, стр. 58 сл.), но голоса въ пользу сохраненія прежнаго количества для всѣхъ факультетовъ восторжествовали (*ibid.* III, стр. 111—113. 128 сл. 153—155. IV, стр. 143—157),—и это рѣшеніе принято 21 членомъ противъ 11 (*ibid.* II, стр. 93—94), о чёмъ и внесена соответствующая (130-я) «статья» въ «Проектъ общаго устава Императорскіхъ Россий-

что противъ такихъ персональныхъ вожделѣній доселѣ высказываются самыя серьезныя возраженія, съ которыми невозможно бороться на чисто научной почвѣ¹⁾). Извѣстно еще, что цѣлая министерская комиссія (такъ называемая Зенгеровская) отвергала подобныя явленія даже для медицинской области²⁾, гдѣ докторство имѣть особый смыслъ—служебной прерогативы³⁾. Въ Духовныхъ же Академіяхъ,—по существу дѣла и по фактическому положенію,—кандидатское сочиненіе бываетъ только завершеніемъ студенческихъ ученическихъ занятій и само по себѣ не можетъ быть и признаваться ученымъ трудомъ въ собственномъ смыслѣ. Въ такомъ случаѣ между кандидатствомъ и докторствомъ, какъ вершиною собственно ученой карьеры, образуется цѣлая пропасть, которую необходимо съузить посредствующимъ звеномъ, чтобы послѣдовательная связь не прерывалась. Этому и должно служить магистерство, знаменующее начальную стадію специально ученаго служенія чистымъ научнымъ интересамъ. Всѣмъ этимъ принципиально устрашаются основныя возраженія противниковъ тройственности существующихъ академическихъ степеней; а о частностяхъ говорить не приходится уже потому, что онѣ не имѣютъ серьезной важности и всего менѣе оправдываются потребностями русской богословской науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что магистерство является лишь началомъ ученаго богословскаго поприща, но въ этотъ періодъ, когда всякая специальная работа бываетъ только отражениемъ полной законченности общаго богословскаго образованія и именно въ немъ починаетъ широкую научную цѣнность, нельзя допускать раздробленія по маленькимъ группамъ богословскихъ предметовъ, пбо это явно противорѣчило бы нераздѣльной цѣлостности богословскаго знанія. Такое обособленіе (въ принятой по уставу 1884 года классификаціи) дозволительно единственно для докторства по той причинѣ, что тутъ уже раже научно (т. е. ученымъ магистерствомъ, а не студенческимъ кандидатствомъ) удостовѣрена общебогословская зреость. Но сemu академические магистры нoprежнему должны быть и титуловаться «магистрами богословія».

Съ другой стороны, по моимъ соображеніямъ, докторство безусловно

скихъ Университетовъ» (Спб. 1905, стр. 47; ср. «Приложенія» къ этому проекту, стр. 2. 59). Поэтому возобладали обратныя течения и окончательно утвердились въ «измѣненіяхъ къ проекту» (Спб. 1905, стр. 12), но лишь превышеніемъ 28 противъ 13-ти, при 3 хъ воздержавшихся (см. «Труды совѣтіанія професоровъ по университетской реформѣ, образованной при Министерѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ Министра Графа И. И. Толстого, въ январѣ 1906 г., Спб. 1906, стр. 16—17), однако и здѣсь были серьезныя разногласія (ср. стр. 238—243), а проф. В. В. Стекловъ подалъ мотивированное и весьма основательное мнѣніе за *status quo ante* (стр. 227—237 и ср. 335). Но всему видно, что «при заключеніи исторіи» просто «воспользовались моментомъ», когда у насъ вездѣ играли роль больше цифры, чѣмъ сужденія,—не столько солидныя *sententiae*, сколько всякия *carita*...

¹⁾ Ср. у проф. М. А. Муретова, Прозектъ устава православныхъ Духовныхъ Академій (Св.-Тр. Сергиева Лавра 1906), стр. 42—43.

²⁾ Ср. «Труды Высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній», вып. III, стр. 181. 140—141.

³⁾ См. обо всёмъ этомъ у г. А. А. Къ университетской реформѣ въ «Новомъ Времени» № 11. 103 за 3-е февраля 1907 г. и въ «Объяснительной запискѣ къ проекту общаго устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ» (Спб. 1905), стр. 128 сл.

необходимо въ профессорствѣ,— и я готовъ быль бы допустить, что академической преподаватель, существующій стоять на высотѣ научнаго авторитета, но не приобрѣтшій высшей ученой степени, обязанъ оставить службу послѣ 25 лѣтъ. Учено-литературная разработка составляеть непремѣнную и натуральную функцию профессорскаго призванія, и его носители по существу не имѣютъ нравственного права отказываться и въ томъ случаѣ, еслибы отъ нихъ потребовалась не 3, а 5 или 7 диссертаций черезъ извѣстные сроки. Это внутренно исповѣдуютъ и лица совсѣмъ иныхъ убѣжденій, разъ они, добиваясь extra ordinem высшихъ служебно-финансовыхъ преимуществъ, выдвигаютъ предъ своими властными покровителями всѣ свои статейки и замѣтки, не исключая каталоговъ маленькихъ библіотекъ, чтобы взять хоть числомъ и нѣсколько прикрыть свои тенденціозные поклѣпы¹⁾ на ученыхъ работниковъ... Научное преуспѣяніе не можетъ не обнаруживаться соотвѣтственными внѣшними результатами на общую пользу,— и безъ нихъ подвергается вполнѣ понятному сомнѣнію плодотворность, иногда даже наличность истинной научной жизни, имѣющей объективную цѣнность. И развѣ мы не знаемъ, сколько славныхъ (по преданіямъ) академическихъ именъ осталось теперь простыми звуками для науки или сохранилось въ ней по юридическому, либо фактическому принужденію?... Хороша свобода, но опасно освобожденіе отъ естественныхъ обязательствъ, неразрывно связанныхъ съ самыемъ ея конкретнымъ положеніемъ...

Вообще, академическое положеніе профессоровъ опредѣляется ихъ ученымъ цензомъ, а этотъ послѣдній устанавливается соотвѣтствующими учеными степенями, которая нормируютъ служебное движение. И если признано, что магистерская степень даетъ экстраординатуру, открывающую доступъ къ «совѣтскому» управлению, то,— мнѣ кажется,— каждый изъ академическихъ преподавателей непосредственно по приобрѣтеніи степени магистра долженъ ео ipso получать званіе экстраординарного профессора и всѣ права члена совѣта. Безъ этого оказывается прямое противорѣчіе съ существомъ академическо-профессорской службы, что успѣхи въ ней фактически условливаются нынѣ уже не учеными достоинствами лицъ, но случайностями освобожденія платныхъ экстраординарныхъ вакансій, т. е. чисто финансовыми соображеніями, чего не должно быть съ принципіальной точки зрѣнія. Само собою понятно, что всякий новый экстраординарный профессоръ вознаграждается соотвѣтствующимъ окладомъ лишь въ предѣлахъ узаконенныхъ штатовъ по мѣрѣ открытія платной экстраординатуры въ порядкѣ старшинства со временеми полученія магистерской степени, а до тѣхъ поръ долженъ довольствоваться доцентскимъ жалованьемъ.

Если это предложеніе мое не будетъ принято,— я высказываюсь въ томъ смыслѣ, чтобы всякий доцентъ de jure и de facto становился полноправнымъ членомъ академического совѣта чрезъ пять лѣтъ по полученіи магистерской степени, когда онъ приобрѣтетъ достаточную и

¹⁾ См. приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи», за 1905—1906 годъ, стр. 84—85.

всестороннюю академическую опытность, безъ которой активное участіе въ академическомъ управлениі едва ли можетъ быть полезнымъ для него самого и для академического дѣла.

Въ виду сдѣланныхъ уже и возможныхъ возраженій вынуждаюсь прибавить, что всегда и вездѣ высота иравъ условливается предварительнымъ искусствомъ удостовѣренной практики въ исполненіи обязанностей, а фактическій абсентізмъ представительства въ академическомъ совѣтѣ «отъ цѣлой группы наукъ» ¹⁾ есть явленіе ненормальное, какого не должно быть по закону и не было бы въ дѣйствительности, еслибы молодые академические преподаватели своевременно и послѣдовательно получали положенные для нихъ ученыя степени.

Что касается утвержденія въ богословскихъ академическихъ степеняхъ, то, откровенно говоря, я не нашелъ вполнѣ счастливаго исхода изъ рассматриваемаго затрудненія. Съ одной стороны, права высшей церковной власти въ этомъ отношеніи стоять для меня незыблемо (см. выше стр. 3—4), и едва ли они могутъ быть оспориваемы принципіально, а при послѣдніхъ «автономныхъ» вольностяхъ по этой части выдвигаются съ особеною остротой по нашей собственной винѣ... Признавая принципъ свободы для плодотворности научно - богословскихъ послѣдований, все-же думаю, что въ истинномъ православіи заключается для нея достаточно простора,— и примѣръ такъ называемыхъ «ареопагитикъ» ²⁾ не убѣдилъ меня въ противномъ, яко бы мы должны бояться законного и разумнаго контроля церковнаго. Если у насъ читается въ церквахъ извѣстное «пасхальное слово» Иоанна Златоуста, то неужели этимъ воспрещается объективное отрицаніе его подлинности, когда тамъ высокія мысли просто прикрываются и освящаются авторитетомъ великаго вселенскаго учителя?.. И если Діонисій Ареопагитъ считается просвѣтителемъ и патрономъ Парижа, гдѣ есть цѣлый кварталь St.-Denis, то развѣ французская (даже католическая) наука связана рабскимъ молчаніемъ по вопросу объ «ареопагитическихъ» сочиненіяхъ?... Вообще, *abusus* никогда нельзя выдвигать для устраненія *iusus'a*, который, конечно, долженъ имѣть свои границы, опредѣляемыя существомъ дѣла. Однако синодское утвержденіе въ академическихъ степеняхъ представляетъ и немалыя неудобства. Не говорю уже о томъ, что такімъ путемъ слишкомъ рѣшительно выражалось бы убѣжденнное недовѣріе въ компетентности академическихъ коллегій въ ихъ собственной сферѣ и заранѣе подрывался бы ученово-академическій авторитетъ. Помимо сего, самъ Св. Синодъ необходимо встрѣчалъ множество преградъ, усвояя себѣ послѣдній судъ въ ученой области, и потому иногда долженъ быть прибегать къ героическимъ средствамъ... Здѣсь ему часто приходилось переносить дѣло съ научной почвы на догматическую, но чрезъ это частное сочиненіе получало обще-церковную важность, какой не можетъ имѣть личная работа собственного уразумѣнія и поспѣльного разъясненія христіанскихъ истинъ. Синодъ придавалъ особенную санкцію ограниченному труду

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 97б. 98а.

²⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 67а.

и сообщалъ ему неподобающую санкцію. Отсюда возникло изрядное количество разныхъ конфликтовъ, сильно осложнявшихъ наше церковное правление. Вспомнимъ, напр., случаи съ нѣкоторыми сочиненіями по расколу, вызвавшими жгучія обострѣнія вопреки авторскимъ намѣреніямъ... По этой причинѣ Синодъ—во избѣжаніе подобныхъ смущающихъ злоупотребленій—вынуждался налагать свое veto даже тогда, когда едва ли въ этомъ была надобность для него самого... А тою порой богословское научное развитіе въ Россіи тормозилось къ явному ущербу для всѣхъ¹)... Мнѣ думается, мы достигнемъ болѣе удовлетворительнаго результата, если будемъ трактовать богословскія диссертациіи просто въ качествѣ частныхъ научныхъ попытокъ и отнимемъ у нихъ несвойственное достоинство докторской учительности. Присужденіе степени доктора богословія еще не означаетъ признанія за даннымъ лицомъ права церковнаго учительства, котораго ни одинъ академическій профессоръ—самъ по себѣ—не имѣетъ... И если дѣйствительно появляются сочиненія, сомнительныя съ докторской стороны²), то на этотъ счетъ могутъ быть у церковнаго начальства свои особы мѣры. Такъ, въ VII-мъ отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія, гдѣ я также принималъ участіе, выработаны разныя «правила церковнаго наблюденія»³), часть которыхъ (съ цѣлесообразно приспособленными измѣненіями) уже утверждена Св. Синодомъ⁴). Здѣсь указывается достаточно средствъ и возможностей къ тому, чтобы церковная власть—въ необходимыхъ случаяхъ—авторитетно объявляла вѣрующимъ свой докторской судъ и относительно ученыхъ богословскихъ трудовъ⁵). Желаю и надѣюсь, что это будетъ совершаться не только въ отрицательномъ, но и въ положительному смыслѣ... Дай Богъ, чтобы для общаго блага рекомендациія и одобрение всегда шли впереди предупрежденій и запрещеній!

Въ православіи всего легче заподозрить. Вѣдь нѣкоторые—даже іерархи⁶)—и теперь считаютъ католизисъ митрополита Филарета слишкомъ католическимъ... Ученое сочиненіе должно попреимуществу оцѣниваться лишь съ ученой стороны, а докторская мѣрка примѣнится только въ

¹) См. у меня выше стр. 4 и въ «Странникѣ», 1897 г., № 8, стр. 531—533.

²) При этомъ (проеосвященнымъ предсѣдателемъ V-го отдѣла) указывалось на магистерскую диссертацию Московскаго профессора С. И. Смирнова о духовникахъ («Духовный отецъ въ древней восточной Церкви», ч. I, Св.—Тр. Сергіева Лавра 1906), яко бы затрагивающую таинство исповѣди. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности штудировать этотъ трудъ въ цѣльномъ видѣ, а просматривалъ его лишь по отрывочнымъ статьямъ въ «Богословскомъ Вѣстникѣ», но тѣмъ не менѣе рѣшаюсь твердо поставить вопросъ: справедливо ли такое подозрѣніе? Не идетъ ли у автора рѣчь собственно о фокусѣ позднейшаго и современного церковнаго института?

³) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 390—399.

⁴) См. «Церковныя Вѣдомости», № 48 за 2-е декабря 1906 г., стр. 505—507.

⁵) Какъ участвовавшій и въ специальнѣй С.-Петербургской епархиальной комиссіи (подъ предсѣдательствомъ епископа Нарвскаго Антонина) и въ VII-мъ отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія (подъ предсѣдательствомъ архіепископа Финляндскаго Сергія),—я имѣю право утверждать, что разумѣемыя «правила» не содержатъ и не преслѣдуютъ ничего ип铿изационнаго—вопреки тенденціоннымъ подозрѣніямъ о. проф. П. Я. Севѣтлова въ С.-Петербургскомъ журналѣ «Звонарь» 1907 г., № 1, стр. 19—41: «Зачѣмъ же ип铿изії?...

⁶) См., напр., «Колоколь», № 341 за 17-е марта 1907 года въ сообщеніи о «Лекціяхъ архіепископа (Волынскаго) Антонія» (Храповицкаго).

исключительныхъ случаяхъ, когда возможны экстраординарныя мѣры законнаго свойства. Напр., если упомянутыя мною «правила перковнаго наблюденія за произведеніями печати» будутъ дѣйствительно приняты на практикѣ, то по нимъ даже епархиальный архіерей получаетъ законную возможность «наблюдать» за благонадежностю въ православно-церковномъ отношеніи всякаго,—въ томъ числѣ и ученаго,—сочиненія. Тѣмъ больше не отнимаютъ этого у высшей церковной власти, а усвоить ей такую компетенцію специальнѣ—особымъ §-фомъ—совсѣмъ нелегально. Какъ Академія можетъ дать право, которое само собою принадлежитъ Св. Синоду?... Съ другой стороны, послѣдній едва ли станетъ отнимать то, чего изъдавалъ (хотя по отношенію къ кандидатству нѣкоего Толстого былъ и такой казусъ въ Московской Академіи въ половинѣ 90-хъ годовъ), но въ крайности онъ можетъ и въ правѣ поручить пересмотрѣть сочиненіе, оставивъ тогда послѣднее рѣшеніе за собою, а иначе долженъ бы осудить цѣлый академический совѣтъ и на него распространить свои прещенія. Удобно ли это? Указываютъ на нѣкоторые рѣдкіе экзессы въ родѣ зазорной панихиды въ одной изъ Академій¹). Но этотъ случай и подобные имъ говорятъ вовсе не противъ «ученыхъ», которые къ нимъ не причастны, а противъ другихъ лицъ; да только обѣ этомъ распространяться здѣсь неудобно, хотя открылись бы тогда совсѣмъ новые горизонты касательно нашихъ академическихъ нестроеній... Нельзя винить исключительно студентовъ и преподавателей, забывая о «стражахъ дома Израилева»... Вообще, для дѣла и для Св. Синода лучше, если—при сомнѣніяхъ обѣ известной диссертациѣ—онъ просто поручить пересмотрѣть вопросъ другому академическому совѣту, сохранивъ окончательное сужденіе за собою. Это будетъ согласно и съ дозволеною практикой соисканія ученыхъ степеней въ другихъ Академіяхъ. Напомню хотя бы послѣдніе примѣры: тѣ проф. М. А. Олесницкаго, К. А. Чемены, архимандрита (нынѣ епископа) Иннокентія (Пустынскаго); всѣ они—киевляне, но первый получилъ докторство въ С.-Петербургѣ, второй приобрѣль магистерство въ Московской Академіи, третій достигъ магистерской степени къ Казани. Подобныхъ случаевъ не мало. Самъ я, будучи Петербургскимъ профессоромъ, удостоенъ докторства по рѣшенію дорогой и родной мнѣ Московской Almae Matris.

Не сочувствую я и раздачу ученыхъ степеней *honoris causa*, а по отношенію къ самимъ членамъ академическихъ корпорацій безусловно не признаю этого соблазнительнаго и коварнаго порядка. Стою здѣсь на отрицательной точкѣ зрѣнія, выраженной еще приснопамятнымъ митрополитомъ Исидоромъ (Никольскимъ): когда совѣтъ С.-Петербургской Академіи хотѣлъ присудить ему степень доктора *honoris causa* за редактированіе русскаго перевода Библіи,—святитель рѣшительно отъ этой чести отказался, какъ и въ другомъ аналогическомъ случаѣ (одного С.-Петербургскаго протоіерея) онъ авторитетно указалъ на законный и для всѣхъ доступный путь соисканія ученыхъ академическихъ степеней. Это мудро и справедливо. У насъ по этому предмету чаще практиковалась

¹⁾ Ср. у Н. Болховецкаго въ «Миссионерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 811.

своего рода любезность, а играть любезностями въ ученомъ дѣлъ неудобно. Отрицать подобные факты въ академическомъ прошломъ было бы несогласно съ исторіей, однако я не буду приводить конкретныхъ примѣровъ—по причинамъ, для всѣхъ понятнымъ... Бывали, конечно, и вполнѣ достойные honorati, но тѣмъ прискорбнѣе, что употреблялись обходные пути, хотя легко было примѣнить законныя средства. Естественно, что отсюда возникли потомъ злоупотребленія, потребовавшія вмѣшательства высшей церковной власти. Опытъ неотразимо показалъ, что академическая степень доктора honoris causa присуждалась не столько за ученыe труды, сколько по вниманію къ особому положенію извѣстной персоны ¹⁾). Вѣдь эти примѣры всѣмъ намъ хорошо извѣстны! Зачѣмъ закрывать глаза на дѣйствительность и не предусматривать самыхъ ясныхъ веющей?... Но— говорятъ—обычная процедура соисканія не всегда удобна,—особенно для лицъ іерархическихъ... Позволяю себѣ спросить: присужденіе ученой академической степени доставляетъ честь или нѣть? Если честь, то почему же унизительно искать этой чести законнымъ порядкомъ?... Я этого совсѣмъ не понимаю... Придется вѣдь предполагать, что эти «ученые» аспиранты просто боятся за свою компетентность и намѣренno избѣгаютъ открытаго суда тѣхъ, у кого ищутъ научныхъ отличій... При томъ же и прежде допускалось иногда освобожденіе отъ нѣкоторыхъ формальностей ученой «промоціи» ²⁾—болѣе для того, чтобы выдвинуть людей вліятельныхъ и властныхъ и заручиться ихъ подковитѣльствомъ. Вотъ это для Академіи было по-истинѣ унизительно ³⁾!

Наоборотъ, слѣдовало бы расширить «почетныя» отношенія Академій введеніемъ института и званія членовъ - корреспондентовъ.

По академическому уставу 1814 г., академическая конференція могли имѣть у себя не только членовъ дѣйствительныхъ и почетныхъ,

¹⁾ Наоборотъ, даже по послѣднимъ «либеральнymъ» проектамъ Университеты до- иускаютъ эти гоноративы отличія только «за особые труды въ наукѣ» (см. «Труды совѣщанія профессоровъ по университетской реформѣ», образованнаго при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ Министра Графа И. И. Толстого, въ январѣ 1906 г., Спб. 1906, стр. 93) лицамъ, «приобрѣшимъ широкую извѣстность въ наукѣ своими учеными трудами» (стр. 335). Еслибы у насъ фактически было тоже, тогда никто не сталъ бы и спорить, но здѣсь «сказка жизни» совсѣмъ иная...

²⁾ По «особому» настоящему тѣреосвященнаго ректора С.-Петербургской Духовной Академіи Бориса (Плотникова), это было, напр., съ магистерскою диссертацией епископа (нынѣ Полоцкаго и Витебскаго) Серафима (Мещерякова) «Прорицатель Валаамъ» (Спб. 1899). Я и тогда былъ несогласенъ съ этимъ лицепрѣятнѣмъ рѣшенiemъ, поскольку оно явно нарушало и требование академического устава и права другихъмагистрантовъ, которые обязывались выжидатъ подолгу, переживать исключительныя волненія публичной защиты и нести немалые расходы; а ссылка, яко бы оппоненты могутъ (даже намѣренno!) поставить іерарха въ неловкое положеніе, доселе кажется мнѣ оскорбительною и для Академій и для профессоровъ... Были у меня еще сомнія и касательно всей полноты достоинствъ рассматриваемой книги,—и они оправдались. Авторъ успѣлъ издать свой трудъ поанглійски (*The Soothsayer Balaam, or The Transformation of a Sorcerer into a Prophet*, London 1900), но (вопреки «Христ. Чтенію» 1901 г., № 2, стр. 303—307) эту работу поднялъ чуть не на смѣхъ простой англійский пасторъ (см. у Reverend *Henry Haymann* въ «The Critical Review», XI, 3 [May, 1901], p. 195—201, и ср. «Христ. Чтеніе» 1901 г., № 12, стр. 1000)... Здѣсь мы имѣемъ конкретное предостереженіе противъ всякаго фаворитизма въ ученыx дѣлахъ...

³⁾ Всѣ изложенные замѣчанія были высказаны мною на засѣданіяхъ V-го отдѣла Предсоборного Присутствія 23 ноября, 31 мая и 28-го ноября 1906 года.

но еще членовъ-корреспондентовъ, — послѣднихъ на тотъ конецъ, чтобы получать чрезъ нихъ полезныя свѣдѣнія о всѣхъ открытияхъ, относящихся къ духовной учености. Эти корреспонденты избирались изъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія, которыхъ своими сообщеніями могли содѣйствовать пользамъ духовнаго просвѣщенія и, въ частности, способствовать избравшимъ Академіемъ въ выполненіи научно-педагогическихъ задачъ соотвѣтственными услугами. Весьма желательно возстановить этотъ институтъ и въ настоящее время. Сохранившіяся свидѣтельства отъ Академій С.-Петербургской¹⁾ и Казанской²⁾ съ рѣшительностю удостовѣряютъ, что бывшіе у нихъ члены-корреспонденты оставили по себѣ признателную память активнымъ участіемъ ради академическихъ интересовъ и рисуются весьма жизненными членами академическихъ организмовъ. Посему и самое званіе это было настолько почтено, что Академіи иногда удерживали своихъ дѣйствительныхъ членовъ, перечисляя ихъ въ члены-корреспонденты, какъ было съ архим. Даніиломъ при перемѣщеніи его изъ Казани въ Иркутскъ³⁾). Думаю, что для Академій теперь и нужда въ этомъ институтѣ больше и польза отъ него можетъ быть существенна. Научно-педагогическая задача Академій постоянно разрастаются и захватываютъ столь широкіе интересы, что для наилучшаго ихъ осуществленія необходимы въ самыхъ различныхъ центрахъ міра способные агенты, которые были бы готовы и имѣли бы внутреннія побужденія съ охотою и преданностю послужить академическимъ потребностямъ. Этого нельзя достигнуть иначе, какъ только сдѣлавши академическими членами — корреспондентами подобныхъ людей, для которыхъ тогда академические запросы будутъ ихъ собственными нуждами. Иногда для Академій важно «представительство», — и опять же члены-корреспонденты съ честію могли бы выполнять эту миссію, не безразличную для академического успѣха и престижа. Съ другой стороны, и количество лицъ, способныхъ къ отправлению этихъ функций, достаточно многочисленно, почему всегда найдутся достойные кандидаты. При такихъ условіяхъ имѣются все основанія надѣяться, что корреспонденты станутъ не номинально, а дѣятельно — членами Академій и будутъ имъ полезны много и во многомъ. По этимъ причинамъ обязательно возстановить званіе членовъ-корреспондентовъ, которые выбираются ежегодно ко дню годичныхъ актовъ — изъ лицъ, полезныхъ для академического просвѣщенія непосредственно. Наряду съ ними могутъ быть избираемы въ корреспонденты и такія лица, которыхъ не служатъ прямо интересамъ православной науки и потому не даютъ права на включеніе въ ряды почетныхъ членовъ, но косвенно весьма способствуютъ ея успѣхамъ и заслуживаютъ соотвѣтственнаго признанія отъ представительницъ православно-научнаго просвѣщенія. Само собою понятно, что о каждомъ кандидатѣ компетентны судить лишь сами академіи.

¹⁾ См. у † проф. И. А. Чистовича, Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи (Спб. 1857), стр. 395—396.

²⁾ См. у проф. П. В. Знаменского, Исторія Казанской Духовной Академіи I (Казань 1891), стр. 277—278.

³⁾ См. у проф. П. В. Знаменского loc. cit.

мическіе совѣты, почему послѣдними и должны утверждаться члены-корреспонденты Академій¹⁾.

6.

Вопросъ о присужденіи Духовными Академіями ученыхъ степеней по философскимъ наукамъ.

Эта тема заслуживаетъ нарочитаго разсмотрѣнія по особому положенію, созданному специальными усилиями, которыя собственно и вызвали настоящій «вотумъ»²⁾.

Въ дѣль, столь важномъ принципіально и столь обостренномъ субъективно, какъ вопросъ о присужденіи свѣтскихъ степеней въ Духовныхъ Академіяхъ, каждому необходимо мотивировать свое мнѣніе, а потому и я предлагаю краткія соображенія по этому предмету.

1) Вопросъ объ ученыхъ академическихъ степеняхъ по «философіи» выдвигается въ ущербъ другимъ наиболѣе энергично и неотвязно³⁾, однако онъ не можетъ быть решенъ безъ отношенія къ прочимъ свѣтскимъ предметамъ, преподаваемымъ въ православныхъ Духовныхъ Академіяхъ. Равныя привилегіи многими принимались у насъ для словесныхъ наукъ⁴⁾, но то же вѣрно, напр., и для гражданской исторіи. Правда, послѣдняя пока поставлена и представлена неудовлетворительно,— и тѣмъ не менѣе нельзя забывать, что она имѣеть опору въ цѣлой группѣ родственныхъ ей церковно-историческихъ дисциплинъ. Значить, если давать ученыхъ академическихъ степени по «философіи», то обязательно допустить подобное право и для другихъ свѣтскихъ академическихъ предметовъ⁵⁾, а совмѣстимо ли это съ природою и задачами специально-богословскихъ ученыхъ и учебно-воспитательныхъ учрежденій? Не получится ли тогда, что Духовная Академія будетъ производить не столько богослововъ, сколько «философовъ», «гражданскихъ историковъ», «словесниковъ» и т. п.?

¹⁾ Это мнѣніе, напечатанное въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 года при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 2 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 38—40, заявлено мною въ совѣтской академической комиссіи и принято какъ С.-Петербургскимъ академическимъ совѣтомъ, такъ и V-мъ отдѣломъ Предсоборного Присутствія.

²⁾ Этотъ «вотумъ» приложенъ къ журналу V-го отдѣла Предсоборного Присутствія № 26 за 23-е ноября 1906 года и напечатанъ въ «Журналахъ и Протоколахъ», т. IV, стр. 189—195.

³⁾ См. приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 года при «Христ. Чтеніи» 1907 г., №№ 3 и 4 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 83—84, 87, и «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 124—125, 186.

⁴⁾ См. приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г. № 3 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 76—77, 78, и «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 187—189.

⁵⁾ См. «Сводъ проектовъ Устава Православныхъ Духовныхъ Академій, составленныхъ комиссіями профессоровъ С.-Петербургской, Киевской, Московской и Казанской Духовныхъ Академій» (Спб. 1906), стр. 35, и приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 3 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 75—77.

Не будетъ ли этимъ внесенъ роковой разладъ въ самое существо духовно-академического служенія и не нарушится ли основной смыслъ обособленного его существованія, коль скоро будутъ культивироваться совсѣмъ иные интересы? Отвѣтъ я не формулирую¹⁾, ибо вполнѣ очевидно, что при этомъ Духовныя Академіи рѣшительно уклонятся отъ своихъ прямыхъ функций.

Съ другой стороны, не менѣе ясно, что судьба всѣхъ другихъ свѣтскихъ академическихъ предметовъ по данному вопросу должна съ неизбѣжностью опредѣляться участію «философіи».

2) Обращаясь специально къ послѣдней, я прежде всего не могу не констатировать, что точка отправленія для ея притязаній вызываетъ не мало недоумѣній. Такъ, заявляютъ, что занятіе диссертациою богословскаго значенія отвлекаетъ академическихъ «философовъ» отъ своего дѣла и «прямого долга»²⁾, а сами, никѣмъ же гонимые, въ горячія минуты роковыхъ рѣшеній они врываются съ удивительно-смѣлыми приговорами въ специальные богословскіе споры, гдѣ для нихъ неясны простыя элементарныя вещи³⁾... Затѣмъ, указанною ссылкой не внушается ли подозрѣніе, что академическая «философія» чужда богословію, если даже частичное уклоненіе въ его область оказывается вреднымъ для «философскаго» профессорства? Выводъ отсюда неизбѣженъ, и я радъ, что онъ намѣченъ не мною⁴⁾.... Нельзя не задуматься еще и о томъ, почему это представители академическихъ «философскихъ» каѳедръ, столь панически избѣгая «отвлеченія» богословіемъ, допускаютъ для всѣхъ преподавателей самыя удивительныя совѣстительства, иногда совершенно чуждыя и Академіи, и наукѣ, и даже вообще литературѣ, въ которой опять многіе упражняются вовсе не по своей специальности и далеко не по научнымъ потребностямъ... Примѣровъ сему вездѣсликомъ много, а протестовъ совсѣмъ не слышно именно тамъ, гдѣ они были бы всего резонѣ и законнѣ... Другой академической «философіи» говорить, что онъ затрудняется «выдумывать» предметы для кандидатскихъ студенческихъ сочиненій⁵⁾, но С.-Петербургскій его коллега по той же самой каѳедрѣ хвалится «увеличеніемъ числа студентовъ, желавшихъ (за послѣднія лѣта 15—20) получить кандидатскую степень чрезъ сочиненія на философскія темы»⁶⁾, — и мы хорошо знаемъ, что въ нѣкоторыхъ Академіяхъ «философы» производятъ больше всего кан-

¹⁾ Но см. у проф. М. Л. Муретова, Проектъ устава православныхъ Духовныхъ Академій (Св.-Тр. Сергіева Лавра 1906), стр. 37.

²⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 125а.

³⁾ Особено поучительный образчикъ сего по дѣлу о докторствѣ проф. А. А. Бронзова см. въ «Журналахъ» совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи за 1899—1900 г. (Спб. 1902), стр. 198—199.

⁴⁾ Нельзя еще не изумляться, что, говоря такія вещи, человѣкъ забываетъ о своихъ коллегахъ—«философахъ», которые приобрѣли докторскія степени обычнымъ законнымъ порядкомъ... Вѣдь выходить, какъ будто эти профессора пренебрегали своимъ обязательнымъ «дѣломъ», измѣнили «прямому долгу» и т. под. Чѣдѣ подумать и сказать объ этомъ?...

⁵⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 125а.

⁶⁾ См. въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 5, стр. 750.

дидатовъ «богословія»... Значить, здѣсь вся причина въ субъективныхъ особенностяхъ, хотя бы и совершенно уважительныхъ.

3) Съ принципіальной стороны нась убѣждаютъ, что «между систематическимъ богословіемъ и философию существуетъ органическая связь¹⁾, что вторая есть самая вѣрная союзница и надежная помощница первого, и многое другое въ этомъ умплильномъ тонѣ²⁾. Однако факты удостовѣряютъ совсѣмъ противное. Мы вѣдь опытно освѣдомлены, что психологи даже вторыми рецензентами отказываются читать диссертациі по общимъ вопросамъ этики, такъ какъ—де это не относится къ ихъ специальности, и, продержавъ безплодно для себя и для дѣла около полугода, сваливаютъ подобные труды на руки библейстамъ... Впрочемъ, отъ воспоминаній безопаснѣе обратиться къ объективнымъ аргументамъ. Беру специальную статью наиболѣе усердного ратоборца за «философскія» академическая степени³⁾, поскольку она является п о официальной ходатайственнаю запиской отъ С.-Петербургской Академіи въ Св. Синодъ⁴⁾, а затѣмъ поступила въ V-ю «предсоборную» секцію. Здѣсь проповѣдуется какая-то «духовная философія» (стр. 766. 774), которая всего ближе стоитъ къ богословію (стр. 768), но первой усвояется «совершенная самостоятельность» (стр. 772), при чёмъ произойдетъ «определенное разграничение богословскаго отдѣленія и философскаго» (стр. 772—773). Въ результатѣ проектируется въ Академіяхъ «философскій отдѣль» при равныхъ съ богословіемъ «признакахъ и прерогативахъ *своего специального ученаго самоопределѣнія*» (стр. 752) и при «полной самостоятельности и свободѣ научныхъ изысканій, со всѣми ихъ „правовыми“ послѣдствіями» для «науки разума—философіи» (стр. 760). Такимъ образомъ, въ академическомъ самосознаніи, которое должно быть тождественнымъ въ самомъ себѣ и объединяющимъ всѣ проявленія, водворяется уже особое «самоопределѣніе», а это въ корыѣ разрушаетъ натуральную цѣлостность духовно-академического обученія. Понятно, что при такихъ условіяхъ «философія» возносится въ Академіяхъ на одинъ уровень съ богословіемъ, какъ независимая величина. Тогда неудивительно слышать далѣе, что «для „вышшей“ степени богословскаго образованія или просвѣщенія, для выработки въ воспитанникѣ академіи постояннаго, всепроникающаго и такъ сказать безапелляціоннаго (?) богословскаго умонастроенія и умоначетранія» необходима именно философія (стр. 757) наравнѣ съ богословіемъ (стр. 757—758), почему они будутъ «совершенно равными» и «одинаково соподчиненными» какой-то «главной» академической «цѣли» (стр. 758). Здѣсь «философія» прямо обособляется и на самомъ богословскомъ отдѣленіи формируется въ «полноправную группу» со строгою

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 138а.

²⁾ См. ibid. IV, стр. 138. 1886.

³⁾ И. д. доцента А. П. Высокоостровского, О правѣ духовныхъ академій присуждать ученыхъ степени по философскимъ наукамъ въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 5, стр. 748—777.

⁴⁾ См. приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 5 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 141.

«самодовлѣемостію» (стр. 752), требуя введенія въ Духовныя Академіи «нѣкоторыхъ физико-математическихъ наукъ, хотя бы въ видѣ основъ естествознанія и основаній высшей математики, равно какъ и наукъ соціологическихъ» (стр. 752 — 753). Но два, равно «самоопредѣляющіеся» и «самодовлѣющіе», члена по необходимости бывають одинаково обязательными другъ для друга въ общемъ служеніи. По силѣ этого «философія» дѣлается не менѣе нужной и заправляющею для богословія, чѣмъ и наоборотъ. Отношенія неизбѣжно перевертываются,—и теперь сама вѣра оказывается «въ подобной вспомогательной роли» по сравненію съ разумомъ (стр. 767), ибо «голосъ его способенъ руководить вѣрою» (стр. 763). Тутъ послѣдняя незамѣтно разрѣшается въ вѣрующую или самоувѣренную разумность, откуда естественно, что въ «самой вѣрѣ усматриваются разумъ же» (стр. 767), стараясь обосновать эту тезисъ апокрифическимъ текстомъ Писанія: «вѣрою проразумѣваемъ» (стр. 767), котораго въ такой формѣ нигдѣ въ Библіи не существуетъ (см. Евр. XI, 3). При этомъ съ необыкновенною страстью эксплоатируется библейскій эпизодъ объ Агари и Саррѣ (стр. 760—762), бывшимъ яко бы «одинаково женами отца вѣрующихъ Авраама»¹⁾. Съ объективной точки зрѣнія такая симпатія академическихъ «философовъ» совершенно непостижима. Этотъ примѣръ, пущенный въ подобный утилитарный оборотъ іудейскимъ еретикомъ Филономъ, примѣнялся имъ для аргументаціи нѣкотораго пропедевтическаго соучастія философіи въ богословской сферѣ, какъ въ этомъ именно смыслѣ онъ употреблялся и всѣми церковными писателями—согласно прямому значенію подлиннаго библейскаго разсказа, а намъ теперь хотятъ внушить, будто этимъ утверждается философское равноправіе въ самомъ богословіи со всѣми специальными его дисциплинами... Тутъ всего менѣе убѣдительности и слишкомъ много субъективной увѣренности по извѣстной аксиомѣ: *quod volumus, creditimus libenter...*

Впрочемъ, мы не входимъ въ разборъ отмѣченныхъ положеній и подчеркиваетъ ихъ только для нагляднаго освѣщенія принципіальной истины, что *дарование ученыхъ степеней по «философскимъ» академическимъ дисциплинамъ рѣшиительно противорѣчитъ самой природѣ Духовныхъ Академій, какъ специально богословскихъ православныхъ учрежденій*. И можно ли сомнѣваться въ этомъ, разъ академическая «философія», привозглашаемая «свободною»²⁾, изъявляетъ энергическое притязаніе на собственное «самоопредѣленіе», независимую «самодовлѣемость» и успѣшную конкурентность разума съ вѣрою въ самой богословской области? А вмѣсть съ этимъ аппеллируется въ пользу одинаковыхъ правъ и для другихъ общеобразовательныхъ академическихъ наукъ³⁾, при чемъ рекомендуется для Академій ученыя степени лишь по тремъ богословскимъ группамъ и, по крайней мѣрѣ, по пяти свѣтскимъ⁴⁾. Будетъ ли исполняться тогда основное академическое предназначеніе, гдѣ—даже по сло-

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 1886.

²⁾ См. *ibid.* IV, стр. 1886.

³⁾ См. въ «Христ. Чтенії» 1906 г., № 5, стр. 775, и ср. выше стр. 33—34.

⁴⁾ См. «Сводъ проектовъ»..., стр. 35, § 144.

вамъ апологетовъ философскаго сепаратизма — и теперь «свѣтскіе наставники составляютъ ^{5/12} общаго числа наставниковъ» ¹⁾, если изъ нашихъ Духовныхъ Академій станетъ выходить больше «ученыхъ» «философовъ», «гражданскихъ историковъ», «словесниковъ», «филологовъ», чѣмъ богослововъ-специалистовъ? Я думаю, отвѣтъ безспоренъ и именно въ томъ смыслѣ, что присужденіе свѣтскихъ ученыхъ степеней Академіями безусловно не мирился съ исключительной цѣллю ихъ прямого богословскаго служенія.

4) Съ другой стороны, это не менѣе несомнѣнно и со вспомогательнымъ положеніемъ всѣхъ свѣтскихъ дисциплинъ въ учебно-образовательномъ академическомъ строю. Подобная роль ихъ принималась всѣми безъ соотвѣтственныхъ возраженій ²⁾. Въ такомъ случаѣ соподчиненное, стремясь къ равенству съ главнымъ, превышаетъ свои «правовыя» полномочія и забываетъ о своихъ ближайшихъ функцияхъ, ради которыхъ оно и допускается. Служебныя науки обратятся въ кардинальная съ тенденціею къ нѣсколькою доминирующему господству надъ основными, какъ мы видѣли это съ неотразимостію по опытамъ нарочитой аргументаціи въ защиту правъ академической «философіи» на собственная ученая степени, когда, при томъ же, въ богословскихъ Академіяхъ были бы компетентными судьями ученыхъ достоинствъ философской или иной свѣтской диссертациі не всѣ члены корпораціи, а только тѣсный кружокъ коллегъ по данной специальности... Нѣть надобности прибавлять, что все это было бы совершеннаю ненормальностію.

5) Сверхъ сего, *Духовныя Академіи, какъ богословскія заведенія, и не компетентны присуждать свѣтскія ученая степени*, которыхъ вполнѣ справедливо не будуть признавать другія заинтересованныя учрежденія. Ссылаются ³⁾, что, напр., «философія» поставлена и представлена въ Академіяхъ шире и основательнѣе, чѣмъ въ Университетахъ, потому что въ первыхъ имѣются три философскихъ преподавателя, а во вторыхъ всего лишь одинъ (умалчивая о приват-доцентахъ). Пусть такъ, но вѣдь правоспособность къ извѣстнымъ ученымъ «одареніямъ» опредѣляется совсѣмъ не количествомъ людей, работающихъ въ родственной области, гдѣ иногда одинъ человѣкъ дѣлаетъ больше и лучше цѣлаго десятка... Иначе, каждый организованный философскій кружокъ съ значительнымъ контингентомъ членовъ могъ бы претендовать на присужденіе ученыхъ степеней по своей отрасли тверже и успѣшнѣе всѣхъ нашихъ Академій, взятыхъ вмѣстъ... Здѣсь напрасно и ошибочно смѣшиваются фактическое положеніе съ юридическою компетентностію. Послѣдняя же всегда условливается не самыми лицами и не численностію ихъ (не рѣдко не отвѣ-

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 124б.

²⁾ Ср. выше стр. 3—3. 49—50. См. подробнѣе у проф. М. Д. Муретова, Проектъ устава православныхъ Духовныхъ Академій, стр. (4—) 6: «Свѣтскія каѳедры въ Духовныхъ Академіяхъ всегда были и будутъ какими-то оторванными отъ Университета жалкими дохмотьями настоящей науки и, какъ таковыя, по меньшей мѣрѣ бесполезными и излишними, если только можно ручаться въ безвредности всякаго излишества и всякой безполезности... Поэтому всѣ существующія въ Академіяхъ свѣтскія науки надо преобразить въ болѣе имъ соотвѣтствующія или сродныя богословскія... Ср. и стр. 32, 35.

³⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 186а.

чаюшихъ своему призванію), но исключительно природою всего учрежденія, въ цѣломъ своею составомъ правоспособного для своего собственного предназначенія. А «философія» и прочія свѣтскія академическія науки суть дисциплины гуманитарныя, почему ихъ ученость законно и таксируетъ гуманитарный институтъ въ *Universitas omnium litterarum humana-pagum*. Наборотъ, Духовная Академія являются богословскими заведеніями и потому правомощны къ ученымъ «промоціямъ» только въ богословіи. Это я считаю довольно аксіоматичнымъ и не нуждающимся въ подробномъ раскрытиї¹⁾.

6) Указываютъ, наконецъ, на затруднительность свѣтскихъ академическихъ преподавателей въ пріобрѣтеніи ученыхъ богословскихъ степеней, говоря, что «философамъ» весьма трудно быть специалистами хоть по нѣкоторымъ богословскимъ дисциплинамъ²⁾ и развернуть свое «научное творчество» при отсутствіи отвѣщающихъ ему индивидуальныхъ способностей и расположений³⁾). Такое состояніе крайче прискорбно... больше для академического дѣла, чѣмъ для лицъ, которыя начинаютъ трактовать о своей обиженнности уже по включеніи въ штатъ профессорской академической коллегіи, между тѣмъ это должно быть имъ известно ранѣе и лишь тогда могло оправдывать предъявленіе своихъ условій, а не послѣ добровольного принятія узакопенныхъ нормъ. Къ счастію, приведенный тезисъ не подтверждается фактами, ибо отъ свѣтскихъ академическихъ профессоровъ мы имѣемъ много богословски-цѣнныхъ трудовъ, которыми—иногда резонно—гордится русская богословская наука. Ненормальность по этой части стала водворяться у насъ въ послѣднее время—и она заключалась въ томъ, что разными сепаратными циркулярами принуждали, чтобы всѣ академическія диссертациіи писались непремѣнно на «строго богословскія» темы. На этой почвѣ родилось въ Россіи не мало курьезныхъ сочиненій, гдѣ свѣтское содержаніе искусственно и неуклюже расшивалось нищенскими богословскими заплатами⁴⁾), хотя нужно было только съ обстоятельностью разъяснить богословскій интересъ данной ученой работы. Такая волюнтария и абсолютно вредная аномалія по прискорбному недоразумѣнію культивируется доселѣ. Ее необходимо устранить, замѣнивъ требованіемъ, чтобы академическія диссертациіи имѣли богословскую пригодность, которая должна быть документально раскрыта. При такомъ условіи не будетъ особыхъ препятствій къ ученому движению свѣтскихъ академическихъ преподавателей. «Философы» академическіе свидѣтельствуютъ обратное, но иное мы видимъ у ихъ западныхъ коллегъ. Отмѣчу немногіе «живые» примѣры. Знаменитый историкъ древней греческой философіи Целлеръ извѣстенъ разнообразными богословскими трудами и еще недавно (въ 1899 г.)—85-лѣтнимъ старикомъ—опубликовалъ трактатъ объ эссеизмѣ, т. е. по вопросу, доставившему Кл. А.

¹⁾ Ср. еще у проф. М. Д. Муретова, Проектъ устава православныхъ Духовныхъ Академій, стр. 37.

²⁾ См. въ «Христ. Чтепії», 1906 г., № 5, стр. 776—777.

³⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 189.

⁴⁾ Объ одномъ примѣрѣ этого сорта см. въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 344.

Чеменѣ степень магистра богословія отъ Московской Духовной Академіи уже на нашихъ дняхъ. Берлинскій профессоръ «філософії» Паульсенъ издалъ «Этику», важную вообще для богословской морали и серьезно обсуждающую соотвѣтственную новозавѣтныя ученія, какъ и Копенгагенскій философъ Гѣфдингъ. Глава и основатель современной научной экспериментальной психологіи—Вундтъ подарилъ насъ тоже «Этикой», богословская цѣнность которой безспорна. Послѣ этого можно ли согласиться, что наши «філософы» стѣснены до безвыходности въ своей ученой «промоції»? А если такъ бываетъ, то позволительно спросить и задуматься, отъ существа ли дѣла зависить все это, или отъ чего-нибудь другого?...

7) Нельзя въ заключеніе умолчать, что свѣтскіе академические преподаватели, желающіе замкнуться въ узкія рамки своихъ гуманитарныхъ специальностей, имѣютъ возможность соисканія ученыхъ университетскихъ степеней, которыхъ всѣми почитаются равноправными служебно съ богословско-академическими. Ученость вездѣ одинакова и,—увѣренная въ себѣ,—не должна требовать ограниченій для своего признанія только тѣснымъ кружкомъ «своихъ людей». И не академическимъ бы «філософамъ» избѣгать университетскаго суда, разъ они съ такимъ самомнѣніемъ превозносятся предъ университетскими коллегами, которые платить имъ за это, кажется, равною монетой... И для полученія докторской степени аспиранты,—не смогря на обратныя утвержденія ¹⁾,—вовсе не обязываются держать особый университетскій экзаменъ ²⁾, хотя послѣднему иногда съ успѣхомъ подчинялись и академические преподаватели. Всякій въ правѣ искать докторства при Университетѣ, и тутъ нѣть ни малѣйшаго унженія въ выпрашиваніи милости, коль скоро она юридически обусловлена. Не даромъ же нѣкоторые академические профессора, менѣе самодовольные своею исключительностію, благополучно воспользовались учеными услугами Университетовъ.

Указанныя соображенія ясно свидѣтельствуютъ, что свѣтскіе академические преподаватели—вопреки ихъ жалобамъ ³⁾—ничуть не обижены въ ученыхъ средствахъ къ поступательному служебному движению по сравненію со своими богословскими сотоварищами. И если для послѣднихъ отвергнуты V-мъ отдѣломъ Предсоборного Присутствія ⁴⁾ всѣ (практикуемые и проектируемые) обходные пути къ полученію ординатуръ помимо докторской степени (см. «Сводъ проектовъ»..., стр. 15, прим. 1), то вполнѣ неизбѣжно это и для первыхъ. Поэтому я рѣшительно не могу принять компромисса (въ свое время не аппробированаго С.-Петербургскимъ академическимъ совѣтомъ) о предоставлениі свѣтскимъ академическимъ профессорамъ ординарныхъ должностей за чисто свѣтскія сочиненія, одобренные лишь въ этомъ смыслѣ. Во-1-хъ, здѣсь была бы немалая льгота передъ богословами, обязанными пройти нелегкую процедуру получения докторства; во-2-хъ, она не оправдывается дѣйствительными трудностями для свѣтскихъ академическихъ педагоговъ въ пользованіи обыч-

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 125.

²⁾ См. ibid. IV, стр. 1246.

³⁾ См. ibid. IV, стр. 124—125.

⁴⁾ См. ibid. IV, стр. 182«.

ными средствами къ пріобрѣтенію ординатуръ; въ 3-хъ, этимъ способомъ было бы окончательно узаконено рѣшительное отчужденіе свѣтскихъ преподавателей отъ предназначеннаго для нихъ богословскаго служенія, разъ всего можно достичнуть безъ малѣйшаго приспособленія къ богословскимъ интересамъ; въ 4-хъ, вершителями ординарной правоспособности свѣтскихъ преподавателей въ Духовныхъ Академіяхъ оказались бы тогда не непосредственные представители послѣднихъ, а лишь крайне немногія лица изъ ограниченнаго круга специалистовъ по той или другой свѣтской группѣ, вообще слишкомъ ревнивыхъ въ охраненіи исключительной компетентности въ своей сферѣ.

Изложенные аргументы не являются новостію и всегда признавались настолько солидными, что всѣ авторитетныя ходатайства о свѣтскихъ академическихъ ученыхъ степеняхъ (напр., части совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи въ концѣ 1901 года) прямо отклонялись компетентною властію — согласно господствующему доселѣ убѣждению весьма многихъ членовъ духовно-академическихъ коллегій¹⁾.

Въ свою очередь и я вынуждаюсь научною совѣстію присоединиться къ отрицательному рѣшенію, которое совершенно неизбѣжно, если наши православныя Духовныя Академіи желаютъ оставаться вѣрными своему специальному богословскому призванію и не измѣнить самой природѣ своего особаго существованія. А послѣдняго да не будетъ во вѣки!

¹⁾ Естественно, что и оправданія обратной мысли не являются новостію для освѣдомленныхъ лицъ, какъ видно по приложенному (см. «Журналы и Протоколы», т. IV, стр. 195—196) вмѣстѣ съ моимъ «вотумомъ» «отдѣльному мнѣнію». Поскольку постыднейше предполагаетъ и стремится опровергать меня, я вынужденъ возвратить слѣдующее: 1) Тутъ приводятся слишкомъ общія соображенія, примѣнимыя къ другимъ свѣтскимъ наукамъ ничуть не менѣе, чѣмъ къ «философіи», почему они не доказываютъ именно того, quod erat demonstrandum. 2) Болѣе специальная ссылка на общее сужденіе академическихъ совѣтовъ, но а) оно фактически не было «единодушнымъ», — и это ясно по подписямъ (одной условной и одной неакадемической изъ 7-ми); вѣдь хотя собирали ихъ даже у лицъ, не бывшихъ при голосованіи въ засѣданіи 23-го ноября 1906 года, но все-таки не нашлось ни одного представителя Университетовъ, на которые такъ любятъ ссылаться въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ (напр., въ пользу двойства ученыхъ академическихъ степеней), а при «отрицательныхъ инстанціяхъ» отрицаютъ и третирируютъ ихъ (см. выше стр. 64). б) Рѣшеніе С.-Петербургской академической комиссіи вовсе не благоприятно притязаніямъ «отдѣльнаго мнѣнія». Тамъ допускалась льшь уступки требованіямъ обѣ академическихъ свѣтскихъ ученыхъ степеняхъ, но только для всѣхъ группъ съвѣтскихъ предметовъ и подъ непремѣннымъ условiemъ образования словесно-философскаго «факультета», который быль бы компетентенъ и ответственъ въ этомъ дѣлѣ (см. приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 г., стр. 57—69). Вотъ здѣсь-то и характерно, что (но мотивомъ, которые остались неясными и тогда и для V-ї секціи Предсоборного Присутствія) сами же «философы», нарочито постарались «привалить» этуъ излишне благоволительный проектъ (см. ibid., стр. 80—87 и въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 138—140) и тѣмъ устранили единственно рациональный фундаментъ для своихъ страстныхъ вожделѣній, слишкомъ выдвинувъ свои частные интересы въ ущербъ совершенно равноправнымъ коллегамъ своимъ, не менѣе полезнымъ для Академій и для богословія (ср. «Журналы и Протоколы», т. IV, стр. 1246)... Это ли не аргументъ для философскаго верховенства при обидномъ сепаратизмѣ даже отъ другихъ свѣтскихъ дисциплинъ?.. Въ итогѣ, и генезистъ утрируемаго «мнѣніемъ» «единодушія» (о чѣмъ можно бы сказать нѣчто подобное сообщенному на стр. 52, 64—65) вовсе не говорить за исключительныя «философскія» претензіи, если и не уничтожаетъ ихъ прямо. И «философамъ» академическому надо бы знать, помнить и строго примѣнять, что истинна всегда утверждается своюю внутреннею состоятельностью, а не спорными цифрами случайныхъ излѣбисцитовъ...

Учебный Комитетъ при Святейшемъ Синодѣ и состояніе духовной школы—въ исторической перспективѣ¹⁾.

Amicus Plato, sed magis amica veritas...
Ὑπὲρ πάντας τικὴ ἡ ἀλήθεια... Μεγάλη ἡ ἀλήθεια τικὴ
ὅπερισχύει.
“Ездра; А’ (2 Ездр., III Esdr.) III, 12. IV, 41.

Обсуждая Учебный Комитетъ, какъ главнѣйшій заправляющій органъ духовнаго образованія въ православной Россіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости и осуждаемъ его, но для этого нужно брать все дѣло въ исторической перспективѣ, въ связи съ разнообразными условіями и послѣдовательными измѣненіями послѣднихъ²⁾. Съ этой стороны данный институтъ рисуется намъ далеко не въ одинаковомъ свѣтѣ.

Учебный Комитетъ преемствовалъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ (1808—1839 г.г.) и Духовно-учебному Управлению (1839—1867 г.г.)³⁾. О второмъ извѣстно, что оно функционировало «въ качествѣ главнаго исполнительного мѣста по поставленіямъ и распоряженіямъ, относящимся къ образованію духовнаго юношества». Это не соотвѣтствовало жизненнымъ потребностямъ духовной школы 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія, и графъ Д. А. Толстой по сему предмету писалъ слѣдующее: «Оче-

¹⁾ Настоящий трактатъ по первоначальной редакціи (—въкачество «доклада»—) приложенъ къ журналу № 29 V-го отдѣла Предсоборного Присутствія и напечатанъ въ «Літургикахъ и Протоколахъ» послѣдняго (т. IV, стр. 239—271), где (на стр. 227б. 228б. 229. 230а. 234. 236б) помѣщены еще мнохъ замѣчанія. По поводу его отъ авторитетныхъ и компетентныхъ лицъ изъ самыx разнообразныхъ сферъ я получилъ много рѣшительныхъ выражений сочувствія и одобрѣнія, а характеристика реферата дана (по корректурѣ) проф. А. А. Лебедевымъ въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 153., 165.. Этого мнѣ пока вполнѣ достаточно для моего принципіального оправданія и для нравственного удовлетворенія въ виду исключительныхъ условій происхожденія и опублікованія моей работы..

²⁾ Для сего имѣется въ печати только замѣтка С. И. Миропольского «Двадцатипятилѣтие Учебного Комитета при Св. Синодѣ (1867—1892 г.)» въ №-ѣ 23 «Прибавленій къ Церковнымъ Вѣдомостямъ», за 6-е іюня 1892 года (стр. 829б—884б), а у насъ подъ руками была еще статья покойнаго († 4-го іюня 1906 года) помощника правителя дѣлъ Учебнаго Комитета А. Г. Болдовского, которая появится въ соотвѣтствующемъ томѣ: «Православной Богословской Энциклопедії». Первая написана человѣкоузнѣющими, но, къ сожалѣнію, проникнута слишкомъ юбилейно-патетическими тономъ, что Комитетъ «старался стоять на высотѣ положенія и быть ревностнымъ исполнителемъ», дѣйствовалъ обстоятельно, безотлагательно и пр...

³⁾ О первой, а частію и о второмъ см. у † проф. П. А. Чистовича, Руководящіе дѣятельности духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго (XIX-го) столѣтія: Комиссія Духовныхъ Училищъ, Спб. 1894, и у В. Н. Самуилова въ «Прибавлѣкъ Церк. Вѣдом.» № 7 за 12-е февраля 1905 г., стр. 280—289. Ср. еще у Ф. Н. Бѣллеско, О реформѣ духовной школы, часть I (Спб. 1907), стр. 36—145. Крайне желательно, чтобы этотъ послѣдній авторъ поспѣшилъ издать и всѣ доступные ему подлинные материалы съ необходимыми реально-историческими комментаріями.

видно, Святейшему Синоду необходимо иметь по этимъ дѣламъ не исполнительное управление, а такое учреждение, которое само могло бы обсуждать учебные вопросы, занимаясь этимъ дѣломъ исключительно и постоянно, и результаты своихъ обсужденій представлять на утверждение Святейшаго Синода [—безъ упоминанія хотя бы о малѣйшемъ посредствѣ Оберъ-Прокурора!—] и которое вмѣстѣ съ тѣмъ могло бы производить чрезъ своихъ членовъ ревизіи взаимъ назначавшихся до-сѣль отъ академическихъ Правленій и совершившихся за неимѣніемъ свободныхъ для того людей рѣдко и не вполнѣ обстоятельно¹⁾). Въ этомъ именно смыслѣ и открыть былъ «при Святейшемъ Синодѣ» «Учебный Комитетъ» на основаніи особаго о немъ «Положенія»²⁾, санкционированаго Государемъ Императоромъ Александромъ II 14-го мая 1867 года.

Какъ видимъ отсюда, первоначальныя предначертанія были столь же широкія, сколько и высокія. Къ несчастію, при выполненіи ихъ Учебный Комитетъ съ самаго начала очутился въ совершенно ненормальныхъ условіяхъ. Будучи вспомогательнымъ органомъ собственно Св. Синода, онъ по закону лишенъ былъ прямого общенія съ послѣднимъ, ибо всѣ комитетскія «заключенія поступаютъ» туда «на разсмотрѣніе и зависящее распоряженіе (лишь) чрезъ предложенія Оберъ-Прокурора» (§ 14 «Положенія»), чрезъ котораго происходять и всѣ сношенія «съ высшими мѣстами и лицами» (§ 11). Сверхъ сего, прокурорская власть оказывалась на одномъ уровнѣ съ синодскою, поскольку была уполномочена давать Комитету обязательныя порученія наравнѣ со второю (§ 11). Въ результатахъ являлось неизвѣстнымъ, кто специально вѣдалъ духовнымъ просвѣщеніемъ въ Россіи,— и по самому существу Учебный Комитетъ вынуждался къ механически-приспособительному колебанію между двумя силами, которыя далеко не всегда были согласны и не во всемъ дѣйствовали солидарно. Комитетъ, принципіально лишенный независимой и ответственной инициативы, заранѣе обрекался на печальную роль переметной сумы, а на практикѣ долженъ быть ливоровать между Сциллой и Харибдой, фактически не рѣдко попадая «изъ огня да въ полымя»... Въ этомъ заключается грустная трагедія всей комитетской исторіи. Печальные плоды подобнаго строя бываютъ въ глаза на всемъ протяженіи и во всѣхъ сторонахъ, но эти дефекты столь близки и ощутительны для насъ, что, характеризуя общее, необходимо бываетъ иллюстрировать его индивидуальными примѣрами и по нимъ оцѣнивать самый принципъ. Отсюда естественно, что и мною будутъ затрагиваться слишкомъ реальные случаи, которые человѣческая ассоціація склонна пріурочивать къ извѣстнымъ лицамъ, сваливая на нихъ всѣ бѣды. Посему категорически предупреждаю, что все это рѣшительно чуждо моимъ намѣреніямъ. Я прекрасно понимаю, что не

¹⁾ Но см. ниже стр. 120.

²⁾ См. его и въ брошюре «Положеніе объ Учебномъ Комитѣтѣ и штатъ онаго съ относящимися къ нимъ послѣдующими узаконеніями и разъясненіями» (Спб. 1907), стр. 3—6.

призванъ ни судить, ни казнить людей или сводить личные счеты, какихъ съ Комитетомъ не желаю имѣть... Отъ меня требуютъ лишь соображеній, наблюденій, указаній. Однако всѣ разсматриваемыя события еще живы для насъ, и замѣчанія о нихъ неизбѣжно получаютъ индивидуалистической окраски конкретныхъ ссылокъ. Тѣмъ не менѣе личности играютъ здѣсь второстепенное значеніе,—и я глубоко убѣжденъ, что многія изъ нихъ были безъ вины виноватыми, невольно страдавшими отъ коренной фальши въ самой системѣ. Но по этой причинѣ послѣдняя всего нагляднѣе обрисовывается по степени своей практической «пригодности» именно реальными актами комитетской корпораціи, о которой нельзя и несправедливо умалчивать, если отъ этого хирѣло и чахло самое духовно-учебное дѣло. Πάντα δεῖ λιθον κινεῖν κατὰ τὴν παρομίαν, ώστε τὸ ἀληθὲς ἔξευρεν¹). Въ такомъ освѣщеніи всѣ мои намеки теряютъ индивидуалистический смыслъ и должны быть kommentированы единственно въ качествѣ фактическихъ свидѣтельствъ о ненормальности самой природы Учебного Комитета.

Впрочемъ, на первыхъ порахъ принципіальная неудобства не обнаруживались рельефно и—напротивъ—проектированныя цѣли находили послѣднее примененіе, но—къ сожалѣнію—не прогрессивное, а регрессивное. Въ почти сорока лѣтнемъ существованіи Учебного Комитета нужно различать два періода, раздѣлительную границу которыхъ служить 1884-й годъ. До этого времени была эпоха творческо-созидающей работы, во многомъ симпатичной и плодотворной. Предстояла великая задача радикальной реформы духовной школы. Недостатки старого строя, осужденного исторіей и заклеймленного отверженіемъ въ самой жизни, были слишкомъ осязательны и не требовали особыхъ подвиговъ для своего устраненія. Посему Учебный Комитетъ справедливо сосредоточилъ преимущественное вниманіе на организаціонной части. Центромъ всего были учебные планы, гдѣ достигнуты несомнѣнныи успѣхи по сравненію съ предшествующимъ. Учебные программы этого времени, безспорно, выше прежнихъ,—и позднѣйшія только ухудшали ихъ съ рожковою систематичностью (см. ниже стр. 87., 96 сл.). Всегда наблюдалась возможная заботливость и о томъ, чтобы онѣ проводились и выполнялись съ одушевленною цѣлесообразностію. Здѣсь замѣтна тщательность въ подборѣ надлежащаго преподавательского персонала. Академіи того времени не имѣли разрядныхъ списковъ для выпускемыхъ кандидатовъ и не доставляли механическаго удобства для ихъ распределенія по чисто формальному ариѳметическому принципу. Необходимо было обсуждать этотъ вопросъ по существу въ каждомъ конкретномъ случаѣ,—и для сего прекраснымъ пособіемъ являлись «отдѣленскія» академическая классификаціи, которыми безошибочно намѣчался кругъ специальной компетенціи и личныхъ научныхъ симпатій всякаго академического питомца. Поэтому тогдашніе преподаватели прочно сидѣли на избранныхъ мѣстахъ и— вопреки позднѣйшимъ преемникамъ—не перепархивали поптичи съ каѳедры на каѳедру, не смотря на свое убогое до нищенства положеніе. Такъ—взаим-

¹) *B. Theodoreti Eranistes, dial. II: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 165C.*

нымъ согласiemъ образовательныхъ идей и соотвѣтствующихъ педагоговъ— зараждался новый организмъ духовной школы. Но пока это былъ лишь ростокъ, нуждавшійся въ неослабномъ уходѣ, чтобы не погибнуть задолго до зрѣлости или не принять ложнаго направлениа. И Учебный Комитетъ, хорошо понимая эту сторону, попечительно слѣдить за своими насажденіями. Это были его собственныя дѣтища, дорогія для вышаго духовно-учебнаго управлениа во всѣхъ мелочахъ и реальностяхъ фактическаго уклада. Естественно, что—подъ видомъ ревизоровъ—посылались на мѣста не грозные олимпійцы бюрократического величія, а любящія и опытныя няньки, способныя и готовыя помочь добрымъ совѣтомъ и авторитетнымъ указаніемъ, но не холодными прещеніями и страшными карами. Самъ я, напр., съ искреннею благодарностію вспоминаю почившаго С. В. Керского¹⁾, который къ заброшенной мелюзгѣ Никольскаго Духовнаго Училища (въ Вологодской губерніи) обнаруживалъ трогательную заботливость, входя во всѣ наши рябаческіе интересы и нужды. Даже суровый по внѣшности позднѣйшій ревизоръ съ ухватками такихъ членовъ новѣйшей формациіи—Степ. Исид. Лебедевъ²⁾ не чуждъ былъ сердечныхъ порывовъ, хотя нагоняялъ на Вологодскихъ семинаристовъ немало фальшиваго ужаса своими безцеремонными и грубыми покрикиваніями на всѣхъ и на все. При подобныхъ условіяхъ и ревизорскіе отчеты не были мертвыми бумагами. Въ нихъ до извѣстной степени отражалась подлинная духовно-школьная жизнь, которая лучше всякихъ канцелярски-красивыхъ фразъ говорила, что у нея есть хорошаго и полезнаго для обезпечениа дальнѣйшаго процвѣтанія. Эти отчеты были настоящими педагогическими трактатами или «томами»³⁾ съ массою яркихъ наблюденій и удостовѣренныхъ соображеній. Въ компетентныхъ источникахъ сообщается, что таковы именно были донесенія С. В. Керского, которыя «составляли цѣлую библіотеку педагогическихъ замѣтокъ и материаловъ для исторіи духовнаго образования въ Россіи»⁴⁾. Впрочемъ, это не сопровождалось задержками въ не-посредственныхъ педагогическихъ мѣропріятіяхъ, ибо ближайшія указанія и соображенія давались тотчасъ же и въ печатныхъ оттискахъ разсылались по учебнымъ заведеніямъ, гдѣ чрезъ библіотеки были доступны всѣмъ, не исключая воспитанниковъ, а послѣ этого порядокъ прекратился⁵⁾.

¹⁾ Скончался въ С.-Петербургѣ 1-го октября 1903 года: см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 41 за 11-е октября 1903 года, стр. 1583—1585.

²⁾ Скончался во время ревизіи въ Пензѣ 16-го апреля 1882 года: см. «Церковный Вѣстникъ» № 19 за 8-е мая 1882 года, стр. 9.

³⁾ См. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 840а.

⁴⁾ Проф. П. В. Знаменскій, Исторія Казанской Духовной Академіи, т. III (Казань 1892), стр. 380.

⁵⁾ Весьма знаменательно, что печатаніе ревизорскихъ отчетовъ совершилось и прекратилось исключительно по распоряженію Оберъ-Прокурора: см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 840а. Любопытно по саму предмету и опредѣленіе Св. Синода отъ 14—24 декабря 1883 года (т. е. предѣль самымъ введеніемъ нынѣшнихъ духовно-учебныхъ уставовъ) за № 2.593; оно гласитъ: «печатаніе полныхъ ревизорскихъ отчетовъ по ревизіи духовно-учебныхъ заведеній, какъ оказалось [почему?] въ настоящее время [—для 1884-го и слѣдующихъ годовъ это безусловно вѣрно!—], по заключенію Учебнаго Комитета [—и, значитъ, для него!—] при Святѣйшемъ Синодѣ, не вполнѣ цѣлесообразны [—т. е.?—], прекратить и взамѣнъ сего, по мѣрѣ надобности, а не въ

Совокупностю всѣхъ отмѣченныхъ факторовъ выяснялось, что Учебный Комитетъ имѣть своего специального дѣла болѣе, чѣмъ «по горло», — и онъ особенно сосредоточивался на своей прямой задачѣ, не отклоняясь много въ сторону и не увлекаясь излишне тенденціями къ бюрократическому самовозвеличенію, чѣмъ послѣ чрезмѣрно страдало данное учрежденіе, забывшее, что мишурное превознесеніе, попирающее свои обязанности, и смѣшно, и грѣшно, и гибельно, а скромность интенсивной работы въ соподчиненной области есть истинная слава всякаго участника общаго церковно-государственного просвѣтительного строенія...

Это не было понято и остановлено своевременно, откуда грустныя послѣдствія явились съ фатальною неизбѣжностью. При неестественномъ и непосильномъ расширеніи своей компетенціи Учебный Комитетъ оказался безъ достаточныхъ средствъ, чтобы продуктивно справляться съ живымъ педагогическимъ дѣломъ. Для поддержанія своего вицѣнья до-стоинства ему по необходимости пришлось замкнуться въ чисто бумажной сфере, такъ какъ онъ не хотѣлъ покинуть широкое поле и возвратиться на «тѣсный путь» — къ своей собственной педагогической роли. Къ тому же обнаружились важные дефекты по воспитательной организаціи духовной школы. Эта часть вообще была въ изрядномъ пренебреженіи у прежняго Учебного Комитета и къ концу первого періода достигла большого разстройства и многихъ аномалій. Нужно было направить творческое вліяніе на эту главнѣйшую область духовно-школьной педагогіи и постепенно устраниТЬ недостатки, пользуясь добрымъ наслѣдіемъ прошлаго въ другихъ отношеніяхъ. Но Учебный Комитетъ уже потерялъ здоровое чутье и не желалъ сойти съ гладенькой бюрократической дороги; да и временами къ 80-мъ годамъ радикально измѣнились. Начались новыя вѣянія — канцелярскаго правленія, бюрократической централизаціи и самомнительно-чиновничьяго педовѣрія ко всякимъ мѣстнымъ органамъ. Неудивительно, что воспитательные недочеты духовной школы наружно вполнѣ оправдывали эти тенденціи, а Учебный Комитетъ прямо и рѣшительно стремился навстрѣчу имъ и самъ помогъ своему крушенію.

При такихъ предзнаменованіяхъ открылась съ 1884 года вторая эпоха. Ея дѣятели находились въ довольно невыгодномъ положеніи по сравненію съ пionерами возникшаго Учебного Комитета. Тамъ для всѣхъ было безспорно жалкое убожество духовно-школьныхъ институтовъ, и упраздненіе послѣднихъ принималось всѣми сочувственно — съ готовностю поддерживать и осуществлять обновительныя реформы, за которыхъ энергически высказывался громкій голосъ самой жизни. Теперь все было иначе. Духовная школа была не настолько плоха, чтобы ее уничтожить съ легкимъ сердцемъ, и на акты систематического подозрѣнія она отвѣ-

определенные сроки [—когда вздумается?—], печатать въ формѣ циркуляровъ [—превращая отчетныя замѣчанія въ законополагающія предписанія—], только общія руководственныя указанія и распоряженія духовно-учебной власти [sic!], какія потребуются по ревизіямъ членовъ-ревизоровъ, а равно и разъясненія вопросовъ, возбуждаемыхъ практикою духовно-учебныхъ заведеній, дабы таковыя могли быть извѣстны и всѣмъ прочимъ [—кому или чему?—], для соответственнаго въ подобныхъ случаяхъ исполненія и руководства... См. въ брошюре «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ» (Спб. 1907), лѣп. 10—11.

чала равнымъ отпоромъ пассивнаго сопротивленія или энергичнаго протеста. Вмѣсто дружнаго взаимодѣйствія постепенно формировался непримиримый антагонизмъ двухъ враждующихъ лагерей, изъ коихъ одинъ обладалъ опытомъ (хотя бы отрицательнымъ), другой имѣлъ власть деспотическую. Доброе соучастіе обоихъ факторовъ прогрессивно вытѣснялось упорною борьбой. И если вездѣ господствуетъ принципъ, что «сила солому ломить», то здѣсь онъ получилъ несолько особое примѣненіе. Оторванная отъ дѣйствительности, власть—по самой своей отвлеченности—неспособна замѣнить живое явленіе и вынуждена подавлять его всяческими нагнетаніями сверху. Въ этомъ смыслѣ и Учебный Комитетъ долженъ быть тянутся къ правящимъ вершинамъ и за свое противоестественное возвеличеніе въ концѣ концовъ наказанъ быть тѣмъ, что совершенно превратился въ рабски-послушную «Канцелярію Оберъ-Прокурора»¹⁾. Всякая самостоятельность была потеряна, а выиграли лишь комитетскіе засѣдатели, гдѣ иногда простые «служилые» чиновники быстро двигались по іерархической лѣстницѣ вплоть до тайныхъ совѣтниковъ, украшались высокими знаками орденскаго созвѣздія, осипались крупными добавочными пособіями, рентами, квартирными и многими великими и богатыми милостями чиновнаго міра, когда даже 50-тилѣтніе профессора, воспитавшіе цѣлый рядъ іерарховъ до митрополитовъ включительно, едва выходили дѣйствительными статскими совѣтниками безъ особыхъ орденскихъ декорацій исоскромною пенсіей на недолгую, истинно маститую старость²⁾... За-то подобные комитетскіе чины были безусловно покорными и канцелярски лѣвкими исполнителями всякихъ мѣяній и предначертаній, хотя комитетскія «дѣла прежде, чѣмъ достигнуть Сунода, получали то или иное направленіе въ зависимости отъ усмотрѣнія посредствующей [прокурорской?] власти»³⁾ и вообще крайне затягивались⁴⁾. Съ другой стороны, отдаленная власть, воюющая съ живымъ опытомъ, всегда устраивается отъ послѣдняго и предпочитаетъ дѣйствовать съ нимъ чрезъ мертвое орудіе бумаги, которая и накоплялась въ комитетскихъ архивахъ въ ужасающемъ количествѣ. Понятно безъ аргументовъ, что здѣсь предложеніе точно соотвѣтствовало спросу. Съ мѣстью, боявшихся расплаты за откровенное слово, поступали одни формальныя донесенія и крючко-творныя отписки по готовымъ трафареткамъ (см. «Циркуляръ по духовно-

¹⁾ Ср. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. II, стр. 556—557; т. IV, стр. 224б. См. и ниже стр. 89.,

²⁾ И вообще комитетскіе и другіе чиновники духовнаго вѣдомства по чинамъ и оренамъ двигаются съ такою стремительною быстротой, какая совершенно недоступна для педагоговъ даже изъ профессоровъ, при чѣмъ заслуженные учителя изъ категоріи послѣднихъ не могутъ угнаться за своими молодыми учениками, а иногда и принципіально лишиены всякой надежды на отличія, легко добываемыя «канцелярскими подвижниками»... Разумѣется, все это не важно и мало интересуетъ педагогическихъ тружениковъ, если, наир., Московская Академія прямо проектируетъ отмѣну всякихъ орденскихъ декорацій для всего профессорскаго состава... Тѣмъ не менѣе для характеристики положенія вещь полезно указать и на этотъ фактъ несомнѣнной обиды ио отношенію къ педагогическимъ дѣятельямъ, чтобы всѣ видѣли, въ какомъ пренебреженіи находится у васъ духовно-педагогическое служеніе... Ср., впрочемъ, и у проф. А. И. Лебедева въ «Богословскомъ Вѣстнике» 1907 г., № 5, стр. 152. 159—160.

³⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. II, стр. 557а.

⁴⁾ См. ibid. IV, стр. 224б.

учебному вѣдомству» № 18 за 1898 г., стр. 3—5), гдѣ указывалось даже точное раздѣленіе на графы (idem. № 21 за 1901 г., стр. 9), при чмъ строго требовалось соблюденіе всѣхъ формъ (ibid. № 10 за 1892 г., стр. 3—4), а отчеты все-таки посыпались неудовлетворительные¹⁾; не смотря на внушенія и напоминанія Комитета (ibid. № 5 за 1889 г., стр. 3—4; № 18 за 1898 г., стр. 2—3; № 20 за 1900 г., стр. 13)²⁾. Въ свою очередь выѣзжавшіе для ревизій комитетскіе чины заботились больше о критикѣ, разносахъ и узвлненіяхъ и вовсе не доставляли жи-выхъ наблюденій и реальныхъ педагогическихъ указаній. Вѣдь важно было просто отбыть повинность по готовой директивѣ! И въ этомъ отношеніи бывали поразительныя явленія, что давались лучшія рекомендациіи о преподавателяхъ, къ которымъ ревизоръ забѣгалъ на краткое время при первомъ ихъ вступленіи въ классъ, когда еще не начиналось даже вѣнчаное знакомство съ учениками³⁾. Невнимательность къ наличному обнаруживалась иногда въ самомъ курьезномъ видѣ. Такъ, одинъ комитетскій менторъ вмѣсто епархіального женскаго училища попадъ въ женскую гимназію и, яко бы, лишь при прощаніи съ начальницей узналь о своей траги-комической ошибкѣ. Другой перепуталъ свои аттестаціи и въ отчетѣ приписалъ ихъ совершенно не тѣмъ лицамъ, о чмъ корпорація со страхомъ и изумленіемъ освѣдомилась по доставленному извлечению. Третій растерялъ записи и просилъ самихъ преподавателей прислатъ свои автохарактеристики⁴⁾. Четвертый, въ недавнюю пору, расирашивалъ академическихъ студентовъ о преподавательскихъ персоналахъ, чтобы по этимъ даннымъ «прижать» столь случайно опороченныхъ педагоговъ. Примѣровъ такого рода — съ отѣнками чисто полицейского свойства, когда ревизоръ, какъ будто уѣзжавшій, неожиданно возвращался вскорѣ послѣ 20-го числа,—слишкомъ достаточно. Вообще же, отзывы о педа-

¹⁾ Достовѣрно зпаю, что это оправдывалось общимъ убѣжденіемъ семинарскихъ корпорацій, будто въ Учебномъ Комитетѣ совсѣмъ не читаются этихъ «отчетовъ», почему послѣдніе лишь переписывались изъ года въ годъ; прибавляли—посѣ особыхъ напоминаній—только свѣдѣнія статистической, о томъ, не преподаются ли гдѣ-нибудь гигіена, медицина, живопись, переплетное мастерство и пр. Вносились иногда замѣчанія о несовершенствѣ программъ, неудовлетворительности официальныхъ учебниковъ, о замѣнѣ ихъ другими и т. под. пожеланія, но все это, яко бы, не просматривалось и во всякомъ случаѣ «оставлялось безъ послѣдствій». Изѣстны примѣры, когда «отчеты» иными Семинаріями за нѣкоторые годы и вовсе не посыпались въ Учебный Комитетъ.

²⁾ У насъ имѣются подъ руками 22 №-ра этихъ «Циркуляровъ по духовно-учебному вѣдомству» (съ 1888-го по 1903-й годъ) и къ нимъ отличный «Алфавитный указатель» помощника правителя дѣлъ Учебного Комитета А. Д. Кузнецова (Спб. 1904). Прибавимъ, что мы совершенно несогласны съ мнѣніемъ С. И. Миропольского (въ «Прибавл. къ «Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 840б), будто «по содержательности своей, циркуляры по духовно-учебному вѣдомству, помимо прямой пользы для духовно-учебныхъ заведеній, составляютъ цѣнныій вкладъ въ нашу педагогическую литературу... Любопытно бы знать, гдѣ—«помимо» духовной школы—этотъ «вкладъ» и нѣть «цѣнное» педагогическое примѣненіе... А вотъ въ «Церковномъ Вѣстнике» 1906 г., № 47 за 23-е ноября, стб. 1530, я читаю, что и «очерки, какіе года 3—4 стаіь давать Учебный Комитетъ, будучи скучными даже въ статистическомъ отношеніи, ни въ какомъ случаѣ не могутъ претендуовать на вѣрную картину духовной школы», между тѣмъ первоисточникомъ для нихъ служатъ именно ревизорскіе отчеты... См. и стр. 119.

³⁾ Изъ личныхъ воспоминаній отъ конца 1890 года.

⁴⁾ См. и «Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 232б.

гоги и педагогахъ собирались по городскимъ слухамъ, анонимамъ¹⁾ или на коридорахъ, при чёмъ вслѣдствіе искусственно внесенныхъ и поддерживаемыхъ раздоровъ верхъ былъ либо за начальствомъ, либо за корпорацией. Естественно, что ревизорскіе доклады большою частію оказывались «канцелярскими бумагами», которые почему-то усердно охранялись отъ архивныхъ крысъ..

Въ результатѣ вышло, что во второй періодъ своего существованія Учебный Комитетъ получилъ характеръ бюрократического и бумажно-канцелярского учрежденія. Воздвигались цѣлые Монбланы всякихъ бумаг и лились широкою рѣкою циркуляры явные и тайные, обычные и сепаратные²⁾, а жизнь педагогическая окончательно заслонялась ими и убѣгала за черту комитетской досязаемости въ невѣдомую даль. На прогрессивно возраставшихъ бумажныхъ постаментахъ и монументахъ избранное чиновничество комитетское возносилось до бюрократическихъ небесъ и на этой головокружительной высотѣ не чувствовало органической потребности считаться съ жизненными запросами. Живое дѣло рѣзко пріостановилось и превратилось въ бумажно-нараставшій каралловый рифъ, опасный для духовно-педагогическихъ кораблей и лодокъ. Иллюстрація тому хотя бы въ крайней медлительности комитетскаго движенія по послѣдней духовно-школьной реформѣ, тянувшейся изнурительно и иногда попятно безъ всякаго успѣха почти десять лѣтъ (съ 1896-го по 1905-й годъ)³⁾, истомившей всѣ мѣстныя педагогическія силы и разстроившей созидательную работу⁴⁾. Между тѣмъ духовно-учеб-

¹⁾ Такъ было, напр., при ревизіи Подольскихъ духовно-учебныхъ заведеній † А. А. Завьяловымъ, при чёмъ «анонимы» представлены и въ самому Комитету...

²⁾ С. И. Мирополскій удостовѣряеть (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 840б) слѣдующее: «Количествоенно, такъ сказать, съ дѣятельности Комитета можно судить уже по тому, что число журналовъ его, восходящихъ на утвержденіе Святѣшаго Синода и Синодального Оберъ-Прокурора, ежегодно восходить до 500, разныхъ должностныхъ дѣлъ до 1.480 и вѣнчанихъ сношеній свыше тысячи нумеровъ... Полагаемъ, что съ тѣхъ порь послѣдовалъ въ этомъ отношеніи солидный прогрессъ, едва ли утѣшительный для духовно-педагогической жизни... См. еще въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 232 (и ср. стр. 240) о «безпрестанномъ потокѣ канцелярскихъ бумагъ, достигающемъ ужасовъ потопа...

³⁾ См., напр., отдельно изданный «Журналъ Учебного Комитета» о засѣданіи Св. Синода 8-го іюня 1905 г., стр. 1, а также «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 46 за 12-е ноября 1905 г., стр. 1044; ср. у о. проф. Ф. И. Титова, Преобразованія Духовныхъ Академій въ Россіи въ XIX в. (Кievъ 1906), стр. 104 сл., и у Ф. Н. Бѣльевской, О реформѣ духовной школы, ч. I, стр. 169 сл.

⁴⁾ Фактически—«настоящее» дѣло о новыхъ духовно-учебныхъ программахъ началось лишь въ 1901 г., когда для сего специально приглашались иѣкоторые излюбленные членами преподаватели въ Учебный Комитетъ, подвергавшій потомъ постепеннымъ измѣненіямъ выработанные проекты, которые въ отпечатанномъ видѣ представлены въ 1905 г. на утвержденіе Св. Синода, но согласно его опредѣленію отъ 16—19 августа 1906 г. предварительно разосланы во всѣ Семинаріи и Училища для отзыва (см. подробнѣе у Ф. Н. Бѣльевской, О реформѣ духовной школы, ч. I, стр. 187 сл.). По этому вопросу одинъ ректоръ Семинаріи пишетъ мнѣ слѣдующее: «Новые программы — лишь сокращенія старыхъ, съ небольшими передѣлками. По многимъ предметамъ семинарскаго курса онѣ признаны правленіемъ Семинарій не отвѣчающими ни существу наукъ, ни запросамъ и потребностямъ времени, о чёмъ и посланы въ Учебный Комитетъ соотвѣтствующія замѣнанія... Дѣло это тянулось семь лѣтъ... пока доселѣ не разрѣшено. Могло ли за эти семь лѣтъ идти нормально учебное дѣло въ Семинаріяхъ, когда всѣ знали о томъ, что высшая церковная власть сама считаетъ иѣкоторые учебные предметы (напр., библейскую исторію, обличительное богословіе) излишними, программы же

ныя заведенія шумно волновались и воспитанники настойчиво допрашивали—даже за уроками—своихъ преподавателей по этому предмету, а тѣ сами ничего не знали и своими уклончиво-смущенными отвѣтами усугубляли напряженную тревогу.

Разумѣется, при такихъ порядкахъ и въ самомъ Комитетѣ не ощущалось нужды въ настоящихъ, живыхъ дѣятеляхъ, которыхъ столь не любить канцелярская бумага, гдѣ доселѣ часто играетъ главнѣйшую роль казуистическая задача, помѣтить ее «отношеніемъ» или «предложеніемъ», — написать «поступокъ» или «проступокъ»¹⁾... Вполнѣ натурально, что одно время было *всегдае* непоколебимое убѣжденіе, что тамъ всѣмъ вершилъ безконтрольно шефъ бумажного дѣлопроизводства, и ему являлись на поклонъ всѣ просители, а онъ ссылки на свои права по академическому уставу 1884 г. (§ 56) самихъ «профессорскихъ стипендіатовъ» властно парировалъ рѣшительнымъ вердиктомъ, что «мы назначимъ на первое мѣсто по собственному усмотрѣнію»²⁾). Энергичные работники были излишни, и комитетскій составъ заполнялся лицами «по особымъ соображеніямъ» связей и протекціи, ради кормленія и для синекуры³⁾). Упорно говорили, что нѣкогда члены подбирались по удобству «для партій» совсѣмъ особыго рода⁴⁾... Сколько можно судить по нѣкоторымъ рѣчамъ въ общемъ

всѣ вообще—неудовлетворительными!... Преподаватели оказывались въ ложномъ положеніи предъ воспитанниками, разъ никто изъ нихъ не могъ выяснить даже себѣ, учиться ли учащимся ненужными предметами, да еще по устарѣлымъ и негоднымъ программамъ?... А въ «передовице» С.-Петербургскаго «Колокола» № 409 за 14-е іюня 1907 года говорится еще такъ: «Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ, довольно „освободительно“ пополняющейся теперь членами изъ „далекихъ и чуждыхъ“ для духовно-учебного дѣла „странъ“, уже цѣлый годъ слишкомъ усиливается идти въ ногу съ преобразователями свѣтскихъ школъ. Онъ не ограничился тѣмъ, что, не желая „вѣдать, коего духа“ должна быть наша духовная школа, исковеркалъ программы Духовныхъ Семинарій и Училищъ, „подгоняя“ ихъ къ гимназическимъ, что и прошло по Божьему поинчению. Онъ „подогналъ“ было и программы епархиальныхъ женскихъ училищъ къ программамъ женскихъ гимназий Мин. Народн. Просвѣщенія и въ свою очередь журналъ, представлennомъ на разсмотрѣніе Св. Синоду, мотивировалъ такую подгонку желаніемъ облегчить поступленіе „епархіалокъ“: учительницами въ школы названнаго Министерства и для продолженія образованія въ высшія учебныя заведенія. Однако Св. Синодъ, разсмотрѣвъ этотъ журналъ, отклонилъ комитетскую затѣю. Принявъ во вниманіе неудовлетворительность учебно-воспитательной части женскихъ гимназій Мин. Нар. Просв., которыя, кстати, сами наканунѣ реформы, а также и то, что подготовленіе воспитанницъ епархиальныхъ женскихъ училищъ въ высшія учебныя заведенія дѣло для сихъ училищъ побочное, Св. Синодъ не нашелъ возможнѣй ломать, по приведеннымъ Комитетомъ мотивамъ, учебно-воспитательный строй епархиальныхъ училищъ. Училищными программами онъ призналъ отвѣчающими своему назначению: дать образованіе дочерямъ православныхъ клириковъ и подготовить ихъ для учителствования въ народныхъ школахъ. Программы эти Св. Синодъ постановилъ лишь углубить и расширить—какъ въ обще-образовательной, такъ и педагогической части; и въ этомъ смыслѣ поручилъ Комитету заняться преобразованіемъ учебно-воспитательного строя епарх. училищъ»...

¹⁾ Это — факты изъ комитетской практики конца 1906-го и начала 1907 года.

²⁾ Изъ личнаго опыта въ августѣ 1890 года.

³⁾ Ср. сборникъ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 231: «при такомъ назначеніи (членовъ Учебнаго Комитета) замѣтную роль всегда играютъ знакомство, кумовство и другія формы протекцій».

⁴⁾ Совершенно неожиданное разъясненіе и подтвержденіе сего встрѣтились намъ послѣ въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1907 г., № 2, стр. 199 въ статьѣ о. проф. Ф. И. Титова: «Дѣлѣ справки по вопросу о преобразованіяхъ Духовныхъ Академій въ Россіи въ XIX в.».

собранії Предсоборного Присутствія, измѣненія къ лучшему по этой части и теперь идутъ весьма туго, а многія аномаліи покровительствуются и терпятся¹⁾, и члены изъ профессоровъ съ гордостю отмѣчаютъ обиліе своихъ должностей даже въ справочномъ городскомъ указателѣ... Постепенно образовался тѣсный кружокъ «своихъ людей», у которыхъ, конечно, были и «свои» интересы— помимо школы и жизни, если не считать того, что мѣста «переуступались» другъ другу по любовному договору о казенной квартирѣ, сохранявшейся за предшественникомъ, когда преемникъ, обязанный ежедневно бывать въ С.-Петербургѣ, соглашался жить вдали отъ города... Взаимная услужливость доходила до того, что комитетскій чиновный правитель ухитрялся «законно» отправлять еще и функции члена вопреки самой природѣ службы и всякимъ правамъ и правиламъ²⁾... Не менѣе характерный примѣръ сего мы имѣемъ въ томъ, что Учебный комитетъ второго периода усиленно рекомендовалъ и усердно распространялъ разныя учебники и учебные пособія чуть не исключительно фабрикаціи своихъ сочленовъ (*nomina sunt odiosa!*), хотя, казалось бы, самый простой тактъ долженъ быть всячески удерживать отъ подобной взаимопомощи³⁾. На дѣлѣ далеко не всѣ эти творенія,

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствовалъ, напр., тогдашній предсѣдатель Учебнаго Комитета преосвященный *Арсений* (Стадницкій) на засѣданіи общаго собранія Предсоборного Присутствія 29-го мая 1905 года, но соотвѣтствующій пассажъ не по винѣ оратора выпущенъ въ печатныхъ «Журналахъ» (т. II, стр. 556а), у меня же сохранился въ официальной корректурѣ. Тамъ значится слѣдующее: «Я опытно позналъ, что Учебный Комитетъ есть Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣшаго Синода и Канцелярія не изъ первыхъ, а самая послѣдняя. Оберъ-Прокуроръ есть посредникъ между Учебнымъ Комитетомъ и Святѣшимъ Синодомъ. Журнала сначала докладываются Оберъ - Прокурору, а потомъ сдаются въ Канцелярію. Назначеніе преподавателей тянется до 2-хъ лѣтъ. Проще было бы поставить Учебный Комитетъ въ непосредственныя отношенія къ Святѣшему Синоду. Докладываются дѣла Учебнаго Комитета чиновникомъ, который не былъ при сужденіяхъ о нихъ въ Учебномъ Комитетѣ, а такихъ сужденій бываетъ немало. Изъ кого состоитъ Учебный Комитетъ? Одинъ изъ членовъ два года болѣеть, другой совсѣмъ не живетъ въ Петербургѣ, третій въ постояннѣхъ разѣздахъ и я его почти не вижу, четвертый [большинство такихъ!] занимаетъ нѣсколько должностей и пе въ состояніи бывать исправно на засѣданіяхъ. Чѣмъ можно сдѣлать при такихъ условіяхъ?..

²⁾ См. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 831б, и ср. комментарій къ сему проф. А. И. Альмазова въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоб. Присут.», т. IV, стр. 225б.

³⁾ Въли вѣдь случаи, что комитетскій ревизоръ, составитель учебника, давалъ свой отзывъ о преподавателеѣ въ зависимости отъ того, употребляетъ ли педагогъ книжку его издѣлія или нѣтъ. Изъ многихъ извѣстныхъ приведу только примѣръ, сообщенный мнѣ однимъ нынѣшнимъ университетскимъ профессоромъ И. Д. А. Нѣкогда онъ былъ семинарскимъ преподавателемъ въ Симферополѣ. Весною 1895 года прошелъ слухъ, что тудаѣдетъ специальнѣо командированный комитетскій ревизоръ П. И. И. (пышѣ покойный). А нужно имѣть въ виду, что Таврическая Семинарія была недавно оставлена (передѣленіемъ въ Харьковъ) ректоромъ о. И. П. Знаменскимъ (о которомъ см. ниже на стр. 116, 126, 126.). При немъ шла борьба партій—семинарской и консисторской. Ревизія неизбѣжно должна была затронуть прежнее управление и рѣшить дѣло въ пользу Семинаріи или Консисторіи. И вдругъ педагогическій персоналъ узнаетъ, что послѣдняя еще до отправленія изъ С.-Петербурга П. И.—ва послала заказъ на его «Практическое руководство» (конечно, дѣльное и нынѣ вышедшее 9-мъ изданіемъ подъ редакцією Н. Ф. Маркова, Спб. 1907) въ количествѣ экземпляровъ, соотвѣтствующемъ числу церквей епархіи.. Я,—пишетъ мой корреспондентъ,—ничего не хочу выводить отсюда и готовъ полагать, что П. И. И. даже не подозрѣвалъ, что столь неожиданный и крупный заказъ надо ему «обдумать». Но послѣ этого заказа многіе изъ преподавателей въ ожиданіи ревизіи чувствовали себѣ скверно... Пишущій занимался философскими предметами «по настоящему», и придраться къ нему было мудрено. Но «вотъ где таилася погибель его—учебникъ тѣ проф. В. Д. Кудрявцева-Платонова великъ и растянутъ, почему его не-

квалифицированныя у официального комитетского историка «вкладами»¹⁾, отличались высокою пробой даже по отзывамъ комитетскихъ коллегъ. Мы сами знаемъ такой случай (въ Воронежѣ), что ревизоръ рѣзко оборвалъ преподавателя на урокѣ за яко бы неумѣстныя выраженія при объясненіяхъ по «практическому руководству», но тотъ молча взялъ книжку комитетского принципала († о. А. И. П.) и заставилъ прочитать вслухъ предъ всѣмъ классомъ соответствующій параграфъ;—къ ужасу и стыду оказалось то же самое, и чиновный ревнитель вынужденъ былъ дипломатически отговариваться, что ранѣе онъ не разслышалъ, а теперь криминальныя фразы находить законными и благоговѣйными... Конечно, никто этому не повѣрилъ, и соблазнъ былъ истинно великій. Одобренія всѣхъ сортовъ для изданій постороннихъ лицъ опять разсыпались вопреки ихъ фактическимъ качествамъ, и часто излюбленные труды быстро смѣнялись тисненіями съ сохраненіемъ абсурдныхъ нелѣпостей. Вотъ для примѣра крошечная иллюстрація. Учебный Комитетъ (въ своемъ журнальѣ 16-го декабря 1892 г. № 441) поспѣшилъ ввести семинарскимъ учебникомъ «Истолковательное обозрѣніе» посланій апостольскихъ и Апокалипсиса о.protoіерея Мих. Иван. Хераскова²⁾, удостоенное (по отзыву † о.protoіерея А. А. Лебедева) Макаріевской преміи въ 500 р. (см. «Циркуляръ» № 12 за 1893 г., стр. 71—74). Въ такомъ смыслѣ сдѣлано было представление Св. Синоду, однако послѣдній, благодаря своему до-кладчику не изъ комитетской семьи (А. В. Гавrilovу), затруднился согласиться на это и препроводилъ рукопись на разсмотрѣніе профессору Казанской

обходимо «размѣтить» для воспитанниковъ. Во «Введеніи въ философію», между прочимъ, было зачеркнуто нѣсколько строкъ, и на одной изъ нихъ стояло слово «Богъ»... Ревизоръ построилъ на этомъ обвиненіе, что пропускъ тенденціозенъ и можетъ скверно вліять на учениковъ, а потому «общіаль» доложить о семъ по начальству... «Биновный» былъ ошеломленъ подобной абсурдностью, но хорошо понималъ свое горькое будущее въ самомъ скромъ времени. Его спасло лишь совершение случайного обстоятельства. Прокуроръ К. П. Побѣдоносцевъ поручилъ обозрѣть и дѣла Епархиальнаго Училищнаго Совета, а тамъ предсѣдательствовалъ жившій въ Херсонесѣ подъ Севастополемъ (т. е. за 75 верстъ отъ Симферополя) безграмотный архимандритъ А. (уволенный потомъ слѣдующимъ Проеосвященнымъ). Вся работа велась «привинившимся» семинарскимъ преподавателемъ,—и она была безукоризненна. Къ чести ревизора, онъ оцѣнилъ этотъ безкорыстный трудъ и согласился не воздвигать за «пропуски» изъ учебника опасныхъ криминаловъ. «Тѣмъ не менѣе,—прибавлялъ разумѣемый мню педагогъ,—у меня навсегда осталось тягостное чувство:—вѣдь я не былъ выброшенъ только случайно!.. Говорю это сейчасъ спокойно и не по личной обидѣ. П. И. Н. и послѣ, какъ я слышалъ, дѣлалъ обо мнѣ лестные отзывы въ частныхъ бѣдѣахъ. Но въ томъ-то и трагизмъ семинарской службы, что сегодня вы прекрасный человѣкъ и работникъ, а завтра вѣстъ гонятъ на улицу»... Въ туже ревизію пострадалъ преподаватель церковной исторіи Д. К. Якимовичъ, окончивший въ Московской Академіи (въ 1881 году) первымъ по историческому отдѣленію, безспорно лучшій учитель Таврической Семинаріи. По отзыву же ревизора онъ оказался худшимъ. Это совсѣмъ пришибло бѣднагу. Онъ скоро ушелъ изъ семинарской корпорации и недолго прожилъ:—ему была нанесена смертельная обида... Для разясненія эпизода неизлишне отмѣтить, что и корреспондентъ мой и г. Якимовичъ были противъ консисторскихъ притязаній и не скрывали своихъ симпатій къ опальному тогда ректору И. П. Знаменскому, а выводы отсюда формулируются сами собою... Однако первый заключаетъ свою побѣду и примирительно и вѣрно: «лично я не хочу П. И. Н. ни подозревать, ни винить, но тѣмъ болѣе проклинаю систему»...

¹⁾ См. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 833б.

²⁾ Бывшій ректоръ Владимиrской Духовной Семинаріи, потомъ Сузdalский протоіерей; скончался 9-го сентября 1901 года (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 40 за 6-е октября 1901 года, стр. 1469—1470).

Духовной Академіи М. И. Богословскому, который—вопреки комитетскимъ панегиристамъ—даль отзыv вовсе не похвальный. Авторъ воспользовался компетентными профессорскими указаниями и, исправивъ согласно имъ свое пособіе, обратился (въ 1895 г.) въ Учебный Комитетъ за одобрениемъ,—п оно условно было присуждено членомъ А. М. Ванчаковымъ. Но другой комитетской специалистъ † протоіерей Е. И. Мегорский «навелъ» усиленную критику на профессорскую рецензію,—и въ результатѣ «трудъ о. Хараскова низведенъ со степени „учебника“ на степень „учебного пособія“, вслѣдствіе переработки его въ рукописи по замѣчаніямъ экстраординарного профессора Казанской Духовной Академіи М. Богословского», какъ о томъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ въ февралѣ 1895 г. въ своемъ прошении въ Учебный Комитетъ и какъ это оправдывается печатными документами ¹⁾), двумя критическими отчетами о. Е. И. Мегорского и соотвѣтствующими комитетскими вердиктами. Почтенный о. М. И. Херасковъ настолько былъ «разстроенъ» всѣми этими мытарствами, что одно время серьезно пытался возвратить свое литературное дѣтище изъ зрѣлаго состоянія въ первобытное, устранивъ всѣ профессорские приrostы ²⁾). Видимо, комитетскіе заѣдатели совсѣмъ не читали рекомендуемыхъ книжекъ, потому что всякий разумный человѣкъ при самомъ бѣгломъ штудированіи замѣтилъ бы вопіющія странности ³⁾), а безъ особой протекціи крайне затягивали разсмотрѣніе и подвергали такимъ «истязаніямъ», что авторы вынуждались искать обходныхъ путей къ напечатанію своихъ рукописей ⁴⁾). При введеніи новыхъ или улуч-

¹⁾ См. и «Циркуляръ № 12 за 1895 годъ стр. 73: «Отъ такой передѣлки [—согласно замѣчаніямъ проф. М. И. Богословского—] сочиненіе [о. М. И. Хераскова] выиграло относительно полноты и подробностей обогрѣнія священныхъ книгъ, но стало не вполнѣ пригоднымъ для учениковъ въ качествѣ учебника», каковыми Комитетъ признавалъ его прежде—до исправленія...»

²⁾ См. дѣло Учебного Комитета № 13 за 1895 годъ въ Архивѣ Св. Синода (№ 288) и дѣло Св. Синода (по 2-му столу I отдѣленія) о соисканіи премій митрополита Макарія въ 1892 годъ № 649 тамъ же (№ 297).

³⁾ Укажу одинъ примѣръ. Даже въ «третьемъ», «исправленномъ» изданіи «Обоворѣнія посланій апостольскихъ и Апокалипсиса» А. В. Иванова удостовѣряются зависимость и пользованіе во 2-мъ посланіи Петровомъ изъ посланія Іуды (Спб. 1886, стр. 86), которое «написано послѣ паденія Иерусалима и, можетъ быть, во времена Доміціана (81—96 г.),» (стр. 86), между тѣмъ «появленіе того мы должны отнести къ 65 или 66 году» (стр. 44). Напротивъ говорятъ, что *мертвый списывалъ у живого...* А вѣдь это «руководство» одобрено Учебнымъ Комитетомъ (и—по его докладу—Св. Синодомъ 6—9 іюня 1890 года № 1.265) для употребленія въ Семинаріяхъ, въ большинствѣ которыхъ дѣствуетъ въ качествѣ учебника, — и лучшіе семинарскіе питомцы на пріемныхъ академическихъ экзаменахъ bona fide доказываютъ подобныя нѣтѣстности... Обо всемъ этомъ официально сообщалось Учебному Комитету (по дѣлу, о которомъ см. ниже на стр. 97—98) еще въ 1894 году...

⁴⁾ Такъ, объ одной «Догматикѣ» въ іюлѣ 1899 года официально было представлено законное цензурное разрѣшеніе (изъ Москвы) въ Св. Синодъ и препровождено имъ «на заключеніе» въ Учебный Комитетъ, а туда отзыv члена поступилъ только 18-го апрѣля 1901 года. Потому выяснилось, что рукопись просто лежала у назначенаго комитетскаго цензора († о. П. А. Лебедева) и по смерти его лишь случайно обрѣтена была въ числѣ другихъ бумагъ, хотя, конечно, могла и затеряться... Все «дѣло» обѣ изданіи этой труда тянулось,—благодаря особенно комитетскому участію,—отъ мая 1899 года до января 1902 года, когда послѣдовало окончательное дозволеніе печатать. Учебный Комитетъ усматривалъ препятствія не только въ отдельныхъ выраженіяхъ, казавшихся комитетскому рецензенту неправильными или неточными, но даже

шенныхъ учебниковъ и пособій—ихъ не пускали въ обращеніе, пока не былъ исчерпанъ весь заготовленный комплектъ старого хлама; это случилось не столь давно, напр., съ исправленнымъ изданіемъ учебнаго пособія по Русской церковной исторіи профессора П. В. Знаменскаго, котораго долго нельзя было достать даже послѣ одобренія въ 1895 г. («Циркуляръ» № 15 за 1895 г., стр. 59) ¹⁾...

въ ошибкахъ переписчика. Мольбы автора — «разрѣшите, исправлю все при печатаніи» — были напрасными. Иногда похвальный пропускъ изъ чистилища Цензурнаго Комитета затруднялъ дальнѣйшее движеніе. Напр., въ 1894 году учебно-комитетскій критикъ († о. В. И. Ж.) прямо заявлялъ почтенному писателю солидной работы, врученной ему чрезъ Св. Синодъ: «еслибы духовная цензура сдѣлала свои замѣчанія и возраженія, мы охотнѣе пропустили бы Вашу книгу, а такъ какъ оттуда имѣется похвальный отзывъ, то намъ нужно внимательно прочитать рукопись и непремѣнно присовокупить свои указанія»... Это повело къ тому, что произведеніе вышло изъ печати позднѣе на цѣлый годъ (по синодскому разрѣшенію отъ 28-го марта 1902 года), хотя предметной пользы отсюда не было ни малѣйшей... Бывало, что порою между самими членами возникали разногласія по поводу попавшихъ въ Комитетъ сочиненій и обострялись до того, что готовилась официальная полемика, а авторъ сидѣ у моря и жди погоды...

Съ этой «Исторіей» была очень длинная «исторія», весьма интересная для характеристики Учебного Комитета. Книга проф. П. В. Знаменскаго издавна употреблялась по всѣмъ Семинаріямъ въ достоинствѣ учебника, но въ 1888—1889 г.г. выступилъ ей конкурентомъ одинъ семинарскій преподаватель г. М., который своею покорностію официальной программѣ магически плѣнилъ комитетскаго «спеціалиста», † протоіеряя И. Я. Образцова. Послѣдній далъ о рукописи наилучший отзывъ, а Комитетъ одобрилъ ввести ее (по налеченіаніи) въ качествѣ учебнаго семинарскаго руководства. Но синодскій докладчикъ (А. В. Гавриловъ), не принадлежавшій къ комитетской дружинѣ, справедливо обратилъ внимание на совершенную несообразность этой конкуренціи преподавателя съ профессоромъ, почему Св. Синодъ препроводилъ работу первого на новое независимое разсмотрѣніе † архіепископа Литовскаго Алексія (Лаврова). Въ результатѣ была обнаружена несомнѣнная зависимость ея, между прочимъ, отъ «ученика» проф. П. В. Знаменскаго, излагаемаго «въ разбавленномъ и разжигаемомъ видѣ», и отъ сочиненія другаго семинарскаго педагога (нынѣ профессора Новороссійскаго Университета) А. П. Добролюбовскаго, не удостоившагося за аналогичный трудъ такой комитетской благосклонности по причинѣ излишней ученоſти... Тогда Св. Синодъ (определѣніемъ отъ 24 мая 1889 г. за № 904) рѣшилъ обратиться къ проф. П. В. Знаменскому, чтобы онъ пересмотрѣлъ и приспособилъ свою книгу къ новымъ требованіямъ семинарскаго преподаванія по Русской церковной исторіи. Тотъ охотно исполнилъ это, но попалъ подъ судъ къ поименованному комитетскому критику, забраковавшему прежній учебникъ съ предпочтеніемъ ему компиляціи семинарскаго педагога. Прот. И. Я. Образцовъ въ 1892 г. соорудилъ пространный разборъ, где поставилъ въ упрекъ проф. П. В. Знаменскому даже его профессорскую компетентность. Весь отзывъ былъ настолько пристрастенъ, что даже Оберъ-Прокуроръ († К. П. Побѣдоносцевъ) успѣлъ усмотреть это и сдѣлалъ двѣ ограничительныя помѣтки свою рукоj. Наоборотъ, сочиненіе семинарскаго педагога расхвалено было у о. Образцова самыемъ усерднѣмъ образомъ. Учебный Комитетъ поспѣшилъ согласиться и постановилъ свой приговоръ въ пользу преподавателя, не одобравшаго профессорскаго произведенія (журналомъ отъ 15-го іюля 1892 г. № 213). Св. Синодъ — по указанію своего докладчика (А. В. Гаврилова) — опять замѣтилъ прежнюю странность и послалъ объѣ книги на компетенцію † проф. Киевской Духовной Академіи И. И. Малышевскаго, который прямо склонился на сторону своего Казанскаго коллеги. По прокурорскому распоряженію, комитетскій членъ † протоіерей А. А. Лебедевъ, подводившій окончательный итогъ, долженъ былъ высказаться за преимущества проф. П. В. Знаменскаго, свидѣтельствуя, что онъ исправляетъ свой трудъ и по комитетской рецензіи о. Образцова, хотя «съ нѣкоторою болю сердца». Св. Синодъ (определѣніемъ отъ 19—25-го мая 1895 г.), наконецъ, одобрилъ профессорское «руководство», «въ качествѣ учебника» (см. дѣло Учебнаго Комитета № 10 за 1892 г. въ Архивѣ Св. Синода № 287 и дѣло Св. Синода № 697 за 1888 [по 3-му столу I-го отдѣленія] тамъ же № 298). Дальше началась явная затяжка съ печатаніемъ, и трудъ проф. П. В. Знаменскаго увидѣть свѣтъ только чрезъ годъ — въ октябрѣ 1896 г., когда выпущенъ въ 12 тысячахъ экземпляровъ. Однако еще въ декабрѣ 1897 г. прежній конкурентъ, продолжавшій употреблять при преподаваніи свои книжки, доносилъ Учебному Коми-

На педагогические запросы не обращали внимания¹⁾. Для преподавателей и юных педагогических советов не допускалось по этой части независимой инициативы, и всякий проявления ея осуждались и пресекались (по поводу замечаний учебников Чистовича, Маркова и Знаменского книгами Гиляревского, М. А. Остроумова и Малицкого см. «Циркуляры» № 2 за 1888 г., стр. 21; № 20 за 1900 г., стр. 12); отъ заинтересованных лицъ не требовали даже оправдательныхъ соображеній, хотя они могли быть вполнѣ резонными. Послѣднее же несомнѣнно по систематическому употребленію учителями собственныхъ «записокъ», составленіе которыхъ есть трудъ весьма не легкій и сверхдолжный, но это дѣло не только не поощрялось, а преслѣдовалось безъ надлежащаго разсмотрѣнія такихъ рукописныхъ пособій и безъ выясненія всѣхъ причинъ (см. «Циркуляры» № 1 за 1888 г., стр. 2—3; № 2 за 1888 г., стр. 25; 22 за 1903 г., стр. 67)...

И при такой-то косности Учебный Комитетъ присвоилъ себѣ роль верховнаго цензора всей духовной и вспомогательной литературы²⁾!.. Вѣдь это было въ Россіи единственное учрежденіе, где выдавались всякия аппробаціи для всѣхъ богословскихъ сочиненій, которые не имѣли иныхъ способовъ добиться авторитетнаго церковнаго признанія. Все вѣдалъ безаппеляционно одинъ Учебный Комитетъ, не умѣвшій или не хотѣвшій серьезно разобраться даже въ своихъ учебныхъ азбукахъ... Но, пользуясь такимъ великимъ правомъ, онъ не желалъ видѣть въ этомъ для себя отвѣтственнаго долга и потомъ (въ 1898 году) формально устранился отъ обязательнаго разсмотрѣнія представляемыхъ на одобрение сочиненій,

---

тету въ свое оправданіе, что въ Тульской Семинаріи до сихъ поръ нѣтъ «учебника» проф. И. В. Знаменского, между тѣмъ онъ своевременно заявлялъ объ этомъ ревизору С. И. Миропольскому (см. въ дѣлѣ Учебного Комитета № 10 за 1892 г. въ Архивѣ Св. Синода № 287 и ср. еще «Циркуляръ» № 20 за 1900 г., стр. 12). Тоже повторилось и со вторымъ исправленнымъ изданіемъ (1903-го года), котораго,—наир., въ Полтавѣ—нельзя было достать даже въ 1905 г. Нужно прибавить, что и при первомъ тиражѣ 1896 г. и при второмъ—1903 года (въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ)—профессорскаго труда С.-Петербургской Синодальной Типографіи принимала самое энергическое и истинно-интеллигентное участіе, употребляя всѣ мѣры и средства къ тому, чтобы новый семинарскій учебникъ по Русской церковной исторіи имѣлъ наилучшій видъ не только по внешности и формѣ, но и по содержанію (см. дѣла С.-Петербургской Синодальной Типографіи по сему предмету №№-ра 38 и 59). Не дивно ли, что въ комитетско-педагогическомъ дѣлѣ Типографія стояла безмѣрно выше Комитета въ сфере ближайшихъ и обязательныхъ его интересовъ?!

) Такъ, въ семинарскихъ «отчетахъ» многратно указывалось Комитету на крайнюю нужну въ изданіи греко-славянскаго Нового Завѣта, строго приспособленномъ къ потребностямъ школьнаго преподаванія, но настоящаго удовлетворенія не послѣдовало доселѣ, между тѣмъ Норовско-Савантовское изданіе (1861-го, 1866 года) подозрительно и теперь почти не встрѣчается въ продажѣ, а четырехглottная обработка—вполнѣ неудачна и не закончена, какъ и задумана она (въ 1886 году † справщикомъ С.-Петербургской Синодальной Типографіи П. А. Гильберандтомъ) совершенно нерационально..

²⁾ По опредѣленію Св. Синода (отъ 12 декабря 1884 года—25 января 1885 г.), послѣднему представляются комитетскія заключенія «личи о книгахъ, принимаемыхъ въ качествѣ учебныхъ руководствъ для духовныхъ училищъ по священной исторіи, католицизму и изъясненію богослуженія ст. церковнымъ уставомъ, а для духовныхъ семинарій по изъясненію Св. Писанія и всѣмъ богословскимъ предметамъ»; все прочее и во всѣхъ отношеніяхъ привадлежитъ окончательному усмотрѣнію Комитета, утвержденному только Оберъ-Прокуроромъ... См. въ брошюре «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ» (Спб. 1907), стр. 12.

продолжая сохранять всю цензорскія прерогативы *ab libitum* (см. «Циркуляръ» № 18 за 1898 г., стр. 1—2, и въ брошюре «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ», стр. 9—10). А вершителями были члены, совмѣщавшие иногда самыя удивительныя специальности, напр., гомилетику, литургику и Законъ Божій для начальныхъ школъ; или философию, психологію, логику и академическая дѣла; даже греческій языкъ и математику и вопросы по женскимъ училищамъ; наконецъ, греческій языкъ и книги для чтенія (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 831—832)... Понятно, что комитетскія рекомендациія получали только рыночную цѣнность, особенно крѣпкую при существованіи разныхъ проскрипціонныхъ каталоговъ, хотя иногда вызывали отрицательный успѣхъ въ публикѣ и для одобренныхъ и для забракованныхъ твореній. Не менѣе неизбѣжно, что эта цензорская работа совершилась безъ твердыхъ принципіовъ, а больше нормировалась всячими теченіями и вѣяніями. Отсюда случались печальные казусы въ родѣ того, что профессорскія диссертациіи, строжайше запрещенные для всѣхъ ученическихъ библіотекъ и порою не выдававшіяся на руки академическимъ студентамъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ всячески восхвалялись и назначались въ руководство при школьнѣмъ преподаванії¹⁾). Бывали и такие примѣры, что книга съ тяжкимъ трудомъ появлялась на свѣтъ и систематически преслѣдовалась суровыми вердиктами, но потомъ неожиданно принималась въ основу для апології важнѣйшихъ церковныхъ актовъ²⁾... Тѣмъ временемъ Учебный Комитетъ, узурпировавъ несвойственную и непосильную ему миссію верховнаго богословскаго суды, забывалъ о живыхъ книжныхъ интересахъ духовной школы. Всѣ школьно-книжные кредиты произвольно и безконтрольно исчерпывались заранѣе центральнымъ распоряженіемъ безъ всякаго вниманія къ наличнымъ потребностямъ и дѣйствительнымъ нуждамъ³⁾. Въ счетъ этихъ кредитовъ, очень ограниченныхъ, разсыпался по Семинаріямъ всякий бумажный балластъ, который обременялъ тѣсныя библіотечныя помѣщенія и лежалъ мертвымъ грузомъ безъ всякаго употребленія. Еслибы собрать точныхъ свѣдѣнія, мы пріобрѣли бы истинно архивный перечень поразительного состава, гдѣ часто фигурируютъ завѣтныя произведенія, которыхъ цѣлыми годами не покупали ни по одному экземпляру, духовная же школа со скорбнымъ терпѣніемъ заваливала ими библіотечные шкафы и должна была тщательно блюсти за ними, ибо ревизоры всего старательнѣе слѣдили за сохранностію этихъ именно писаній. Разсказы-

¹⁾ Рѣчь у насъ о докторской диссертациіи проф. А. П. Лебедева, о чёмъ см. и у него самого въ статьѣ: «Взглядъ на условія развитія церковно-исторической науки у насъ» въ «Богословскомъ Вѣстнике» 1907 г., № 4, стр. 720., гдѣ сообщается, что его книгу иногда «арестовывали» у семинаристовъ и рабочихъ съ запрещенными изданіями...

²⁾ Обѣ разумѣемы мною диссертациіи (Московскихъ профессоровъ А. П. Лебедева и Е. Е. Голубинскаго, для которыхъ см. еще въ «Запискахъ» † архіеп. Саввы въ «Богословскомъ Вѣстнике» 1906 г., № 10, стр. 291) указаны нынѣ въ книгѣ проф. А. П. Лебедева «Слѣпые вожди: четыре момента въ исторической жизни церкви» (Москва 1907), стр. 44—45, но для второго я имѣю въ виду и его трудъ «Исторія канонизации святыхъ въ Русской церкви» (2-е изд., Москва 1903) по соотношенію съ дѣломъ о прославленіи препод. Серaphима Саровскаго.

³⁾ О подобныхъ явленіяхъ прежнаго времени (—особенно по отношенію къ митрополиту Макарію Булгакову—), когда изъ-за этого даже Академія «цѣлый годъ томились книжнымъ голодомъ», см. у проф. А. П. Лебедева, Слѣпые вожди (Москва 1907), стр. 69.

вались иногда иностранныя издания, и по языку и по содержанию никуда не пригодны; они сразу обрекались на въковой покой библиотечного забвения, попадая въ регистрацію «мало доступныхъ сочиненій».. Присылались даже труды, раньше приобрѣтенные данною Семинаріей и для нея излишніе¹⁾. Чрезъ это заведенія лишались послѣднихъ крохотныхъ средствъ и вынуждались отказываться отъ необходимыхъ учебныхъ и вспомогательныхъ пособій, а Учебный Комитетъ съ олимпійскимъ равнодушіемъ взиралъ на это хождничанье помимо его воли и не возвышалъ хотя бы робкаго голоса протеста — вопреки прямой своей обязанности, между тѣмъ иногда не стѣснялся изобличать педагогическая корпорація за «нечѣлесообразный выборъ вынисываемыхъ книгъ» (см., напр., «Циркуляръ» № 22 за 1902 г., стр. 71)... Это вызвало новое зло. Школа, пользовавшаяся вмѣсто учебниковъ истерзаннымъ хламомъ, лишена была возможности удовлетворять любознательные запросы своихъ воспитанниковъ по преподаваемымъ и соприкосновеннымъ наукамъ для расширенія ихъ умственного горизонта собственнымъ чтеніемъ, такъ какъ располагала слишкомъ архаическимъ и неподходящимъ книжнымъ матеріаломъ. Ученики по необходимости обращались «на сторону», где не было педагогического контроля, а модная общественная теченія, естественно, захватывали увлекающуюся молодежь, для которой въ особенности сладокъ всякий

¹⁾ По этому предмету уже въ самомъ концѣ апрѣля 1907 года одинъ заслуженный и авторитетный семинарскій ректоръ писалъ мнѣ слѣдующее: «По Семинаріямъ разсылаются учебныя книги и пособія для казенныхъ учениковъ на средства, находящіяся въ распоряженіи центрального управления. Книги высыпаются недостаточно; часто высыпаются ненужныя, не просимыя, а нужныя и спрашиваемыя правленіями Семинарій не высыпаются. Учебный Комитетъ относится ко всему этому совершенно безучастно.— О физическихъ кабинетахъ и вовсе не заботится центральное управление. Съ Учебнымъ Комитетомъ и сношеній по нему дѣлу не бываетъ. Наша В. Семинарія еще въ декабрѣ 1906 года обратилась въ Хозяйственное Управление о высылкѣ или денегъ или приборовъ для физического кабинета, ибо мѣстныхъ средствъ не имѣется по бѣдности епархіи. Отвѣтъ на просьбу доселѣ нѣтъ.. Ежегодно удерживается по 75 руб. съ каждой Семинаріи изъ ассигнуемыхъ на ея содержаніе Хозяйственнымъ Управлениемъ суммъ за предположенные къ высылкѣ въ теченіе года книги для фундаментальной библіотеки. При скудномъ семинарскомъ бюджетѣ по этой статьѣ (400 руб., а за изыятіемъ 75—325 руб.),—казалось бы,—необходимо съ осмотрительностью расходовать 75 руб. и дѣйствительно высчитать на эти деньги все цѣльное. Учебный Комитетъ такимъ способомъ могъ бы съ пользою пополнять семинарскія библіотеки, а онъ, къ сожалѣнію, едва ли и знаетъ объ этихъ суммахъ... Творится десятки лѣтъ нѣчто весьма своеобразное и непріглядное. Отчетное и полное перечня книгъ, высыпаемыхъ на эти средства, доселе не печаталось. Ни одно семинарское правленіе ни за какой годъ не можетъ отвѣтить даже приблизительно, на какую сумму и какія книги высланы въ счетъ этого кредита... Любопытно и важно по существу, еслибы хоть только за 3—5 послѣднихъ лѣтъ собрать точные свѣдѣнія по этому предмету. Прямо, Лидвале-Гурковское дѣло!. Вѣдь несомнѣнно, что на 75 руб. не высыпается книгъ въ годъ ни въ одну Семинарію. А что посыпается? Рѣдко дѣйствительно цѣльное и необходимое изданіе, но обычно такія изданія выписываются самими семинарскими правленіями раньше присыпки ихъ изъ центрального управления. Хорошо, конечно, имѣть и два и три экземпляра такихъ изданій, да ужъ очень рѣдко они доставляются. Напр., по полугодіямъ и четверткамъ года высыпаются „Еклѣгістикѣ“ Альбера. Нѣсколько лѣтъ шлютъ старокатолическій журналъ (т. е. „Revue internationale de thÃ©ologie“) по 4—5 книжекъ за разъ. А дѣйствительно нужнаго не высыпаются; приходится изворачиваться — откуда-нибудь урвать средства, чтобы выписать нужныя изданія. По опыту моей службы (за 22 года), едва ли ошибусь, если скажу, что нѣтъ въ нашихъ Духовныхъ Семинаріяхъ всѣхъ твореній отцовъ Церкви, даже переведенныхъ на русскій языкъ... И выписать не на что... Все это до слезъ краснорѣчино, чтобы требовались еще мои комментарии...

запретный плодъ. При томъ же къ послѣдней категоріи относились иногда авторитетные богословскіе труды,— и юношество теряло всякий критерій для сужденія о дозволенности разныхъ книгъ, коль скоро въ проскрипціонныхъ индексахъ находило докторскія диссертациі академическихъ и университетскихъ профессоровъ, у которыхъ должны были получать высшее образованіе наиболѣшіе его представители. Въ свою очередь духовное начальство съ подозрѣніемъ смотрѣло на всякую новую книгу и систематически развивало въ ученикахъ пылкую любовь ко всевозможнымъ запретнымъ писаніямъ... Постепенно установились въ духовной школѣ навыкъ, вкусъ и традиціи для чтенія именно нелегальной литературы,— и она произвела страшныя опустошенія въ молодыхъ умахъ и сердцахъ, гдѣ все запретное накопляется съ необыкновенною интенсивностію и откуда вырывается потомъ вулканическою бурностью. Результаты у всѣхъ на лицо, и мы теперь можемъ то, что сами сѣяли прежде съ бюрократическимъ упорствомъ. Въ нашемъ мірѣ всегда отъ малыхъ причинъ бываютъ большія послѣдствія, какъ отъ одной искры сгорѣла Москва... Духовно-педагогическая корпорація прекрасно предвидѣли это заранѣе и обращались (хотя бы изъ Полтавской Семинарії) съ энергичными ходатайствами въ Учебный Комитетъ, но оттуда не было «ни гласа, ни послушанія» ¹⁾, а школа кипѣла, страдала и разлагалась... И вообще внѣклассное чтеніе было поставлено неудовлетворительно и настолько странно, что одобрялась, напр., такая явно ирраціональная мѣра, чтобы лишать малоупрѣвающихъ и неспособныхъ воспитанниковъ «права читать» всякия неучебныя книги изъ школьніхъ библіотекъ даже на два мѣсяца (ст. «Циркуляръ» № 1 за 1888 г., стр. 6)... Трудно вѣрится подобному педагогическому абсурду, но фактъ на лицо ²⁾...

Отгородившись бумажною стѣной отъ своихъ педагогическихъ задачъ, Учебный Комитетъ былъ не менѣе пассивъ и въ самомъ ихъ исполненіи. Это прежде всего сказалось на учебныхъ планахъ. Они вырабатывались вѣ соображеній съ педагогическою жизнью и направлялись къ корректной униформѣ путемъ приспособленія къ господствующимъ правительственнымъ взглядамъ, для которыхъ школа была иногда не столько средствомъ воспитанія, сколько орудіемъ инородныхъ административныхъ тенденцій. Въ педагогическомъ смыслѣ всѣ позднѣйшія программы много ниже прежнихъ и часто уступаютъ послѣднимъ даже по учебному матеріалу ³⁾. Прямымъ мнѣніямъ и наблюденіямъ заинтересованныхъ

¹⁾ Вообще, испытывались крайнія стѣсненія по дѣлу пополненія ученическихъ библіотекъ,— и заинтересованные лица не считали возможнымъ собственною властію выписывать даже такія книги, которые — согласно утвержденнымъ Св. Синодомъ программамъ для церковно-учительскихъ школъ — назначены были для изученія въ послѣднихъ... Посему изъ Полтавской Семинарії посыпали (въ 1901 году) объ этомъ специальное ходатайство въ Учебный Комитетъ, но оттуда отвѣта такъ и не дождались... Только уже въ 1905 году, когда много семинарскихъ святыницъ закрылись *volens-nolens*, напечатали циркуляръ, которымъ давались педагогическимъ собраниемъ *права* по выбору книгъ для ученческаго чтенія, хотя это всегда должно было составлять отвѣтственную обязанность истинно педагогическихъ учрежденій...

²⁾ Вообще по вопросу о внѣшкольномъ чтеніи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ см. еще въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 237—239.

³⁾ Поскольку въ Комитетѣ преобладали филологи,— отмѣчаю, напр., такой при-

педагогическихъ тружениковъ предполагались формальныя начальственныя «отчеты», которые едва ли къмъ-нибудь читались для дѣла и просто умножали количество нумеровъ входящихъ комитетскихъ бумагъ. Иногда,— хотя крайне рѣдко,— запрашивали педагогическихъ работниковъ, но совершилось это какъ будто не въ серьезъ и вело лишь къ увеличенію архивныхъ комитетскихъ «богатствъ»¹⁾. Бывало иногда и нѣчто худшее, достаточно характеризующее минувшія настроенія Учебного Комитета. Вотъ достовѣрно и лично мнѣ известный случай изъ первой половины 1895 года. По обязанности одинъ академическій доцентъ въ своемъ экзаменаціонномъ отзывѣ (о приемныхъ испытаніяхъ 1893 г.) помѣстилъ нелестныя замѣчанія о семинарской программѣ по своей специальности и о неправильной постановкѣ въ самомъ семинарскомъ преподаваніи. Это задѣло комитетскаго принципала, слишкомъ причастнаго къ этимъ недостаткамъ,— и потомъ въ Академіи полученъ былъ формальный документъ (отъ 16-го мая 1894 года за №-ромъ 2.128) съ категорическимъ предписаніемъ, чтобы разумѣемый критикъ представилъ свою программу съ подробнымъ ея развитіемъ и обоснованіемъ. Ничего не подозрѣвая, этотъ профессоръ разъяснилъ, что по данному предмету нѣть необходимости въ новой программѣ, а требуются лишь соответствующія измѣненія и улучшенія, которыя были раскрыты и отмѣчены пунктуально и съ достаточнотою подробностю. Ожидались соответственные результаты, но вышло прямо наоборотъ. Но вдольгъ авторъ узнаетъ, что противъ него изготовлено «по Учебному Комитету» грозное прокурорское «предложеніе» (отъ 21-го

скорбный курьезъ, что и при программахъ по уставамъ 1884 г. рекомендовалось для преодоленія латинскаго языка устарѣвшее нѣмецкое руководство F. Spiess'a въ подлинникѣ, между тѣмъ это пособіе давно уже существовало на русскомъ языкѣ, а для Корнейлія Непота указывался нѣмецкій подстрочникъ (частями тоже издававшійся по-русски, напр., къ Гомеру † Н. С. Бровковичемъ) изъ F. G e u n d ' s Schüler-Bibliothek (см. Уставы православныхъ Духовныхъ Семинарій и Училищъ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, съ относящимися къ nimъ постановленіями Святѣйшаго Синода, Спб. 1888, стр. 176), известный у педагоговъ Германіи подъ характерною кличкой Esels-Brücke, т. е. «ослины мостъ» (см. и у проф. А. И. Малсина въ «Богословской Вѣстнѣ», 1907 г., № 6, стр. 316)... Теперь дѣло по этой части едва ли улучшается. Такъ, по самоновѣйшимъ планамъ для греческаго языка оставлены въ Семинаріяхъ только Ксенофонъ и Платонъ, но опущены Геродотъ и Гомеръ, хотя въ IV-мъ классѣ требуется сообщеніе свѣдѣній о гекзаметрѣ и пентаметрѣ—безъ предшествующаго и параллельного штудированія самыхъ образцовъ; педагогически нерационально и въ противность природѣ языкового развитія вводится съ начала семинарскаго курса смѣшанное чтеніе классиковъ варяду съ отрывками изъ Нового Завѣта (въ I-мъ классѣ изъ Евангелія Луки, во II-мъ изъ книги Деяній, въ III-мъ изъ посланія къ Евреямъ, въ языковомъ отношеніи болѣе близкаго въ некоторыхъ частяхъ именно къ Евангелію Луки, и изъ 1-го посланія св. Иоанна Богослова, во многомъ очень трудного и не столь характернаго, какъ его Евангеліе), хотя послѣдній изучается воспитанниками позднѣе. Въ трудныхъ мѣстахъ для Нового Завѣта рекомендуется больше «перифразъ» славянского перевода, чѣмъ обращеніе къ греческому подлиннику. Программы по богословію основному и догматическому прямо имѣютъ въ виду пониженіе богословскаго образования будущихъ пастырей, не согласовании съ существомъ этихъ наукъ, ни съ запросами и потребностями времени. Во всемъ этомъ безспоренъ явный регрессъ, который—надѣемся—не будетъ узаконенъ при окончательномъ решеніи.

¹⁾ Напр., по нѣкоторымъ «богословіямъ» специально привлекали одного заслуженнаго ректора и академическаго профессора, но комитетскіе дѣльцы постарались потомъ выкорить свои «программы», гдѣ действительные авторы совсѣмъ не узнаютъ своихъ трудовъ...

февраля 1895 года) самого репрессивного свойства. Ему удалось добыть точную копию, и изъ нея онъ съ изумлениемъ убѣдился, что его за неподачу ни для кого ненужной программы укоряютъ даже въ неисполнении высшаго повелѣнія и категорически обвиняютъ въ «непростительной неотчетливости богословской мысли и языка» за нѣкоторыя безобидныя выраженія. Власти поспѣшили лишить строптиваго профессора предназначенаго ордена, но онъ принялъ свои мѣры. Подобравъ тожественные фразы изъ синодскихъ, прокурорскихъ и комитетскихъ изданій, профессоръ препроводилъ отвѣтную записку съ рѣшительнымъ заключеніемъ, что по силѣ проектируемаго Указа придется напередъ признать «нетвердыми» православію Синодъ, Оберъ-Прокурора и Учебный Комитетъ. Это вызвало неожиданный переворотъ и перемѣшало всѣ роли:—разосланный къ синодальнымъ членамъ для подписи Указъ не былъ выпущенъ въ первоначальной формѣ, а инкриминируемая профессорская записка возвращена Комитету со вишеніемъ, чтобы ее взяли за основу для пересмотра вопроса о лучшей постановкѣ семинарскаго преподаванія по обсуждаемому предмету. Такъ-то на разстояніѣ чуть ли не мѣсяца одно и тоже оказывалось и неправославнымъ и краеугольнымъ для православія... Правда, и отсюда не получалось ничего путнаго, ибо «записку» разослали во всѣ другія Академіи «для отзововъ», собрали послѣдніе и преспокойно образовали цѣлое «дѣло» въ синей папкѣ, мирно почивающее за извѣстнымъ номеромъ¹⁾... Этотъ маленький эпизодъ, истерзавшій откровеннаго профессора, наглядно свидѣтельствуетъ, въ какомъ духѣ и разумѣ Комитетъ разрабатывалъ учебные планы. Въ общемъ, они были безжизнены и своею бюрократическою обязательностью душили педагогическое творчество, поскольку преподаватели вынуждались неуклонно соблюдать узаконенные параграфы по рекомендованнымъ книжкамъ.

Для подобнаго верховнаго режима и при такихъ педагогическихъ требованіяхъ живые труженики съ собственною инициативой были эссенциально неудобны и потому мало находили себѣ пріюта въ духовной школѣ. Бывали даже некраткіе моменты, когда Учебный Комитетъ питалъ

¹⁾ Если не считать нѣкоторыхъ отраженій къ синодскому опредѣленію отъ 15-го декабря 1899 года—12-го марта 1900 г. (№ 5.359), то лишь въ самоновѣйшей (отъ 1905 г.) «Запискѣ къ программѣ преподаванія Священнаго Писания въ духовныхъ семинарияхъ» замѣты явные слѣды несомнѣннаго вліянія указаний и замѣчаній разумѣмаго профессора, хотя на первыхъ порахъ Комитетъ ограничивался лишь «циркулярною полемикой» съ нимъ, стараясь софистически уличить его въ неправдѣ (см. «Циркуляръ» № 13 за 1893 г., стр. 31—34), по объ этомъ не было сообщено заинтересованному лицу, которое узнало о семъ уже послѣ изъ случайного разговора съ ректоромъ Таврической (потомъ Харьковской) Семинаріи (въ г. Симферополѣ)—при лѣтнемъ посѣщеніи послѣдней въ цѣляхъ собственнаго ознакомленія... Теперь, впрочемъ, можно радоваться нѣкоторому успѣху, хотя бы въ духѣ Апостола (Филипп. I, 18)... Однако «Тамбовскій семинаристъ» свидѣтельствуетъ (въ «Бюллете» № 383 за 12-е мая 1907 г., стр. 3, стб. 2), что фактически все идетъ попрежнему: «Нашу Семинарію не безъ основанія упрекаютъ въ безжизненной постановкѣ преподаванія Св. Писания. Семинаристъ получаетъ знакомство не съ самимъ Св. Писаніемъ, а съ толкованіемъ его, подчасъ казуистическимъ. Этотъ недостатокъ былъ замѣченъ на приемныхъ экзаменахъ въ Академіяхъ. Тамбовцы толкуютъ каждое слово, сыплютъ изъ Златоуста, Зигабена, Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, а попроситъ профессоръ передать тоже самое мѣсто въ логической связи съ предыдущими,—не всякий сможетъ...»

особое «нелюбіє» къ «ученымъ» кандидатамъ богословія—тѣмъ паче съ магистерскою степенью, громко высказывая, что ему надобны учителя, а не «ученые», ибо они-де будутъ отвлекаться «разными науками», слишкомъ притязательны и не обладаютъ смиренною скромностю. Ссылка на ученые запросы для получения мѣста въ центральныхъ городахъ была самымъ отрицательнымъ аргументомъ, чаще всего обрекавшимъ на полную неудачу ходатайства. Нужны были не люди, но покорные исполнители. Своевременно подошли на помощь и академические разрядные списки, дававшіе легкое средство для растасовки молодыхъ аспирантовъ духовной педагогії. Сначала при нихъ препровождались характеристики выпускемыхъ студентовъ относительно подготовленности каждого къ той или иной специальности. Однако скоро всѣ убѣдились, что на эти рекомендациіи не обращаютъ вниманія и, если заглядываютъ, то исключительно въ конфиденціальные отзывы инспекторскіе о благонадежности... Дѣло это по необходимости заглохло, и даже я — достаточно послужившій профессоръ—совершенно не знаю, представляются ли теперь эти вѣдомости и въ какомъ видѣ и кѣмъ сочиняются¹⁾... Личностей замѣняла разрядная цифра, а реальное содержаніе почерпалось изъ побочныхъ пособій²⁾... Производились искусствія манипуляціи и съ аттестатными «отмѣтками», изъ коихъ устраивали «свободныя» комбинаціи, нужныя для комитетскихъ цѣлей или вершителей. Определенія на мѣста совершились механически, безъ строгаго соображенія съ достоинствами конкурентовъ³⁾. Отсюда цѣлый рядъ неестественныхъ и противоестественныхъ назначеній. И нѣсть числа примѣрамъ, что философъ загонялся на невѣдомый ему латинскій языкъ, хотя онъ свободно читалъ и говорилъ по гречески, а латыни совсѣмъ не изучалъ, историкъ преображался въ библейста, моралистъ становился лингвистомъ, словесникъ попадалъ на историческія дисциплины и т. п. Понятно, что такіе педагоги не засиживались на чужихъ стульяхъ и съ необыкновенною подвижностью перепрыгивали съ кафедры на кафедру по картѣ всей Европейской Россіи. На первыхъ порахъ они искали своего излюбленного предмета, но потомъ подъ житейскими давленіями просто стремились туда, где лучше и удобнѣе. Сверху какъ будто поощряли эти перепархванія, потому что открывали

¹⁾ А вѣдь даже въ 1882 году покойный предсѣдатель Учебнаго Комитета протоіерей А. И. Парковъ жаловался, что «академіи обыкновенно даютъ (о своихъ кандидатахъ) рекомендациіи неопределенные и уклончивыя, изъ которыхъ трудно сдѣлать какое-либо (sic!) употребленіе», но † проф. И. Ф. Нильскій доказалъ, что тутъ сваливается вина съ большой головы на здоровую... (см. у о проф. О. И. Титова, Дѣї справки по вопросу о преобразованіяхъ духовныхъ академій въ Россіи въ XIX в. въ «Христ. Чтенії» 1907 г., № 4, стр. 506). Послѣднее еще болѣе вѣрно для новѣйшаго періода...

²⁾ Во время засѣданія V-го «предсоборного» отдѣла 9-го декабря 1906 года указывали, что нынѣ въ Учебномъ Комитетѣ имѣются профессора, дающіе свои аттестаціи объ академическихъ кандидатахъ, почему я вынужденъ быть константиrovать, что отъ другихъ Академій (кромѣ С.-Петербургской) нѣть тамъ представителей; следовательно, рекомендациія получается односторонняя, и ея не нужно бы допускать ни въ какомъ случаѣ (если сами разумѣмые члены не догадываются обѣ этомъ)—въ интересахъ единства системы назначенія преподавателей и ради равноправности конкуренціи для всѣхъ аспирантовъ духовно-педагогического служенія...

³⁾ Достойно особаго вниманія, что и доселѣ преподаватели духовно-учебныхъ заведеній назначаются «приказами» синodalnаго Оберъ-Прокурора...

лась широкая возможность безпрепятственно располагать всеми педагогическими фигурами. Нельзя надобности подчеркивать, насколько вредно отзывалось это явление на всемирный педагогический строй духовной школы¹), где многое напоминало игру марionеток²). На бывшую сюда вторглась еще педагогическая монахомания³), вызвавшая окончательную путаницу⁴). Тутъ уже прямо вся важность была не въ человѣкѣ, а въ кускѣ матеріи извѣстнаго цвѣта. Главныя начальственныя и административныя должности заполнялись молодыми чернецами⁵), получавшими самый невѣроятный ходъ,—точно они были воплощеніемъ педагогической мудрости и образцовыхъ добродѣтелей. Эти радужныя перспективы окрыляли академическихъ посредственостей свѣтыми надеждами на легкую поправку своей ученої отсталости, и—вопреки прежнимъ временамъ—позднѣе пошли въ монахи совсѣмъ не лучшіе студенты. Со стороны, «отъ виѣшнихъ», тоже ринулись всякие неудачники, которые сразу «авансомъ» заявляли, что чрезъ академическое монашество желаютъ устроить свою духовную карьеру—отъ смотрительства къ ректорству и затѣмъ къ архіерейству, достигавшему иногда чуть не въ тридцать лѣтъ⁶)... Были, конечно, люди искрен-

¹) Проф. А. И. Лебедевъ даже пишетъ (въ «Богословскомъ Вѣстнике» 1907 г., № 5, стр. 147,.) что «научный прогрессъ по части церковной истории въ семинарияхъ начнется тогда, когда Учебы Ком. перестанетъ влияться въ преподавание синтетическихъ наукъ»... Вотъ такъ аттестація по отношению къ главнейшей обязанности, которая—по закону—лежитъ на этомъ церковно-правительственномъ и государственномъ учрежденіи?... Доколѣ, Господи?

²) См. по этой части важныхъ указаний въ «Церковномъ Вѣстнике» 1906 г., № 45 за 9-е ноября, стб. 1452—1453.

³) Какъ начнѣла она прививаться въ описываемый периодъ,—см. у о. проф. Ф. И. Титова, Дѣяния справки по вопросу о преобразованіяхъ духовныхъ академій въ Россіи въ XIX в. въ «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 4, стр. 494 сл., при чемъ крайне знаменателенъ вопросъ (на стрн. 500) † проф. И. Ф. Нильского: «кто кою разврашаютъ—студенты монаховъ, или же монахи студентовъ? Отвѣтъ на это можно находить, напр., у Н. Болховецкаго, который пишетъ («Ученое монашество» и наша духовная школа въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 808—810): «Въ нравственномъ отношеніи иноски-студенты ничуть не возвышались надъ уровнемъ академического благочестія, а во многихъ случаяхъ стояли и ниже этого уровня, „по искущению“... Лицъ, принявшихъ монашеский постригъ во призванію, съ рѣшимостью навсегда подчиниться игу иноческихъ обѣтовъ, я не зналъ ни во время своего обученія въ академіи, ни, насколько то было мнѣ извѣстно, во время болѣе чѣмъ десятилѣтней службы по окончаніи академического курса... „Мирскихъ“ же „благъ“ они никогда не чуждались и не отрекались отъ нихъ на будущее время...», при чемъ констатируется у иѣкоторыхъ изъ нихъ и «отсутствие всякихъ нравственныхъ устоевъ»...

⁴) См. и у Н. Болховецкаго въ «Миссіонерскомъ Сбозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 808: «Бывшіе сановники духовного вѣдомства проводили „протекціонную“ политику по отношенію къ „ученому монашеству“ и въ немъ одновѣдь, кажется, видѣли спасеніе и нашей духовной школы и нашей церкви. А что этимъ „протекціонизмомъ“ къ ученымъ монахамъ въ товарищахъ послѣднихъ по академіи и сослуживцахъ по семинарии самымъ безцеремоннымъ образомъ разрушалось чувство правды и парализовалась энергія къ идеальному служенію „дѣлу, а не лицамъ“, отъ чего страдала и страдаетъ духовная школа,—сие новидимому не входило въ соображеніе этихъ сановниковъ. Факты же такого „протекціонизма“ были чудовищны по своей несправедливости».

⁵) Ср. у Н. Болховецкаго въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 812—813.

⁶) Нѣкоторые удивительные факты этого рода см. у Н. Болховецкаго въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 815—816, при чемъ прибавляется (стр. 810), что такъ двигались даже тѣ, «которые въ академіи достойно были „притчею во языцѣхъ“ по своему невѣжеству и отсутствію всякихъ нравственныхъ устоевъ».

ніє и идеиніе, но не грѣхъ сказать, что они относились къ разряду исключений и двигались служебно едва ли не медленнѣи своихъ коллегъ иногда склада и другихъ упованій. Во всякомъ случаѣ всѣ монахи—на чальники, попадавшіе на отвѣтственные посты прямо со школьнай скамьи, не имѣли для сего ни опыта, ни знаній, ни такта, а рангъ, диспозиціи и инструкціи обязывали ихъ держаться «славно и грозно», открывая имъ просторъ къ свободному и безконтрольному хозяйствничанью казенными кредитами на свои личныя нужды или причудливые капризы. Тогда оставалось одно средство—закутаться въ начальственное велчіе и свои несомнѣнныие недочеты восполнять не менѣе бесспорною властностію, для подчиненныхъ мало пріятною и почти неотразимою при доступности духовнаго правительства дѣя первыхъ¹⁾ и при разной замкнутости его для вторыхъ, которые часто и не предчувствовали уготовляемыхъ имъ прещеній. Развивался глухой антагонизмъ, и—по подобію цирковыхъ партій разлагавшейся Византіи—образовались въ духовной школѣ столь вредныя оппозиціонныя теченія «рясофоровъ» и «фрачниковъ» или «сюртучиниковъ», не рѣдко питавшихъ непримиримое взаимное недоброжелательство. Бывало даже такъ, что мюодой монахъ поступать начальникомъ туда, где служили его сѣдовласые учители, и онъ порою расправлялся съ ними «безъ стѣсненій», повелительно высылая ихъ изъ офиціальныхъ педагогическихъ засѣданій при иерокорномъ протестѣ²⁾. Гораздо чаще встречались случаи, когда монахъ изъ захудалыхъ студентовъ, извѣстный въ Академіи подъ кличкою «іерокапитана»³⁾, оказывался ректоромъ, либо смотрителемъ, хотя его лучшій товарищъ являлся при

¹⁾ И Н. Болховецкій упоминаетъ (въ «Місіонерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 816) о «quasi—ученыхъ монашенахъ, состоящихъ наперсниками спархіальныхъ владыкъ».

²⁾ Отсюда—«при паглядно поправившейся двингателями „ученыхъ монаховъ“ справедливости»—вытекало, что «воспитанники академій и во время своего обучения и послѣ, па службѣ въ духовно учебныхъ заведеніяхъ, не могли не развращаться такимъ пасплемъ надъ правдой и презрѣніемъ къ наукѣ и учебно-воспитательной пользѣ духовной школы» (Н. Болховецкій въ «Місіонерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 810), ибо, напр., «въ духовныхъ академіяхъ, этихъ разсанликахъ и начальства и учительства въ духовныхъ семинарияхъ, ректорствуютъ и склоняютъ монахи, и ректорствуютъ въ качествѣ заѣзжихъ па время па постоянный дворъ до полученія епархіальной каѳедры» (стр. 813). Воспитывалось «утилитарно-мѣщанско пастроеніе: наука для жизни—нуль, нравственная порядочность тоже не пѣнится, нужна одна наука—всѣми возможными способами устроить себѣ обезнеченную жизнь, т. е. пастроеніе, чуждое всіхъ дѣйствительнаго человѣческихъ идеаловъ. „Ученое монашество“ наше въ подавляющемъ большинствѣ первымъ слѣдовало этому пастроенію и, будучи поощряемо сверху, развращало культурную силу духовной школы. Къ наукѣ оно собственно рѣдко присасалось. Подъ знаменемъ церковности оно большую частію дѣяло себѣ карьеру. Лѣководимое имъ духовное юношество это чувствовало и „на законномъ основанії“, такъ сказать, обворовывалось въ своихъ порывахъ къ идеаламъ „разумного, доброго, вѣчнаго“» (стр. 811). «Монашество это представляеть собой теперь особый типъ людей, какъ и прочие человѣцы, жаждущихъ мірского блага, но во имя и для сего отрекшихся отъ сюртука для яксы. Этому „ученому монашеству“—наука собственно чужда и монастыри—неизвѣстны» (стр. 812). «По неволѣ» же ставить [такихъ] монаховъ ректорами „за послушаніе“ только (въ смыслѣ награды за послушаніе или въ качествѣ послушанія—все равно), значитъ завѣдомо презирать ректорское дѣло, какъ таковое» (стр. 814).

³⁾ Объ этомъ «инокѣ» см. «непосредственныя» свидѣтельства Н. Болховецкаго въ «Місіонерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 809—810. 811 подъ №№—рами 1 и 4-мъ.

немъ въ скромной роли надзирателя, помощника инспектора, сверхштатнаго поурочного преподавателя и т. п. И на инспекторскихъ съдалищахъ въ Академіяхъ возсѣдали иногда такие инохи, о которыхъ, поистинѣ, «удобѣе молчаніе», а они все-таки скоро сподоблялись чести архіерейства, едва ли измѣняясь по природѣ; другіе же свободно разъѣзжаютъ по отпускамъ и совсѣмъ не читаютъ своихъ обязательныхъ лекцій... Стало сбѣгать (въ С.-Петербургѣ) не только академическіе экономы изъ свѣтскихъ, растратившиѣ деньги казенные, студенческія и своихъ учителей—профессоровъ, но исчезали (въ Кіевѣ) внезапно даже семинарскіе ректора—архимандриты, квартиры которыхъ приходилось взламывать и находить тамъ совершенно неожиданныхъ насельниковъ. Подобные принципіалы, конечно, удалялись, и пхъ смѣяли юные чернецы, сразу получавшиѣ у воспитанниковъ кличку «молокососовъ»¹⁾... Можно ли было ожидать тутъ авторитетности и вліятельности, да еще въ такое тревожное время²⁾?... Все это сразу создавало противоестественное положеніе и фатально вносило роковую дезорганизацію во всю духовную педагогію. Причина коренилась въ природѣ вещей, и никакія усиленія самихъ молодыхъ монаховъ и корпорацій не могли устранить того, что было въ существѣ дѣла и требовало радикального улучшенія именно въ послѣдніемъ. Не пришло еще время писать правдивую исторію нашего педагогического монашества, а кое о чёмъ и совсѣмъ нельзя говорить³⁾.

¹⁾ Ср. къ сему «Церк. Вѣдомости» № 37 за 16-е сентября 1906 года, стр. 406б, пунктъ XVII.

²⁾ Это относится не только къ духовной школѣ, но и ко всей церковной жизни. Приводимъ безъ всякихъ комментаріевъ слова отъ 1-го июля 1906 г. † К. П. Побѣдоносцева, которому никто не можетъ отказать ни въ авторитетности, ни въ проницательности: «Удивляться надо всемобщему безумію. Видно, нѣчто роковое есть въ этомъ вниманіи со дна кѣмъ-то брошенаго камня! И какъ будто никто не замѣчаетъ, какъ они подвигаются рѣчами на воздухѣ, точно „воздухъ бій“, не имѣя подъ собою почвы. Какое же можетъ стоять зданіе безъ основаній? Какой домъ построишь, не сообразя ни материка, ни почвы? И всѣ нынѣ проповѣдуютъ выборы! Какіе могутъ быть выборы, когда никто самъ на своихъ ногахъ не стоитъ и не имѣетъ твердаго мѣшня, кромѣ каприза!» См. въ брошюрѣ «Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ въ его письмахъ» [къ А. В. Гавrilову], Спб. 1907, стр. 14, но этотъ пассажъ не былъ пропущенъ къ напечатанію въ «Прибавл. въ Церк. Вѣдом.» № 12 за 24-е марта 1907 года на стр. 544а...

³⁾ Конечно, о данномъ предметѣ писано и даже напечатано у насъ достаточно, но все это слишкомъ субъективно и пристрастно. Если одна сторона не прочно была примѣнена Рим. II, 24 именно къ духовнымъ педагогамъ изъ монаховъ, то послѣдніе доселѣ (см. «Колоколъ» № 311 за 8-е февраля 1907 г., стр. 5) рѣшительно обвиняютъ своихъ критиковъ, будто они «клевещутъ» (?) на ученое (?) монашество сознательно... Бывали въ первомъ отношеніи крайнія преувеличенія (см. противъ о. проф. П. Я. Сѣткова у епископа Капирискаго Георгія, Гдѣ причина упадка духовной школы? въ журналѣ «Вѣра и Церковь» VIII [1906 г.], кн. 6—7, стр. 199—210), но безспорно, что ни у кого изъ свѣтскихъ дѣятелей духовнаго просвѣщенія нѣть даже самомалѣйшей принципіальной вражды къ монашеству, какъ подвигу христіанскаго устроенія своего спасенія,—и я лично,—соглашаюсь съ мнѣніемъ епископа Томскаго Макарія (въ «Отзывахъ епархиальныхъ ерхіеровъ по вопросу о церковной реформѣ», т. III, Спб. 1906, стр. 378), что «истинное пастырство есть подвижничество болѣе высокое, чѣмъ иночество»,—въ то же время нахожу вполнѣ резонными соображенія архіепископа Финляндскаго Сергія (Страгородскаго) о взаимоотношеніи епископства и монашества (*ibid.*, стр. 266—267: «всякий, кто ясно представляетъ себѣ всю глубину доступнаго человѣку самоотреченія, которая требуется отъ епископа, какъ продолжателя дѣла Агнца Божія, вземлющаго грѣхъ мира,—всякий, прежде чѣмъ принять на себя этотъ великий санъ

Впрочемъ, и теперь для беспристрастнаго наблюдателя незыблемо, что оно вольно и невольно способствовало паденю педагогического уровня нашихъ духовно-учебныхъ заведеній. Понизилось какъ будто и виѣшнее благочестіе, хотя Комитетъ даваль точнѣйшія инструкціи касательно стихиръ, антифоповъ, тропарей (см. «Циркуляръ» № 5 за 1889 г., стр. 8—13), предусмотрительно заботился о разстановкѣ воспитанниковъ по лучшимъ мѣстамъ въ церквахъ (№ 13 за 1893 г., стр. 36—36), а попеченія о нравственности простираль до того, что не допускаль участія учениковъ даже въ «обществахъ благотворительныхъ, гимнастическихъ и другихъ» (№ 17 за 1897 г., стр. 5) и самимъ преподавателямъ официально воспрещалъ карточную игру въ клубахъ (№ 7 за 1890 г., стр. 2)... На практикѣ же получилось не «уповаемыхъ извѣщеніе», а нѣчто совсѣмъ обратное... Вѣдь извѣстенъ, напр., не очень давній случай, когда воспитанники южной (Таврической) Семинаріи обошлись со своею святыней болѣе непочтительно¹⁾, чѣмъ университетскіе (Киевскіе) студенты (изъ евреевъ?) съ иконой²⁾... А въ одномъ

[если къ нему призовутъ], самъ почувствуетъ внутреннюю необходимость пережить то дѣятельное отданіе себя въ жертву Господу, которое составляетъ (гэр. должно составлять!) сущность монашества и, въ частности, чина постриженія; впрочемъ, въ послѣднемъ для меня есть иѣтъ искусственное). Вся причина существующихъ обострений заключается въ несомнѣнныхъ пенональностяхъ положенія вещей, когда и нынѣ всю русскую Церковь желаютъ сдѣлать чисто монашескою (*ibid.* III, стр. 15: «не слѣдуетъ допускать ни одного свѣтскаго скорупчника на службу въ патріаршее или епархиальное управление. Главную силу въ Церкви долженъ имѣть монашескій духъ и дисциплина»), объявляютъ монашество «сущностью христіанства». (*ibid.* III, стр. 217), при постриженіи даже вдовъ священниковъ прямо провозглашаютъ, что они лишь теперь начинаютъ жить истинно христіанской жизнью (ср. «Церковный Вѣстникъ», №№ 2 и 12 за 8-е января и 18-е марта 1904 г., стб. 40 сл. 356 сл. и въ книгѣ епископа [археоп. Филиппидскаго] Серии, Слова и рѣчи, Спб. 1905, стр. 131 сл. 138 сл.), рѣзко бичуютъ «реформатствующихъ іероевъ» («Отзывы», II, стр. 499) за «пресвитеріанское движение» (*ibid.* III, стр. 24), а стремящихся къ церковному соучастию мѣрятъ прямо титулами «разрушителями» (*ibid.* III, стр. 4) и видѣть у нихъ «діакольская ухищренія» (*ibid.* III, стр. 493), школы же духовныя на всѣхъ ступеняхъ—вилотъ до Академій (*ibid.* I, стр. 179; II, стр. 553)—мечтаютъ превратить въ чисто монашеские институты (*ibid.* I, стр. 130; II, 137—138; III, стр. 389—390, 392 и др.)... Подобныя крайности, отзывающіяся на практикѣ чрезвычайно тяжело, иногда вынуждали къ аттимонашескимъ разъясненіямъ и ограниченіямъ даже самыхъ корректныхъ и авторитетныхъ лицъ (см. у бывшаго ректора и профессора С.-Петербургской Духовной Академіи, иныѣ о. протопресвитера И. Л. Янишева, Православно-христіанское ученіе о нравственности, 2-е изданіе, Спб. 1906, стр. 7, 18, 200, 423,...). Болѣе спокойное, хотя довольно отвлеченнѣе, разсмотрѣніе настоящаго вопроса мы встрѣтили въ брошюре г. С. Н. Введенской, Наше ученое (?) монашество и современное церковное движение, Москва 1906..

¹⁾ Вообще для характеристики Таврической Семинаріи см. официальный документъ въ «Колоколѣ», № 341 за 17-е марта 1907 г.

²⁾ А изъ Витки сообщаютъ (въ «Новомъ Времени» № 11.191 за 10-е мая 1907 года, стр. 5, стб. 3, и въ «Колоколѣ» № 384 за 13-е мая 1907 г., стр. 3, стб. 3), что въ 1907 году «на Пасхѣ нѣсколько семинаристовъ, очевидно освободившихъ себя отъ всякой совѣсти, поснимали иконы въ спальней комнатѣ общежитія, раскололи одну изъ нихъ на щепы для растопки печи, а остальная побросали въ ватеръ-клозетъ, а на мѣсто иконы повѣсили метлу». Въ Тамбовѣ же семинаристы въ Страстной четвергъ, передъ отправлениемъ въ церковь къ св. причащенію, демонстративно на глазахъ начальства лили чай и фли колбасу и ветчину. Послѣ такого кощунства они невозвратно приступили къ величайшему изъ таинствъ, воистину оправдывая слова восиѣбаемаго въ тотъ день канона: „слава долготерпѣнію Твоему, Господи“! (см. «Свѣтъ», № 128 за 17-е мая 1907 г., стр. 1, стб. 2...).

епархіальному женському училищі була массовий експресій возмутительного свойства по цій часті¹... Справа недавно Симбірські семинаристы устроили «хіміческу обструкцію» даже въ самой своїй церкви во время богослуження²), Петербургские же привѣтствовали (чрезъ газеты) торжественнымъ адресомъ «освободительного» члена Думы «священника» Тихвинского и отъ имени предстоящаго выпуска 1907 года въ своемъ печатномъ (въ газетѣ «Русь») обращеніи къ «совѣту профессоровъ С.-Петербургскаго университета» прямозаявляютъ, что у нихъ «нѣть ни призванія, ни желанія пти въ священники и въ духовную академію³), т. е. именно туда, куда ихъ специально готовили цѣлыхъ 10—11 лѣтъ⁴). Факты эти глубоко горестны, но не слѣдуетъ спорить противъ очевидности⁵),

¹) Во времія своихъ занятій въ С.-Петербургской епархиальной комиссіи (въ концѣ 1905 г.) мы съ удовольствіемъ убѣждались, что изъ всей столичной духовно-учебной молодежи самыи разумныи пожеланія заявили воспитанницы Исаидоровскаго женскаго училища. Къ прискорбію, зараза стала проникать и въ эту среду, куда послѣдній общесеминарскій сѣздъ (см. ниже стр. 105., 126) направилъ особое воззваніе «товарищамъ епархиалкамъ» съ приглашеніемъ войти въ эту организацію, устроить «освободительные» кружки и пр. Начали образовываться (въ г. Курскѣ) «сознательные епархиалки» буйного типа (см. «Колоколь» № 363 за 12-е апрѣля 1907 г., стр. 3), а было слышно даже и то, что (въ одному изъ поволжскихъ городовъ) они требовали дозвolenій для себя на легальные и «гражданскіе» браки еще во времія обученія, ибо-де нельзѧ стѣснять свободу любви... О Курскіихъ воспитанницахъ ревизоръ Д. И. Тихомировъ пишетъ: «онѣ въ октябрѣ 1906 г.—въ то времія, когда въ Курской семинаріи волненія производились „группою сознательныхъ семинаристовъ“, —у себя въ училищѣ (съ 11 по 21 октября) также многократно поднимали шумъ, крикъ, стукъ въ спальняхъ комнатахъ, коридорахъ, столовой и другихъ комнатахъ, тушили электричество, пѣли марсельезу, устраивали каштаны концерты и проч.» (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣтомъ» № 21 за 26-е мая 1907 года, стр. 849—250)... Этого слишкомъ достаточно, чтобы задуматься о состояніи епархиальныхъ женскіихъ училищахъ, о которыхъ даже не поднималось въ вопросѣ при обсужденіи учебныхъ дѣлъ на Преображенскомъ Присутствіи..., но см. стр. 88, прим.

²) См. «Новое Время» № 11.159 за 6-е апрѣля 1907 года, стр. 6, стб. 2, и «Колоколь» № 360 за 8-е апрѣля 1906 г., стр. 3, изъ «Симбірянца».

³) Объ этихъ же семинаристахъ «Русь» сообщаетъ (№ 149 за 10-е іюня 1907 года, стр. 4, стб. 6): «Окончили полный курсъ Спб. Духовной Семинаріи въ текущемъ (1907) году 42 ч., изъ нихъ только 8 ч. принимаютъ священство, остальные же поступаютъ въ высшія свѣтскія учебныя заведенія, или же идутъ въ сельскія учителя». А «Колоколь» поясняетъ (№ 409 за 14-е іюня 1907 г., стр. 2, стб. 2): «Такое бѣгство г.г. питомцевъ духовной школы отъ служенія вскорившей и воспитавшей ихъ церкви лишний разъ—и весьма ярко—указываетъ па потерю нынѣшней Духовной Семинаріей ее духовнаго облика, на утрату духа церковности въ строѣ нынѣшняго обучения и воспитанія нашей духовной молодежи». См. еще стр. 105..

⁴) См. еще категорическое заявленіе Тобольскихъ семинаристовъ (въ сборнике «Духовная школа», Москва 1906, стр. 278, и ср. «Журналы и Протоколы Преображенаго Присутствія», т. II, стр. 491а): «принимающіи санъ священства по искреннему ублажденію изъ окончившихъ нашу семинарію мы ни одною не знаемъ... Неужели мы должны согласиться съ извѣстнымъ публицистомъ М. О. Мещаниковымъ (въ фельетонахъ «Нового Времени» №№ 11.174 и 11.208 за 21-е апрѣля и 27-е мая 1907 года), что «духовная школа потеряетъ секретъ давать духовныхъ пастырей» и что «даже складъ святыни не осталось въ иной душѣ русской—даже семинарской, даже поповской душѣ»?

⁵) У насъ даже самыи авторитетныи іерархически-духовныи власти любятъ ссыльаться, что нынѣ забастовки, волненія, беспорядки происходятъ и въ тѣхъ Семинаріяхъ, где ректорами состоятъ протоіереи. Тяжело опровергать это очевидное и пристрастное недоразумѣніе... Фактъ, конечно, вѣренъ, но надоѣно вдуматься въ его генезисъ и природу. Вѣдь вся важность въ томъ, откуда пошло, какъ и кѣмъ создалось теперешнее страшное положеніе духовной школы? А здѣсь для отвѣта достаточно констатировать, что при прежніихъ выборніихъ семинарскихъ ректорахъ изъ бѣлаго духовенства ничего подобнаго не было и не предвидѣлось... Когда же все испортилось и разстроилось, тутъ и героническая оғульная усилия хотя бы геніевъ не могутъ поправить дѣла, пока не

если мы искренно ищемъ доброй пользы для духовной школы, которая для своей плодотворности должна обновиться, «яко орля»¹). Въ этомъ монашески—начальническомъ увлечениі Учебный Комитетъ не вполнѣ

будетъ радикально-обновительной и возраждающей реформы. Значить, всѣ подобныя рѣчи убѣждаютъ развѣ въ томъ, что требуется ужасающій громъ гнѣва Божія, чтобы мы перекрестились и, благословясь, начали соображать своимъ «крѣпкимъ заднимъ умомъ»... Позволительно упомянуть еще и о томъ, что новые «блѣые» ректора назначались административно, а не выборно, часто вопреки общему голосу духовенства и педагогического міра и всегда безъ ихъ участія, которое въ большинствѣ случаевъ едва ли одобрило бы подобныя «promotion» иногда подозрительного свойства (см. ниже стр. 116)... Такъ, я имѣю самоновѣйший фактъ, что въ одной многолюдной и не спокойной Семинаріи (В-ской) при замѣщеніи свободной ректорской вакансіи рѣшающую роль играютъ «соборяне» (т. е. нѣкоторые близкіе къ архіерею члены соборнаго клира), хотя мнѣніе корпораціи совсѣмъ иное.

) А еще академіческие ректора заявляли, что «на академію въ нашеій средѣ, къ сожалѣнію, привыкли смотрѣть, какъ на удобный способъ избѣжать духовнаго званія» (см. «Церковный Вѣстникъ» № 2 за 8-е января 1904 г., стл. 41 и у епископа Сергея, Слова и рѣчи, Спб. 1905, стр. 133), при чѣмъ иногда (напр., въ Казани) студенты отказываются пѣти въ своей церкви иначе какъ за плату... Значить, не идетъ ли теперь дѣло и къ принципіальному отрицанію?... Вѣдь свидѣтельствуетъ же «Колоколь» (въ № 364 за 13-е апреля 1907 года, стр. 2—3) о «движеніи семинаристовъ... противъ богослуженія»... Напр., въ Тамбовской Семинаріи въ послѣднее время воспитанники занялись изданіемъ подпольного журнала «Факель» и здѣсь «не только всячески глумятся и издѣлываютъ надъ своимъ начальствомъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ неугоднымъ имъ, но,—чтобы добиться „свободы“,—призываютъ всѣхъ своихъ товарищѣй къ забастовкѣ—отказатьться отъ посѣщенія богослуженія» (см. «Колоколь» № 395 за 26-е мая 1907 года, стр. 2, стл. 4)... Самъ «Тамбовский семинаристъ» пишетъ, что его коллеги «рѣшились добиться отмѣны обязательнаго посѣщенія богослуженій, рѣшили неходить въ церкви. Первоклассники силой принуждали не идти въ церкви. У всенощной были только 5-й и 6 классы, пѣвчіе, да человѣкъ 20 изъ низшихъ классовъ, не послушавшихся „убѣдительныхъ“ доводовъ товарищѣй... Отъ бездѣля семинаристы энергично взялись за политику (прошлогодняя демонстрація въ стѣнахъ Семинаріи съ красными флагами и революціонными пѣснями, забастовка 1 мая, выстрѣль въ предсѣдателя „союза русскихъ людей“, арх. Феодора, облитіе кислотой Царскаго портрета, звѣрское покушеніе на о. Симеона, приговоръ къ смерти нѣкоторыхъ преподавателей). Нѣкоторые изъ семинаристовъ состоятъ въ боевой дружинѣ с.-р. (двое посыпали письма г-ну Шлатинцу за печатью боевой дружини соціаль-революціонеровъ съ требованіемъ денегъ на нужды революції). Тамбовская Семинарія числится въ союзѣ 32 Семинарій. На декабрьскомъ Московскомъ съѣзѣ союзниковъ былъ депутатъ и отъ Тамбовской Семинаріи. На этомъ съѣзѣ было рѣшено приступить къ террористическимъ мѣрамъ противъ начальства и первой жертвой этого постановленія былъ о. Симеонъ. А теперь носятся слухи, что къ смерти приговорены нѣкоторые изъ преподавателей. Въ Семинаріѣ есть свой комитетъ,—вѣрѣніе подъѣздѣль революціоннаго тамб. комитета. Этотъ комитетъ имѣетъ свой органъ—„Факель“, собираетъ пожертвованія на нужды убийцъ, политическихъ заключенныхъ, завѣдуетъ подпольной библіотекой, состоящей главнымъ образомъ изъ массы конфѣчныхъ брошюръ по аграрному вопросу, противъ церкви и государства, сочиненій Ренана, Дарвина, Ницше и др.» (см. «Колоколь» № 383 за 12-е мая 1907 г., стр. 3, стл. 2—3). Въ Нижегородской Семинаріи «13-го мая между 3 и 5 часами дня воспитанники совершили страшное кощунство: въ своей церкви разбили изъ сада камнемъ окно въ рамѣ, на горнѣмъ мѣстѣ, затѣмъ отворили разбитое окно и ножемъ разрѣзали крестообразно икону „Моленіе о Чашѣ“, написанную на полотнѣ и вставленную въ окно и, паконецъ, бросили два камня чрезъ образовавшееся въ иконѣ отверстіе, при чѣмъ одинъ камень упалъ на св. плащаницу, а другой, не долетѣвъ до св. престола, упалъ у седьмисвѣтника» (см. «Колоколь» № 394 за 24-е мая 1907 года, стр. 2, стл. 4)... Откуда, почему и когда пошло все это, разъ для «старыхъ» Академій (напр., С.-Петербургской) «характеристическою чертой» было такое явленіе, что громадное большинство питомцевъ посвящали себя священническому, и преподавательскому служенію (А. С. Родосский, Биографический словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи: 1814—1860 гг., Спб. 1907, стр. IXXXIV), а нынѣ мы видимъ совсѣмъ обратное (ср. у проф. А. А. Бронзова въ «Странникѣ» 1907 г., № 4, стр. 654; см. и выше стр. 104₃₋₄), хотя прежде спросясь на академическихъ кандидатовъ для свѣтскихъ профессій былъ неизмѣримо больше?...

повиненъ и самъ часто творилъ, «не еже хотѣлъ»¹⁾, будучи страдательнымъ орудиемъ по причинѣ ненормальности своего устройства, рабски подчинившаго этотъ институтъ возобладавшимъ тенденціямъ церковно-правительственной политики. При всемъ томъ для него была ясна грозившая опасность, а онъ не изрекалъ ни звука и повиновался тогда, когда молчаніе хуже нарушения; между тѣмъ требовалось небоязненно исполнять божественно-спасительный завѣтъ (Дѣян. XVIII, 9): *лаголи, и да неумолкнеш...* Вѣдь еще римско-канонический афоризмъ (Бонифація VIII) гласить: *Qui tacet, consentire videtur.*

Ошибочная система давила все учрежденія и всѣхъ его дѣятелей. Тою порой отмѣченное вастросіе пріобрѣтало господство и всячески поощрялось «предержащими властями», потому что давало имъ решильное средство перегонять духовно-педагогическихъ «правителей» по картѣ Россійской Имперіи съ не менышею легкостю, чѣмъ пѣшки на шахматной доскѣ. Отсюда опять новое неблагопріятное слѣдствіе отъ подобныхъ калейдоскопическихъ передвиженій²⁾. Нетерпимый въ одномъ мѣстѣ—педагогъ-начальникъ долженъ бы быть прямо удаляться съ педагогического поля, но его переводили въ равноправный педагогический институтъ, какъ будто педагогическое дѣло не вездѣ тожественно и не требуетъ всюду преданныхъ и опытныхъ работниковъ (см. и ниже стр. 116, прим. 127). Разсуждали и поступали иначе, неизбѣжно утверждая тотъ взглѣдъ, что духовно-школьное служеніе есть своего рода «прѣбѣжище заяцемъ»... Иллюстрацій этому слишкомъ много. Довольно напомнить для примѣра, что люди, неудобные въ качествѣ членовъ Консисторій, получали отвѣтственные смотрительскіе посты въ важнѣйшихъ пунктахъ, начинали чрезъ близкихъ имъ податливыхъ архіереевъ хохаживать чуть не по всей епархіи и, не смотря на официальный запрѣтъ (см. «Циркуляръ № 11 за 1892 г., стр. 6—7), совмѣщаются здѣсь еще священніческія обязанности настоятеля городской церкви,—вопреки достойнѣйшимъ конкурентамъ, а ужъ кажется, на что плоха была слава нашихъ консисторскихъ заведеній...

Понятно, что при опссанныхъ условіяхъ педагогическое дѣло стремительно падало. Индивидуальное творчество поглотилось безцвѣтною

¹⁾ Впрочемъ, теперь для меня и это сомнительно, судя по слѣдующему извѣстію: «Въ виду участившихся за послѣднее время нестроения въ духовныхъ Семинарияхъ, при чёмъ, въ большинствѣ случаевъ, является недовольство учащихся монашествующимъ начальствомъ, (по словамъ „Голоса Правды“) Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ возбуждается, по слухамъ, воиростъ о томъ, чтобы въ духовныхъ Семинарияхъ одна изъ должностей—ректора или инспектора—замѣщалась лицомъ изъ бѣлага духовенства или даже однимъ изъ старѣйшихъ преподавателей Семинарій» (см. «Колоколь» № 387 за 17-е мая 1907 года, стр. 2, стб. 3). И никогда не повторилъ бы этому странному «мѣронприятію», еслибы не зналъ хорошо Учебного Комитета, способного только къ шаблону и механикѣ по четыремъ дѣйствіямъ арнеметики. Вѣдь прямо обидно напоминать, что здѣсь рѣчь должна быть не о виѣшнемъ положеніи лицъ, а объ ихъ достоинствахъ и пригодности къ педагогическому «правленію», что и монахи бывають хорошими, бѣлыми же и свѣтскіе плохими и наоборотъ етс. Все это ясно для младенцевъ, по Учебному Комитету какъ будто невѣдомо, и онъ хочетъ удивить мѣръ новымъ педагогическимъ раритетомъ...

²⁾ См. поразительныя данныя у г. С. (И. Соколова), Къ вопросу о постановкѣ дѣла воспитанія въ духовныхъ Семинарияхъ въ «Богословскомъ Вѣстнике», 1905 г., № 4, стр. 784—785; ср. въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 132.

съренъкою формой, и она возводилась въ идеаль. Водворилась покорная корректность при холодномъ безучастіи и канцелярской мелочности¹). Благостные начальники и ревнительные преподаватели были неугодны самою своею правдой²). Мне извѣстно, что начальство внушало членамъ одной семинарской (В—ской) корпораціи возможно меньше ставить неудовлетворительныхъ балловъ, предупреждая, что—при обилии таковыхъ—это будетъ зачтено въ вину ихъ педагогической неопытности; такимъ даже прямо угрожали (въ II—гѣ), что изъ столицы они будутъ удалены гораздо по-далѣше тѣхъ трущобныхъ мѣсть, откуда прѣѣхали³). И вотъ худое превратилось въ хорошее, но съ избѣжнымъ результатомъ, что послѣднее потеряло всякую цѣнность. Что изъ этого вышло въ школѣ и жизни,—ясно безъ словъ, а я только спрошу, нѣть ли именно здѣсь нѣкоторой разгадки того печального явленія, что юношество нынѣ съ легкимъ сердцемъ совершає и одобряетъ самые возмутительные акты съ видомъ преоломъ

¹) Самъ Комитетъ констатируетъ канцеляризмъ ректора, формализмъ и мелочность инспектора при безучастномъ отношеніи послѣдняго къ питомцамъ (см. «Циркуляръ» № 11 за 1892 г., стр. 50—52), даже формалистическую холодность цѣлой корпораціи одного Училища (№ 8 за 1890 г., стр. 36—37).... Бывали, дѣйствительно, страшные пріѣмы въ этомъ родѣ... Я самъ знаю случай, что вечеромъ выбросили чуть не мальчика въ трескучий декабрьский морозъ (1884 года) изъ семинарского зданія (въ Винницѣ близъ Сергіївъ Посада) прямо на улицу, когда кругомъ не было ни единаго частнаго дома ближе 4-хъ верстъ; страшное застущничество «профессорскаго стипендиата» († А. И. Струшинникова), который нашелъ потому на грязномъ постояломъ дворѣ несчастнаго изгнаника съ жалкими пожитками, притащенными на собственной спинѣ, лишило его профессуры, а семинарскій ректоръ (о. А.) вскорѣ удостоился епископства (въ Калугѣ)... На личномъ опытѣ извѣдаль, какъ одинъ изъ первыхъ студентовъ Академіи былъ уволенъ съ четвертаго курса за полгода до окончанія и едва не попалъ въ солдаты по ложному подозрѣнію, при чемъ властный начальникъ (Хр.) на всѣ резонныя объясненія суроно твердилъ: «извѣстно, что въ такихъ случаяхъ всегда страдаютъ невинные»... (Объ этомъ слушатъ со мню въ 1887 году и съ проф. П. В. Тихомировымъ въ 1890 г. упоминается и въ объяснительной запискѣ къ проектамъ академического устава Московской Духовной Академіи на стр. 24). И это говорилъ человѣкъ въ санѣ святительскомъ!... (О данномъ лицѣ см. у проф. А. Л. Лебедева въ «Богословскомъ Вѣстнике» 1907 г., № 5, стр. 168—169 и въ «Запискахъ» тѣмп. Саввы Ibid. 1907 г., № 4, стр. 529—530). Впрочемъ, не вдоль ректорской репутаціи его была разгадана по дѣйствиимъ побочными, а первовиновникъ всей исторіи изъ инспекторскаго персонала кievлянинъ же († іеромонахъ Макарій Орловъ) прославился весьма печально; тѣмъ не менѣе академическій владыка получилъ послѣ самостоятельныя епархіи, где заявилъ себѧ съ доброй стороны, но за то на себѣ испыталъ всѣ горькія таготы подобнаго властованія... Но истина, *έιλως αἰς ὑφρηνες ἄρκοισιν* (*B. Theodorei Eranistes* II: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 16cB), ибо для этихъ лицъ всегда вѣрно: *ὑψεῖς τοῖς ὑπετέροις βέβλησθε, κατὰ τὴν παροιαῖαν, πτέροις ήτιν πτήλαις* (*B. Theodorei Graecarum affectionum curatio, sermo I*: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 50B) и по изданію Joannes Raeder, Lipsiae 1904, р. 19), почему *σαυτὸν τοῖς σοὶς ἔβαλες βέλεσσιν* (*Eran. III loc. cit.*, col. 260A)...

²) Такъ, смотритель Тотемскаго Училища (Вологодской губерніи) С. Н. Бѣляевъ (по семинарскому прозванию «Гасило») подвергся комитетскимъ иреціеніямъ за слишкомъ близкія отношенія къ своимъ питомцамъ—даже до организаціоннаго участія въ ихъ играхъ, хотя при этомъ онъ имало ни терять ни попечительности отца, ни авторитетности начальника. За это его возвратили въ «первобытное состояніе»—преподавателя церковной исторіи, но только не въ Вологду, а въ Кременецъ, где онъ вскорѣ (17-го ноября 1899 года) и скончался. См. о данномъ лицѣ у А. С. Родоссако, Біографіческій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ С.-Петербургскай Духовной Академіи (1814—1860 гг.), Спб. 1907, стр. 63 подъ словомъ: «Бѣляевъ Сергеѣвъ Ивановичъ».

³) И самъ Комитетъ благопечительно заботится о «неослабномъ исполненіи» требованій «объ ежемѣсячныхъ отмѣткахъ успѣховъ учениковъ» (см. «Циркуляръ» № 9 за 1891 г., стр. 4).

исихопатического героизма¹⁾? Вспомнимъ, что всякая педагогія у насъ заброшена и пала²⁾, а во всѣхъ другихъ заведеніяхъ молодые люди также воспитываются «по ту сторону добра и зла»³⁾: — тогда многое

¹⁾ И вотъ о такомъ-то юношествѣ — при «разрушеніи школы» (см. «Колоколь» № 362 за 11-е апрѣля 1907 года, стр. 1) — свидѣтельствуютъ (В. С. Кривенко въ «Новомъ Времени» № 11.164 за 11-е апрѣля 1907 года, стр. 14), что «доминирующее положеніе въ русскомъ политическомъ движеніи заняла учащаяся молодежь!.. А нѣкогда думали: *sunt pueri rueri, rueri puerilia tractant* — согласно Апостолу (1 Кор. XIII, 11)...»

²⁾ Вотъ что говорить г. Л — ії въ «Новомъ Времени» № 11.225 за 14-е іюня 1907 года, стр. 3, стлб. 2: «Въ дѣлѣ просвѣщенія мы не только не двинулись впередъ, а отошли назадъ. Уровень научной и педагогической дѣятельности попизился, опустялась „трудолюбивая чистилость“, за-то выросли самонадѣянность, болтливое резонерство и кичливость призрачныхъ, казущимся образованіемъ...»

³⁾ Для иллюстраціи достаточно указать на «Огарки» (—названіе взято изъ разсказа Л. Андреева) или «Тайное общество пива и воли», образовавшееся въ г. Орѣѣ среди самой зеленої гимназической молодежи мужскаго и женскаго пола (—къ счастью, кромѣ духовной: см. «Колоколь» № 391 за 22-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 3) съ явно циническими задачами, которая никакъ не прикрываются, а даже афишируются на страницахъ мѣстныхъ газетъ, ставятся въ связь съ политическимъ положеніемъ страны, защищаются не только несчастными участниками, но «литераторами» и зрѣльмы людьми изъ публики etc. См. о семъ «Новое Время» № 11.145 (за 23-е марта 1907 года) и ср. № 11.153 (за 31-е марта), № 11.178 (за 27-е апрѣля, стр. 5, стлб. 1). При этомъ нужно знать и помнить, что — въ той или иной формѣ — подобные союзы учениковъ существуютъ во многихъ педагогическихъ центрахъ (см. еще «Новое Время» № 11.156 и 11.182 за 3-е апрѣля и 1-е мая, стр. 6, стлб. 2, стр. 6, стлб. 5 — 6; «Колоколь» № 357 за 5-е апрѣля, стр. 4, стлб. 3)... Незрѣльные юнцы въ формахъ хулиганствуютъ и разбойничаютъ въ Калугѣ (см. «Новое Время» № 11.231 за 20-е іюня, стр. 4, стлб. 2), производятъ публичные скандалы на глазахъ избранныго общества и учиняютъ здѣсь дерзкія насилия даже надъ генералами (см. о подобномъ казусѣ на концертѣ въ г. Павловскѣ, близъ С.-Петербурга, ветеринар «Биржевый Вѣдомости» № 9.906 за 21-е мая 1907 года, стр. 6, стлб. 2—3, и «Колоколь» № 391 за 22-е мая, стр. 4, стлб. 1); интеллигенты и студенты активно участвуютъ въ петербургскихъ экспроприацияхъ (*ibid.*, вечерній № 9.951 за 18-е іюня, стр. 3, стлб. 2)... Стали аксіоматически говорить обѣ «одицай» учащейся молодежи (см. «Колоколь» № 410 за 15-е іюня 1907 г., стр. 2, стлб. 2, изъ «Русской Рѣчи»). Духовные питомцы теперь какъ-будто менѣе извѣстны по-подобными подвигами, но «Тамбовскій семинаристъ» пишетъ (въ «Колоколь» № 383 за 12-е мая, стр. 3, стлб. 2): «Главный грѣхъ Семинаріи, какъ духовной школы, — недостатокъ религиозной настроенности ея питомцевъ. Пойдите въ семинарскую церковь къ обѣдѣ или всенощной. Тамъ вы увидите человѣкъ 300 семинаристовъ и даже того менѣе (всѣхъ семинаристовъ около 700 чел.). Прежде всего вамъ бросится въ глаза порядокъ, въ которомъ они стоятъ; выраженое лицъ — скучающее; крестятся какъ-то нехотя, машинально; переглядываютъ съ знакомыми гимназистками (порядочная публика уже рѣдко ходить въ семинарскую церковь, смущаясь этихъ перекрестныхъ взглядовъ); изъ рядовъ семинаристовъ слышатся громкие, иногда совершенно неприличные разговоры, кашель, шарканье ногами по полу и т. д.... Посмотрите теперь, что семинаристы читаютъ и какъ читаютъ: болѣе всего въ Семинаріи имѣютъ устѣхъ Ренантъ, Дарвинъ, Ницше и масса „конѣчныхъ“ брошюръ нигилистического содержанія. Все это читается съ жаромъ, а о критическомъ отношеніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Съ упадкомъ религиозности упала и нравственность. Среди семинаристовъ развито пьянство и хулиганство (здѣсь всѣмъ извѣстно, какъ много семинаристовъ и за что сидѣли въ полицейской части, картежная игра и даже воровство)... А что бывало по этой части въ Университетахъ вовсе не «стай», — о томъ «срамно есть и глаголатъ»... Это уже симптомъ гибельного нравственного распада, проникающаго до послѣдней глубины!.. Аще ли начатъ *святъ*, то и *примѣщеніе*; и аще *корень святъ*, то и *ветви* (Рим. XI, 16)... Вѣдь издаются (Москва 1907 [1906] г. въ серіи: «Свободное воспитаніе и образованіе» подъ редакцією И. Горбунова-Посадова, вѣн. 6-й) даже книги въ «Борьбу за свободную школу» (А. Н. Венциеля) и специальные педагогические журналы, проповѣдующіе устройство «новыхъ школъ» на соціалистическихъ началахъ безъ библейской религіи и безъ христіанской морали (ср. и С.-Петербургскій «Вѣкъ» № 12 за 25-е марта 1907 года, стр. 146—148)... А въ Ригѣ «союзъ мѣстныхъ учителей на послѣднемъ своемъ сѣзѣдѣ принялъ резолюцію, согласно которой члены должны всячески бороться противъ преподаванія въ училищахъ закона Божіяго; воспитывать дѣтей въ материалистическихъ воззрѣніяхъ

если не вполнѣ объяснится для насъ, то станетъ ближе къ нашему пониманію, хотя и гораздо чувствительне для нашей совѣсти, которую мы привыкли усыплять фарисейскими ссылками на необузданность нового молодого поколѣнія... Въ связи съ другими факторами это раскроеть намъ, почему духовная школа пришла къ печальному разстройству, ибо въ основѣ сего лежать причины не интеллектуального, а морального свойства¹); во всякомъ случаѣ вторыя создали почву, ростъ и силу для первыхъ²).

и всячески дискредитировать въ глазахъ народа официальную церковь» (см. телеграмму въ вечернемъ №-рѣ 9.898 «Биржевыхъ Вѣдомостей» за 16-е мая 1907 года на стр. 1)... Поучительны и слѣдующія постановленія С.-Петербургскаго родительскаго кружка: «1) Родители, дома и въ школѣ, сами набираютъ религию для своихъ дѣтей, но ихъ долгъ сть уваженiemъ относиться къ другимъ религіямъ и насильственно не подавлять въ дѣтяхъ такихъ идей, которая не согласуются съ религіозными взглядами родителей. Родители—атеисты должны воздерживаться отъ исключительного влияния на дѣтей въ дѣлѣ религіозно - нравственного воздействиа. 2) Религіозное воспитаніе въ семье, начинаясь съ раннаго возраста ребенка, не должно подавлять въ немъ ни физическихъ, ни духовныхъ силъ. Религіозное обученіе, которому школа удѣляетъ больше вниманія, чѣмъ религіозному воспитанію, можетъ быть вѣбрьемо не только духовенству, но и другимъ лицамъ съ богословской подготовкой. 3) Для христіанъ изученіе Ветхаго Завѣта не должно предшествовать Новому Завѣту. 4) Для укрѣпленія религіознаго міровоззрѣнія можно пользоваться данными различныхъ наукъ, но не слѣдуетъ опровергать то, что считается въ наукѣ незыблѣмы; должно отличать вѣру и знаніе. Заучивание текстовъ напускать излишне. 5) Столъ важное для религіознаго подъема постыденіе богослуженія должно основываться на нравственномъ вліяніи законоучителей и воспитателей. Самое богослуженіе должно быть свободоно отъ того, что объясняется лишь историческими традиціями и не имѣть связи съ настоящей эпохой. Въ него должно быть введено большее активное участіе со стороны мѣръ—взрослыхъ и дѣтей наравнѣ. Слѣдуетъ изучать смыслы богослуженія, а не учить паузузы молитвы, читаемы священно-служителями. 6) Для лучшей постановки преподаванія законоучитель долженъ назначаться лишь на извѣстный срокъ на основаніи избрания, въ которомъ участвуютъ родители, педагоги и представители церкви. 7) Отмѣтки и экзамены по закону Божію должны быть уничтожены. Помимо этого мнѣнія большинства собранія С.-Петербургскаго родительскаго кружка, представлено было и отдѣльное мнѣніе, требующее болѣе значительныхъ реформъ въ постановкѣ религіознаго воспитанія» (см. «Биржевыя Вѣдомости» вечерний № 9.912 за 24-е мая 1907 года, стр. 6, стб. 1—2). Имѣются еще самыя авторитетныя свидѣтельства, что даже въ военно-учебныхъ заведеніяхъ господствуетъ у воспитанниковъ «непростительно слабое знакомство не только со Св. Писаніемъ вообще, по даже съ Евангеліемъ» (см. извлеченіе изъ приказа по военно-учебнымъ заведеніямъ Августѣшаго главнаго начальника въ №-рѣ за 13-е мая 1907 года «Русскаго Ивалида» и въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 24 за 16-е июня 1907 г., стр. 9666)... Кажется, теперь педагогическимъ девизомъ и идеаломъ становится формула: ni maître, ni Dicu..., но частію потому, что tel maître, tel valet... Ср. ниже стр. 127.

¹⁾ Ср. еще фельетонъ М. О. Менищикова въ «Новомъ Времени» 11.180 за 29-е апрѣля 1907 года.

²⁾ Въ этомъ отношеніи къ нашимъ временамъ гораздо больше, чѣмъ къ 80-мъ годамъ прошлаго столѣтия, примѣнны разъясненія и предостереженія къ извѣстной брошюре † К. П. Побѣдоносцева, Доброе слово воспитанникамъ Духовныхъ Семинарій и Академій по поводу нынѣшнихъ страшныхъ событий, Спб. 1881. Какъ мало въ этомъ отношеніи дѣло измѣнилось къ лучшему и какъ далеко шагнуло къ худшему,—видно изъ того, что этотъ государственный мужъ и великий знатокъ духовной школы не задолго (въ февраль 1907 г.) до смерти († 10 марта 1907 года) прямо называлъ Семинарии «домами разврата» (см. въ брошюре «Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ въ его письмахъ» [къ А. В. Гавrilovу], Спб. 1907, стр. 16, по оттиску изъ «Прибавл. къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» № 12 за 24-е марта 1907 года, по здѣсь въ стр. 5446 даннаго слова тоже опущены...). Какое страшное признаніе!... Однако его высказалъ (—со своей точки зрѣнія и въ еще болѣе грубой формѣ)— решительно о всѣхъ русскихъ правительстенныхъ школахъ (не исключая Духовныхъ Академій, специальнно упомянутыхъ) и графъ Л. Н. Толстой, если вѣрить «интервьюеру» «Биржевыхъ Вѣдомостей» (см. фельетонъ въ вечернемъ №-рѣ 9.862 этой газеты за 24-е апрѣля 1907 года)...

Какъ видно, кризисъ этотъ подготавлялся давно. Своевременными предупредительными мѣрами морально-воспитательного характера можно было предотвратить его, разъ духовно-учебные институты долго оказывались болѣе твердыми даже при всеобщемъ педагогическомъ бурлениі и при всяческихъ эксцессахъ. Къ сожалѣнію, Учебный Комитетъ давно потерялъ ключъ къ успешной діагностикѣ и направлялся по невѣрной дорогѣ. Онъ замкнулся оть жизни, которую замѣнила бумага, вытравившая самую нужду общенія съ нею. Непосредственный педагогический голосъ сталъ ненадобенъ, а потому и не достигалъ до центра, куда сыпались формально-корректные «отчеты» и «отзывы». До Учебнаго Комитета доходили только рѣзкія проявленія школьнаго кипѣнія,—и, не зная всѣхъ глубинъ и теченій педагогического моря, центральное управление считало всѣ ненормальности мѣстною рѣбью или мертвую зыбью отдаленной ми-нувшей бури¹⁾). Естественно, что все вниманіе было устремлено лишь на подавленіе крайностей, для чего имѣлся подъ руками готовый кадръ членовъ—ревизоровъ. По самому строю комитетскому, теперь не требовалось жизненныхъ педагогическихъ наблюдений и «опытной» провѣрки комитетскихъ «предначертаній», предлагавшихся къ безпрекословному механическому исполненію. Съ другой стороны,—при непрѣдѣльности истиннаго генезиса духовно-педагогическихъ вспышекъ—вся задача сводилась не къ изученію и профилактицѣ, а чуть ли не единственно къ тушенію пожаровъ, чтобы наружно царили тиши да гладь, хотя и безъ Божіей благодати, никогда не бывающей въ искусственно и случайно дезинфекцируемой атмосферѣ. Такъ съ роковою неизбѣжностью педагогическое ревизорство превратилось въ полицейское,—помимо качествъ, воли и желанія лицъ, отмѣченныхъ многими достоинствами въ прежнее время или на иныхъ должностяхъ. Люди чисто педагогического склада, вскрывавшіе дѣйствительныя педагогическія раны, были просто «не по сезону» и ихъ держали въ загонѣ подъ разными предлогами, что это «монахобойцы» и «монахофобы», дисгамонирующіе съ господствующимъ режимомъ, и т. п. Ревизоры новой формациіи по необходимости превратились въ своеобразныхъ усмирителей, а эта роль столь общедоступна, что и начали поручать ее совершеннымъ юнцамъ, едва сошедшимъ со студенческой скамейки и перескакивавшимъ въ Учебный Комитетъ черезъ прямо отрицательныя инстанціи, благодаря случайному вершителямъ, которые ранѣе имѣли касательство къ духовному вѣдомству развѣ по практическі—разностороннему толкованію слова *spiritus*. И легко догадаться, что *tакіе* чиновники часто расправлялись со всѣми пріемами укротителей, видѣвшихъ въ подвѣдомыхъ школахъ лишь плохо

¹⁾ Между прочимъ, здѣсь часто указываютъ на общее политическое состояніе, яко бы условливающее духовно-школьную дезорганизацію, но, во-1-хъ, прежде именно Семинаріи были излюблеными пріютами политической пропаганды—и однако педагогия велась въ нихъ удовлетворительно; во-2-хъ, опять полезно спросить, *кто* создалъ въ семинаристахъ восприимчивость ко всякимъ вторженіямъ политической агитации, которая встрѣтила бы отпоръ или не напала бы успѣха безъ удобной почвы, а ее-то здѣсь и приготовили заранѣе? Пусть же отвѣчаютъ творцы всѣхъ этихъ «благопріятныхъ условій», но не позднѣйшія невольныя ихъ жертвы, каковыми равнѣ бывають и монахи и бѣльцы...

дрессированные звѣрицы¹⁾). Вмѣсто отеческих внимательныхъ педагоговъ стали разъѣзжать грозные соглядатай, сочинявшіе для себя самые удивительные маршруты (напр., Воронежъ-Пермь-Полтава), которыхъ совсѣмъ не могла постигнуть провинциальная простота, думавшая съ геометрическою азбучностію, что прямая линія всегда есть кратчайшее разстояніе между двумя точками²⁾... Это были столичные царьки «съ начalomъ и властію». Предъ ними ухаживали даже всѣ архіереи, иногда встрѣчавшіе и провожавшіе съ торжественнымъ обрядомъ, устраивавшіе парадные обѣды, предоставляемые свои лучшія кареты и пр. Они любили сваливаться, какъ снѣгъ на голову, и вызывали впечатлѣніе неожиданно грянувшаго грома, отъ котораго иногда, яко бы, потрухивали и губернаторы. Въ ихъ рѣчахъ неизмѣнно звучалаnota великихъ спасителей отечества,—и, владѣя этимъ магическимъ средствомъ, ревизоры больше занимались тѣмъ, что пушими и разносими всѣхъ и вся,—не рѣдко въ крайне грубыхъ формахъ. И бывало не разъ, что комитетскіе

¹⁾ Exempli gratia привожу выписку изъ семинарскихъ воспоминаній С. И. Климовской, помѣщенныхъ въ «Отчетѣ С.-Петербургскаго общества вспомоществованія нуждающимся питомцамъ Новгородской Духовной Семинаріи за 1906 годъ въ связи съ десятилетіемъ» (Спб. 1907). Вотъ что повѣствуется здѣсь (стр. 38—39) объ упомянутомъ выше (стр. 83) Ст. Ис. Лебедевѣ: «Великое слово: ревизоръ. Онъ явился. Всѣ перемѣнны между уроками сократились до неузнаваемаго минимума; исчезли заношенія мудиры на преподавателяхъ и рѣже двойки стали появляться въ журналахъ: должно быть, и воспитанники подтянулись. Явился ревизоръ въ столовую и пришелъ въ ужасъ отъ манер обращаться съ ножами и вилками, что существовала среди голодащаго семинарства. Какъ разъ на томъ столѣ, где я обѣдалъ, генералъ показывалъ,—какъ нужно обращаться съ этими орудіями цивилизованнаго способа питаться. Нужно было наблюдать страданія того несчастнаго Ѳюка, которому были показаны способы обращаться съ ножемъ и вилкой—и тутъ же было приказано это продѣлать... Не мудре, казалось бы, Ѳюло... А потѣ такъ и лиль съ Ѳюдной жертвы обученія: вилка и ножъ не хотѣли дѣлать своего дѣла, а только пригали и стучали по тарелкѣ.. Вотъ ревизоръ на урокѣ русской словесности у А. И. Миловидова... превосходнаго чтеца литературныхъ произведений („Ревизоръ“, „Недоросль“, „Мертвый душа“). Обычное дѣло идетъ свопыкъ чередомъ. И вздумай генералъ спросить названнаго воспитанника,—какіе онъ знаетъ на память стихи? Спрощенный отозвался незнаніемъ.—Кто знаетъ какіе-нибудь? Изъ всего класса встаютъ два устюженіна: устюжене поддержали своего бывшаго смотрителя. Назвалъ я „Полтавский бой“, „Казакъ“ и нѣкоторыѣ другіе...—„Иу, скажи“ (разговоръ велѣлся на ты!), говорить генераль, „Полтавский бой“. Начинаю: „Горить востокъ зарею новой, ужъ на равнинахъ по холмамъ грохочутъ пушки“... Конечно, повгородецъ примѣнилъ и чтеніе новгородское съ особеннымъ усиленіемъ звука „о“. Генераль такъ и взъялся на чтеца и самъ прочиталъ, какъ это принято читать, смягчаю букву о въ а. „Вотъ“, говоритъ, „какъ надо читать“. Тогда между преподавателемъ и ревизоромъ произошелъ такой діалогъ.—„Это будетъ ужъ слишкомъ па-московски“—слова А. И. Миловидова.—„А здѣсь читають“, говоритъ генераль, „по-новгородски“. Нечего и говорить о томъ, что симпатіи воспитанниковъ были на сторонѣ мужественнаго защитника семинаристовъ А. И. Миловидова. Но по-моему заступничество не прошло даромъ: то въ отчетѣ продержнули и въ гораздо большей степени, чѣмъ онъ тою заслужилъ и вообще заслуживалъ. Такія картинки встрѣчались вездѣ, но съ тою особенностью, что постепенно выступали все болѣе чернилъ краски и иногда заполняли весь фонъ...

²⁾ Отсюда именно объясняется въ значительной мѣрѣ хвалебное самосвидѣтельство комитетскаго панегириста: «чтуть ревизоровъ надо считать многими тысячами верстъ; въ нѣкоторыхъ командинровкахъ одному ревизору приходилось сдѣлать болѣе 10 тысячъ верстъ» (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом. 1892 г., № 23, стр. 839а), при чемъ забыто упомянуть о солидныхъ вознагражденіяхъ за эти «владычнія странствія»... Тогда позволительно спросить: допускалась ли эта «протяженно-сложенность» только ради интересовъ дѣла, если сами комитетскіе члены досель усердно ищутъ возможно отдаленныхъ ревизорскихъ экскурсій?... См. и ниже па стр. 116, прим.

члены, еще не давно панибратствовавшие съ семинаристами и расхаживавшие при нихъ въ красныхъ рубахахъ, потомъ являлись въ тѣхъ же школахъ типичнѣйшими «охранителями основъ», а послѣ ихъ ухода во-свояси въ училищныхъ печахъ раздавались взрывы¹⁾... Страхъ и трепетъ распространялись по заведенію, и суровые суды не безъ сладости созерцали предъ собою испуганныя физиономія начальниковъ и воспитателей, надъ которыми съ злорадною чуткостію наблюдали ученики. Педагогические результаты этихъ полувоенныхъ операций и экзекуцій были самые убийственные²⁾... Да и могло ли быть иначе, если все сосредоточивалось на томъ, что педагогический персоналъ старался скрыть дѣйствительность, «втереть очки», показать товаръ лицомъ и извернуться, а учащееся юношество деморализировалось подобными сценами?... Собственно ревизорскія наблюденія часто были крайне поверхностны и ограничивались мимолетными посѣщеніями уроковъ, съ бѣглымъ просмотромъ ученическихъ тетрадокъ. За-то много скрупулѣзности посвящалось изслѣдованію бумажныхъ «дѣлъ», но и тутъ преобладали казуистические интересы «съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ». Въ фокусѣ послѣдняго всѣ факты раскрашивались несвойственнымъ колоритомъ и теряли самая очевидная очертанія, получая фантастические размѣры. Всѣмъ намъ хорошо памятъ случаѣ, что специально вызванный доточный ревизоръ († П. И. Нечаевъ) одного высшаго духовно-учебного заведенія (Московской Академіи) въ больничныхъ вѣдомостяхъ малограмотнаго фельдшера принялъ рукописную букву *b* за цифру *5*, превратилъ сотни въ тысячи *n*, никого не спросивъ, поспѣшилъ донести «по начальству», будто тамъ больные студенты выпиваютъ по десятку бутылокъ молока за день въ великомъ посту, а на протестъ заинтересованныхъ педагоговъ послѣдовали свыше чувствительныя репрессаліи... Это были не наблюдательныя ревизіи, собиравшія жизненный педагогический матеріалъ, но попреимуществу полицейскіе отчеты съ велемудрыми соображеніями объ склоненіи непорядковъ и крамолѣ. Не даромъ же стали называть комитетскихъ ревизоровъ «сунодальными Шерлоками Хольмсами»³⁾... Вынуждаемся съ грустью констатировать, что такія тенденціи, систематически и деспотично прививавшіяся по провинції, ухудшили и всѣ мѣстныя отношенія. Постепенно погасалъ тонъ скромнаго труженичества и быстро замѣнялся иролазничествомъ, показнотою, отличительствомъ. Даже архіереи, всегда питавшіе непосредственную искренность и отеческую простоту въ обра-

¹⁾ См. и въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 230а.

²⁾ Обратное заключеніе С. И. Мирополискаю (вт «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 838—839) совсѣмъ не подтверждается извѣстными мнѣ фактами.

³⁾ См. корреспонденцію изъ Курска о ревизіи мѣстной Семинарии въ «Вѣдѣ», № 12 за 25-е марта 1907 года, стр. 149—150, и ср. «Колоколь», № 363 за 12-е япраля 1907 г., стр. 3, стб. 3. Это вовсе не значитъ, что я согласенъ съ даппымъ сообщеніемъ по самому его содержанію, которое во всѣхъ частяхъ основательно опровергнуто заинтересованнымъ ревизоромъ А. И. Тихомировымъ, Вынужнное слово въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 21 за 26-е мая 1907 г., стр. 847—850. Для меня здѣсь важно единственно то, какъ смотрять на комитетскихъ пословъ и посланниковъ въ провинціяхъ, гдѣ—они должны бы имѣть полный авторитетъ и высокое уваженіе...

ищенияхъ со своими школами¹), стали проникаться соглядатайскимъ формализмомъ. Извѣстны примѣры почтенныхъ іерарховъ изъ педагоговъ, которые изощряли свое попеченіе на томъ, чтобы нагрять въ Семинарію въ 8 часовъ утра въ понедѣльникъ, когда онъ падалъ на 22-е число мѣсяца, т. е. послѣ получки жалованья наканунѣ свободнаго воскресенья, а во главу всѣхъ руководственныхъ завѣтовъ полагали требование преподавателямъ «не просрачивать больше пяти минутъ» предъ уроками, на чёмъ съ удивительною ревностію настаивалъ и самъ Учебный Комитетъ (см. «Циркуляры» № 16 за 1896 г., стр. 40—41; № 22 за 1903 г., стр. 67—68). Вотъ какова была «благотворность» ревизорскихъ вліяній на мѣстахъ!... Іѣ сему надобно еще прибавить, что ревизоры не рѣдко проговорѣчили другъ другу, взаимно опровергали и ослабляли себя и произвольно отмѣняли или толковали «по вдохновенію» компитетскія инструкціи, въ которыхъ и безъ того было всего менѣе систематичности, стройности и внутренняго согласія. Напр., въ Полтавской Семинаріи произошелъ острый конфликтъ изъ-за инспекторскихъ ученническихъ отмѣтокъ по поведенію, и для избѣженія горшихъ золъ семинарское правленіе нѣсколько измѣнило баллы. Прибывшій ревизоръ (П. И. Нечаевъ) нашелъ это дѣяніе незаконнымъ и ссылку на соотвѣтствующей «циркулярѣ» безаппеляціонно отстранилъ тѣмъ, что онъ — авторъ послѣдняго и приказываетъ понимать въ смыслѣ его разъясненій, а въ скорости послѣдовало изъ С.-Петербургра распоряженіе обратнаго характера... Выходило, что «всякъ молодецъ на свой образецъ», и каждый поддерживалъ только свое²). Тотъ же ревизоръ водворилъ миръ и тишину въ названномъ учебномъ заведеніи, перемѣнивъ все начальство. Для непосредственныхъ наблюдателей было очевидно, что эта реформа совсѣмъ не принесла педагогическихъ благъ и во многомъ сопровождалась ухудшеніями, но виновникъ ея въ ближайшій наѣздѣ нашелъ и донесъ, что—напротивъ—теперь все прекрасно, и о прежнихъ дефектахъ нѣть ни малѣйшаго помину, выдавъ себѣ похвальный аттестатъ и свя-завъ имъ школу въ узахъ чиновничьяго благополучія, разрѣшившагося потомъ тяжелымъ крахомъ³). Разумѣется, при такихъ условіяхъ и

¹) См. и теперь призывное посланіе къ Вологодскимъ семинаристамъ мѣстнаго епископа Никона въ «Колоколѣ» № 830 за 8-е мая 1907 года, стр. 2—3.

²) Бывали еще ревизии и не членами Учебного Комитета, откуда происходили новыя осложненія. Такъ, въ 1902 году Подольскія духовно-учебныя заведенія инспектировалъ † А. А. Завьяловъ столь несогласно съ компитетскими традиціями, что въ слѣдующемъ году потребовалась новая ревизія «исключительно ради улаженія недоразумѣній въ средѣ чиновничье-синодской и компитетской», о чёмъ извѣстно со словъ † П. И. Нечаева.

³) Въ краткихъ чертахъ,—исторія эта такова. Прежній ректоръ-протоіерей о. И. Хр. П. не понравился Петербургскому ревизору († П. И. Нечаеву), вышелъ въ отставку и цѣлый годъ оставался безъ всякаго мѣста, бесплатно отправляя обязанности предсѣдателя Епархиальнаго Училищнаго Совѣта и живя исключительно на пенсію, о которой свыше было сообщено специальнно, что она дана ему лишь во винипатіе къ ходатайству Преосвященнаго, хотя фактически была совершенно заслужена, ибо получившій ее провелъ на педагогическомъ поприщѣ почти 35 полныхъ лѣтъ непрерывно, а † епископъ Иларіонъ просилъ вовсе не обѣ этомъ, но обѣ усиленномъ вознагражденіи... Преемникъ его—архимандритъ Гавр. гимназическаго происхожденія началъ съ того, что всюду критико-

взглядахъ комитетскіе ревизоры не считали нужнымъ вступать въ педагогическія бесѣды съ преподавателями и приглашали нѣкоторыхъ лишь для устрашающихъ распеканій или милостивыхъ поощреній, вообще же играли своимъ величиемъ и всюду твердили о своей близости къ великимъ людямъ. Неудивительно, что послѣ комитетскихъ ревизій въ провинції сначала воцарялось томительное ожиданіе, а затѣмъ открывалась усиленная путаница отъ новыхъ случайныхъ предписаній. Педагогическое

валъ и осмѣивалъ своего предшественника, почему семинарскіе преподаватели категорически потребовали, чтобы онъ не позволялъ въ ихъ присутствіи глумливыхъ отзывовъ о бывшемъ начальнику и учителю, пользовавшемся отъ всѣхъ немалымъ уваженіемъ и въ корпораціи и въ епархіи, гдѣ были цѣлый сотни его питомцевъ, благодарныхъ ему за отеческую доброту. Самъ же новый ректоръ заботился больше о своеобразномъ церковномъ благолѣпіи (не забывая даже о тщательномъ благоустроеніи своихъ пышныхъ власовъ) и иногда прямо смущалъ совѣтъ вѣрующихъ, когда, напр., неумѣло устраялъ воздвиженіе креста стъ обливаніемъ послѣднаго сверху, при чѣмъ особенно соблазнительна была поза діакона, стоявшаго противъ о. архимандрита, «присѣдавшаго» одновременно съ нимъ и державшаго тазъ, куда стекала вода, раздавашаяся потомъ на руки богоольцовъ въ бутылочкахъ, или—въ нарушение тамошнихъ обычаевъ—громко кричалъ въ церкви, чтобы послѣ пасхи молящіе не сѣмѣли преклонять колѣни во время великаго славословія... Въ 1904 году въ этой почѣ произошелъ жестокій инцидентъ. Ректору показалось, что за литію при многократномъ повтореніи «Господи, помилуй» вѣкородные семинаристы производили особые звуки, будто бы напоминавшіе нѣчто въ родѣ пушечныхъ выстрѣловъ. На этомъ основаніи онъ затѣялъ формальное дѣло о «демоническомъ и болгарственномъ пом—пом—помъ» (буквально!) и предложилъ уволить нѣсколькоихъ воспитанниковъ, яко бы выдавшихъ себя своимъ смущеніемъ при его взглядѣ во время прохожденія по рядамъ для кажденія, хотя инспекторъ вовсе не слышалъ даже самыхъ диковинныхъ звуковъ, а помощникъ не замѣтилъ ни одного виновнаго. Не смотря на мотивированный протестъ большинства преподавателей, проницательный архимандритъ добился своего и, уѣхавъ въ Кіевъ, стъ особою таинственностью отправилъ оттуда при собственномъ донесеніи всѣ документы въ Учебную Комитетѣтъ, гдѣ мудрые эксперты посмѣялись надъ монашескою странностю, но не приняли серьезныхъ мѣръ для возстановленія правды... Въ результатѣ—несчастные юноши безжалостно были выброшены за бортъ, а ректоръ продолжалъ свои обычные подвиги. Видя такое «воеводство», духовенство потеряло всякое довѣріе къ столь оригиналому воспитателю своихъ дѣтей и при немъ систематически отклоняло всѣ семинарскія ходатайства, будучи убѣждено, что въ подобныхъ рукахъ не можетъ быть добрая примѣненія... Сей ректоръ обладалъ лишь однимъ общепризнаннымъ талантомъ—быстро подмѣтать и схватывать особенности рѣчи и даже голоса собесѣдника и воспроизводить съ удачнымъ актерствомъ. Этую немонашескую способность онъ съ особенной любовью примѣнялъ по отношенію къ преподавателямъ, которыхъ презрительно называлъ «профессарами», карикатурно копируя ихъ предъ воспитанниками, высмѣивая привичная выраженія, способъ пользованія носовыми плаzkами во время уроковъ и т. п. Къ стыду для начальника и къ чести для семинаристовъ, все это отражалось на степени и характерѣ чувствъ ихъ не къ послѣднимъ, а къ первому. У него была манера ходить даже по улицѣ окруженнymъ толпою своихъ питомцевъ, иныхъ обнимать и пр. Однако ректору не удавалось снискать расположенія ни откуда:—его не уважали и ему не вѣрили! Напротивъ, отношенія съ корпорацію и семинаристами постепенно ухудшались и достигали крайнаго напряженія. Въ 1906 году возникло общее движение, которое ректоръ испѣшилъ обратить въ мятеjный бунтъ, яко бы съ покушеніемъ книжалами на его особу, когда воспитанники просто искали товарищей-шпионаовъ, привитавшихъ въ его квартирѣ. И куда дѣвалась прежняя властность? Иночествующій начальникъ тайкомъ скрылся въ квартиру инспектора и здѣсь пробовалъ спрятаться даже въ гардеробѣ жены послѣднаго, но не умѣстился въ немъ по своимъ обширнымъ раззѣрамъ, а потомъ бѣжалъ подъ стражей въ архіерейскій домъ, откуда просилъ у полиціймейстера жандармской охраны для проѣзда на вокзалъ и до ближайшаго губернскаго города, въ чѣмъ ему было отказано (см. нѣкоторыя прикрѣвенные указанія въ «Полтавскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостяхъ» № 14 за 10-е мая 1906 года, стр. 666 неофиціальной части)... Тѣмъ не менѣе этотъ семинарскій повелитель успѣлъ быстро «оправиться» въ С.-Петербургѣ и получилъ видный постъ въ Москвѣ съ лучшимъ материальнымъ обеспеченіемъ. Мѣстное духовенство было такъ взволновано

дѣло стремительно приижалось и тормозилось, попадая въ коловоротную ревизорскую толчью. Единственнымъ осязательнымъ результатомъ было внѣшнее усмиреніе, не всегда разбравшее правыхъ и виноватыхъ¹⁾, но оно чаще означало лишь приталвшуюся пришибленность и вызывало не вдоль болѣе рѣзкіе взрывы, ибо всякие походы только опустошаютъ страну и никогда не культивируютъ ея²⁾. И развѣ могло бы что-нибудь

этими индивидуальными смятіями, столь тѣжко затрагивавшими его жизненные интересы, что собиралось формально возбудить вопросъ о предоставлении ему выбора начальниковъ съ о и хъ духовно-учебныхъ заведеній, но въ концѣ концовъ отказалось отъ этой мысли, зная по примѣру отшедшаго ректора, что не достигнуть своей цѣли, разъ «путь» Петербургскихъ избраниковъ всегда «сіѣется»... Здѣсь мы имѣемъ примѣръ и образецъ, почему въ духовной школѣ возобладали нынѣ автономическая стремленія и пріобрѣтаютъ иногда характеръ страстного и крайнаго увлечения... «Враги человѣку—домашние ею», (Мат. X, 36), а власти стали искать причинъ на сторонѣ (ср. и «Колоколь», № 371 за 26-е апрѣля 1907 года, стр. 1), когда они были у нихъ въ глазахъ или подъ глазами... Въ итогѣ, духовно-педагогическое дѣло опять пошло по «кривой», гроза новыми осложненіями... Вѣдь нужно же разобраться въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ по совѣсти—не ради лицъ, но для истины!

¹⁾ Это въ полной силѣ относится къ педагогическому персоналу, члены которого спасались и погибли по непостижимымъ ревизорскимъ «усмотрѣніямъ». Такъ, въ 1892 г. однѣкъ преподаватель Александро-Невского Духовнаго Училища (въ С.-Петербургѣ) «вылетѣлъ» по ревизорскому мановенію и принужденъ былъ искать убѣжища въ Финляндскомъ Духовномъ Правлѣніи, пока не попалъ въ синодскую канцелярію, а это было человѣкъ изъ лучшихъ «профессорскихъ стипендиатовъ» С.-Петербургской Академіи... Къ нему пламенный ревизоръ едва забѣжалъ на урокъ и здѣсь только нашумѣлъ дводоль, но порученіе исполнилъ въ точности... И вся вина преподавателя была въ томъ, что онъ кому-то не понравился и былъ очень скромнымъ работникомъ, заботившимся больше о дѣлѣ, чѣмъ о виѣшнемъ блескѣ и высшемъ благоволеніи. Разъ было даже такъ, что ревизоръ († И. К. Зинченко) «побудилъ» удалиться изъ Тамбовской Семинарии преподавателя, а онъ черезъ 12—15 лѣтъ оказался въ ряду самыхъ первыхъ іерарховъ Российской церкви.. Вѣтъ сколько значать и стоять ревизорская проницательность и компетентнѣйшій цензъ!..

²⁾ Для характеристики «достоинствъ» новѣйшаго комитетскаго ревизорства приводимъ слѣдующія компетентныя свидѣтельства. «Нынѣшняя ревизія направляются къ поддержанію status quo духовныхъ школъ и потому уже не могутъ быть орудиемъ прогресса, а тѣмъ болѣе коренной реформы этихъ школъ». Онѣ «являются въ сущности бесплодными, вовсе не имѣющими руководственного значенія для учебнаго дѣла и самимъ преподавателямъ не приносить почти никакой пользы. Ревизоры—не руководители и наставники учителей, а только посторонніе наблюдатели и, чтѣ особенно худо, наблюдаютъ опасные. Основываясь на своихъ внѣшнихъ наблюденіяхъ и довѣряясь непровереннымъ слухамъ и даже сплетнямъ, ревизоръ постоянно рискуетъ впасть въ ошибку». «Помимо своихъ личныхъ наблюдений ревизоры не брезгаютъ и разными слухами, благодари которымъ они проникаютъ во внутреннюю, интимную жизнь преподавателя и вообще въ таѣ сторонахъ его личности, которыхъ нельзя усмотрѣть на урокахъ... Какъ бы ни былъ безоснователенъ, какъ бы ни расходился съ дѣйствительностью этотъ отзывъ (ревизора), онъ влечетъ за собою тяжелыя послѣдствія въ видѣ замѣщаній, служебныхъ перемѣщений и даже увольненій. Вотъ почему преподаватель боится современной ревизіи и на самого ревизора смотрѣтъ лишь съ чувствомъ страха, какъ на грозу, которая тѣмъ и опасна, что, не освѣжая школьнай атмосферы, приносить лишь градъ репрессій. Преподаватель старается обезопасить себя отъ этой грозы и пускается на всякия хитрости»... «Нынѣшняя ревизія сосредоточиваетъ свое вниманіе только на виѣшней сторонѣ воспитанія». «Какимъ бы эффектомъ и помпою ни былъ обставленъ внезапный и только опасный, но не поучительный наѣздъ» ревизора,—результаты «оказываются бесплодными для воспитательного дѣла въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ... Словомъ, односторонне-виѣшняя ревизія даютъ и наставленія только для виѣшней стороны воспитанія... И это теперь, когда нестроеніе проникло во всѣ семинаріи, когда, кажется, пошатнулись самые устои семинарскаго режима и обветшавшей системѣ семинарскаго воспитанія грозитъ полное банкротство! Наші ревизоры оказались неспособными проникнуть въ глубь семинарскаго воспитанія, усмотрѣть основные недостатки этого воспитанія и указать радикальныя мѣры къ ихъ устраненію. Поэтому воспитаніе въ духовныхъ школахъ идетъ совершенно независимо отъ ревизій». По экономической части «на долю ревизора остается развѣ въ снальняхъ клопъ, въ ватерклозетахъ дурной запахъ, въ

другое, если заслуженные ректоры Семинарій, чутъ не платившіеся жизнію, изгонялись и предпочитали разбѣгаться по кладбищенскимъ и приходскимъ церквамъ и здѣсь благословляли свою судьбу¹), когда ранѣе ректорская должность была величайшею честію духовно-частицырскаго и педагогического преуспѣянія? Стойкіе работники устраивались «волею» или «нуждею» и замѣнялись удобными и ловкими оппортунистами съ невысокимъ цензомъ по мѣстной оцѣнкѣ... Ни добра, ни пути нельзя было тутъ и ожидать. И до самыхъ недавнихъ дней ревизіи назначались собственною прокурорскою властію даже въ столичныя Духовныя Училища—иногда по миѳическимъ и тенденціознымъ слухамъ о крысиномъ хвостѣ, яко бы найденномъ въ казенныхъ щахъ, а командируемыхъ лица скрывали свое званіе отъ учениковъ подъ видомъ любознательныхъ посѣтителей и у малыхъ ребятъ высپрашивали разныя подробности отно-

---

столовыхъ недостатокъ вилокъ или салфетокъ», почему и съ этой стороны «современная ревизія» мало пользы приносить нашимъ духовнымъ школамъ: въ нихъ попрежнему царит грязь, воспитанники пытаются скудно, все хозяйство ведется неумѣло, лицами прямо не призванными къ экономической дѣятельности (монахами), а иногда и сомнительной честности (экономами). Вообще же, «цинічнія ревизіи—плодъ бюрократического строя въ управлении духовными школами... Давно пора отрѣшиться отъ ревизорского дилентантизма»... «Нынѣ ревизорами состоятъ фактически три лица (хотя по штату полагается пять), которые помимо жалованья получаютъ генеральские протоны, исчисляющіеся тысячами, да казенные квартиры, стоящія при переводѣ на деньги также нѣсколькихъ тысячъ». Теперь ревизор «является въ роли грозного Юпитера, наводящаго лишь страхъ и трепетъ на преподавателей... Теперь онъ—незваный гость; его встрѣчаютъ съ трепетомъ, а провожаютъ съ радостью, искренне желая, чтобы онъ дольше не являлся вновь». Упоминается также о «невинныхъ жертвахъ ревизорского пристрастнаго суда» и «о дѣйствующемъ полицейско-воспитательномъ режимѣ въ нашихъ семинарияхъ» (см. «Богословский Вѣстникъ» 1905 г., № 12, стр. 683. 685. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695)—съ насажденіемъ «казенной методики» (см. сборникъ «Духовная школа», Москва 1906, стр. 223. 55—56 и ср. «Церковный Вѣстникъ» 1906 г., № 47 за 23-е ноября, стлб. 1532—1533). Архимандритъ Алексій (повидимому, ректоръ Тульской Семинаріи) пишетъ (въ «Колоколь» № 385 за 15-е мая 1907 года, стр. 1, стлб. 5): «Въ прежнее время ревизіи имѣли характеръ помыши и декорума, да и ревизовать въ сущности тогда было нечего: всѣ дѣлали свое дѣло, въ Семинаріяхъ царила серьезность, воспитанники, и не только воспитанники, но и преподаватели были подъ крѣпкою властью (?) ректора, и дѣло шло прекрасно, и выходили прекрасныя цѣльныя люди. За послѣдніе годы ревизіи нѣсколько измѣнили свой характеръ. Онѣ стали тѣмъ шкаломъ, который все переворачиваетъ вверхъ дномъ. Послѣ ревизіи часто не оставалось камня на камнѣ, назначались новые начальники; преподаватели переводились изъ одной Семинаріи въ другую, низводились въ Духовныя Училища,—а дѣло попрежнему и при новыхъ начальникахъ, при другихъ преподавателяхъ шло плохо, даже все хуже и хуже. Какъ ни глубока бывала ревизія,—она радикально не измѣняла положенія. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза въ томъ, что драный преподаватель переводился изъ одной Семинаріи въ другую? Вѣдь если онъ здѣсь стяжалъ зло, почему онъ тамъ будетъ творить добро? Если онъ плохъ и не поддается излечению, то его нужно выбросить вонъ и навсегда, а не оставлять въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ. Да и ревизорами обыкновенно называются люди, стоящіе далеко отъ дѣла, не связанные непосредственно ни съ дѣломъ преподавания, ни съ дѣломъ воспитанія, и, тѣмъ болѣе, мало или совсѣмъ не знакомые съ мѣстными частными условіями. Я знаю, что послѣ одной строгой ревизіи въ одной Семинаріи, когда многие изъ корпораций были такъ или иначе устраниены, все-таки ревизоръ не усмотрѣлъ всего и самая мерзость осталась въ Семинаріи».

¹) Примѣръ—о. И. Христ. Пичета въ Полтавѣ и о. И. Павл. Знаменскій въ Харьковѣ, а также о. В. В. Знаменскій въ Симферополѣ и о. В. П. Борисоглѣбскій въ Воронежѣ (см. «Колоколь» № 393 за 24-е мая 1907 г., стр. 2, стлб. 3), но «Колоколь» (въ №-ѣ 364 за 13-е апрѣля 1907 года, стр. 2, стлб. 5) вообще констатируетъ «бѣгство начальниковъ духовной школы», говоря, что «расшатанность духовныхъ Семинарій вынуждаетъ многихъ ректоровъ и инспекторовъ, выслужившихъ пенсію, просить обѣ увольненіи отъ духовно-учебной службы»...

сительно преподавателей!... Такова была сила канцелярски-бюрократическихъ комитетскихъ традицій, привитыхъ ошибочною системой... На ревизорскомъ институтѣ съ особенною наглядностію сказалось вредное вліяніе принципіальныхъ несовершенствъ въ комитетскомъ устройствѣ. По положенію 1867 г. (§ 5), члены-ревизоры посылаются для обозрѣнія духовно-учебныхъ заведеній «съ разрѣшеніемъ Святѣйшаго Синода». Никакихъ иныхъ условій для сего не допускается¹⁾, а практика выработала свой порядокъ²⁾... За послѣднее десятилѣтіе назначеніе ревизій зависѣло почти исключительно отъ оберъ-прокурорской власти. Обычно въ началѣ каждого учебного года въ канцеляріи Учебнаго Комитета, по имѣющимъ свѣдѣніямъ, составлялся списокъ подлежащихъ обревизованію духовно-учебныхъ учрежденій и подавался Оберъ-Прокурору. Послѣдній «по собственнымъ соображеніямъ» исправлялъ этотъ перечень и вносилъ его въ Св. Синодъ, который,—сколько помнится,—всегда соглашался съ такими «предначертаніями» и не проявлялъ независимой инициативы, если онъ предоставилъ автономному прокурорскому вѣдѣнію примѣненіе духовно-учебныхъ уставовъ и всѣ распоряженія по данныхъ ревизорскихъ отчетовъ³⁾. Разумѣется еще менѣе могъ усвоять и осуществлять независимость самъ Учебный Комитетъ, стискиваемый съ двухъ сторонъ. Лишь въ недавніе годы опять началъ практиковать экстраординарныя ревизіи, не предусмотрѣнныя строгими юридическими правилами. Эти уже совсѣмъ не разрѣшались Св. Синодомъ и производились по словесному соглашенію предсѣдателя Учебнаго Комитета съ другими начальствующими въ центральномъ духовно-учебномъ управлениі лицами и на основаніи иисъменного увѣдомленія первого, при чемъ обходились всѣ узаконенныя инстанціи. Св. Синодъ прямо устранился, какъ будто онъ менѣе всѣхъ зналъ свои школы и не дорожилъ ихъ успѣхами... Фактически все по этой части оказывалось въ полной прокурорской компетенції⁴⁾, и ей долженъ былъ подчиняться Комитетъ по отсутствію авторитетнаго синодскаго участія въ данномъ вопросѣ. Тѣмъ болѣе подневольными и пассивными были сами ревизоры, потому что они опредѣлялись на свои должности «по предложенію Оберъ-Прокурора» (§ 4 «Положенія») и въ своемъ служеб-

¹⁾ Еще въ маѣ 1892 года С. И. Миропольскій заявлялъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 839б), что «ревизіи назначаются обыкновенно Святѣйшимъ Синодомъ по предложеніямъ Синодального Оберъ-Прокурора».

²⁾ Въ иерѣдкихъ случаяхъ этимъ давалась г.г. ревизорамъ возможность «соединять приятное съ полезнымъ» на казенный счетъ, напр., отдохнуть отъ «трудовъ праведныхъ» на Кавказѣ или въ Крыму, лишь «по пути» завернувъ въ какую-нибудь отдаленную Семинарію или Училище, яко бы, для специальнаго обозрѣнія...

³⁾ См. въ брошюре «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ» (Спб. 1907), стр. 11—12.

⁴⁾ Отсюда случались такие казусы, что вліятельные іерархи *просто не пускали* присланныхъ комитетскихъ чиновъ въ свои духовно-учебные заведенія... Это было, напр., въ С.-Петербургѣ около 1890 года, когда + митрополитъ Исидоръ (Никольский) рѣшительно объявилъ назначенному Прокурору для «свидѣтельствованія» мѣстной Семинаріи ревизору (С. И. Миропольскому), чтобы онъ возвратился тошь туда, откуда пришелъ,—и бысть тако... Но вѣдь Исидоръ былъ единий и единственный, а его непосредственній преемникъ не могъ уволить (перевести) даже секретаря своей Консисторіи (см. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. I. Спб. 1906, стр. 509б)...

номъ движениі вседѣло зависѣли именно отъ него, не имѣя надежды на поощреніе или защиту отъ Синода, но постоянно видя предъ собою, что и доселѣ (—вопреки § 4—) сами комитетскіе предсѣдатели «восходять» и «исходятъ» собственно по вѣльніямъ не синодскимъ, а прокурорскимъ, которыми быстро сдвигаются на окраины столицы даже комитетскія помѣщенія...

Въ результатѣ неестественной системы комитетскаго строя получилась тягостная и роковая шаткость всей духовно-педагогической политики, когда всѣ не знали, кто специально завѣдалъ этою важнѣйшою отраслію и какія цѣли въ ней преслѣдовались. Интересы и намѣренія духовно-педагогического назиранія по необходимости стали индивидуальными и потеряли объективный характеръ, который всегда почерпается въ основныхъ принципахъ и общихъ задачахъ самаго дѣла. Конечно, тутъ ревизоры могли лишь послушно творить волю пославшихъ съ обязательную чиновническою ревностію, хотя и съ весьма сомнительнымъ моральнымъ утѣшениемъ.

Понятно, что при отмѣченныхъ условіяхъ до верховъ не достигало «опытныхъ» педагогическихъ материаловъ, и они заваливались канцелярски-бумажными отписками, далекими даже отъ простой фотографической точности. Я упоминалъ выше (стр. 86), какъ иногда фабриковались ревизорскіе отчеты, и для подкрѣпленія своихъ словъ разскажу еще характерный случай. Въ одномъ изъ училъщъ Полтавской епархіи обнаружились непорядки, и туда послали семинарскаго преподавателя (В. А. Конопатова). Въ Полтавѣ утверждали по свѣдѣніямъ изъ надежныхъ источниковъ, что отзывъ послѣдняго былъ отправленъ Преосвященнымъ непосредственно Оберъ-Прокурору К. П. Побѣдоносцеву, а этимъ оставленъ у себя «до времени». Потомъ туда же пріѣхалъ комитетскій ревизоръ († П. И. Нечаевъ), не знаяшій о сепаратномъ семинарскомъ разслѣданіи, и представилъ собственное заключеніе своему принципалу¹⁾. Тотъ сразу усмотрѣлъ противорѣчія и обратилъ вниманіе комитетскаго члена, который послѣшилъ «переписать свою бумагу наоборотъ» согласно соображеніямъ семинарскаго педагога²⁾... И вотъ по такимъ-то даннымъ Учебный Комитетъ думалъ «владѣть и княжить» всѣмъ духовнымъ просвѣщеніемъ православной Россіи, услаждаясь собственнымъ самовосхваленіемъ³⁾. На этомъ фундаментѣ строились самыя

¹⁾ Въ этомъ инцидентѣ имѣли значеніе и родственные связи одной изъ враждующихъ сторонъ.. Впрочемъ, дѣло окончилось счастливо, но только не благодаря ревизору, а по вліянію † епископа Полтавскаго Иларіона:—въ его покояхъ смотритель и помощникъ помирились и дали обѣщаніе жить мирно и работать дружно на пользу Училища. Зачѣмъ же нужна была комитетская ревизія?...

²⁾ А. С. Миропольскій съ удивительною смѣлостю дерзаетъ еще свидѣтельствовать (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 839б): «можна положительно сказать, что ни одно изъ учебныхъ вѣдомствъ (—ужъ не во всемъ ли мірѣ?—) не имѣетъ такпхъ обстоятельныхъ и всестороннихъ ревизій, какія имѣтъ вѣдомство духовное чрезъ членовъ-ревизоровъ Учебного Комитета»...

³⁾ Конечно, если брать ревизорскіе «отчеты» безотносительно, то можно затѣвать самые цѣвѣтистыя апологіи для превознесенія Учебного Комитета не просто до третьего, но даже и до седьмого неба;—только ни пользы, ни правды тутъ вовсе не будетъ... Мы видѣли, что донесенія самовлюбленныхъ комитетскихъ Нарциссовъ слишкомъ мало

важная мѣроприятія и преобразованія. О достоинствахъ позволительно судить даже по печатнымъ комитетскимъ «циркулярамъ». Въ этой замѣтательной серіи документовъ есть много канцелярской мудрости и чиновничьяго великолѣпія, но нѣть живой педагогической струи систематического творчества. Это своего рода Вавилонская башня, п тутъ смѣшаны всѣ языки духовной школы¹). Единичныя обобщенія, случайныя внушенія, постоянные диссонансы и величественные реприманды:—развѣ этимъ могла питаться и возвращаться кипучая педагогическая жизнь, гдѣ всякий контроль долженъ быть приспособленнымъ и больше самъ сообразоваться съ нею, чѣмъ подгонять ее къ своимъ мертвымъ шпаргалкамъ?...

Впрочемъ, эта сторона всѣмъ намъ слишкомъ хорошо извѣстна и и каждому доступна для документальной проверки, почему я не буду распространяться о ней и формулирую свой конечный итогъ. Онъ таковъ²). Учебно-комитетскій центръ второго периода былъ проникнутъ бюрократическимъ духомъ безжизненной отвлеченности и не освѣжался притокомъ здоровыхъ стихій изъ периферіи, почему самъ впадалъ въ бумажно канцелярскую спячку³), атрофируя и разстраивая послѣд-

---

и весьма не точно отражаютъ реальную дѣйствительность, а потому не могутъ служить пригодными материаломъ для практическіхъ мѣроприятій или научныхъ построений. Основное требование истинной науки заключается въ томъ, чтобы не употребляютъ никакихъ документовъ безъ строжайшей исторической критики, дабы напередъ выяснить ихъ фактическую цѣнность. Иначе—вмѣсто исторіи—получится чистый миѳ, а воображаемое богатство сведется къ фальшивымъ кредиткамъ и дутымъ акціямъ и разрѣбится печальнымъ иупомъ Эмбровскихъ капиталовъ.. Только «скорбные главы» могутъ не понимать этой научной и дѣловой азбуки..

¹) Здѣсь Учебный Комитетъ охотно рѣшаетъ мелочно-казуистические вопросы, однако единства духа и системы совсѣмъ нѣтъ. По многимъ важнымъ пунктамъ въ комитетскихъ вердиктахъ господствуютъ недоговоренность, неясность, неопределленность даже *намѣренія* (какъ свидѣтельствовалъ † П. И. Нечаевъ), а это въ разныхъ Семинарияхъ вызвало не мало бурныхъ правленійскихъ засѣданій, особыхъ миѣній, острыхъ раздоровъ въ корпораціяхъ и болѣе того, о чёмъ сообщаетъ мнѣ высокопочтенный ректоръ долголѣтней службы..

²) Для характеристики современного Учебного Комитета см. еще мѣткія и цѣнныя указанія—видимо—компетентнаго автора въ слѣдующихъ его статьяхъ: «Ревизии духовно-учебныхъ заведеній» (въ «Богословскомъ Вѣстнике» 1905 г., № 12, стр. 682—697), «Духовно-учебное начальство» (въ сборникѣ «Духовная школа», Москва 1906, стр. 228—243), «Завершеніе духовно-учебной реформы» (въ «Церковномъ Вѣстнике» № 45 за 9-е ноября 1906 г., стлб. 1450—1453; № 47 за 23-е ноября, стлб. 1530—1533). Сообщаемыя здѣсь наблюденія и соображенія производятъ прямо оглушающее впечатлѣніе—особенно—при эпиграфическомъ спокойствіи изложенія... См. еще у С. П. Шумова въ «Богословскомъ Вѣстнике» 1906 г., № 2, стр. 372—379.

³) Въ этомъ отношеніи крайне знаменательенъ авторитетный отзывъ компетентнаго знатока комитетскаго положенія († протоіерея В. И. Імакина) въ частномъ письмѣ ко мнѣ: «Дѣла Учебного Комитета болѣе, чѣмъ не важны. Случайный подборъ лицъ, не одинаковая степень работоспособности и даже отсутствіе послѣдней (—далѣе пропускаю одну фразу—): чѣмъ можетъ быть печальнѣе? *Какой-то злой рокъ ведетъ къ гибели это учрежденіе, которое замѣчательно только темъ, что вездѣ его бранятъ...* И развѣ тутъ не правда? А началось это далеко не сейчашъ. Еще члены комиссій по выработкѣ академическаго устава 1884 г. высказывали по сему предмету много замѣтительныхъ сужденій. Такъ, Киевскій проф. В. Ф. Пѣвицкій указывалъ на «безконтрольность нынѣшнихъ ревизоровъ и противорѣчивость ихъ отзывовъ», при чѣмъ «комитетскія ревизии обидны для епархиальной власти, такъ какъ въ нихъ выражается недовѣріе къ этой власти, наконецъ, отъ комитетскихъ ревизий пользы мало, по свидѣтельству семинарій», а «обида можетъ заключаться, напр., въ томъ, что молодому человѣку дается власть надъ почтенными сановниками». По словамъ † С.-Петербургскаго инспектора и профессора И. Ф. Нильскаго «Учебный Комитетъ усвоилъ начальственный тонъ

относительно академий, не имѣя на то права, и въ разъясненіе слуховъ о недовѣріи къ епархиальнымъ властямъ говорилъ, что «такимъ основаніемъ можетъ служить, между прочимъ, тотъ фактъ, что при бывшемъ Оберъ-Прокурорѣ (графѣ Д. А. Толстомъ) всѣ отзывы ревизоровъ о комѣ бы то ни было уважались безъ пропѣтки, хотя бы они шли совершенно въ разрѣзъ съ мнѣніями Прѣосвященныхъ». Что же касается общаго вопроса, то, по его (Нильского) мнѣнію, бывшее духовно-учебное управлѣніе было все-таки лучше нынѣшняго Учебного Комитета. По крайней мѣрѣ, оно не возбуждало такого всеобщаго недовольства, какъ Учебный Комитетъ. *И наиболѣшай долгъ этого недовѣрства возбуждается членами-ревизорами.* Ихъ упрекаютъ за то, что они ведутъ себя поначальнически и придираются къ мелочамъ, отмѣтчая и ставя на видъ почти исключительно формальные недостатки и опущенія». «Публичными замѣчаніями (въ ревизорскихъ отчетахъ) натуры робкія запугивались и падали духомъ, а сильныя—ожесточались и махали на все руками. Сколько мнѣ извѣстно, благодаря такому поведенію ревизоровъ Учебного Комитета, семинаріи съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о прежнихъ академическихъ ревизорахъ и желали бы восстановленія ихъ. Они, по общему мнѣнію, было гораздо ближе къ духовнымъ семинаріямъ, вели себя гораздо проще и гуманнѣе... Учебный Комитетъ и тогда «обнаруживалъ поползненіе превратиться въ прямое начальство надъ академіями», «между прочимъ, въ томъ, что онъ разсматриваетъ докторскія диссертации, одобренные академическими Совѣтами и публично защищенные. По уставу онъ не имѣть никакого начальническаго отношенія къ академіямъ, но на дѣлѣ является весьма важною подземною силой», ибо «академическія дѣла передаются Святѣйшимъ Синодомъ на разсмотрѣніе въ Учебный Комитетъ». Даже предсѣдатель архиеп. (послѣ † митрополита Московскаго) Сергій (Ляпидевскій) соглашался, что «бывшая комиссія духовныхъ училищъ, кажется, правильнѣе и опредѣленнѣе была поставлена относительно академій, чѣмъ Учебный Комитетъ» (см. у о. проф. О. И. Титова въ «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 4, стр. 505—508). Во всѣхъ отношеніяхъ положеніе постѣ еще больше ухудшилось, а потому трудно опровергнуть другого знатока комитетскихъ порядковъ, который недавно энергически выражалась предо мною, что Учебный Комитетъ—въ настоящемъ видѣ—лучше уничтожить совершенно, разъ онъ сталъ такимъ учрежденіемъ, куда по всей Российской Имперіи не могутъ найти предсѣдателя или—вѣрѣнѣ—не заботятся объ этомъ, считая болѣе удобнымъ юридическое и фактическое «безглавенство» въ самое смутное время духовно-школьной жизни... И можно ли съ правдивымъ усѣхъ спорить противъ этого рокового заключенія, если мы, напр., просмотримъ хоть «дѣла» о семинарскихъ беспорядкахъ года за 2—3 и сравнимъ, чѣмъ по этой части устроено благого Комитетомъ?... Думаемъ, что результатъ получится прискорбно-поучительный... Извѣстно, что въ истекшемъ 1906—1907 учебномъ году происходили волненія и по поводу открытія (20-го февраля 1906 г.) второй Государственной Думы, при чѣмъ—по официальнымъ донесеніямъ—они были въ шести Семинаріяхъ и выражались въ самовольномъ уклоненіи воспитанниковъ отъ уроковъ, въ сходкахъ съ зажигательными рѣчами и пѣніемъ марсельезы, кое-гдѣ въ битѣ стеколь и т. п. Въ шести Семинаріяхъ были еще сейгоднѣ беспорядки по мѣстнымъ причинамъ и они повлекли закрытіе отдѣльныхъ классовъ. О безчиніяхъ въ Курсѣ краснорѣчиво повѣствуетъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 21 за 26-е мая 1907 г., стр. 848—849) ревизоръ Д. И. Тихомировъ: «14 октября 1906 г., во время всенощного бдѣнія, изъ вентиляционнаго въ потолкѣ семинарскаго храма отверстія, съ чердака семинарскаго зданія, были сброшены прямо на головы молящихся революціонныя прокламаціи въ то время, когда, при пѣніи „Слава въ вышнихъ Богу“, всѣ стояли на колѣньяхъ. И вообще въ то время, предъ 17 октября и послѣ, среди воспитанниковъ появлялись прокламаціи, за подписью „группы сознательныхъ семинаристовъ“, съ призывають къ сознательной встрѣчѣ „грядущихъ событий“. Конечно, и революціонная прокламація 14 октября были сброшены въ церкви на головы молящихся тою же „группою сознательныхъ семинаристовъ“... 17-го декабря галка „вылетѣла“ изъ такого же съ чердака вентиляционнаго отверстія въ потолкѣ храма, въ какое 14 октября были вброшены прокламаціи,—только надъ алтаремъ храма; она влетѣла такъ же, какъ и 14 октября прокламаціи, въ то время, когда вся церковь стояла на колѣньяхъ во время пѣнія Херувимской пѣсни»... «При мнѣ три ночи подрядъ (21, 22, 23 ноября) производились попытки ограбить эконома Семинарии. Не буду излагать характерныхъ подробностей этого дѣла; скажу только, что дѣйствовали тутъ три чередѣвшихъ личности, иногда въ маскахъ, старавшіяся проникнуть въ квартиру эконома сть чернаго хода, и что это также стоило въ связи съ дѣйствиями „сознательныхъ“ семинаристовъ. Многочисленныя случаи воровства въ Семинарии тоже не въ привлекательномъ видѣ рисуютъ „весну“ семинарской жизни»... «Ученики не являлись на уроки массами, при чѣмъ отсутствовало на урокахъ не рѣдко поль-класса и болѣе, на молитву и въ церковь на богослуженіе являлись весьма немногіе, съ вечернихъ за-

нія¹⁾). Отсюда принижение и дезорганизация духовной школы²⁾, которая страдала и отъ многихъ другихъ причинъ — частю внутреннихъ, частю побочныхъ. Главная вина сего не собственно въ людяхъ и лежитъ въ самомъ устройствѣ Учебного Комитета, который былъ лишенъ отвѣтственной самостоятельности, призывался служить больше «предер-

нятій уходили, когда хотѣли; сочиненій ученики не писали, не рѣдко совершенно, всѣмъ классомъ, или подавали ихъ въ незначительномъ количествѣ въ классѣ». При этомъ «не уволнялись изъ Семинаріи воспитанники, скомпрометировавшіе себя настолько (до присужденія къ тюремному заключенію включительно), что имъ въ Семинаріи оставаться было невозможно. Было и еще иное, подобное этому, на ненормальность чего было обращено мною вниманіе при ревизії: не смотря на то, что занятія въ Семинаріи открылись только съ 21 сентября и что въ классѣ ходилъ только тотъ, кто хотѣлъ,—съ 25 ноября начались усиленныя ходатайства воспитанниковъ обѣ отпустѣ ихъ въ дома родителей подъ разными предлогами. Къ 19 декабря по такимъ причинамъ было отпущено въ дома родителей уже 60 чел., и при этомъ больше всего изъ того класса, который менѣе всего занимался»... Въ эту Курскую «исторію» вмѣшилось и духовенство (см. «Колоколь» № 414 за 20-е іюня 1907 г., стр. 2—3). Чѣм же предпринималъ Учебный Комитетъ со своей стороны? Отъ 24-го мая 1907 года я имѣю грустное свидѣтельство, что даже въ виду страшныхъ экзаменскихъ неурядицъ комитетскіи мѣры не идутъ далѣе приемовъ какого-то сыска... И мы дѣйствительно пока слышали по этому предмету только то, что одна Семинарія закрывается за другою, хотя не хватало ни ординарныхъ, ни сверхштатныхъ ревизоровъ для экстренныхъ экспедицій по всѣмъ концамъ Россіи. А теперь намъ сообщаютъ (см. «Новое Время» № 11.224 за 13-е іюня 1907 года, стр. 3, стб. 2, и «Колоколь» № 409 за 14-е іюня 1907 г., стр. 2, стб. 2): «На дняхъ въ Св. Сѵнодѣ закончена разработка данныхъ, касающихся происходившихъ въ текущемъ году беспорядковъ въ Семинаріяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства. Материалы, собранные Св. Сѵнодомъ какъ путемъ донесеній официальныхъ лицъ, такъ и данными прямыхъ разслѣдований на мѣстахъ, пока не выяснили несомнѣнныхъ причинъ безпорядковъ. Въ виду этого преобладающая часть членовъ Св. Сѵнода, какъ намъ передаютъ, не склонна къ началу будущаго учебнаго года проводить въ Семинаріи какія-либо преобразованія». Извѣстіе это болѣе, чѣмъ удивительно, а потому и мало вѣроятно во всѣхъ отношеніяхъ (ср. «Колоколь» № 411 за 16-е іюня 1907 г., стр. 2, стб. 5)... Въ духовныхъ школахъ все горитъ, и никто не можетъ доискаться источника:—это ли не притча? Но совсѣмъ прискорбно, что именно вслѣдствіе своего невѣдѣнія даже не желаютъ тушиТЬ пожара и откладываютъ ad Calendas graecas... «Освѣдомительное бюро» передаетъ, что «разрѣшеніе вопроса о преобразованіи Семинарій будетъ зависѣть исключительно отъ всероссійского церковнаго собора» (см. «Новое Время» № 11.225 за 14-е іюня 1907 года, стр. 3, стб. 4). Ну, это ужъ еще того хуже... Вѣдь той порой отъ нашихъ Семинарій, какъ учрежденій духовно-церковныхъ, можетъ оставаться только одно грустное воспоминаніе (ср. стр. 124, прим.)... А вотъ католики не дремлють. Задумавъ широкую семинарскую реформу въ Италии (о чемъ въ стр. 17, см. еще у С. А. Браткова въ «Богословскомъ Вѣстнике» 1906 г., № 2, стр. 357—371), они спѣшатъ принять за ея осуществленіе и именно въ смыслѣ отдѣленія общехристіянскаго гуманитарного образования отъ пастырскаго приготовленія (см. «La Civiltà Cattolica», anno 58, quadergo 1.368, voi. 2: 15 Gugno 1907, p. 734—736; «Церковный Вѣстникъ» № 25 за 21-е іюня 1907 г., стб. 818—820). Но соберемся ли, наконецъ, подражать имъ и мы, всегда столь увлекающіеся западными образцами?—that is the question!..

¹⁾ Просимъ теперь сопоставить слова С. И. Миропольского (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 840), что «Комитетъ никоіда не имѣлъ бюрократического характера и чуждался формализма, стоялъ вреднаго въ живомъ педагогическомъ дѣлѣ»... Прослѣднее, разумѣется, вѣрно, а о первомъ пусть безпристрастно разсудятъ сами читатели нашего трактата...

²⁾ См. и въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), что «высшее начальство, проникнутое недовѣріемъ къ цѣлой корпораціи учащихъ, въ тоже время грѣшило непомѣрнымъ самомнѣніемъ» (стр. 241) и своими величиеми достигло того, что «въ дѣятельности духовныхъ педагоговъ все мертвѣо, шаблонно, формально», при чѣмъ «обязательными предписаніями центрального начальства носятъ часто явно нелѣпый, ретрапрадный характеръ», особенно по воспитательной части... «Въ общемъ, положеніе какъ педагоговъ, такъ и питомцевъ духовной школы очень тяжелое: тѣмъ и другимъ здѣсь душно, тѣсно», какъ «притиснутымъ бюрократическимъ волпакомъ» (стр. 242). См. еще и въ «Церковномъ Вѣстнике» 1906 г., № 47 за 23-е ноября, стб. 1531—1532.

жащимъ» лицамъ, чѣмъ идеямъ, и, подчиненный сразу двумъ авторитетамъ, долженъ быть лавировать между ними. Необходимость системы вынуждала его сосредоточиваться именно на послѣдней сторонѣ, но при частыхъ коллизіяхъ и всегдашихъ возобладаніяхъ разныхъ силъ и теченій онъ не рѣдко оказывался безъ собственной воли и безъ своей заправляющей власти ¹⁾, а духовно-педагогическая ладья плавала по бурному морю «безъ руля и безъ вѣтрилъ» при одолѣвшемъ напорѣ постепенно разъярившихся стихій ²⁾... Наступилъ «развалъ духовной школы» ³⁾...

Какъ видимъ, Учебный Комитетъ не во всемъ виноватъ одинъ, но его грѣхъ заключается уже въ молчаливомъ попустительствѣ. Онъ долго увѣрялъ, что все обстоитъ благополучно, занимаясь всякими «затѣями» ⁴⁾, а педагогическій барометръ стремительно спускался къ роковому термину «гроза!» И сбылось надѣяние нами предостерегающее слово апостольское (1 Фессал. V, 3): *еїда рекутъ: миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всеубѣтельство, якоже болѣнь во чревѣ имущей, и не имутъ избѣжати.* Такъ и случилось. Нахлынула цѣлый ураганъ педагогическихъ волненій, которыя потомъ перешли въ Академіяхъ въ длительный пароксизмъ «реформаторской горячки» ⁵⁾. Подавленныя раньше—педагогическія корпораціи оказались неподготовленными, частію были связаны и фактически растерялись при разыгравшемся смерчѣ: однѣ, слегка карая «единичные проступки», не рѣшались вмѣнять академическимъ студентамъ «массовый движенія» ⁶⁾—вопреки морально-юридической логикѣ: другія (въ Рязанской Семинаріи) чувствовали себя

¹⁾ Въ этомъ отношеніи достойно вниманія, что самъ Св. Синодъ вынужденъ былъ отказаться отъ существенныхъ преимуществъ своихъ по §-фамъ 13 и 14 «Положенія» 1867 г. и — уже согласно постановленію, Высочайше утвержденному 3-го апрѣля 1875 года,—передать многое въ непосредственное распоряженіе Оберъ-Прокурора: см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 835а.

²⁾ Кажется, послѣдній, внося свою отраву, началъ подтачивать и церковно-приходскую школу, судя, напр., по книжкѣ *И. П. Сахарова*, Ненормальное состояніе современной церковно-приходской школы и попытка учащихъ раскрыпоститься, Москва 1906. А «Колоколъ» (№ 408 за 13-е іюня 1907 года, стр. 3, стлб. 1—2) прямо говорить о «революционерахъ въ церковныхъ школахъ» (Тамбовской епархіи), о чёмъ—для другихъ мѣстъ (напр., въ Смоленской губерніи)—имѣются у меня и частныя свѣдѣнія.

³⁾ См. подъ такимъ заглавиемъ статью «Епископа» въ «Колоколѣ» № 357 за 5-е апрѣля 1907 г., стр. 1, но ср. *ibid.* № 362 за 11-е апрѣля, стр. 2, стлб. 4. См. также въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 230, гдѣ «полный крахъ духовной школы» относится (стр. 105, 112) уже къ осени 1905 года.

⁴⁾ Объ одной изъ такихъ вansomѣнныхъ «затѣй»—устройенія въ С.-Петербургѣ (летомъ 1907 года) курсовъ для преподавателей физики въ нѣкоторыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ—см. мужественное слово г. *H. Болховецкаго* въ «Колоколѣ» № 362 за 11-е апрѣля 1907 года, стр. 1. И долго казалось, какъ будто «затѣя» эта,—санкционированная Комитетомъ,—имѣть всѣ шансы осуществиться съ полнымъ успѣхомъ... для комитетскихъ проекторовъ. Между тѣмъ «центральное управление вовсе и не заботится о физическихъ кабинетахъ» Семинарій (см. выше стр. 95,...).

⁵⁾ Такъ («la fièvre de réformes») характеризуетъ извѣстный о. *Aurelio Palmieri* въ своихъ отчетахъ о Россіи въ «Revue d'histoire ecclésiastique» VII, 3 (15 Juillet 1906), p. 758; VIII, 1 (15 Janvier 1907), p. 246.

⁶⁾ См. «Курналы совѣта Московской Духовной Академіи» за 1906 г. при «Богословскомъ Вѣстнике» 1907 г., № 2, стр. 125—127.

столъ безвольными, что, принявъ необходимыя мѣры, уже послѣ применения спѣшили боязливо запрашивать о нихъ центральное управлѣніе; иные Преосвященные упорно отклоняли стороннія сообщенія о тревожныхъ симптомахъ духовно-школьной жизни и... дожидались разгромовъ¹⁾. Самъ Учебный Комитетъ колебался до такой степени, что осуждалъ начальство, если оно вынуждалось производить осмотръ имущества своихъ питомцевъ, жившихъ въ казенныхъ помѣщенияхъ,—изъ страха предъ «жандармскимъ режимомъ»,—или попускалъ прѣемы чисто полицейскаго сыска среди семинарскихъ питомцевъ и ихъ родителей (въ Вильнѣ)... Какъ будто все было въ порядкѣ, между тѣмъ въ нѣко:орыхъ духовно-школьныхъ садахъ находили корзины съ гостинцами въ видѣ изрядной массы боевыхъ патроновъ²⁾ и по вечерамъ раздавались выстрѣлы даже внутри зданій... Воспитанники забросили всякія занятія³⁾, потеряли всякую дисциплину, бурно и грубо протестуютъ противъ повѣрочныхъ экзаменовъ⁴⁾,

¹⁾ Но и послѣ сего официально стараются объяснить безпорядки этой—Смоленской Семинаріи проникновеніемъ «евреевъ (sic!) и учащихся изъ другихъ учебныхъ заведений» (см. «Русь» № 142 за 3-е іюня 1907 года, стр. 4, стб. 6—7), хотя именно на это указывали прежде епархиальному начальству, а оно не умѣло ни предусмотрѣть, ни предотвратить, ни даже признать столь опасное вторженіе...

²⁾ См. «Новое Время» № 157 за 4-е апрѣля 1907 г., стр. 2, стб. 4, гдѣ этотъ фактъ смягченъ противъ дѣйствительности.

³⁾ Напр., «Тамбовский семинаристъ» говорить (въ «Колоколь» № 383 за 12-е мая 1907 года, стр. 3, стб. 2—3) о своихъ товарищахъ: «Отъ дѣла семинаристы совершенно отвыкли. На урокахъ многие отсутствуютъ. Письменныя работы исполняются небрежно. Правда, нѣкоторые изъ преподавателей сочиненій совсѣмъ не читаются, а судять по объему: подастъ семинаристу работу страницъ въ 10, да въ синей обложкѣ — и получаетъ 4, а въ ней или выписано изъ учебниковъ или изъ совсѣмъ посторонней книги. Я самъ читалъ одно сочиненіе на научную тему, которое... было буквально списано съ романа „Братья Кипъ“ въ журнале „Вокругъ Свѣта“,—и балль былъ... 4»... А вотъ и послѣдній наглядный примѣръ (см. «Русь» № 147 за 8-е іюня 1907 года, стр. 5, стб. 1): «Переходные экзамены въ Петербургской Духовной Семинаріи, которые окончились 7 іюня, поражаютъ своимъ необыкновеннымъ результатомъ. Всѣхъ воспитанниковъ, державшихъ экзамены, 254 чел., неудовлетворительныхъ балловъ получено 210; при этомъ нужно замѣтить, что каждый воспитанникъ могъ получить неудовлетворительный балль только по двумъ предметамъ, а послѣ третьего онъ или оставлялся на повторительный курсъ, или же совсѣмъ былъ уволынѣнъ изъ Семинаріи». Значитъ, сколько С.-Петербургскихъ семинаристовъ не дотянуло даже до спасительныхъ троекъ?... Остается еще вспомнить о великихъ претензіяхъ этихъ неудачниковъ (см. стр. 104) и вывести маленько заключеніе, до какой степени «политика» загубила и нашу духовную школу...

⁴⁾ См. «Колоколь» №№-ра 357 и 360 за 5-е и 8-е апрѣля 1907 г., стр. 2 и 3. Сообщаютъ, что къ бойкоту экзаменовъ примкнуло 20 Семинарій, изъ коихъ 10 закрыто (см. «Колоколь» № 381 за 9-е мая 1907 г., стр. 3, стб. 1), но мы имѣемъ официальныя свѣдѣнія, далеко не обнимающія всѣхъ случаевъ, что къ концу мая послѣдніхъ было 11, при чмѣль двѣ закрыты сполна и ученики уволены, а въ 9-ти прекращены занятія большою частію только въ младшихъ классахъ. Воспитанники не только отказывались отъ переводныхъ испытаний, но дозволяли и прямо насильственные,—даже террористические—акты. Изъ таковыхъ извѣстны въ печати слѣдующіе. Въ Московской Семинаріи взрывы («Колоколь» №№ 399 и 400 за 31-е мая и 2-е іюня 1907 г., стр. 2, стб. 2; стр. 2, стб. 4)—одинъ даже чреезъ 5 минутъ послѣ отбытия митрополита Владимира (ibid. № 403 за 6-е іюня, стр. 2, стб. 1); въ Каменецъ-Подольскѣ тоже и при семъ бомбы (ibid. № 395 за 26-е мая, стр. 2, стб. 3, особенно же № 404 за 7-е іюня, стр. 2, стб. 3), къ которымъ въ Нижнемъ Новгородѣ присоединили «химическую обструкцію» (ibid. №№ 388 и 394 за 18-е и 25-е мая, стр. 3, стб. 2; стр. 2, стб. 4), примѣненіе еще въ Киевѣ («Свѣтъ» № 128 за 17-е мая, стр. 1, стб. 3; «Русь» № 139 за 31-е мая, стр. 4, стб. 1); въ Тулѣ буйства и насилия съ образованіемъ шаекъ экспроприаторовъ и съ агитаторствомъ среди крестьянъ («Свѣтъ» № 128 за 17-е мая, стр. 1, стб. 3); въ Смоленскѣ выстрѣлы изъ револьверовъ, взрывы петардъ и такія безчинія, что потребовалось

необходимых¹), но введенных²) непредусмотрительно³), — и бойкотируют ихъ даже «явочнымъ порядкомъ» (въ С.-Петербургской Ака-

адеми⁴шательство войскъ, а обыскъ обнаружилъ много нелегальной литературы («Колоколь» № 379 за 6-е мая, стр. 3, стлб. 1), въ Черниговѣ же онъ былъ «грандиозный» и открылъ присутствіе револьверовъ и прокламаций (*ibid.* № 383 за 12-е мая, стр. 3, стлб. 1); въ Казани «во время экзамена словесности семинаристъ ударилъ экзаменатора по лицу и бросиль въ ассистента стуломъ» («Русь» № 137 за 29-е мая въ специальной телеграммѣ и № 131 за 31-е мая, стр. 4, стлб. 1); въ Саратовѣ безчинія и беспорядки вообще («Колоколь» № 381, стр. 3, стлб. 1), а также въ Витебской Семинарии, гдѣ яко бы «за послѣдніе годы царить полночная деморализация» (см. «Колоколь» № 357 за 5-е апрѣля 1907 года, стр. 2, стлб. 3—4)... См. еще систематически (хотя далеко не полно) подобный «Скорбный листъ духовныхъ семинарій въ 1906—7 учебномъ году» отъ 15-го июня *C. И. Соколова* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 230—246 (но—вопреки сему и «Колоколу» № 407 за 10-е июня 1907 года, стр. 1, стлб. 3—«въ Черниговской Семинарии въ инспектора никто не стрѣлять»: см. «Колоколь» № 409 за 14-е июня 1907 года, стр. 2, стлб. 1). Послѣ этого мартиромата духовной школы, которую называютъ «заряженную и прогнившую», страждущую «разваломъ и развратомъ» (см. у *M. O. Меньшикова* въ фельетонахъ «Нового Времени» №№ 11.194 и 11.187 за 13-е и 6-е мая), трудно не согласиться съ грустнымъ приговоромъ: «Стачка противъ науки, да еще духовныхъ питомцевъ, содержащихся на свѣтчины отарки,—какое прискорбное зрѣлище паразитизма, за счетъ народа?! Отцы духовные, вразумляйте чадъ своихъ, пока народъ не забастовалъ противъ васъ за безобразия дѣтей вашихъ» (см. «Колоколь» № 381 за 9-е мая, стр. 3, стлб. 1). Возникаетъ даже вопросъ: «развѣ Церковь обязана отламывать кусочекъ отъ свѣтки Божіей для того, чтобы на этотъ кусочекъ воспитывать адвокатовъ, врачей, а въ большинствѣ случаевъ въ наше смутное время—просто будущихъ революционеровъ» (см. *ibid.* № 402 за 5-е июня, стр. 1, стлб. 5)? Вѣдь прямо говорятъ, что «питомники духовныхъ ластирей измѣнили теперь свое наименование и служатъ только (?) для пополненія кадровъ революціи» (см. «Свѣтъ» № 128 за 17-е мая, стр. 1, стлб. 3), воспитывая—«вмѣсто студентовъ богословія—стрѣлковъ изъ браунинговъ» (*ibid.* № 131 за 20-е мая, стр. 2, стлб. 2). Есть тутъ частины преувеличения въ тонахъ и оттѣнахъ, но, разумѣется, «необходимо очистить отъ такихъ зловредныхъ элементовъ разсадники нашего духовнаго просвѣщенію», если въ нихъ «будущие пастыри народа—вмѣсто ученія, поста и молитвы—пополняютъ ряды враговъ Церкви, становятся волками, расхищающими словесное стадо Господне» (*ibid.* № 126 за 15-е мая, стр. 1, стлб. 4). Понестинѣ, «стыдно за школу, воспитанники которой забываютъ свой неоплатный долгъ предъ православномъ народомъ» (см. «Церковный Вѣстникъ» № 20 за 17-е мая, стлб. 657). А общая картина (для которой ср. «Колоколь» № 407 за 10-е июня 1907 года, стр. 1, стлб. 3) такова: «Бойкотъ экзаменовъ, беспорядки до норуганія иконъ, взрывы бомбъ и петардъ и затѣмъ полицейские и жандармскіе обыски, охрана семинарскихъ зданий войсками, аресты воспитанниковъ, увольненія цѣлыми сотнями... Въ своеемъ теперешнемъ состояніи развѣ это школа» (*ibid.* № 22 за 31-е мая, стлб. 724, 726)? Ея настоещее положеніе должно быть признано невозможнымъ» (см. «Свѣтъ» № 131 за 20-е мая, стр. 2, стлб. 2), и здѣсь «начинать придется, можетъ быть, не снизу, но на полуумѣрахъ останавливаться невозможно» (*ibid.* № 126 за 15-е мая, стр. 1, стлб. 4); «надо дѣйствовать решительно,—иначе Церкви Божіей грозить великая опасность» (см. «Колоколь» № 402 за 5-е июня, стр. 1, стлб. 5)... Посему «необходимо сейчасъ же решить вопросъ: возможно ли оставить духовную школу въ прежнемъ положеніи? А если невозможно, то чѣмъ же съ нею дѣлать» (см. «Колоколь» № 402 за 5-е июня, стр. 1, стлб. 5)? Послѣднее, конечно, вѣрно, но еще несомнѣннѣе для нашего духовно-педагогического правительства слово Христово (Мат. IX, 37. Лук. X, 2): *жажды убо многа, дѣлателей же мало...* Ср. и «Церковный Вѣстникъ» № 25 за 21-е июня, стр. 802—805.

¹⁾ Ср. о семъ у *И. И. Лебедева* въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 10 за 10-е марта 1907 года, стр. 435—443, и у архимандрита *Алексія* въ «Колоколѣ» № 396 за 27-е мая, стр. 1—2. См. и стр. 45—46.

²⁾ Определеніемъ Св. Синода отъ 20-го марта 1907 года: см. «Церк. Вѣдом.» № 12 за 24-е марта 1907 года, стр. 70.

³⁾ Учебному Комитету своевременно указывалось на неизбѣжность осложненій по этому предмету, но тамъ не хотѣли разсудить впередъ, полагаясь на «авось, небось, да какъ-нибудь...» На чью «голову должна пастъ здѣсь вина» больше всего,—см. отвѣтъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 15 за 12-е апрѣля 1907 г., стр. 483—484.

демії 1-го мая 1907 г.)¹), а на отеческія увѣщанія маститыхъ іерарховъ отъ забастовки отвѣчаютъ свистомъ и шиканьемъ (въ Воронежской Семинаріи 20-го февраля 1907 года)²), инспекторовъ же въ ихъ собственныхъ квартирахъ угощають пулями прямо въ лицо 17-ти лѣтніе семинаристы по постановленіямъ революціоннаго кружка (тамъ же 21-го февраля 1907 г. въ 6 часовъ вечера)³), или разстрѣливаются на улицѣ среди бѣлага дня⁴),

¹) Ср. у о М. О. Меншикова въ фельетонѣ «Нового Время» № 11.187 за 6-е мая 1907 года. Не смотря даже на «студенческія» опроверженія (въ «Колоколь» № 377 за 4-е мая 1907 года, стр. 2—3), мы должны подтвердить, что это дѣйствительно было, ибо на расколь не явилось 1-го мая ни единаго изъ студентовъ, признавшихъ самыи экзамены «повторными» и незаконными, а на еврейскій языкъ пришло около $\frac{1}{4}$ -ой части, почему цѣлый совсѣмъ академический долженъ быть экстренно заняться этимъ вопросомъ, а одинъ заинтересованный профессоръ пережилъ тяжкое волненіе съ роковымъ кризисомъ, исходъ котораго доселъ неизвѣстенъ... При этомъ характерно, что С.-Петербургскіе студенты, избравши для позорящихъ себя и Академію сообщеній газету «Гусь», не постыдились прямо напечатать въ послѣдней (№ 124 за 6-е мая 1907 года, стр. 4, стб. 3), что они отказались отъ экзамена изъ еврейскаго языка единственно потому, что профессоръ не захотѣлъ принять предложенное «соглашеніе», когда испытаніе изъ тягостной комедіи должно было превратиться въ преступный фарсъ... Вообще, экзаменаціонная эпопея С.-Петербургскаго академическаго студенчества въ 1907 г. полна весьма неялестныхъ эпизодовъ. Напр., на психологии 30-го апрѣля пожаловало очень немногого отвѣтчиковъ; перенесли на 4-е мая, — и опять тоже. Однаковый результатъ былъ съ патристикою (16-го мая и 2-го июня). Назначали всего лишь по 8 литографированныхъ листовъ или по 114 страницъ изъ популярной книжки, а студенты не хотѣли готовить даже этого штапішнамъ и отвѣчали кое-какъ. Извлекаются на испытанія, когда сами вздумаютъ, и не держать просто потому, что «долго дожидаться», заранѣе уѣзжаютъ по домамъ и произвольно переносятъ исполненіе своей обязанности на осень. Теперь для всѣхъ стало неизвѣстнымъ, происходить ли у насъ «переходные» экзамены при заключеніи учебнаго года или въ началѣ, хотя бывають еще и въ срединѣ его... Вотъ «живые» факты. Въ С.-Петербургской Духовной Академіи сий годъ переведено до ваката: на 1-мъ курсѣ 15 человѣкъ изъ 77, на 2-мъ—11 изъ 63 и на 3-мъ—23 изъ 64, т. е. 49 изъ 204 студентовъ или менѣе одной четверти... Развѣ такой результатъ не поразителенъ до ужаса!.. А обо всемъ этомъ умалчиваетъ въ «Церковномъ Вѣстнике» № 24 за 14-е июня 1907 года на стб. 778 досконально освѣдомленный репортеръ И. А. Убергскій, сообщая не столько благородумно, сколько дипломатично, что «всѣ» студенты (I—III курсовъ), сдавши экзамены, переведены въ слѣдующіе курсы... Между тѣмъ и уставъ (§ 130) и всякая инструкція позволяютъ эту экзаменаціонную процедуру лишь въ концѣ учебнаго годичного цикла — за самыми рѣдкими и уважительными изыятіями, опредѣляемыми властію совѣта... По неволѣ вспоминаешь слова пророка (Иса. XXVIII, 10. 13): «все заповѣдь на заповѣдь, заповѣдь на заповѣдь, правило на правило, правило на правило, тутъ немногого и тамъ немногого,—такъ что они пойдутъ, и упадутъ навзничь и разобьются, и понадуть въ сѣть и будуть уловлены»...

²) Архимандритъ Алексій даже свидѣтельствуетъ (въ «Колоколь» № 396 за 27-е мая 1907 года, стр. 1, стб. 5), что «теперь не всякий архіерей, боясь оскорблениія — не себя лично, а своего высокаго сана, рѣшился часто показываться въ Семинаріи, такъ какъ никто не можетъ его оградить отъ какой-либо грубой, дерзкой выходки со стороны семинаристовъ, по большей части враждебно настроенныхъ къ архіерею, въ которомъ они отъ разныхъ своихъ «благодѣтелей» научены видѣть своего угнетателя»... А уже въ юнѣ 1907 года былъ случай, что изъ новыхъ академическихъ кандидатовъ богословія многіе не явились къ своему маститому и благостному іерарху на приглашеніе для пастырскаго пачутствія въ самостоятельную жизнь, при чемъ въ отвѣтъ на отеческія назиданія и трогательную рѣчь о любви (см. «Церковный Вѣстникъ» № 24 за 14-е июня 1907 года, стб. 776—777) одинъ изъ прибывшихъ возразилъ въ возбужденно—вызывающемъ тонѣ, грубо затронувъ иѣтъ которыхъ изъ своихъ профессоровъ... Онъ чувствовалъ себя теперь безопаснѣмъ, но... забылъ самую простую истину, что всякий, кто не уважаетъ, не признаетъ и не помнитъ своихъ учителей, тотъ отрекается отъ своихъ духовныхъ отцовъ и—видимо—ничему не учился...

³) О положеній Воронежской Семинаріи см. «Церковный Вѣстникъ» № 14 за 5-е апрѣля 1907 г., стб. 462, и «Колоколь» № 332 за 7-е марта 1907 г., стр. 3; ср. также «Церковный Вѣстникъ» № 14 за 5-е апрѣля 1907 г., стб. 462.

⁴) М. А. Добронравовъ въ Тифлісѣ (см. «Новое Время» № 11.206 за 26-е мая

прихватывая и ректоровъ¹), которымъ предательски наносятъ смертельные раны въ спину²), сплющиваютъ моментальную смерть изъ браунинговъ³), либо обливаютъ физиономіи кислотою, когда несчастно и невинно погибшій сынъ ихъ начальника лежитъ на столѣ⁴... И вотъ предъ нами теперь законченная революціонная организація, сформировавшая на послѣднемъ «общесеминарскомъ съѣздѣ» (въ Москвѣ 25-го, и 26-го 27-го декабря 1906 года) «Центральный (распорядительно-исполнительный) органъ»—въ Вяткѣ⁵), издавна извѣстной всякою либеральною пропагандой и нынѣ ставшей очагомъ гибельной чумы педагогическихъ броженій⁶), прочно засѣвшихъ въ мѣстной Семинарії⁷), чего не успѣлъ вполнѣ обнаружить

1907 г. въ специальной телеграммѣ; «Колоколь» № 395 за 26-е мая, стр. 1, стб. 1, стр. 2, стб. 2—3); при этомъ задержано пять семинаристовъ, уволенныхъ за забастовки (см. «Биржевые Вѣдомости» вечерній № 9.916 за 26-е мая, стр. 2, стб. 1).

¹) См. о револьверномъ покушении на Тульского ректора архимандрита Алексія (Симанскаго) въ «Колоколь» № 393 за 24-е мая 1907 года, стр. 2, стб. 3.

²) Архимандритъ Симеонъ (Холмогоровъ) въ Тамбовской Семинаріи (гдѣ изъ-за этого многосемейный инспекторъ безнадежно сошелъ съ ума). Ср. къ сему «Колоколь» № 395 за 26-е мая 1907 года, стр. 1—2, а подробнѣе см. ibid. № 410 за 15-е июня 1907 г., стр. 1, стб. 3—4. Ср. выше стр. 105.,

³) Архимандритъ Николай (Орловъ) въ Пензенской Семинаріи. См. объ этомъ «Новое Время» № 11.200 и 11.204 за 19-е и 23-е мая 1907 года, стр. 2, стб. 3, стр. 13, стб. 5—6; «Колоколь» № 394, 398 и 399 за 25-е, 30-е и 31-е мая, стр. 2, стб. 3—4, стр. 3, стб. 1, стр. 1—2 (письмо студента Московской Духовной Академіи П. Назаркевича); «Свѣтъ» № 131 за 20-е мая 1907 г., стр. 2, стб. 2.

⁴) Протоіерей И. П. Знаменский въ Харьковской Семинаріи; см. «Колоколь» № 381 за 9-е мая 1907 года, стр. 3, стб. 1—2.

⁵) См. «Колоколь» № 351 за 29-е марта 1907 года, но у насъ была точная копія «протоколовъ» этого «съѣзда», приведенного съ замѣчательною «парламентскою» выдержанностью, которой могутъ позавидовать даже обѣ наши покойныя Государственная Думы. Видно, дѣло находится въ опытныхъ и твердыхъ рукахъ мастеровъ своего дѣла... А говорить, что все это вызвало движение комитетской воды только потому, что какой-то ректоръ Семинаріи опубликовалъ въ «Колоколь» вышеупомянутый отчетъ... Во всякомъ случаѣ Учебный Комитетъ не подумалъ освѣдомить обѣ этой революціонной организаціи, и даже въ С.-Петербургѣ семинарское начальство не имѣло въ началѣ іюня 1907 года постановленій разумѣемаго «съѣзда», въ провинціи же доселе трактуютъ обѣ этомъ лишь по собственнымъ заключеніямъ (см. «Русь» № 142 за 3-е июня 1907 года, стр. 4, стб. 6)... Какъ называть подобную комитетскую «внимательность»? Есть ли это халатная небрежность или непостижимая мудрость?.. А одинъ «Епископъ» еще сирашиается (въ «Колоколь» № 402 за 5-е іюня, стр. 1, стб. 5) стъ наивностію: «Знаетъ ли наше центральное управление духовно-учебныхъ заведеній обѣ этомъ? Дѣлается ли что-нибудь, чтобы пресечь это зло? Оповѣщены ли мѣстные семинарскія власти о затѣахъ ихъ питомцевъ? Едва ли... Вѣдь даже «Тамбовской семинарии» подмѣтилъ и отмѣтилъ (ibid. № 383 за 12-е мая 1907 г., стр. 3, стб. 2): «прежде чѣмъ лечить, нужно знать, чѣмъ и отъ какой болѣзни лечить. А вотъ эту болѣзнь-то и скрываютъ у насъ... Между тѣмъ «общесеминарскій съѣздъ» и созданная имъ организація служать возбудителями и источниками революціонной смуты въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ по всей Россіи (см. и В. И. въ «Колоколь» № 407 за 10-е іюня 1907 года, стр. 1, стб. 3—4)... Но такова наша система, готовящая духовную-школьную Цусиму...»

⁶) См. «Новое Время» № 11.156 за 3-е апрѣля 1907 г. въ корреспонденціи изъ Вятки о «гибнущей молодежи».

⁷) См. въ «Новомъ Времени» № 11.175 за 22-е апрѣля 1907 года, стр. 6—7 корреспонденцію изъ Вятки подъ заглавиемъ: «Семинаристы-революціонеры». А теперь Вятская Семинарія дождалась того, что сейгоднѣ формально запретили принимать изъ нея кончившихъ курсъ во всѣ Академіи (см. «Перковыя Вѣдомости» № 24 за 16-е іюня 1907 года, стр. 270-а), при чѣмъ, конечно, пострадаютъ и невинные. Лучше бы поставить для Вятскихъ семинаристовъ-студентовъ выпуска 1907 г. условіями ручательство семинарскаго правленія и ходатайство мѣстнаго Преосвященнаго.

специальный командированный комитетный ревизоръ¹⁾. Устраиваются (въ г. Орлѣ) самыя вызывающія похороны «павшимъ въ борьбѣ роковой жертвамъ» и въ семинаристовъ, и надъ могилами такихъ «борцовъ за свободу» даже преподаватели ихъ произносятъ зажигательныя рѣчи, фанатизируя возбужденныхъ питомцевъ, которыхъ иногда (въ г. Ярославль) будируютъ и либеральничающіе о.о. іеромонахи, не брезгающіе п чатно аппеллировать къ «общественому мнѣнію» на рѣшенія Св. Синода и... остающіеся безнаказанными²⁾... Бывали случаи (въ Тобольской Семинаріи), когда сами начальники и педагоги учили воспитанниковъ, какъ организовать «профессиональные союзы», и раздавали или рекомендовали «специальную» по сemu предмету литературу³⁾, даже вели (въ г. Вяткѣ) настоящую агитацию и заслуживали за это отъ Комитета только перевода съ мрачнаго сѣвера на благодатный югъ⁴⁾... Это ли не

¹⁾ См. «Новое Время» № 11.191 за 10-е мая 1907 года, стр. 5, стлб. 2—3, и «Колоколь» № 384 за 13-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 3: «Прибывшему изъ Петербурга для ревизии Д. И. Тихомирову не пришло обнаружить какихъ-либо документовъ, относящихся къ организаторской дѣятельности комитета. Такие документы неожиданно отыскались, послѣ отѣзда ревизора, въ семинарскомъ храмѣ. Случилось это въ Великую субботу за литургией. Когда священнослужители, во время чтенія апостола, стали сѣнять черныя облаченія на свѣтыя наслажды, они увидѣли подъ жертвенникомъ объемистую связку бумагъ, оказавшихся потомъ секретной литературой центральнаго семинарскаго комитета. Въ бумагахъ, помимо разнаго рода возваній революціоннаго характера, оказалась также программа, которой обязаны были руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ члены комитета и семинарскихъ организаций; теперь раскрылось, кто были участники Московскаго съѣзда семинаристовъ. Выяснилось между прочимъ, что изъ 50 слишкомъ Семинаріи успѣли уже объединиться вокругъ Вятскаго центральнаго комитета до 30 Семинарій, рѣшившихъ, между прочимъ, бойкотировать переводные экзамены, введенныя пынѣ снова въ Семинарияхъ Св. Синодомъ. Наши Вятскіе семинаристы 5 мая уже объявили своему начальству о принятии имъ рѣшеній бойкотировать экзамены. Многіе родители вынуждены теперь брать своихъ дѣтей домой, такъ какъ занятія въ Семинаріи прекратились одновременно съ объявлениемъ бойкота. Удивительно только, что семинарское начальство, зная по найденнымъ документамъ о готовившемся выступлении центральнаго комитета семинаристовъ, почему-то не нашло нужнымъ заранѣе изолировать руководителей бойкота отъ другихъ товарищей. Многіе семинаристы, какъ сами говорятъ, подписали заявление о бойкотѣ противъ своего желанія и единственное вслѣдствіе нешуточныхъ угрозъ центральнаго комитета». Между тѣмъ вскорѣ была раскрыта настоящая революціонная агитация, при чемъ «препровождено въ тюрьму до 20 (Вятскихъ) семинаристовъ, изъ которыхъ чуть ли не половина III класса, въ возрастѣ 16—17 лѣтъ», а на другой день послѣ обыска было совершено покушеніе на производившихъ его полицейскихъ чиновъ—и «юные злоумышленники скрылись по направлению къ Духовной Семинаріи» (см. «Новое Время» № 11.201 за 20-е мая 1907 г., стр. 6, стлб. 1—2)... См. и выше стр. 103.²⁾

²⁾ См. объ о. Алексіѣ (Кузнецовѣ), преподавателѣ Духовной Семинаріи въ Ярославль, корреспонденцію оттуда Л. Зарина въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» № 93 за 21-е апрѣля 1907 года, стр. 4 подъ заглавиемъ: «По стопамъ освободительного движения».

³⁾ См. и «Колоколь» № 375 за 1-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 4.

⁴⁾ Объ этомъ Вятскому педагогу А. П. и его судѣ см. «Колоколь» № 391 за 22-е мая 1907 года, стр. 2, стлб. 3, но былъ недавно подобный случай и съ однимъ учителемъ Цензенского училища, гдѣ комитетъ отличился такимъ же перемѣщеніемъ... А результаты отсюда—по словамъ «Епископа»—слѣдующіе: «Пока гг. Р., изгоняемыхъ изъ одной Семинаріи за политическую неблагонадежность, будутъ давать мѣсто въ другой, дотолѣ вреда ничего не получится.. Учрежденный словою мученика идей освободительныхъ въ В. Семинаріи, г. Р. явится въ А. Семинарію уже какъ прославленный борецъ за свободу, около которого сейчасъ же сгруппируются всѣ мѣстные освободители, и если они разрознены, то будутъ рады имѣть готоваго руководителя въ лицѣ г. Р.» (см. «Колоколь» № 402 за 5-е июня 1907 года, стр. 1, стлб. 5)... Конечно, «должно смотрѣть шире, чѣмъ на пространствѣ одной Семинаріи. Переводовъ по слу-

зло¹⁾? И развѣ неумѣсто воскликнуть здѣсь вмѣстѣ со Златоустомъ: таѣта анекстѣ, таѣта форуѣтѣ?...

Я кончилъ обѣ учебно-педагогическихъ функцияхъ Комитета, но здѣсь еще не конецъ моей рѣчи о немъ. Онъ не удовольствовался своею учебною ролью и простирая до почестей ученого-богословскаго званія. Обѣ этомъ надо намъ—преоставителямъ богословской науки—поговорить и разсудить особо. Не трудно догадаться о результатахъ комитетскихъ трудовъ по этой части, если прямая обязанности выполнились неудовлетворительно. Я уже упоминалъ (см. выше стр. 93—94), что Учебный Комитетъ присвоилъ себѣ роль высшаго цензора компетентности и — главное — благонадежности всей богословской литературы и проявилъ обычный оппортунизмъ и свойственную безпринципность при совершенной неавторитетности, такъ что и сами комитетскіе члены интимно предупреждали знакомыхъ просителей, что комитетская рекомендациѣ вообще служитъ сомнительною пробой и въ послѣднее время потеряла даже рыночную обаятельность... Не смѣю ни оспаривать, ни дополнять этого отзыва—кромѣ развѣ одного замѣчанія, что часто комитетскія аппробаціи давались по предписаніямъ свыше и по инымъ постороннимъ мотивамъ, скрѣплялись нѣсколькими фразами члена и въ большинствѣ случаевъ не обосновывались на подробныхъ солидныхъ рецензіяхъ, вмѣсто которыхъ фигурировали канцелярскіе росчерки членскихъ перьевъ въ соотвѣтствующей книгѣ. А буде кому-нибудь изъ комитетскихъ вершителей Богъ помогать сочинить «отзыvъ», таковой не безъ торжества печатался въ специальныхъ журналахъ со всѣми мелочными деталями и иногда въ разныхъ редакціонныхъ вариаціяхъ. Помимо всякихъ виньшихъ условій—неудача въ этой области была неизбѣжна просто потому, что подобная великай обязанность была не по силамъ Учебнаго Комитета. Но онъ думалъ иначе, подогрѣваемый въ своемъ убѣжденіи тѣмъ, что ему поручено было распоряженіе Макаріевскими преміями за наилучшія «сочиненія по предметамъ богословскихъ наукъ и вообще духовнаго образованія» — опять же подъ вѣдѣніемъ Оберъ-Прокурора (см. § 15 «Правиль» 27 іюля—14-го августа 1883 года). Страшно

чаю неблагонадежности или негодности быть рѣшительно не должно. Это перенесеніе зла съ одного мѣста на другое. Если человѣкъ признается негоднымъ, если мотивы приведены яркіе и убѣдительные, если съ ними согласенъ мѣстный архиерей, то никакихъ переводовъ быть не можетъ; такого субъекта надо рѣшительно и безъ всякихъ церемоній гнать вонъ, чтобы не было практикуемаго нынѣ (не только въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ) «„сбыта“ негодного товара куда—нибудь, лишь бы дальше отъ себя» (архим. Алексій ibid. № 385 за 15-е мая 1907 г., стр. 1. стлб. 5; стр. 2, стлб. 1)... См. и выше стр. 106, 116, прим.

¹⁾ Здѣсь справедливо пишетъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 21 за 26-е мая 1907 г., стр. 850) ревизоръ Д. И. Тихомировъ: Зло перестали называть зломъ, оно идетъ идетъ видомъ добра и поощряется иногда тѣми, кто долженъ былъ бы, напротивъ, говорить слово вразумленія. Молодежь, увлекающаяся по неопытности, соблазняется къ этому еще болѣе то похвалами, прямыми или скрытыми, то соучастиемъ въ укрывательствѣ, то попустительствомъ. Вотъ въ чемъ одна изъ основныхъ причинъ [—нѣтъ, это причина уже производная!] продолженія нестроеній въ духовной школѣ!...

даже вообразить всю ответственность такой миссии крайняго суді надъ всею православно-русскою богословскою научною литературуой. Для сего надо стоять выше послѣдней,—и за эту задачу возьмется не всякое ученое учрежденіе, а Учебный Комитетъ несъ ее со спокойною легкостю и привычнымъ «успѣхомъ». Въ 1883 г. имъ были выработаны особая «правила», принудительныя для всѣхъ ученыхъ рецензентовъ, и съ 1884 года открылись самыя присужденія. Конечно, съ первого же раза было ясно, что комитетскіе ресурсы не годятся и только обнаружать свою натуральную неприспособленость. Поэтому Комитетъ поспѣшилъ ограничить свое активное участіе самыми минимальными размѣрами и опять предпочелъ оставаться санкционирующемъ рѣшителемъ чужихъ трудовъ, хотя долженъ былъ именно на себѣ нести это дѣло и другихъ лицъ лишь «могъ приглашать» только въ дополненіе (см. §§ 13 и 14 «Правилъ»)—тѣмъ болѣе, что комитетскіе члены умѣли въ своихъ специальностяхъ обнимать необъятное (см. выше стр. 94)... За протекшіе 12 конкурсовъ количество рецензій со стороны комитетскихъ членовъ, иногда чуть не списывавшихъ съ готовыхъ печатныхъ отзывовъ, прямоничто и въ численномъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Это—истина несомнѣнная документально¹). За-то Комитетъ возвеличился до степени независимаго распорядителя всѣми учеными силами Россіи далеко не изъ одной богословской сферы, ибо пе рѣдко привлекались унверситетскіе и другіе специалисты. Разумѣется, для цѣлесообразной правильности этого распределенія требовалась наличность фактической компетентности въ оцѣнкѣ получавшихся сочиненій и точной освѣдомленности въ ученыхъ достоинствахъ намѣчаемыхъ критиковъ. Такой преизобилійной учености совсѣмъ не было у Комитета, и онъ замѣнялъ ее властностю. Не спрашивали ни о согласіи, ни о готовности избранныхъ рецензентскихъ жертвъ и не сообразовались съ ихъ условіями, а прямо преприводжали известное сочиненіе съ бумагою за №-ромъ, хотя это бывало для иныхъ крайне не кстати, отбивало отъ неотложныхъ занятій отдаленными предметами, или являлось затруднительнымъ по многимъ жизненнымъ обстоятельствамъ²). И если «внѣшніе» рецензенты просто лишь стѣснялись отказываться отъ офиціальныхъ предложеній, то духовно-служашіе не смѣли уклоняться по статьямъ разныхъ законовъ (см., напр., § 58 Уст. Дух. Акад. 1884 года), а резонная просьбы, мотивированныя объективно, не удостостопвались уваженія, о чемъ знаю по опыту. Слишкомъ, моль,

¹⁾ На засѣданіі V-й «предсоборной» секціи 9-го декабря 1906 года я тщетно дооправливалъ: «Пусть мнѣ назовутъ, какъ много сочиненій премировано по отзывамъ членовъ Комитета, а особенно—пусть перечислятъ, сколько изъ этихъ рецензій напечатано? Вѣдь я хорошо помню чуть не всѣ Макаріевскіе конкурсы. Не значитъ ли это, что комитетскіе суды предпочитаютъ брать только легкія и безнадежныя книги? И „ученые специалисты“ комитетскіе что-то не слишкомъ ярко проявляютъ себя даже въ этой области, но, кажется, вполнѣ усердны къ другимъ не ученымъ комитетскимъ дѣламъ...»

²⁾ И вообще духовная власть распоряжается слишкомъ свободно своими учено-педагогическими богословскими силами и изъкоторыхъ лицъ прямо заваливаетъ и давить неустанно всевозможными «порученіями» безъ всякаго ихъ желанія, согласія и даже вѣдома... Тою порой призванымъ и обязанннымъ дѣлать легко допускается беспечальное dolce far niente.

большая часть въ столь благосклонномъ «порученіи», которое надо-де исполнять съ почтительною благодарностю... Мучились, но писали чутъ не новые книги. Рецензія изготавлялась и отсылалась съ точнымъ заключеніемъ, согласно комитетскимъ «правиламъ». Однако не думайте, что это мнѣніе было *ultima ratio* и самому автору сбезпечивало мздо-воздаяніе. Нѣть, ибо отсюда именно и начинались мытарства уже для самого отзыва. Онь переходилъ на разсмотрѣніе комитетскаго члена, который долженъ былъ сдѣлать формулированное извлеченіе для доклада Комитету¹⁾. При этомъ совершенно мыслимы всякия субъективныя вольности, свойственные чиновничеству, а сверхъ ихъ и по существу вопроса понятно, что въ специальной отрасли никогда не можетъ быть послѣднимъ рѣшителемъ случайный доброволецъ, между тѣмъ имъ изрекались вердикты по самымъ различнымъ специальностямъ. Вмѣстѣ съ этимъ подвергалась искусу и самая рецензія. Разматривающій членъ оцѣнивалъ ее по достоинствамъ и постановлялъ свой приговоръ, заслуживаетъ ли она поощренія и въ какой степени, хотя казалось бы, что странно и сомнѣваться въ этомъ по отношенію къ вынужденному труду²⁾, за качество которого являлся виновнымъ собственно самъ избиратель, т. е. Комитетъ, а не авторъ, сдѣлавшій въ стѣснительный срокъ все посильное по своимъ средствамъ и фактическимъ условіямъ. И вотъ отзывъ университетскаго или академического профессора — специалиста самъ критикуется кандидатомъ богословія, едва побывавшимъ краткое время на семинарской каѳедрѣ... Натуральна ли для обычнаго смысла вся описанная процедура? При ней были неизбѣжны самыя удивительныя метаморфозы и невѣроятные эпизоды. Комитетскій эксперторъ, не постигавшій вполнѣ ни книги, ни рецензентскаго о ней отзыва, естественно не могъ дать адекватнаго обобщенія и не рѣдко измѣнялъ его собственную энергию въ ту или иную сторону, не сблювая авторской пропорціональности въ распределеніи свѣта и тѣней, присущихъ всякой ученой работѣ. А когда тамъ не было категорического вывода, — пускались въ ходъ личныя комбинаціи, которые принимали характеръ причудливой изощренности при столкновеніи интересовъ по случаю обилія конкурентовъ свыше имѣющагося числа премій. Отсюда вытекаю, что не всѣ присужденія были достаточно убѣдительны, иныхъ же прямо вызывали недоумѣнія по немотивированности ихъ въ публиковавшихся потомъ отзывахъ³⁾. Долженъ прибавить, что

¹⁾ По §-фу 17 «Правиль», именно «предсѣдатель Учебного Комитета дѣлаетъ сводъ изложенныхъ рецензентами мнѣній», но — по разнымъ причинамъ особаго свойства — это обыкновенно совершаются членами «по привадлежности», о которой можно судить по даннымъ выше (стр. 94) указаниемъ...

²⁾ Это какъ будто не виолѣ согласно и съ §§-фами 7 и 19 «Правиль», которые говорятъ единствено о «вознагражденіи рецензентовъ за лучшія ихъ рецензіи», совсѣмъ не уоминяя, что иныхъ могутъ оставаться неоплаченными.

³⁾ Съ 1901 года эти отзывы даже перестали печатать, и русская литература лишина единственно авторитетной научно-богословской критики безъ достаточныхъ оснований. Мотивировался этотъ роковой шагъ тѣмъ, что Правление С.-Петербургской Духовной Академіи сообщило о недостаточности для своихъ непосредственныхъ нуждъ положенной канцелярской суммы, вт счетъ которой относилось и печатаніе въ «Христианскомъ Чтеніи» Макаріевскихъ рецензій. Въ виду сего Учебный Комитетъ — безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій — рѣшилъ публиковать лишь извлеченія изъ послѣднихъ,

нельзя было всегда утверждаться исключительно и на послѣднихъ. Всѣ ученыя творенія бываютъ относительны, и подлинный вѣсъ каждого таксируется его положеніемъ въ соотвѣтствующей научной сферѣ, для чего нужно быть досконально освѣдомленнымъ о фактическомъ научномъ уровнѣ со всѣми запросами и задачами. Тутъ требуется авторитетная компетентность во всей соприкосновенной русской и — частію — иностранной литературѣ взятаго предмета. Лишь при этомъ условіи въ точности выясняются истинные достоинства всякаго труда, при чемъ иногда и простая попытка, намѣчающая новые пути и выдвигающая оригинальныя проблемы, является выше и дороже многоэтажныхъ компилиативныхъ сооруженій, нагромождающихъ старый матеріаль. Наоборотъ, бываютъ примѣры, что пока желательно для науки только объединеніе добытыхъ итоговъ и гипотезъ, гдѣ субъективное новаторство вносигъ излишнюю путаницу и сопровождается развѣ открытиемъ миѳическихъ Америкъ.

предоставивъ право (sic!) авторамъ ихъ печатать полностію въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ, но съ обязательствомъ для нихъ присыпать подва печатные экземпляра для пріобщенія къ комитетскимъ дѣламъ (см. «Циркуляръ» № 21 за 1901 г., стр. 23—24), хотя тамъ должны храниться непрѣменно самые подлинники, служивши основою для сужденій, а не возможныя позднѣйшия переработки, и хотя оттисковъ подобныхъ статей чаще всего не бываетъ, при чёмъ свѣтскіе журналы, какъ будто совсѣмъ устремляются (между тѣмъ въ такомъ именно помѣстить недавно свою «комитетскую» рецензію, напр., проф. А. И. Алмазовъ; см. его оттиски изъ «Ученыхъ Записокъ Новороссійского Университета». Издание проф. А. С. Хаханова Номоконаша Ioanna Postnika въ грузинскомъ перевѣодѣ, Одесса 1906; Кавказской монаха Ioanna, Одесса 1907), отдѣльное же изданіе вовсе не предполагается; видимо, за рецензентами ранѣе не признавалось и неотъемлемаго литературнаго «права» на распоряженіе собственными произведеніями, и начь известно, что комитетскіе члены не считали дозволительнымъ выдать для печатанія цѣнныи отзыѣ одного авторитетнаго умершаго профессора (В. В. Болотова; см. ниже стр. 132, .), трудъ котораго остается необнародованымъ доселѣ... Но,— помимо этихъмелочей,—во 1-хъ, вѣдѣ по закону требуется напечатаніе самыи рецензій, а «краткія известія» предназначаются лишь для всеобщаго освѣдомленія чрезъ наиболѣе распространенная газеты (о сочиненіяхъ ученыхъ по Высочайше утвержденному 23-го января 1868 года «Положенію» § 13 и по «Правиламъ» Св. Синода отъ 27-го июля—14 августа 1883 года § 22; о лучшихъ учебникахъ по «Положенію» при синодскомъ указѣ отъ 7-го апреля 1870 г. № 24 § 17). Во 2-хъ, въ определеніяхъ по этому предмету сначала говорится просто о «духовныхъ журналахъ» (см. «Положеніе» §§ 13 и 17) и затѣмъ указывается, что «подробные разборы сочиненій, съ обозначеніемъ вѣа они составлены, равно какъ приговоры о присужденіи наградъ за эти сочиненія, печатаются въ «Церковномъ Вѣстникѣ» или въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ», (см. «Правила» § 22). Если можно было перенести это дѣло изъ «Церковного Вѣстника», въ «Христіанское Чтеніе» безъ юридического нарушенія, то почему теперь—при весьма условномъ отказѣ послѣдняго—нельзя было обратиться къ прочитѣ духовно-академическимъ редакціямъ? Вѣдѣ вполнѣ вѣроятно, что иѣкоторыя изъ нихъ, пожалуй, согласились бы, разъ онѣ сейчасъ помѣщаютъ преміальные отзыѣ (даже не своихъ сочленовъ, напр., мой въ Казанскомъ «Православномъ Собесѣдовниѣ» 1906 г., №№ 4 и 5) за гонораръ, тогда же не платили бы авторамъ ни малѣйшаго вознагражденія? И почему бы не предложить известнаго вспомоществованія—хотя бы съ правомъ на оттиски для продажи въ пользу Комитета по данной статьѣ, распределить печатаніе между Академіями по очереди? Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ слѣдовало бы подумать объ отдѣльныхъ изданіяхъ для платнаго распространенія, которое должно было обѣщать иѣкоторое возмѣщеніе расходовъ... Вообще, законныхъ возможностей открывалось много, но комитетскіе вершители не попробовали взвѣсить ни единой, смахну засечками существенное условіе Высокопреосвященнаго завѣѣтеля и отняли у русской литературы самую серьезную научно-богословскую критику... Горько видѣть и тяжело чувствовать такое отношение къ нашей наукѣ призваныхъ высшихъ сферъ!..

Всѣ эти обязательныя средства въ необходимомъ объемѣ были чужды Учебному Комитету,—и онъ вынуждался дѣйствовать по своимъ «высшимъ» соображеніямъ, для которыхъ не всегда надобилось внимательное и всепѣлое прочтеніе даже рецензій. Здѣсь былъ широкій просторъ для всякихъ рѣшающихъ вліяній, столь властныхъ при канцелярской соподчиненности комитетскаго института. Всѣми этими и подобными причинами вызывались такіе странные казусы, что одобренные самыми безспорными копиѳеями сочиненія отвергались, а чуть не забракованная фабрикація увѣничивалась лучшими преміями¹⁾). Примѣровъ этого рода мы знаемъ не мало, и всѣ они краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что Учебный Комитетъ за 22 протекшихъ года не былъ возбуждающимъ цѣнителемъ нашей богословской учености и потому не способствовалъ ея развитію и процвѣтанію, хотя въ послѣднее время стала съ полицейскою заботливостію наблюдать, чтобы одинъ трудъ не былъ премированъ дважды въ двухъ учрежденіяхъ, производя для этого чуть не ссыкъ и не задумываясь надъ тѣмъ, не есть ли это—выдающееся произведеніе, превышающее всякия поощренія²⁾...

Тѣмъ не менѣе Учебный Комитетъ не сомнѣвался въ своей ученой компетентности и присовокупилъ къ ней новую задачу—надзора, контроля и руководства Духовными Академіями. Опорою служило синодское опре-

¹⁾ Это было, напр., въ 8-й конкурсѣ, о которомъ см. «Циркуляръ» № 18 за 1898 годъ, стр. 48—38. Теперь данный случай (—со словъ покойного члена Учебного Комитета проф. И. В. Помоловскаго)—рассказанъ у проф. А. А. Лебедева (Стѣнныя вожди, Москва 1907, стр. 46—47), почему и мы не въ правѣ скрывать имена дѣятелей этой драмы: пострадавшій авторъ—проф. Московской Академіи А. А. Спасскій, его неожиданный побѣдитель—† справщикъ С.-Петербургской Суподальной типографіи П. А. Гильтенбандтъ, рецентентъ диссертаций первого («Историческая судьба сочиненій Аполлинария Таодикийскаго съ краткимъ предварительнымъ очеркомъ его жизни», Сергиевъ Посадъ 1895; о пей см. еще въ «Богословскомъ Вѣстнике» 1907 г., № 5, стр. 162)—известный † проф. В. В. Болотовъ, критикъ труда второго («Справочныи объяснительный словарь къ Псалтири», Спб. 1898)—Казанскій проф. П. А. Юнгеровъ (отзывъ котораго помѣщенъ въ «Христ. Чтенія» 1906 г., № 9, стр. 453—462). А съ Макаріевскими преміями за учебники и учебныхъ пособія былъ не такъ давно еще болѣе удивительный инцидентъ. Объ одномъ конкурсантомъ «трудъ» даже авторитетнымъ комитетскимъ членомъ († прот. В. И. Імакинъ) дано было совершенно отрицательное заключеніе, по—по таинственнымъ соображеніямъ—рецензента «заставили» взять назадъ свой отзывъ, а соискателя увѣчали второю преміей въ 250 руб. (см. «Церковныи Вѣдомости» № 11 за 12-е марта 1905 г., стр. 91а). Когда же рецензія анонимо была напечатана (въ «Странникѣ» за 1905 г., № 3, стр. 526—529), то для знающихъ всю исторію не было предѣла изумлению, какъ и почему Комитетъ рѣшился официально «поощрить» неосмыслиенный и криминальный плагіатъ (изъмагистерской диссертациіи о. А. В. Рождественскаго)... Между тѣмъ возвеличенный авторъ всталъ во главѣ высшаго духовно-учебного заведенія и возмечталъ о второмъ изданіи своего творенія, которому лучше было бы совсѣмъ не родиться на свѣтѣ...

²⁾ И помимо этого—не всегда можно бываетъ даже проникнуть па конкурсъ, какъ недавно былъ случай съ однимъ достойнымъ сочиненіемъ, которое отклонили по сомнительнымъ формальнымъ причинамъ. Иногда же, благодаря исключительной энергіи авторитетнаго комитетскаго члена († прот. В. И. Імакина), принимались къ разсмотрѣнію не представленные авторомъ (проф. В. Ф. Пѣвицкимъ) труды, которые однако удостоивались потомъ первой (учебной) Макаріевской преміи (см. «Церк. Вѣдом.» № 9 за 3-е марта 1907 года, стр. 50—51); послѣднее было вполнѣ справедливо, но самая процедура не согласна ни съ правилами, ни съ существомъ дѣла, ибо измѣнила условія конкурса помимо выступившихъ законно участниковъ и вообще открываетъ мѣсто произволу вопреки общепринятымъ начальамъ добровольнаго состязанія...

дѣлениіе отъ 29 октября—10-го ноября 1869 г., что «по особымъ назначеніямъ Святѣшаго Синода или Оберъ-Прокурора ему поручено обсужденіе дѣлъ и вопросовъ по учебно-воспитательной и административной частямъ Духовныхъ Академій на тѣхъ же основаніяхъ, па коихъ обсуждаются въ Комитетѣ дѣла другихъ учебныхъ гаведеній духовнаго вѣдомства»¹⁾). Но потому экстраординарное, съ такою обидною жестокостію приравнившее высшія школы даже къ пизшимъ, обратилось въ нормальное, и Учебный Комитетъ сталъ обязательно разсматривать годичные отчеты о состояніи всѣхъ Духовныхъ Академій, отзывы экзаменаціонныхъ комиссій о ежегодныхъ пріемныхъ академическихъ испытаніяхъ, о вызовѣ въ нихъ семинарскихъ воспитанниковъ на казенный счетъ, а равно туда передавались Св. Синодомъ на предварительное заключеніе всѣ тѣ, относящіеся до Академій, вопросы, которые по своему характеру *превосходяще компетенцію академическихъ совѣтовъ* и требуютъ вмѣшательства высшаго духовнаго правительства²⁾). Такимъ образомъ, по самому своему авторитету Учебный Комитетъ былъ превознесенъ надъ Академіями³⁾, какъ подотчетными ему⁴⁾, хотя фактически былъ по сравненію съ ними просто несоизмѣримо величиной во всѣхъ отношеніяхъ и во всякихъ смыслахъ, не попималъ ихъ ученыхъ потребностей и (иногда—грубо)

¹⁾ См. и въ брошюре «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ» (Спб. 1907), стр. 11.

²⁾ Въ розданій членамъ Предсоборного Присутствія официальной печатной запискѣ о «подвѣдомственныхъ Святѣшему Синоду учрежденіяхъ»—къ компетенціи Учебнаго Комитета относится (стр. 22), между прочимъ, слѣдующее: 1) Дѣла по духовнымъ академіямъ, восходящія на разрѣшеніе Святѣшаго Синода. 3) Разсмотрѣніе головныхъ отчетовъ о состояніи духовныхъ академій, семинарій и училищъ, мужскихъ и женскихъ. 14) Всѣ поступающія въ Центральное Управление духовно-учебнаго вѣдомства прошения воспитанниковъ духовныхъ академій, семинарій и училищъ и воспитанницъ женскихъ училищъ, а равно родителей и родственниковъ ихъ съ ходатайствами касательно доцущенія въ отношеніи къ синоду воспитанникамъ или воспитанницамъ какихъ-либо взятій изъ дѣйствующихъ правилъ или съ жалобами па неправильныя дѣйствія въ отношеніи къ нимъ мѣстныхъ начальствъ. 15) Присужденіе Макарьевскихъ и другихъ премій за лучшія ученые и учебныя сочиненія» (касательно «правописанія» въ этомъ официальномъ документѣ см. стр. 133, «). Пунктъ 3-й удостовѣрялъ Оберъ-Прокуроръ еще въ 1872 году во Вспомогателійше отчетѣ по вѣдомству православнаго исповѣданія (Спб. 1873, стр. 153),—и это повторилъ комитетскій членъ С. И. Миропольскій въ своей собственной статьѣ ровно черезъ 20 лѣтъ (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 8326 и ср. стр. 837а). Нужно признать, что все это является, по крайней мѣрѣ, слишкомъ «распространительнымъ толкованіемъ» Высочайшихъ утвержденій 14-го мая 1867 года «Положенія объ Учебномъ Комитетѣ» отъ Святѣшему Синодѣ.

³⁾ Не даромъ же С. И. Миропольскій въ своемъ юбилейномъ панегирикѣ вездѣ печатаетъ Учебный Комитетъ, Центральное Управление и Оберъ-Прокурора съ большой буквы, а Академіи и профессоровъ—съ маленькой, не говоря уже о Семинаріяхъ и Училищахъ... Достойному достойная и честь...

⁴⁾ И доселъ такую роль верховнаго надзора за богословско-академическою ученостію и педагогіей заботливо старается удержать Учебный Комитетъ, какъ видно изъ его отношенія въ октябрь 1906 г. академическимъ совѣтамъ съ просыбою «представлять туда по одному печатному экземпляру всѣхъ одобляемыхъ ими научныхъ (!) изѣлѣданій—въ цѣляхъ специальной (т. е.?) освѣдомленности въ текущей научной духовно-богословской литературѣ, каковая освѣдомленность Центральному Управлению духовно-учебнаго вѣдомства необходима [не сама по себѣ, а] для должностной полноты и обстоятельности ежегодно составляемаго по вѣдомству вспомогателійшаго отчета». См. «Журналы засѣданій совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1906—1907 г. при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 4, стр. 69; «Пзвлечения изъ журналовъ Киевской Духовной Академіи» за 1906—1907 г. при «Трудахъ Кіев. Духовн. Академіи» 1907 г., № 4, стр. 200. А о характерѣ и достоинствахъ комитетскихъ «отчетовъ» ср. выше на стр. 86,₂.

тормозиль научно - педагогические запросы¹⁾). Это было слишком неестественно и потому не могло дать иныхъ результатовъ, кромъ чисто отрицательныхъ. Материалы по этому предмету совсѣмъ не публикуются и ключъ точной экзегетики не скоро будетъ найденъ, ибо здѣсь Учебный Комитетъ дѣйствовалъ косвенно и свое несомнѣнно широкое участіе²⁾ умѣль прикрывать авторитетомъ другихъ высшихъ учрежденій и лицъ, самъ оставаясь въ тѣни, какъ всегда бываетъ съ потаеною пружиной³⁾). Однако всѣ известные факты рѣшительно свидѣтельствуютъ противъ него. Если годовые академическое отчеты, составлявшіеся тоже съ немалою примѣрочностью или канцелярскою

¹⁾ Вотъ еще строчка изъ многотомной исторіи этого рода. Г. И. Л. Тунинкій, формально оставленный къ замѣщенню специальной (филологической) каѳедры въ Московской Академіи, желалъ заниматься въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, о чёмъ совѣтъ— для сношенія съ Министромъ Народного Просвѣщенія—просилъ Оберъ-Прокурора. Тотъ сдалъ ходатайство на заключеніе въ Учебный Комитетъ, который «предварительно дальнѣшаго движенія сего дѣла» умудрился официально (отношениемъ отъ 13-го августа 1903 года за № 1166) потребовать отъ академического совѣта, «въ какомъ значеніи Тунинкій имѣеть быть прикомандированъ къ Университету [—хотя въ совѣтскомъ документѣ было прямо сказано „для полной научной подготовки“] и почему для подготовки Тунинкія къ занятію каѳедры русскаго и церковно-славянскаго языка съ палеографіей и исторіи русской литературы избранъ историко-филологический факультетъ С.-Петербургскаго, а не ближайшаго къ Академіи Московскаго Университета?» Ученопедагогическое замысленіе было сведено къ географическимъ измѣреніямъ, да еще съ не-прикованнымъ намекомъ, будто цѣлая профессорская коллегія не умѣеть считать русскія версты по желѣзнымъ дорогамъ... Запрошь былъ по существу настолько «своебразенъ» и оскорбителенъ, что совѣтъ не нашелъ нужнымъ излагать свои соображенія и 4-го сентября 1903 года отвѣтилъ слѣдующимъ реимандомъ: «самое избрание Совѣтомъ для научной подготовки профессорского стипендиата Тунинкія отдаленіаго С.-Петербургскаго Университета [—гдѣ въ свое время занимался и его предшественникъ проф. Г. А. Воскресенскій—], а не ближайшаго Московскаго, свидѣтельствуетъ о томъ, что вопросъ этотъ былъ подвергнутъ Совѣтомъ тщательному обсужденію, и рѣшено было въ такомъ, а не иномъ, смыслѣ по вполнѣ достаточнымъ основаніямъ, въ цѣляхъ наиболѣйшей постановки учебнаго дѣла въ Академіи», т. е. помимо пространственной краткости, единственно доступной Учебному Комитету, но у него весьма растяжимой для своихъ членовъ. Все потому устроилось сенаторскимъ сношеніемъ ректора Академіи непосредственно съ университетскимъ С.-Петербургскимъ начальствомъ, но представьте себѣ положеніе просителя во время этой странной передряги! И вотъ такими-то пустяковинами оцѣживались комары и проглатывались верблюды, а научно-педагогические интересы страдали и плакали!... См. обо всей этой «исторіи» въ «Журналахъ совѣта Московской Духовной Академіи» за 1903 годъ при «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1904 г., №№ 6 и 7—8 (и отдѣльно), стр. 234—236, 270—271.

²⁾ Было, напр., время, когда по особому опредѣленію Св. Спода отъ 1867 года «возложено было на Учебный Комитетъ разсмотрѣніе представленій конференцій духовныхъ академій о возведеніи въ ученыя степени окончившихъ курсъ воспитанниковъ сихъ заведеній»: см. «Прибавл. къ Церковн. Вѣдомостямъ» 1892 года, № 23 стр. 833б.

³⁾ Впрочемъ, въ цитованномъ (на стр. 133, 3.) оберъ-прокурорскомъ отчетѣ (стр. 153) прямо говорится объ Учебномъ Комитетѣ, что «предварительно разсматривались подлежащія утвержденію Святѣшаша Синода дѣла духовныхъ академій, и обсуждались всѣ возникавшіе вопросы по примѣненію новыхъ учебныхъ уставовъ». Характерно, что, сохранивъ фразу о комитетскомъ «начинаніи», С. И. Мирополитский не перепечаталъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 832 а.б.) послѣдніхъ подчеркнутыхъ словъ—безъ малѣйшаго указанія на сдѣланій имъ пропускъ... Однако слѣды комитетскаго вторженія въ академическія дѣла несомнѣнны и по «Прокурарамъ» (см. № 8 за 1890 годъ, стр. 2; № 10 за 1890 г., стр. 1—3; № 13 за 1893 г., стр. 6; № 17 за 1897 годъ, стр. 2; № 10 за 1900 годъ, стр. 14—15; № 21 за 1901 годъ, стр. 5—7; № 22 за 1903 годъ, стр. 12). Ср. и выше стр. 120.

шаблонностю, действительно рассматривались Учебнымъ Комитетомъ, то по этому пункту Академіи обязаны ему рядомъ угрожающихъ внушеній, прогрессивно стѣснявшихъ академическую инициативу и независимость, столь нелюбезная тогда центральному духовному управлению. Экзаменаціонные отзывы совершенно не принимались въ систематическое соображеніе (см. выше стр. 99), между тѣмъ академические преподаватели съ плачевнымъ усердіемъ выполняютъ эту отвѣтственную и деликатную миссію, хорошо сознавая небезопасность для нихъ и формалистическую безплодность своихъ нелегкихъ трудовъ, коль скоро весь результатъ ограничиваются стереотипно-канцелярскою отпиской¹⁾). Здѣсь многіе изъ нихъ говорили про себя въ душѣ: κατὰ τὴν παρομίαν, φῶς ἔσικεν, εἰς τετραγένου πίθον ἀντλοῦμεν²⁾), чтобы κατὰ πέτρων σπείρειν καὶ κοσκίνῳ ὕδωρ ἀντλεῖν³⁾), уподобляясь τοῖς καθ' ὕδατος γράφουσιν (ταφρεύουσιν) ἢ κοσκίνῳ ὕδωρ ἀντλοῦσιν⁴⁾... Комитетъ какъ будто не хотѣлъ воспользоваться авторитетными указаніями, но за-то охотно обижался и—въ случаихъ вынужденности—дозволялъ себѣ неумѣстную и тенденціозную полемику не столько ради дѣла, сколько для собственного самооправданія⁵⁾), о чёмъ заинтересованныя лица и учрежденія даже неувѣдомлялись (см. выше стр. 98,₁). Вызовъ семинарскихъ воспитанниковъ обратился въ удивительно непостижимую игру, потому что Академіи подбираютъ аспирантовъ по своимъ резоннымъ основаніямъ (напр., по два человѣка изъ тѣхъ Семинарій, откуда въ предшествующій конкурсъ приняты ими лучшіе питомцы), а комитетскіе вершители непремѣнно прикладывали властную руку къ именамъ и цифрамъ, называя академическими корпораціямъ студентовъ по своимъ собственнымъ усмотрѣніямъ, которая могла быть теоретически солидны, однако всегда оставались комитетскими, но пичуть не академическими (см. и выше стр. 126). Учебный Комитетъ простирая здѣсь свою наблюдательную смѣлость до того, что еще въ половинѣ 90-хъ годовъ дерзновенно допрашивалъ (конечно,

¹⁾ Обычно академические отзывы экзаменаціонныхъ пріемныхъ комиссій сопровождаются отъ Комитета слѣдующею формулой: «По опредѣленію Святѣшаго Синода [дата и №], педагогическимъ собраниемъ подлежащихъ семинарскихъ правленій предписанывается, чтобы они вошли въ надлежащее обсужденіе вопросы касательно устраненія или исправленія на будущее время указываемыхъ въ вышеизначенныхъ донесеніяхъ недостатковъ въ преподаваніи различныхъ предметовъ семинарскаго курса» (см. «Циркуляры» № 2 за 1888 годъ, стр. 18; № 4 за 1889 г., стр. 23; № 7 за 1890 г., стр. 31; № 9 за 1891 г., стр. 28—29; № 11 за 1892 г., стр. 36; № 14 за 1894 г., стр. 47; № 15 за 1895 г., стр. 50; № 16 за 1896 г., стр. 35; № 17 за 1897 г., стр. 40). Только въ 1893 году—по особымъ причинамъ (см. выше стр. 97—98)—Комитетъ сдѣлалъ заключеніе по предмету изученія Свящ. Писанія вмѣсто прежней стереотипной фразы (см. «Циркуляръ» № 13, стр. 34), съ 1894 г. замѣнилъ ее другою:... «сообщаются вышеизложенные соображенія семинарскимъ правленіямъ для надлежащихъ соображеній относительно» etc., въ 1900 и 1901 годахъ прибавилъ къ новой формулы краткія мотивированныя указанія (№ 20, стр. 48—50; № 21, стр. 41—42), а въ 1898, 1899 и 1903 годахъ ограничилися послѣдними (№ 18, стр. 38—39; № 19, стр. 31—32; № 22, стр. 30—31)... Какая шаблонность!... Не говорить ли она, что здѣсь действовала собственно канцелярская «механика»?...

²⁾ B. Theodoreti Eramistes, dial. I: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 57 init.

³⁾ B. Theodoreti De providentia, orat. IX: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 717D; Творенія V, стр. 323—324.

⁴⁾ B. Theodoreti Graec. affect. curat., serm. IV: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 905C и у Johannes Raedera, Theodoreti Graecarum affectionum curatio (Lipsiae 1904), p. 107.

⁵⁾ См., напр., «Циркуляры» № 13 за 1893 г., стр. 31—34; № 20 за 1900 г., стр. 48. 49.

черезъ Оберъ-Прокурора) синодскими указами даже митрополитовъ (напр., † С.-Петербургскаго Палладія), почему они разрѣшаютъ академическимъ студентамъ жить на вольныхъ квартирахъ яко бы вопреки Уставу (§ 113) ¹⁾... Этимъ путемъ въ воспитательную часть Академій была внесена стихія полицейского формализма ²⁾, где первоначальная показная корректность, всюду убивающая или разстраивающая здоровую жизнь, увѣчилась въ итогѣ крайнимъ паденiemъ элементарной дисциплины: заведено было по два помощника инспектора, и на первыхъ порахъ нѣкоторые изъ нихъ ревностно шпіонили, усматривая въ этомъ всю свою славу и получая прозванія «Смердяковыхъ» ³⁾, внутренніе же непорядки умножались съ геометрическою прогрессивностю,— и теперь многіе принуждены избѣгать соприкосновенія съ подчиненными ихъ водительству студентами и предпочитаютъ не замѣтать явныхъ нарушений всего академического режима. Стыдно сказать, но грѣшно п умолчать, что богослужебная исправность, вѣшне обезпеченнія обиліемъ начальственаго монашества и протежпруемаго студенческаго священства, существенно пронизилась сравнительно даже съ 80-ми годами XIX-го столѣтія,— и это есть принципіально обличающая ненормальность для высшей духовной школы, которой старательно прививали церковный образъ и благочестивое подобіе ⁴⁾... Академические храмы не блещутъ обиліемъ студентовъ, а случайные посѣтители изъ нихъ, иногда одѣтые въ самые «освободительные» костюмы, рѣдкими кучками жмутся

¹⁾ Слѣды сего сохранились и въ «Циркулярахъ» № 15 за 1895 г., стр. 5; № 17 за 1897 г., стр. 5—6.

²⁾ Она доходила иногда даже до того, что ректоры Академіи по собственнымъ соображеніямъ «исправили» ученыя актовыя рѣчи профессоровъ-специалистовъ, не спрашивая и не увѣдомляя послѣднихъ, при чемъ простирали свою ревнительность до стиля включительно...

³⁾ Даже въ Сергиевскомъ Посадѣ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга чуть не по именамъ, одинъ ревнительный членъ инспекціи о. А. обязательно требовалъ, чтобы студенты брали особые билеты и для послѣбѣденныхъ прогулокъ, о виноватіи же разсуждалъ и дѣйствовалъ такъ, что каждый однажды подлежитъ увольненію изъ Академіи, выньеть ли онъ рюмку или цѣлую четверть, поскольку и то и другое противно «правиламъ»... Добра отсюда не вышло по понятнымъ причинамъ; сей инспекторъ «принужденъ» былъ потому удалился, но скоро сталъ епископомъ... Ср. и въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 334, прим., где рѣчь именно объ этомъ лицѣ, которое прямо названо въ «Богословскомъ Вѣстнике» 1907 г., № 5, стр. 154, прим. fin.

⁴⁾ См., напр., въ «Циркуляре» № 20 за 1900 г., стр. 14—15 о пріученіи студентовъ и семинаристовъ къ богослужѣнію, проповѣдничеству и миссионерско-апологетическимъ собесѣдованіямъ. На дѣлѣ же нѣкоторые духовно-педагогические начальники иногда прямо тирианили училищныхъ малышей ежедневными церковными службами передъ началомъ уроковъ (ср. выше стр. 9,...) и, конечно, съ успѣхомъ воспитывали измѣда «нелюбие» къ храму въ духовномъ юношествѣ. Тутъ была хоть ревность не по разуму, но случалось и хуже, когда ради симпатій чиновнаго синодскаго посѣтителя всепощнаго въ столичной Семинаріи затягивались всякими «столпами» чуть не на три часа, а въ его отсутствіе сокращались до минутныхъ измѣреній. Однажды вышло такъ, что разъ этотъ синодскій властитель нагрянулъ въ неурочную субботу, желая похвалиться предъ своимъ Московскимъ соратникомъ, гордившимся истовою уставностію Успенскаго собора, между тѣмъ оказалось, что еще въ 7-мъ часу посѣтители посыпали къ «Утверди, Боже». Ректоръ неожиданно получиль оскорбительный реprimандъ и унизительно оправдывался гастрническимъ разстройствомъ, но не вдолгѣ воспиряль епископство... Къ счастію, это теперь *tempi passati*, однако нельзѧ не сказать, что пѣть ничего грѣшише и вредише, какъ фарисейская показность предъ лицемъ Божіимъ...

и тѣсятся въ притворахъ и проходахъ,—точно людямъ, готовящимся къ пастырству, неловко показаться на своихъ мѣстахъ впереди молящейся публики... Вѣдь и обидно, и больно, и горько, что въ богословско-православномъ студенчествѣ стали обнаруживаться теоретические интересы къ отвлеченному анархизму и практическіе выпады въ пользу экстравагантныхъ апологетовъ националъ-соціализма, которые упорно не повинуются церковной власти [—это монахи-то, отрекшіеся отъ своей воли!—], свободно странствуютъ по столицѣ въ монашескихъ рясахъ, редактируютъ соціалистическіе романы, официа́льно сотрудничаютъ въ самыхъ крайнихъ листкахъ, пуская здѣсь неприличные «соціаль-архимандрические фейеверки»¹⁾, и яко бы комиссіонерствуютъ по... театральной части, а съ каѳедръ иногда слышатся вѣщанія, что наука лучше учить истинѣ и нравственности²⁾, чѣмъ христіанство³⁾. Стали попадаться студенческіе «семестряки», по отзыву рецензентовъ болѣе приличные анархистамъ со стороны ихъ содержанія, хотя за литературныя качества оцѣнивались балломъ 4—, и совѣты лишились возможности официа́льно вмѣшаться въ это дѣло. Въ Академіи (въ Кіевѣ) принимаются по высшему разрѣшенію «опороченные» своимъ (Костромскимъ) начальствомъ семинаристы и въ студенческой средѣ терпятся даже іереи, объ «освободительныхъ» подвигахъ которыхъ предупреждали и архіереи и губернаторы съ упоминаніемъ о «практическомъ» знакомствѣ ихъ съ «узилищами»⁴⁾. А еще сего горше, что дѣлали все это, «мняся службу приносити Богу»,—подъ флагомъ и эгидо христіанства, которое авторитетно комментировалось невѣрою образомъ, освѣщалось для отравленной безцензурною литературовой публики чрезъ переводныя раціоналистическія сочиненія Запада и пр. Когда Академіи должны были служить оплотомъ разумной ортодоксіи и прочнымъ буферомъ противъ раціоналистического нашествія, — студенты упражнялись въ популяризаціи Гарнака и задумывали подарить русскому обществу подлинного Штрауса⁵⁾... Водворились и пріобрѣтаютъ воз-обладаніе партійность и политикачество, отравляющія всѣ функціи студен-

¹⁾ См., напр., «Колоколь», № 412 за 17-е іюня 1907 года, стр. 2—3.

²⁾ Не даромъ же «Новое Время» (въ №-рѣ 11.179 за 28-е апрѣля 1907 года, стр. 3, стлб. 5) съ горькою ироніей предлагало, чтобы на академическомъ каѳедру нравственного богословія пригласили, наконецъ, печальной памяти депутата первой Государственной Думы Рамишили...

³⁾ А,—говорятъ,—бывали страшные случаи и болѣе грубой, открытої, даже циничной агитациіи концентрическаго характера.

⁴⁾ Дѣло объ этомъ «освободительному» іерѣѣ-студентѣ имѣло нелестную для академического совѣта и не вполнѣ законченную исторію и въ Св. Синодѣ, который проявилъ здѣсь обычную благостиность...

⁵⁾ Умѣстно здѣсь отмѣтить, что корреспондентъ извѣстнаго іезуитскаго журнала «La Civiltà Cattolica» (Quaderno 1364, anno 58, vol. 2:22 aprile 1907, p. 251—252) прямо констатируетъ «доктринальную анархію» въ православно-руssскихъ духовныхъ Академіяхъ, указывая, что въ нѣкоторыхъ соприкосновенныхъ органахъ (собственно въ Петербургскомъ «Вѣкѣ») усиленно рекомендуются творенія Штрауса, Ренана, Фейербаха и романы Флобера... Пристрастія и тенденціозности тутъ вполнѣ достаточны, какъ и вообще въ систематически обдуманномъ стремлѣніи этого автора очернить всю Русскую церковь, но нужно сознаться, что для его умышленныхъ преувеличений было немаю фактическихъ и «литературныхъ» поводовъ...

ческой жизни вплоть до самой процедуры переходных экзаменовъ¹⁾—къ несомнѣнному паденію академической педагогіи и къ пагубному вреду для всѣхъ... Научная солидность сильно пошатнулось²⁾. Обнаружилось стремленіе сократить учебный академический годъ чуть не до 3-хъ мѣсяцевъ и всячески «отбояриться» отъ семестровыхъ работъ³⁾,—словно все это лишь рабская барщина, а не собственная потребность «студентовъ», т. е. людей, занимающихся познаніемъ и изысканіемъ спасительной истины ради самихъ себя... Будущіе служители и благоговѣстники «слова» съ фанатическимъ упорствомъ отказываются отъ упражненій въ искусствѣ экспромтного проповѣдничества⁴⁾ и не желаютъ знать ни законовъ по Уставу, обезпечивающему существованіе Академій, ни утвержденныхъ совѣтскихъ рѣшеній⁵⁾, встрѣчаемыхъ систематическимъ бойкотомъ, хотя бы это грозило экстренными ревизіями или даже закрытиемъ заведеній, а при крайней вынужденности обращаются все это дѣло въ концентрическую профанацію по содержанію⁶⁾ и по формѣ⁷⁾. Начинается что-то небывалое и неслыханное въ академическихъ лѣтописяхъ⁸⁾—съ принципіальнымъ раздоромъ между «отцами и дѣтьми» на протяженіи всего

¹⁾ См. и «Колоколь № 312 за 9-е февраля 1907 г., стр. 3.

²⁾ Одинъ авторитетнѣйший Московскій профессоръ, вынужденный бѣжать изъ Академіи въ Университетъ, съ грустью для настъ констатируютъ въ письмѣ ко мнѣ, что по его богословско-историческому предмету университетскіе студенты на экзаменѣ въ 1907 году отвѣчали лучше, чѣмъ академические извѣстныя ему времена; тамъ не клянчить о сокращеніи курсовъ до 8-ми литографированныхъ листовъ, которые потомъ дѣлать еще на 6 частей—по одной для извѣстной группы (фактъ изъ практики 1907 г.), не фабрикуютъ «спеціальныхъ» конспектовъ и не выходятъ вмѣсто нихъ съ полными лекціями, при чемъ,—пойманые съ поличнымъ,—даже сѣдовласые монахи падаютъ тутъ же на колѣни (случай съ иѣзуитомъ изъ нынѣшнихъ епископовъ С—кимъ А—ромъ)... И это при теперешнихъ-то университетскихъ «порядкахъ»!.. Куда улетѣла или кѣмъ похищена слава духовно-академического студенчества?.. По словамъ проф. А.Л. Лебедева (въ «Богословскомъ Вѣстнике» 1907 г., № 5, стр. 165, прим.), она «выклевана хищною птицею, именуемою Уставомъ дух. академіи 1884 г., ибо эта птица только и дѣлала, что клевала мозги учащихся здѣсь»...

³⁾ Для Кіевской Академіи см. и «Церковный Вѣстникъ» № 17 за 26-е апрѣля 1907 года, стлб. 559.

⁴⁾ Для Московской Академіи см. «Колоколь» № 372 за 27-е апрѣля 1907 г., стр. 3, стлб. 2.

⁵⁾ Такъ, было объявлено (въ «Новомъ Времени» № 11.191 за 10-е мая 1907 года, стр. 3, стлб. 8), что С.-Петербургскіе студенты формально рѣшили на сходкѣ «игнорировать постановленіе конференціи (совѣта) профессоровъ» своей Академіи относительно экзаменовъ...

⁶⁾ О характерѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ экспромтовъ можно судить и по «освободительному реферату» С.-Петербургскаго студента г. Я., о чѣмъ см. въ «Колоколь» № 340 за 16-е марта 1907 г., стр. 2.

⁷⁾ Обо всемъ этомъ «дѣлѣ» въ С.-Петербургской Академіи см. «Колоколь» №№-ра 343 (стр. 1), 358 (стр. 3) и 359 (стр. 2) за 20-е марта, 6-е и 7-е апрѣля 1907 г., и «Новое Время» №№-ра 11.157 (стр. 13, стлб. 5), 11.159 (стр. 4, стлб. 7), 11.170 (стр. 5, стлб. 1) и 11.173 (стр. 3, стлб. 1) за 4-е, 6-е, 17-е и 20-е апрѣля 1907 года. О грустномъ для студентовъ финалѣ этой «исторіи» сообщаетъ «Русь» № 147 за 8-е іюня 1907 года, стр. 5, стлб. 1, хотя цифры феноменально—неудовлетворительныхъ балловъ (до нуляй включительно) приведены здѣсь не точно.

⁸⁾ Однако мы должны рѣшительно удостовѣрить, что en masse архим. Алексій совершенно невѣрно пишетъ (въ «Колоколь» № 385 за 15-е мая 1907 года, стр. 1, стлб. 5), будто «Академія теперь выпускаетъ въ большинствѣ случаевъ политиковъ, либераловъ, людей совсѣмъ не церковныхъ и весьма мало знающихъ „кандидатовъ“». Откуда же—тогда—берутся Россійскіе іерархи?.. Или они нынѣ всѣ таковы?.. Мудръ їзъ!..

лишь 20—25 лѣть¹⁾... Высшая церковная власть подвергается студенческимъ допросамъ²⁾... Тяжело говорить объ этихъ свѣжихъ явленіяхъ, но необходимо всею душей задуматься надъ испытующимъ вопросомъ:— крайность внутренняя не вызвана ли здѣсь крайностю вѣнчаною, ибо les extrêmes se touchent?...

Въ учебномъ отношеніи Комитетъ упорно внушалъ, чтобы наблюдать строгое соблюденіе программъ, склоненія отъ которыхъ на приемныхъ экзаменахъ принимались весьма неблаговолительно, и «предписалъ» самые предметы испытаній (см. «Циркуляръ» № 21 за 1901 г., стр. 7)³⁾. Скрѣпя сердце, профессора штудировали семинарскіе учебники, примѣривали ихъ къ комитетскимъ шпаргалкамъ, скрупулѣзно отмѣчая въ своихъ экзаменаціонныхъ отзывахъ всѣ нарушенія послѣднихъ,—и въ итогѣ за свое послушаніе были наказаны жестоко. Отъ нихъ самихъ для комитетской критики потребовали (въ 1895 г.) подробныхъ программъ и они сами должны въ годичныхъ отчетахъ сообщать о себѣ, сколько параграфовъ и почему не было выполнено... Обязательная ответственность свободы академическаго преподаванія ученыхъ неожиданно обратилась въ подневольную пунктуальность, дошедшую до того, что лекторъ иногда вручалъ въ аудиторіи свои тетрадки болѣе голосистому студенту и вмѣстѣ съ его товарищами слушалъ свои собственные лекціи, лишь изрѣдка дополнняя ихъ краткими поясненіями... Къ счастію, какъ и вездѣ, Комитетъ ограничился здѣсь единичнымъ напоромъ по мотивамъ вовсе не ученопедагогического свойства, скоро бросиль систематически примѣнять свою притязательную затѣю,—и потомъ все сошло на халатную отписку.

По ученой части комитетскія претензіи были діаметрально противоположны ихъ обширности. Мы убѣждены, что судьба многихъ академическихъ диссертаций и произведеній предрѣщалась комитетскими сужденіями и мнѣніями⁴⁾, хотя всего по этому вопросу не повѣдаетъ намъ и позднѣйшая исторія, если какой-нибудь членъ не догадался оставить

¹⁾ Одинъ изъ первыхъ, проживающій въ свободолюбивой Франціі, писалъ отъ 4 (17)-го мая 1907 года въ С.-Петербургъ слѣдующее: «А чѣмъ, какъ студенты Духовной Академіи—неужели все бунтуютъ и не учатся? Если кто изъ кончившихъ курсъ въ 1906—1907 годахъ придетъ ко мнѣ, я его не приму и скажу: съ людьми, измѣнющими академическимъ традиціямъ, я знать не хочу. Если они не хотѣли знать старыхъ профессоровъ, то и я не хочу ихъ знать, какъ молодыхъ»... И это не удивительно, если преданнымъ и самоотверженнымъ благотворителямъ академическаго студенчества приходится «краснѣть» за него: см. слова о. протопресвитера А. А. Желобовского на засѣданіи «Общества всепомоществованія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургской Духовной Академіи» 27-го мая 1907 года въ «Церковномъ Вѣстнике», № 23 за 7-е іюня 1907 г., стлб. 755.

²⁾ А были даже такія студенческія « обращенія » къ высшей церковной власти, что митрополитъ Антоній 20-го декабря 1906 года сдалъ въ совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи слѣдующую резолюцію: «Письмо студентовъ Академіи Св. Синоду съ запросами представляется для Академіи явление крайне компрометирующее честь и достоинство Академіи»... См. «Журналы совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1906—1907 г. при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдельно, Спб. 1907), стр. 126.

³⁾ Къ великому прискорбию, это «предписаніе» подтверждено и определеніемъ Св. Синода отъ 27-го февраля 1907 г. за №-ромъ 1.275 «для установления однообразія» (см. «Церк. Вѣдом.» № 9 за 3-е марта 1907 г., стр. 47—48), хотя прежній порядокъ не вызывалъ особыхъ неудобствъ. Удивительно, какъ у насъ любятъ всякую униформу!..

⁴⁾ См. и выше стр. 119—120, прим.

интимный дневничекъ—въ родѣ всеобличительныхъ и едва ли достойныхъ «записокъ» архіепископа Тверского Саввы (Тихомирова)¹)... Но и теперь несомнѣнно для свѣдущихъ лицъ, что въ разосланныхъ при Указѣ Св. Синода отъ 23-го февраля 1889 года за № 633 «правилахъ для разсмотрѣнія сочиненій, представляемыхъ на соисканіе ученыхъ богословскихъ степеней», Учебный Комитетъ чуть ли не имѣлъ главную инициативу и во всякомъ случаѣ принималъ самое активное участіе²), которое проявлялъ и послѣ съ рѣдкостною энергией... Это было пагубное ярмо³) для академической науки, окончательно стѣснившее законную свободу изслѣдованія⁴) и загонявшее его на тѣсный путь искусственной тенденціозности и побочныхъ аккомодаций со всякими соблазнами для ума и совѣсти и съ ристалищными препятствіями, гдѣ всякий неосторожный скакечъ легко могъ сдѣлаться роковымъ, ибо, напр., яко бы не почтительное упоминаніе объ іерархическомъ авторѣ или лицѣ «зарѣзывало» книгу (въ Московской Академіи); не стѣснялись († комитетскій членъ И. А. Ч—чъ) обвинять (Казанскаго профессора И. С. Б.) въ политической неблагонадежности за... цитату изъ св. Ioanna Златоуста⁵)... Диссертациі, прошедшия множествомъ «уставныхъ» чистилищъ, задерживались цѣлыми годами въ канцеляріяхъ и иногда пропадали безследно; другія прямо браковались за еретичество, а черезъ нѣмного лѣтъ награждались магистерскимъ достоинствомъ церковной «учительности»⁶)... Наоборотъ, труды, осужденные академическими рецензентами и отвергнутые всѣмъ совѣтомъ (въ Казани), пороюувѣнчивались докторствомъ, хотя дѣло о нихъ должно бы окончательно прекрас-

¹) Однако п. С. И. Мирополіскій относить (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1902 г., № 23, стр. 837а) къ дѣятельности Учебнаго Комитета «разсмотрѣніе диссертаций на ученія академической степени».

²) См. «Циркуляръ» № 15 за 1895 г., стр. 3—4; напечатанное здѣсь синодское опредѣленіе отъ 16 января—3-го февраля 1895 г. за № 112 (но «предложенію» Оберъ-Прокурора) вполнѣ совпадаетъ по духу и смыслу съ Указомъ отъ 23-го февраля 1889 г., а въ нѣкоторыхъ пунктахъ представляетъ лишь редакціонно-корректурныя вариаціи...

³) См. поучительный реальный комментарій къ этимъ «правиламъ» 1889 года у проф. А. П. Лебедева, Слѣпые вожди (Москва 1907), стр. 43—46.

⁴) По сему предмету см. горестный вопль покойного профессора В. В. Болотова о «нашествіи нынѣ дѣйствующей мглы», о «возопінняхъ камней», о «наступившемъ вѣяніи, неблагопріятномъ для научныхъ стремленій и докторантовъ», ибо «уставъ (1884 года) вѣдь хочетъ научнаго безплодія» (въ «Христіанскомъ Чтенії» 1907 г., № 3, стр. 383, 384, 387), будучи «какого-то пещю халдейской» и «нираной для науки» (проф. А. П. Лебедевъ въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г. № 5, стр. 158, прим.; ср. и выше стр. 138,...). До слезъ болѣно читать, подъ какимъ паническимъ ужасомъ держали даже этого смиреннѣшаго и благопокорливаго начальству ученаго (ср. въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 157,...). А изъ-за этого именно мы лишились цѣнной для науки работы В. В. Болотова о «Рустикѣ, діаконѣ римской Церкви, и его сочиненіяхъ». Quoique tandem?.. Вотъ гдѣ справедливо будетъ сказать властнымъ «покровителямъ» нашей богословской науки: κατὰ τοὺς πρωτότοκους τῆς εὐσεβείας παιδῶν τὰς ὑμετέρας ἔχοντας γλωσσας (B. Theodorei Eranistes, dial I. Migne, gr. ser. I. LXXXII, col. 77,...).

⁵) Сообщаемъ это со словъ самого проф. И. С. Б.—ва, видѣвшаго подлинные документы, въ разясненіе справедливаго изумленія проф. А. П. Лебедева въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 155.

⁶) Нѣкоторые немногіе приобрѣны въ этомъ родѣ указаны у проф. А. П. Лебедева, Слѣпые вожди, стр. 46—49, и въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 4, стр. 717—720.

щаться на мѣстѣ—за отсутствиемъ даже единичныхъ особыхъ мнѣній со стороны членовъ данной академической корпораціи; при этомъ даже запрещали свыше печатать официальные отрицательные отзывы въ совѣтскихъ «журналахъ»... Впрочемъ, всего, что пережито и перечувствовано, не перескажешь¹⁾). Вѣрно лишь одно, что въ чисто ученое дѣло была внесена глубокая дезорганизація, задавившая безпредвзятую научную работу. Пышно расцвѣль псевдоученый оппортунизмъ, и подъ его прикрытиемъ въ Академіяхъ водворялись очевидныя аномалии и успѣшно практиковались обходныя средства; благодаря имъ, появились неузаконенные профессорскія почетныя докторства и исправляющіе должность ординарныхъ профессоровъ съ полнымъ окладомъ жалованья и со всею совокупностю правъ, при чёмъ послѣднее совершалось помимо и къ тягостному удивленію академическихъ совѣтовъ, не сочувствовавшихъ собственно и первому способу, который доселѣ вызываетъ рѣзкие и обидные протесты общества даже въ печати²⁾... При такихъ условіяхъ могла развиваться только комитетская наука, пока невѣдомая ученому миру...

Значить, и свою ученую миссію Комитетъ не оправдалъ необходимыми успѣхами и, конечно, потому, что *учебное учрежденіе* не право-способно для *ученыхъ* функций. Тутъ безплодность, со всѣми отрицательными отраженіями, неизбѣжна по существу, и вина Комитета лишь въ томъ, что онъ не хотѣлъ понять своего натурального призванія, гдѣ были честь для него и польза для духовной педагогіи. Самообольщеніе всегда вредно и иногда гибельно. Вѣдь даже «*Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*» не дерзаетъ восхищать такихъ ученыхъ прерогативъ³⁾...

Вышеизложеннымъ исчерпываются всѣ главнѣйшія стороны Учебнаго Комитета, и я прерываю свою рѣчь. Итогъ мой ясенъ. Картина не радостная и для многихъ, пожалуй, непріятная. Спѣшу предупредить, что и для меня несомнѣнны нѣкоторая единичность обобщеній и субъ-

¹⁾ См. еще краснорѣчивыя фактическія данные у проф. А.Л. Лебедева въ «Богословскомъ Вѣстнике» 1907 г., № 5, стр. 152 сл. 161 сл.

²⁾ См. «Колоколь» № 319 за 17-е февраля 1907 г., стр. 1—2 въ статьѣ Н. Г. Р.: «Къ 98 академической годовщинѣ».

³⁾ Для соображеній относительно Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія пока имѣмъ подъ руками слѣдующіе материалы: «Положеніе» въ Сводѣ Законовъ т. I, ч. II (объ Учрежд. Министр.), ст. 445—449 (по изд. 1892 г.) и въ Полномъ Собрании Законовъ т. XXXVIII, отдѣлъ I (1863 г.), стр. 620; «Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ.», ч. CXXVI (за 1861 г.), отд. I, стр. 4; копіи правильн., циркуляровъ и пр. отъ 19-го мая 1869 г. (см. въ Сборникѣ постановленій по Мин. Нар. Просв., т. IV, стр. 1140—1143), отъ 4-го февраля 1888 г. (*ibid.* т. X, стр. 1.048), отъ 25-го ноября 1905 г. за № 25.506 и отъ 6-го февраля 1906 г. № 2.962; ср. также «Дополненіе къ каталогу книгъ для бесплатныхъ народныхъ читальень», Спб. 1903, стр. 116—120. См. еще у † А. И. Георгіевской, Къ исторіи Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія въ «Журнальѣ Министерства Народн. Просвѣщенія» 1900 г., № 10, стр. 25—61; № 11, стр. 17—61; № 12, стр. 74—121; 1901 г., № 4, стр. 33—72; № 5, стр. 21—56. Ср. также замѣчанія у С. В. Рождественского, Исторический обзоръ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія: 1802—1902, Спб. 1902.

ективность освѣщенія. Но если нѣкто вздумаетъ вспомнить объ амбиціи и усмотрѣть тутъ особую индивидуально-полемическую строптивость, то я прежде всего отвѣчу, что въ этомъ наиболѣе повиненъ самъ Комитетъ, доселъ не давшій своей подробной *истинной* исторіи по всѣмъ частямъ, а единственная статья комитетскаго члена, бывшаго ранѣе ревизоромъ, С. И. Миропольскаго прямо подтверждаетъ мои наблюденія и соображенія¹⁾. За частные факты по ихъ основному содержанію я ручаюсь, потому что они мнѣ извѣстны по опыту или изъ аналогичныхъ посредствъ. Кто прнуждаетъ насъ руководиться слухами, собравшимися темною тучей вокругъ Учебнаго Комитета, тотъ самъ и долженъ казниться, но не люди, вызывающіе его къ свѣту и откровенности ради безпристрастія, которое здѣсь одинаково дорого для всѣхъ. Болѣе меня знающіе пусть столь же ярко нарисуютъ другую картину,—и тогда путемъ критического сопротивленія раскроется подлинный образъ²⁾. Затѣмъ, намъ многократно и авторитетно разъяснялось, что мы призваны въ Предсоборное Присутствіе сказать *всю* правду, хотя бы самую горькую, и искренно подѣлиться всѣмъ, что накопилось въ нашихъ душахъ независимо отъ всякихъ реформаторствъ дешеваго критиканства,—лишь бы всегда преслѣдовалась спасительная цѣль улучшенія, обновленія и оживленія православно-русскихъ церковныхъ институтовъ: значитъ, *сѣдѣвъ хвѣзда пѣнта хунѣзакъ тѣроу, штѣ тѣлѣфѣсъ єзеворѣвъ*³⁾. Вѣдь не по официальнымъ же отчетамъ шаблонной корректности излагать намъ свои собственныя наблюденія и ощущенія!... А духовная школа намъ слишкомъ близка, и для многихъ изъ насъ ею поглощается все наше духовное существованіе. Въ этой родной сферѣ мы всякую мелочь острѣе воспринимаемъ и рѣзче «реагируемъ» на всѣ дефекты. Наши впечатлѣнія индивидуальны, но жизненны, непосредственны и реальны. Ихъ нужно систематизировать и упорядочивать взаимною провѣркой и объективнымъ анализомъ, а не устраниять за естественную относительность. Мы защищаемъ святое для насъ дѣло воспитанія и науки,—и предъ этого великою задачей стушевываются всѣ личности, которыхъ я не разумѣль ни въ частности, ни въ особенности, ни *realiter*, ни *personaliter*. Мною во всѣхъ занятіяхъ Предсоборного Присутствія двигало непоколебимое убѣжденіе⁴⁾, что мы не достигнемъ

¹⁾ Это удостовѣряютъ и обстоятельные комментаріи проф. А. И. Аламазова въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 224 сл.

²⁾ Въ этихъ интересахъ были бы полезнѣе *для спла* не столько комитетскіе коррективы, сколько откровенные отзывы духовно-учебныхъ заведеній, педагогическихъ корпораций и лицъ. Таково мое искреннее убѣжденіе, и самъ я охотно отдаю всѣ свои сужденія на «неумытый судъ» моихъ опытныхъ коллегъ по служению.

³⁾ B. Theodorcti Eranistes, dial. III: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 225D.

⁴⁾ Вынуждаюсь особо подчеркнуть этотъ нѣсколько личный штрихъ не ради рисовки, а потому, что и со стороны нѣкоторыхъ членовъ Предсоборного Присутствія (см. его «Журналы и Протоколы», т. I, стр. 23а, б. 32б) и въ печати (см. «Церковный Вѣстникъ» 1906 г., № 18 за 4-е мая 1906 г. на стбл. 583 въ статьѣ г. В. И.) были допущены по отношению ко мнѣ непозволительные подозрѣнія насчетъ руководившихъ меня цѣлей и принимавшихъ умою задачъ (о чёмъ см. «Журналы и Протоколы», т. II, стр. 435а, 436б), не говоря уже о продолжавшихся косвенныхъ инсинуаціяхъ (см. «Церковный Вѣстникъ» № 13 за 29-е марта 1907 г., стбл. 429), а о всякихъ интригахъ и «мѣропріятіяхъ» по поводу на-

и минимального успѣха, если напередъ со всею рѣшительностю самобичеванія не сознаемся въ своихъ ошибкахъ. Покаяніе есть исключительный путь всякаго исправленія, и по отношенію къ духовной школѣ я неизмѣнно держался принципа: *erroribus discimus!* Всегда помню и буду слѣдоватъ завѣту моего великаго и честнаго воспирѣемника по ученому служенію блаж. Феодорита: *αἰδεῖσθαι οὐ τὴν ὄμολογίαν τῆς ἀμαρτίας, ἀλλὰ τὴν πρᾶξιν προστήχει*¹⁾... Для меня вовсѣ не любы педагогические недостатки, и самъ я болѣзненно страдаю, что они непроприльно переполнили мою неподготовленную рѣчь, для которой я намѣренно не собираль, ни источниковъ, ни пособій²⁾. Мнѣ чужда всякая предумышленно-пристрastная тенденціозность въ характеристикѣ учрежденій и людей. На этотъ счетъ не перестану повторять, что меня интересуетъ исключительно система;— однако при ней люди являются и страждущими жертвами и наглядными иллюстраціями, почему для пониманія и характеристики первой по не-волнѣ приходится говорить о вторыхъ, какъ объ очевидныхъ показателяхъ и воплощенныхъ свидѣтеляхъ принципіальной неудовлетворительности комитетской организаціи. Во всемъ прочемъ соблюдается возможная объективность. Я не скрываю незаконченности начинаній и воспитательныхъ дефектовъ въ дѣятельности Комитета первого периода (см. выше стр. 84), а въ позднѣйшемъ достаточно дѣю заботы объ увеличеніи количества духовно-учебныхъ заведеній и о благоустроеніи ихъ вѣнчанія бытія³⁾.. Но идеѣ—болѣе отрадны для меня новыя комитетскія вѣянія послѣдняго времени. Правда, на первыхъ порахъ они неопытною смѣлостію неподготовленнаго кормчаго изъ другой сферы были впущены

стоящаго «доклада» тяжело вспоминать и потому лучше умолчать... И—по словамъ одного моего компетентнаго корреспондента— причина сего въ томъ, что «портрѣтъ написанъ такъ мастерски вѣрно, что оригиналъ не могъ, очевидно, не узнать себя и, конечно, прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы портрѣтъ этотъ не выставлялся на обозрѣніе широкаго круга публикъ»... Что до существа, то пимѣю самое авторитетное свидѣтельство, что я только выразилъ «жестокую для многихъ, но глубоко справедливую истину. Она уже давно предносилась мысленному взору нѣкоторыхъ лицъ. Ее высказывалъ въ послѣдніе дни своего служенія вѣдомству и К. П. Побѣдоносцевъ въ минуты откровенности»... Для меня и для дѣла больше ничего и не требуется, ибо что значатъ злобы и пипѣніе, когда камни воинствъ и стѣны плачутъ?... «Преступно тамъ молчать, гдѣ долгъ велитъ вѣщать!»

¹⁾ *B. Theodorei Graec. affect. curat., serm. III: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 1077D* и у *Johannes Raeder'a, Graecarum affectionum curatio* (Lipsiae 1904), p. 258.

²⁾ Документальная справки и проч. были подобраны авторомъ, главнымъ образомъ, при позднѣйшемъ пересмотрѣ прежде написаннаго «доклада», и ихъ не трудно умножить *in infinitum*...

³⁾ Впрочемъ, долженъ сказать, что у меня имѣются свѣжіе факты, какъ не только епархиальные Преосвященные, но и центральное духовное управление прямо препятствуютъ начинаніямъ епархиальныхъ сѣездовъ по обеспеченію преподавателей, когда нужно было поддерживать, побуждать и, пожалуй, благодарить... И никакими усилиями нельзя было добиться, чтобы надъ «формальными правомъ» восторжествовало «нравственное», которое очевидно и безспорно для высшихъ вершителей дѣла. Приходится даже радоваться, если обиженные лица, вступившія за педагогические интересы, не понесутъ пред назначенныхъ наказаний и не сочтутъ необходимымъ уйти «на сторону», униженныхъ и оскорблѣнныхъ... Такъ-то у насъ разгоняютъ преданныхъ педагогическихъ работниковъ— вопреки стараніямъ мѣстнаго духовенства прикрѣпить ихъ къ своимъ школамъ духовно и материально!...

бурною волной, вызвавшею большие головокружительныхъ броженій ¹⁾), чѣмъ созидательныхъ преобразованій ²⁾,—и фактически разбила даже авантюрная попытка «проскочить» съ духовно-педагогическою ладьей въ тихую пристань изъ бушующаго моря взволнованной школьной всероссійской жизни. «Не въ дусѣ Господь, и не въ трусы Господь, и не во огни Господь»... Но теперь все сильнѣе чуется «гласъ хлада тонка» предвѣщающей здоровое перерожденіе всего духовно-школьного организма. Начинается осмысленное непосредственное общеніе съ самою школой, и ея дѣятели привлекаются къ творческой работѣ своимъ умудреннымъ и выстраданнымъ опытомъ ³⁾). А гдѣ срѣтаются и лобызаются кипящая правда практической жизни и отрезвляющій миръ теоретической истины, — тамъ несомнѣнна заря благодатнаго дня ⁴⁾), который да будетъ свѣтель и живителенъ для духовно-школьного преуспѣянія!

¹⁾ Нѣкоторыя указанія и наведенія по этому предмету относительно Академій можно находить и у проф. В. О. Пльвницкаго въ «Прибавл. къ Цирк. Вѣдом.» 1906 г., № 46 за 18-е ноября, стр. 2971—2977; № 47 за 25-е ноября, стр. 3003—3011. Ср. еще слова митрополита Московскаго Владимира въ указѣ Св. Синода отъ 2-го іюня 1906 года за № 5.993, что «разладъ въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, особенно усилившійся со временемъ дарованія автономіи, не можетъ быть терпимъ и продолжаться далѣе безъ ущерба»: см. «Журналы совѣта Московской Духовной Академіи» за 1906 г. при «Богословскомъ Вѣстнике» 1907 г., № 5, стр. 231.

²⁾ Это—частію—вѣрно и для ученой области, гдѣ стали увѣнчиваться такія диссертации, съ которыми ранѣе авторы не посмѣли бы выступить — помимо всякихъ вѣнчанихъ страховъ, а то стараются упорно достичь высшаго ученено-академического званія за специально «философскую» книгу немудраго содержанія; если не считать монастырскихъ твореній (о чѣмъ см. у проф. А. И. Лебедева въ «Богословскомъ Вѣстнике» 1907 г., № 5, стр. 157—158), прежде были только единичные случаи, когда «получали ученую степень за семестровое сочиненіе, исправленное и дополненное» (*ibid.*, стр. 154, прим.) или приобрѣтали магистерство за случайную мелкую работку, за небольшую же часть кандидатскаго проповѣденія сподоблялись докторства... Но все это лишь временное (хотя и не радостное) явленіе, которое—надѣемся—исчезнетъ навсегда по мѣрѣ укрѣпленія и самоуваженія русской богословской науки, доселѣ гонимой, тѣсниной и пренебрегаемой отовсюду... Тогда она заставитъ пѣнить себя и не позволить дифамировать, будто это есть «академическая сколастика, совершенно напрасно именующая себя наукой; она—то и сбила съ толку современныхъ богослововъ», которые, будто бы, не отличаются «отъ семинаристовъ—забастовчиковъ, постановляющихъ на сходкахъ чуть ли не отрицаніе бытія Божія» (см. у архиепископа Антонія въ «Колоколѣ» № 404 за 7-е іюня 1907 г., стр. 1, стлб. 2, 3)...

³⁾ Соответственно этому были нѣсколько приспособлены и новые духовно-учебныя программы (см. выше стр. 87.).

⁴⁾ Въ «Колоколѣ» эта попытка (о которой см. въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборного Присутствія», т. IV, стр. 129. 231) рѣзко осуждалась за «скороспѣвшую реформу», какъ были возраженія противъ нея и на засѣданіяхъ V-го отдѣла (напрасно опущенные въ печатныхъ отчетахъ «берегающими свою репутацію»: ср. «Богословский Вѣстникъ» 1907 г., № 5, стр. 162), но я долженъ воздержаться отъ всякихъ приговоровъ до выясненія результатовъ ея практическаго приложенія, а пока скажу, что—принципіально—она вызывалась неотложными запросами педагогической жизни, которые «громко говорять о своей спѣшности и срочности» (см. «Колоколъ» № 364 за 13-е апрѣля 1907 г., стр. 1, стлб. 5). Впрочемъ, доселѣ ничего благоворного не видно... При этомъ и теперь несомнѣнно, что въ служебно-экономическое положеніе преподавательского персонала внесено такое глубокое разстройство, что Комитетъ доселѣ не можетъ разобраться и только запутываетъ дѣло. Такъ, сокративъ число семинарскихъ уроковъ по древнимъ языкамъ, онъ узаконилъ, чтобы при количествѣ по нимъ недѣльныхъ часовъ до 25 и выше оставались полатны и погречески два телерешине преподавателя, а при меньшемъ числѣ (хотя бы 24-хъ) правление должно выбрать одного, другой же обре-кается на переводъ въ иную Семинарію и т. п. (см. «Церковныя Вѣдомости» № 48 за 2-е декабря 1906 г., стр. 508)... Этимъ для корпорацій дана была нравственно-мучитель-

Желая съ своей стороны хоть нѣсколько поспособствовать послѣднему своими скромными познаніями, я формулирую въ заключеніе такие тезисы по отношенію къ Учебному Комитету.

1) Всего важнѣе измѣнить въ самомъ корнѣ именно строй послѣдняго, пзбавивъ его, разъ навсегда, отъ теперешняго фальшиваго и межеумочнаго положенія, при чмъ нынѣ даже не знаютъ, кто офиціально обязанъ давать разъясненія на повозлительные запросы о духовныхъ школахъ и... всѣ уклоняются. Всѣ принципіалныя соображенія и неумолимая логика «предсоборныхъ» трудовъ направляютъ къ тому, чтобы Комитетъ былъ непосредственно подчиненъ Св. Синоду. Если же сего нельзѧ дости-гнуть, пусть данное учрежденіе—даже на правахъ «канцеляріи»—будетъ въ полномъ вѣдѣніи Оберъ-Прокурора, всецѣло и во всемъ отвѣтственного за духовно-учебное дѣло предъ синодскою властю. Это будетъ ипачть не лучше настоящаго, но за-то устранитъ вредную игру формулой «divide et impera», - и тогда комитетская работа пойдетъ, по крайней мѣрѣ, упо-радоченнѣе. Такова «главизна» центральнаго духовно-учебного «спасенія». Съ нея нужно начать и къ ней свести всѣ реформы Учебнаго Комитета.

2) Ученую часть его необходимо выдѣлить совершенно и организовать особо—въ связи съ нѣкоторыми указаніями академическихъ со-вѣтовъ (напр., Казанской Академіи по непечатному проекту ея Устава на стр. 31—34 и по «своду» стр. 40, прим. 1; ср. еще выше на стр. 35) и съ аналогичными предположеніями специальнай С.-Петербургской епархіальной комиссіи (конца 1905 года) и VII-й секціи Предсоборнаго Присутствія, въ которыхъ и я участвовалъ. Предсѣдательство можетъ быть и общее, но только вполнѣ авторитетное—и оно не должно вести къ вредоносному смѣшению ученыхъ дѣлъ съ учебно-административными¹⁾. Ближайшее устройство этого учрежденія—для своей рациональности—требуетъ активной работы наиболѣе компетентныхъ специалистовъ безъ всякихъ комитетскихъ вліяній и тенденцій.

3) Самый Учебный Комитетъ долженъ быть преобразованъ въ чисто педагогически-учебный институтъ, соотвѣтственно чему необходимо измѣнить и обновить весь его составъ, чтобы въ немъ дѣйствовали истинно опытные педагоги, всецѣло посвящающіе себя этому великому служенію, а не случайно набранные Петербуржцы, удѣляющіе лишь нѣсколько отры-вочныхъ часовъ безъ систематического сосредоточенія на духовно-школь-

---

ная задача—выбросить изъ своей среды невиннаго коллегу и прогнать съ насиженіяго мѣста... Не вѣтъ, конечно, рѣшаются на такое самоистребленіе, да и самъ Комитетъ смущается предъ этою жестокостью, почему иногда дозволяется, чтобы сохранились два классика, напр., и при 23-хъ урокахъ. Отсюда новая пытка для штатнаго преподава-теля, что онъ обязывается терять изъ своего кармана до 300 руб. ежегодно, ломать весь свой жизненный укладъ и всячески себя ограничивать при прогрессивно возрас-тающей дороговизѣ, или «по закону» выживать своего товарища... Да разѣ у ду-ховно-педагогическихъ подвижниковъ было мало всякихъ мукъ, чтобы подвергать ихъ еще новымъ терапиямъ?...

¹⁾ И въ теченіи преній объ Учебномъ Комитетѣ я по данному пункту заявлялъ: «бѣда въ томъ, что охотниковъ смѣшивать несоединимое слишкомъ много, а я не изъ ихъ числа, согласно павѣтству приговору Пушкина, столь пригодному для обсуждае-мыхъ матерій—во всемъ точномъ его значеніи...»

ныхъ предметахъ, т. е. съ ущербомъ для своего прямого призванія и для комитетской плодотворности ¹⁾). Всякое совмѣстительство и здѣсь ²⁾ и въ школѣ ³⁾ нужно устраниять съ неуклонною рѣшительностю ⁴⁾; въ крайнемъ случаѣ, всѣ такія лица могутъ быть развѣ сверхштатными членами, приглашаемыми по специальнымъ вопросамъ въ качествѣ авторитетныхъ экспертовъ ⁵⁾.

4) Учебный Комитетъ долженъ освободить себя отъ всѣхъ мелкихъ дѣлъ, превращающихъ его нынѣ въ бумажно-канцелярскую машину, которая своимъ неприспособленнымъ вмѣшательствомъ безусловно тормозитъ развитіе мѣстныхъ педагогическихъ силъ и стѣсняетъ ихъ свободное функционированіе ⁶⁾). За нимъ пусть остаются лишь объединяющій надзоръ, регулирующее руководство и высшее согласованіе удостовѣренныхъ мѣстныхъ опытовъ и мѣроопріятій въ стройныхъ систематически-принципіальныхъ предначертаніяхъ, почерпающіхъ свою жизненность въ неизмѣнномъ соприкосновеніи съ самою школой ⁷⁾.

¹⁾ О теперешнемъ положеніи Учебного Комитета см. щінныя указанія въ «Церковномъ Вѣстнике» № 45 за 9-е ноября 1906 года, стлб. 1450—1452.

²⁾ Для предсѣдателя оно почти прямо воспрещается «Положеніемъ» отъ 14-го мая 1867 г. § 6, где читаемъ, что это лицо «можетъ въ то же время проходить одну какую-либо другую должность, если только она не соединяется съ обширными занятіями». Всегда ли было на дѣлѣ такъ, а не наоборотъ?...

³⁾ Здѣсь тоже происходитъ не мало зла отъ этого совмѣстительства, по послѣднее—за небольшими исключеніями—вызываетъ крайнюю нуждой всякаго рода и иногда, бываетъ довольно извинительно, такъ какъ нельзя же требовать отъ всѣхъ педагоговъ, чтобы они были героическими подвижниками, хотя для возможнаго приближенія къ идеалу это нынѣ у насъ почти неизбѣжно по фактическому положенію вещей... Необходимо прибавить, что въ этой области подобные явленія преслѣдовались болѣе рѣшительно. Недавно въ одномъ изъ уѣзденныхъ городовъ южной епархіи былъ, напр., такой случай: по докладу комитетскаго ревизора—преподаватели Духовнаго Училища подверглись мѣстнымъ прещеніямъ единственно за то, что безъ означенія о вели еще занятія въ отдѣлении Епархиальнаго Училища Свѣта...

⁴⁾ Свѣтскіе профессора возстаютъ даже противъ ученаго совмѣстительства (см. «Труды Высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній», Спб. 1903, вып. II, стр. 390—391; IV, стр. 203—204), а у насъ готовы объединять, что угодно, и заботятся лишь о томъ, чтобы побольше получать мазды, орденовъ и всякихъ отлічий чрезъ разныя учрежденія, напр., чрезъ Академію и чрезъ Учебный Комитетъ...

⁵⁾ Это послѣднее предполагается и §-фомъ 8 «Положенія», но мы не знаемъ, чтобы дозволенное здѣсь «приглашеніе въ Комитетъ, по мѣрѣ надобности и съ правомъ голоса, постороннихъ лицъ изъ ученыхъ и педагоговъ, какъ живущихъ въ С.-Петербургѣ, такъ и изъ иниогородныхъ въ случаѣ прибытія ихъ почему-либо въ С.-Петербургъ», практиковалось хоть сколько-нибудь систематически (см. и въ сборнике: «Духовная школа», Москва 1906, стр. 231—232)... Было даже такое синодское опредѣленіе (24 апрѣля—13-го мая 1881 года за № 845), чтобы изъ архимандритовъ, состоящихъ на службѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, тѣ, которые выезжаютъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди Слова Божія, во все время пребыванія своего въ столице участвовали въ занятіяхъ Комитета (см. въ брошюре «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ», Спб. 1907, стр. 8—9). Категорично и ясно, но... на своей памяти мы не знаемъ ни единаго случая примѣненія этого правила, а оно остается во всей обязательной силѣ... Невольно приходитъ въ голову знаменитое изреченіе Петра в.: зачѣмъ и законы писать, коли ихъ не исполнять?...

⁶⁾ Я высказывалъ это и на засѣданіи V-го «предсоборнаго» отдѣла 9-го декабря 1906 г., при чемъ констатировалъ слѣдующее: начиная съ 1884 года, Учебный Комитетъ походилъ на паутину, куда усердно ловилъ всѣхъ педагогическихъ мухъ, букашекъ и таракашекъ, но... съ результатомъ понятымъ, извѣстнымъ и неизбѣжнымъ: при всякомъ оцѣживаніи комаровъ и проглатываніи верблюдовъ...

⁷⁾ Въ этихъ интересахъ я всячески поддерживаю мысль о специальнѣо-педагогич-

5) Для сего слѣдуетъ передать всѣ частные вопросы на мѣста, чтобы они рѣшались тамъ по всѣмъ сторонамъ духовно-педагогического дѣла въ духѣ принятыхъ общихъ началъ и подъ контролемъ епархіальныхъ Преосвященныхъ¹⁾; въ этихъ интересахъ необходимо узаконить периодическое объединеніе педагогическихъ тружениковъ по епархіальнымъ округамъ и вообще предоставить мѣстнымъ школамъ больше инициативы по возбужденію, разработкѣ и осуществлению всѣхъ учебно-воспитательныхъ и даже административныхъ вопросовъ, хотя бы и съ обязательствомъ испрашивать санкцію у высшаго правительства для примѣненія своихъ рѣшеній. Распоряженіе положенными финансами средствами для хозяйственныхъ и учебно-педагогическихъ надобностей должно быть контролируемо свыше, но ни въ какомъ случаѣ не предосхищаемо и не стѣсняемо центральною властію²⁾; такъ, напр., разсылка книгъ по

сколь комитетскому журналу. Хорошо было бы, чтобы Учебный Комитетъ собиралъ материалъ на мѣстахъ и постоянно дѣлился этими свѣдѣніями въ своемъ изданіи. Мечту о специальному педагогическому органѣ нахожу весьма симпатично и только желаю, чтобы она осуществилась скорѣе самыи плодотворнымъ образомъ, дабы вся православная Россія имѣла предъ собоюѣ вѣрное отраженіе и систематическое освѣщеніе своей духовной школы. Справедливо вѣдь сказано, что вопросъ о постѣдней есть наиболѣе важный во всей церковной реформѣ (Евсевій Владивостокскій въ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ», т. IV, стр. 152) и что отъ недостатка просвѣщеній обязательно страдаетъ и приходская жизнь (Аркадій, бывшій Рязанскій, ibid. III, стр. 383). Это—святая истина, и лишь одинъ Преосвященный выразилъ удивительную мысль, будто у необразованныхъ настоителей лучше и приходы и монастыри (Никонъ, бывшій Владимірскій, ibid. I, стр. 226)... Тутъ что-то гдѣ-нибудь неладно. Во всякомъ случаѣ духовной ли школѣ не имѣть своего журнала и для него ли жалѣть коніекъ синодскимъ финансистамъ, которые своимъ высокимъ чинамъ выдаются по 3.000 рублей для перехода съ квартиры на квартиру въ городѣ С.-Петербургѣ?... Задумывались ли они надъ этимъ?

Долженъ сказать, что провинциальные педагоги чрезвычайно боятся этого контrollа—не безъ причины и не по свой винѣ. Административное вмѣшательство мѣстной епархіальной власти часто ложится тяжелымъ гнетомъ на школы и стѣсняетъ самыи полезныи мѣропріятія (ср. выше стр. 143,а), но это же не рѣдко бываетъ и въ чисто педагогической сфере. Такъ, въ отдаленномъ Училищѣ Европейской Россіи тамошній Преосвѣщенный недавно нашелъ въ ученическій тетрадкѣ фразу: «Кто вездѣ, тотъ пигдѣ» (т. е. въ частности не заключенъ въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ) и начерталъ слѣдующую классическую резолюцію: «Мысли нечестивыя, противная христіанскому учению о Вездѣсущемъ Богомъ. Откуда у ученика II кл(асса) могла явиться такая хульная фраза?»! Возникъ цѣлый формальный процессъ, при чемъ открылось, что этотъ примѣръ въ диктанѣ на грамматическая правила правоиспользованія нарѣчій «мѣста» и «времени» взяты изъ послания, одобренного Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ... Не странно ли, что затѣвалось официальное обвиненіе въ ереси изъ-за ученической диктовки второклассника 10—12-ти лѣтъ?... Miracula et miranda... Все это и многое подобное крайне прискорбно и вызываетъ естественные опасенія провинциальныхъ педагогическихъ силъ, но существующіе порядки по этой части непремѣнно должны измѣниться самыи радикальнымъ образомъ,—и тогда не будетъ мѣста для такихъ аномалий и абсурдовъ. Пока же требуется очень немногое. Синодскимъ опредѣленіемъ (отъ 16-го августа 1906 года) «разрѣшено Правленіямъ Духовныхъ Училищъ ходатайствовать предъ епархіальными Преосвѣщеннымъ о представлении неутвержденныхъ имъ журналовъ на разсмотрѣніе Святѣшаго Сѵнода». Достаточно узаконить, чтобы корпораціи и педагоги «имѣли право сами» апеллировать къ центральной власти,—и они будутъ удовлетворены: ибо теперь архіереи не любятъ пропускать такія «ходатайства» и за вынужденную настойчивость воздвигаютъ криминальные обвиенія противъ смѣльчаковъ, грозя имъ переводами и всякими иными прещеніями...

2) Въ этомъ отношеніи, можетъ быть, еще интереснѣе было бы позондировать Училищный Советъ при Св. Синодѣ, гдѣ существуетъ даже особая «издательская комиссія», о чёмъ ходитъ много разныхъ слуховъ, но не сообщено пока точныхъ фактovъ...

петербургскимъ велѣніямъ можетъ быть дочущена лишь на особыя сверхсмѣтныя суммы, а не въ счетъ ассигнованныхъ библіотечныхъ средствъ, обычно истощаемыхъ самыми нерациональными образомъ (см. выше стр. 94—95).

6) Принятая нынѣ ревизія нужно совсѣмъ упразднить и замѣнить систематическими и періодическими обзорами по извѣстнымъ школьнамъ районамъ—за исключеніемъ непредвидѣнныхъ и экстраординарныхъ случаевъ, требующихъ немедленного вмѣшательства; результаты этихъ обозрѣній должны объединяться въ согласованное цѣлое центральнымъ совокупнымъ разумомъ всего Комитета при обязательномъ активномъ соображеніи компетентнаго представительства отъ провинціальныхъ педагогическихъ корпорацій, — хотя бы по иѣскольку членовъ отъ каждого школьнаго округа.

7) Единственный новѣйшій опытъ привлеченія къ центральной работе и мѣстныхъ педагогическихъ силъ (см. выше стр. 144) слѣдуетъ сдѣлать періодически-normalнымъ, дабы верховная начинанія всегда и методически повѣрялись, освѣжались и приспособлялись къ живымъ школьнамъ потребностямъ по реально-непосредственнымъ указаніямъ педагогического опыта, который чрезъ это самъ будетъ контролироваться безошибочно со стороны его крѣпнущей плодотворности или коченѣющей бесплодности.

Этимъ путемъ самъ Учебный Комитетъ пріобрѣтетъ натуральную независимость, освободившись отъ современнаго бюрократического подчиненія и сдѣлавшись жизненнымъ органомъ Св. Синода, гдѣ непосредственно должны разматриваться и утверждаться всѣ его принципіальные решенія. Комитетская самобытность будетъ оправдываться и ограждаться неустранимымъ фактомъ normalной педагогической жизни, а эта жизнь станетъ тогда свѣтомъ истиннымъ всему нашему духовному юношеству, спасительнымъ для всякаго питомца, выходящаго въ міръ «на дѣло свое и на дѣланіе до вечера» къ торжеству Церкви Христовой и къ пользѣ православнаго Русскаго государства.

